

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

ЦЕНТР ЧАСТНОПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КАФЕДРА АДВОКАТУРЫ

**Общество, право, личность:
вопросы взаимодействия
в современном мире**

Сборник статей международной научно-практической заочной конференции
г. Минск, 10–15 января 2015 г.

Минск
Международный университет «МИТСО»
2015

УДК 340.1
ББК 67.0
О 28

Редакционный совет:

Вабищевич С. С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Государственного федерального бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный социальный университет», филиал в г. Минске;

Витушко В. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры адвокатуры Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;

Маньковский И. А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (гл. ред.);

Матвийчук С.Б., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры адвокатуры Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;

Минько Н.С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;

Чердниченко О.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»

О 28 Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.-практ. заоч. конф., Минск, 10–15 янв. 2015 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2015. – 180 с.
ISBN 978-985-497-275-6.

В издании представлены научные статьи, освещающие проблемные вопросы взаимодействия субъектов правовой системы в современном обществе в ходе участия в различных группах общественных отношений.

Адресовано научным работникам, преподавателям, студентам магистратуры и студентам, интересующимся современным состоянием и перспективами развития современного общества в контексте правового регулирования общественных отношений.

УДК 340.1
ББК 67.0

ISBN 978-985-497-275-6

© Международный университет «МИТСО», 2015

Научное издание

**Общество, право, личность:
вопросы взаимодействия в современном мире**

Сборник статей международной научно-практической заочной конференции
г. Минск, 10–15 января 2015 г.

Ответственный за выпуск И. А. Маньковский
Подготовка оригинал-макета И. А. Маньковский

Подписано в печать 18.02.2015.
Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,93. Уч.-изд. л. 25,45.
Тираж 100 экз. Заказ №

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий от 02.09.2014 г. № 1/423.

Отпечатано в ПДУП «Типография Федерации профсоюзов Беларуси».
г. Минск, пл. Свободы, 23/90.
ЛП № 02330/54 от 12.08.2013.

РАЗДЕЛ I АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ФРАНЧАЙЗИНГА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Абдурахманова Тахмина Джамолиддиновна, преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения Российско-Таджикского (славянского) университета, г. Душанбе

С приобретением независимости Таджикистан переходит к новым рыночным отношениям, в связи с чем появляются новые, ранее неизвестные методы осуществления предпринимательской деятельности. Одним из методов осуществления предпринимательской деятельности является франчайзинг, который в последние годы активно проникает в экономику страны. Что же представляет собой франчайзинг? Слово «франчайзинг» происходит от французского *franchir*, которое означает «освободить». На сегодняшний день термин «франчайзинг» ученые излагают по-разному. Франчайзинг пришел с Запада, если обратиться к истории, то можно привести много примеров предпринимательской практики, которые напоминают франчайзинг. Впервые франчайзинг появился в XIX в., сущность которого заключалась в предоставлении властями права на торговлю спиртными напитками владельцам постоянных дворов только по специальной лицензии. Вместе с тем большинство владельцев не имели достаточных средств для оплаты лицензии, поэтому данную систему использовали пивовары: предоставляя владельцам постоянных дворов заем, они получали взамен рынок сбыта для своей продукции. Во второй половине XIX в. в Америке появился первый франшизодатель – фабрика «Зингер» (основана в 1851 г.). Сервисное обслуживание швейных машин в одном месте оказалось невыгодным, поэтому и была создана система, которая предоставляла финансово независимым компаниям исключительные права продавать и обслуживать швейные машины на определенной территории. Именно фирма изобретателя Исаака Зингера с 1853 г. стала взимать плату с розничных торговцев (франшизополучателей) зингеровских изделий за предоставляемое им (пользователям франшизы) право продавать продукцию правообладателя (швейные машинки) и обслуживать конечных потребителей (домохозяйки) на всей территории США. Как верно указывают С. А. Сосна и Е. Н. Васильева, «эти первые франшизы по своей сути были действующими дистрибьюторскими соглашениями с дополнительными обязанностями франчайзи (дилера) обслуживать машины по требованию покупателей» [3].

Международная ассоциация франчайзинга дает франчайзингу следующее определение. Франчайзинг (*franchise operation*) – это контрактные взаимоотношения между франчайзером и предприятием-оператором, в рамках которых франчайзер предлагает или обязуется поддерживать такие области функционирования предприятия, как ноу-хау и обучение; при этом оператор ведет дело, используя общую торговую марку и технологию, владельцем которых является франчайзер, он же и контролирует их, и при этом оператор инвестирует существенную долю предприятия за счет собственных средств. Существует также определение франчайзинга, данное Британской ассоциацией франчайзинга (БАФ). Франчайзинг – это контрактная лицензия, предоставленная одним лицом (франчайзером) другому (предпринимателю), которая: а) позволяет или требует от предпринимателя вести определенный бизнес в течение срока контракта о льготном предпринимательстве под именем или используя имя, принадлежащее или ассоциируемое с головной фирмой; б) обязывает головную фирму осуществлять постоянный контроль на весь период соглашения за тем, как оператор ведет бизнес, который является объектом системы франчайзинга; в) обязывает головную фирму обеспечить оператора поддержкой в ведении бизнеса, который является объектом франчайзинга (в области организации льготного предпринимательства, обучения персонала, сбыта, управления и т. д.); г) требует, чтобы оператор регулярно в период действия соглашения выплачивал головной фирме все оговоренные в контракте платежи: и одновременно первоначальную оплату за право участвовать на рынке от ее имени, и фиксированные текущие платежи и отчисления.

Учитывая приведенные выше характеристики и определения понятия франчайзинга, на первый взгляд становится очевидным, что понятие «франчайзинг» совпадает с понятием «коммерческая концессия». Однако для более подробного изучения понятия «франчайзинг» в международном понимании полезным будет изучить классификацию франчайзинга, приведенную в работе Дональда и Патрика Бороjana «Преимущества франчайзинга». Указанные авторы выделяют три вида франчайзинга: товарный франчайзинг, франчайзинг бизнес-формата и конверсионный франчайзинг [2]. Рассмотрим их более подробно.

1. Товарный франчайзинг. Первой организацией, использовавшей товарный франчайзинг в его классической форме, стала компания швейных машин Зингера. В 1850-х гг. Зингер организовал сеть продавцов-дилеров, которые платили Зингеру за право распространять швейные машины Зингера на определенной территории. Организации в сфере автомобильной, топливной промышленности и производители безалкогольных напитков обратились к товарному франчайзингу в конце XIX – начале XX в., поскольку нуждались в каналах распространения собственной продукции. Они не могли себе позволить приобретать и строить производственные здания, нанимать персонал, обеспечивать доставку продукции на дальние расстояния, приобретать торговое оборудование. Вместо этого они продавали франшизы людям, которые желали взять на себя ответственность – финансовую и управленческую – по созданию сетей сбыта их продукции. Такие франшизы (предоставляющие исключительное право продавать продукцию на определенной территории или в определенном месторасположении) успешно стимулировали рост сетей сбыта. Таким образом, товарный франчайзинг – это способ осуществления предпринимательской деятельности, в рамках которого одна сторона предоставляет другой стороне исключительное право на распро-

странение своей продукции на определенной территории. Товарный франчайзинг являлся первым возникшим видом франчайзинга.

2. По окончании Второй мировой войны франчайзинг эволюционировал: вместо ориентации на конкретный продукт возникла ориентация на способ обслуживания клиентов. Вместо обычного предоставления права распространять или продавать продукт на определенной территории франчайзеры бизнес-формата продавали право адаптировать всю систему ведения бизнеса (бизнес-концепцию), начиная с вывески и рекламы и заканчивая рецептами и униформой персонала. Часто такие права приобретали и лица, ранее не имевшие опыта в бизнесе. Несмотря на то что некоторые франчайзеры бизнес-формата требовали от своих франчайзи приобретать у них определенные товары и комплектующие, основным источником дохода для них стала продажа их собственной проверенной системы ведения бизнеса. Именно франчайзинг бизнес-формата был успешно использован Реєм Кроком при построении всемирно известной сети ресторанов быстрого питания «McDonalds». Как видно, в рамках франчайзинга бизнес-формата франчайзер предоставляет франчайзи не только и не столько право продавать (распространять) определенный товар (услуги), сколько предоставляет ему право использовать в своей деятельности разработанную и апробированную франчайзером систему ведения бизнеса, средства индивидуализации субъектов предпринимательской деятельности, товаров, работ и услуг, а также осуществляет текущую поддержку пользователя и осуществляет контроль за пользователем. Франчайзинг бизнес-формата характеризуется наличием непрерывных взаимоотношений в сфере бизнеса между франчайзером и франчайзи, которые включают в себя не только предоставление товаров, услуг и товарного знака, но еще и собственного определенного формата ведения бизнеса, включающего маркетинговую стратегию и план, программу обучения, инструкции и стандарты, контроль качества и поддержание постоянных двусторонних связей. Франчайзинг бизнес-формата обучает франчайзи, как преуспеть в бизнесе.

3. Третий и возникший значительно позже остальных видов франчайзинга – конверсионный франчайзинг. Данный вид франчайзинга появился в конце 1970-х гг. Его сущность вытекает из названия «конверсионный» – франчайзи преобразовываются (конвертируются) из независимых предприятий либо небольших сетей в единую линию бизнеса франчайзера. Данный вид франчайзинга успешно проявил себя в двух видах предпринимательской деятельности: торговля недвижимостью и домашний дизайн, ремонт. В рамках данного вида предприятия объединяются под единым именем и используют единую рекламную политику, программы обучения. При более пристальном изучении франчайзинга на примере приведенной выше классификации становится очевидным, что утверждения отдельных авторов о том, что понятие «франчайзинг» по своему смысловому содержанию шире понятия «коммерческая концессия», имеют под собой серьезные основания.

Представляется, что понятие «коммерческая концессия» является синонимом понятия «франчайзинг бизнес-формата», но с определенными оговорками: в настоящее время договором коммерческой концессии признается лишь договор, в соответствии с которым передаются права на использование следующих объектов: право на фирменное наименование и (или) коммерческое обозначение и охраняемая коммерческая информация.

Таким образом, понятия «франчайзинг» (в общемировом понимании) и «коммерческая концессия» (в определении, вытекающим из норм ГК РФ, РТ) соотносятся соответственно как родовое и видовое. Проще говоря, всякая коммерческая концессия – франчайзинг, но не каждый случай использования франчайзинга – коммерческая концессия. Так, например, товарный франчайзинг как способ осуществления предпринимательской деятельности может быть опосредован договором поставки с особыми условиями, а конверсионный франчайзинг – лицензионным договором об использовании товарного знака и договором о совместной деятельности. В свете этого представляются несостоятельными предложения некоторых авторов назвать главы 54 ГК РФ и 49 ГК РТ «Франчайзинг», а не «Коммерческая концессия», или поставить знак равенства между франчайзингом и коммерческой концессией и серьезно переработать гл. 54 ГК РФ и 49 ГК РТ.

Список использованных источников

1. Purvin, Jr. RL. Fraud en las franquicias / Jr. RL. Purvin. – México : CESCO, 1995. – P. 49–55.
2. Бороян, Д. Преимущество франчайзинга / Д. Бороян, П. Бороян // Prism Creative Groups. – Чикаго, 1987.
3. Сосна, С. А. Франчайзинг. Коммерческая концессия / С. А. Сосна, Е. Н. Васильева. – М. : Академкнига, 2005. – С. 16.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Вабищевич Светлана Степановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса филиала Российского государственного социального университета в г. Минске

Даже самый поверхностный взгляд на современную литературу, в которой затрагивается вынесенная в заглавие проблема, свидетельствует о преобладании тенденции к воспроизведению подходов, изложенных в советских работах, но на основании иной, разумеется, несколько деидеологизированной аргументации. Безусловно, не вызывают возражений предложения представителей общетеоретической и конституционно-правовой наук об обусловленности проблемного характера единства прав и обязанностей более выраженным философским аспектом такого единства [10, с. 19] либо о выражении в тезисе «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» «начал равенства и социальной справедливости» [14, с. 23], так же как и не вызывает сомнений тот факт, что изменение

социального строя, структуры общества, системы права в целом не влечет отнесение данного тезиса к теоретически и практически неактуальному прошлому. Проблема, на наш взгляд, связана даже не столько с инертным воспроизведением смысла процитированных выше утверждений типа «права и обязанности являются парными юридическими категориями, находящимися в постоянном взаимодействии», которое включает в себя «их единство... корреспондирование и сочетание»; «...только совместное исследование этих феноменов позволяет выявить их общие черты, особенности, взаимодействие, определить место в системе правового регулирования» [13, с. 8, 11], сколько с безусловным, не предполагающим исключений, перенесением «забытой» [12, с. 5] идеи о неразрывной *двусторонней* связи субъективного права и юридической обязанности в учебные и научные работы по гражданскому праву – «право и юридическая обязанность – такие противоположности, которые вне единства (конституционных, общих, общерегулятивных, конкретных правоотношений) как социальные и юридические явления не существуют» [2, с. 8]. В свою очередь, существование норм права, имеющих одновременно возможный и должный характер, создает объективные предпосылки для утверждений о возможности совпадения прав и обязанностей, например, родителей, опекунов (попечителей) [9, с. 335], коммерческой организации – стороны публичного договора [6, с. 53] и т. д.

Достаточно очевидно, что, невзирая на хоть и немногочисленные, но все же имевшие место в различные периоды точки зрения о возможности существования юридической обязанности без субъективного права, данная возможность не стала объектом самостоятельного анализа ввиду упорного отрицания самостоятельности категории «юридическая обязанность» и сведения последней к антиподу субъективного права. Такая ситуация в юридической науке также во многом объясняется состоянием общего учения о правоотношении.

В настоящее время тезис об односторонне необходимом характере связи (единства) субъективного права и юридической обязанности нашел обоснование в работах В. А. Белова и А. Б. Бабаева, в свою очередь, снова придало актуальность обозначенному А. Г. Певзнером вопросу о существовании правоотношений с иным, нежели субъективные права + юридические обязанности, содержанием. В учебнике по гражданскому праву 2002–2004 гг. [3, с. 204–207] и совместном очерке цивилисты, так же как и А. Г. Певзнер в статье 1958 г. [11], дали положительный ответ на этот вопрос, дополнительно указав на существование в рамках понятия о правоотношении правовых связей, отличных от связи «субъективное право – юридическая обязанность», например таких, как «интерес + юридическая обязанность», «право ожидания + юридическая обязанность», «ожидаемое (будущее) право + существующая юридическая обязанность» [8, с. 252].

В учебнике 2011 г. В. А. Белов, пересмотрев свою точку зрения, в качестве обязательных элементов всякого правоотношения называет субъективное право и юридическую обязанность, которая не является единственным средством обеспечения субъективного права. Теоретическим обоснованием правильности такого взгляда ученый считает узкую трактовку правоотношения и предлагает обозначать широкое понимание правоотношения термином «гражданско-правовая форма», в различных вариантах которой существуют и реализуются все другие, кроме субъективного права, виды юридических возможностей (гражданская правосубъектность, секундарные права, охраняемые законом интересы и т. д.). В числе иных, кроме юридической обязанности, средств обеспечения субъективного права называется состояние бесправия (неправа), соответственно, в содержание всякого гражданского правоотношения В. А. Белов включает «*минимум* (курсив наш. – С. В.) три элемента: 1) субъективное право определенного лица – управомоченного, 2) состояние бесправия всякого и каждого, исключая управомоченного и 3) обязанность определенного лица или лиц, иных, чем лицо управомоченное» [3, с. 391–393]. Соответственно, в рамках одного и того же правоотношения абсолютное право обеспечивается состоянием бесправия всех и каждого, а обязанностью обеспечивается имеющее второстепенное значение правомочие требования «обладателя абсолютного права к конкретным лицам об их воздержании от таких конкретных действий, которые, будучи совершенными, составят нарушение его абсолютного права», например от действий, подготовку к совершению которых или покушение на которые наблюдает управомоченный [4, с. 407–408]. Но при таком решении вопроса состояние бесправия, обеспечивающее, в частности, абсолютное право собственности, возникает из одного юридического факта, например добросовестного приобретения, а обязанность появляется по причине совершения действий, создающих предпосылки нарушения такого права, что фактически признается самим ученым [4, с. 408].

Даже если отталкиваться от того общетеоретического соображения, что правовое регулирование предопределено не только актуальным и активным взаимодействием участников общественных отношений, но и необходимостью установить правила формирования и развития будущих отношений, создавая тем самым правоотношения, когда такого взаимодействия еще нет [4, с. 20], открытым остается тот же вопрос: обязанность каких лиц соответствует обладателю абсолютного права, если попытку посягнуть на его никто не предпринимает? И еще: если покушение на абсолютное право совершено, правомочие требования обладателя абсолютного права реализуется в рамках того же правоотношения или возникшего в этой связи нового? Если такое покушение не совершено, то входит ли обязанность *конкретных лиц* в состав соответствующего правоотношения?

Как видим, интересующая нас проблема взаимосвязи субъективного права и юридической обязанности во многом связана с еще более сложной и объемной проблемой содержания правоотношения, а точнее – с проблемой существования абсолютных правоотношений, которая выходит за пределы настоящей работы и требует самостоятельного детального рассмотрения. Здесь лишь отметим, что, заменив «всеобщую обязанность» [7, с. 38] или «неопределенность состава обязанных субъектов, связанных долженствованием воздерживаться от посягательств на объект субъективного права» [1, с. 115] на неопределенность лиц, состояние бесправия которых обеспечивает возможности «удовлетворения интереса управомоченного лица своими собственными активными фактическими действиями», то есть сохраняя неопределенность пассивной стороны, и добавив обязанность (обеспечивающую

требование второстепенного значения) конкретных лиц воздерживаться от совершения действий, способных нарушить субъективное право [4, с. 407], в ситуации с абсолютным правоотношением мы все равно сталкиваемся с необходимостью разрешения сформулированных выше вопросов. Кроме того, возникает еще один вопрос: какие новые закономерности открываются благодаря такому подходу? Неслучайно В. А. Белов приходит к выводу, что «конструкция абсолютных правоотношений имеет смысл лишь в качестве антипода относительных правоотношений, но *сама по себе* никакой познавательной функции не выполняет» [8, с. 258].

Таким образом, в настоящее время вопрос о характере взаимосвязи субъективного права и юридической обязанности выходит далеко за пределы сформулированного советской юридической наукой принципа единства прав и обязанностей и, как и применительно к советской науке, состоит в следующем: «субъективное право и юридическая обязанность связаны неразрывно» или «субъективное право и юридическая обязанность сосуществуют только в рамках правоотношения»? Его решение в рамках современной теоретической юриспруденции предполагает существование конвенционально принятого подхода к сущности [5], содержанию и классификации правоотношения, иными словами, связано с вопросом построения юридических конструкций. В то же время решение такого вопроса предопределяет целый ряд практически значимых выводов о средствах обеспечения субъективных прав как разновидности юридических возможностей. Не только для практики, но и для развития положительного права и науки имеет значение заслуживающий самостоятельного адекватного времени анализа вопрос о возможности и реальности содержательного совпадения субъективного права и юридической обязанности.

Список использованных источников

1. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в социалистическом обществе / Н. Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1955. – 175 с.
2. Бабаков, В. А. Гражданская процессуальная обязанность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. А. Бабаков ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 1999. – 22 с.
3. Белов, В. А. Гражданское право. Общая и Особенная части : учебник / В. А. Белов. – М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 960 с.
4. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник / В. А. Белов. – М. : Изд-во «Юрайт», 2011. – Т. 1 : Введение в гражданское право. – 521 с.
5. Вабищевич, С. С. Категория «гражданское правоотношение»: проблемы генезиса и современного понимания / С. С. Вабищевич // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО», Центр частноправовых исслед. ; науч.-ред. совет : Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск, 2014. – Вып. 3. – С. 77–85.
6. Витушко, В. А. Юридические понятия: теоретико-прикладные аспекты / В. А. Витушко // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО», Центр частноправовых исслед. ; науч.-ред. совет : Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск, 2013. – Вып. 2. – С. 29–65.
7. Генкин, Д. М. Право собственности в СССР / Д. М. Генкин. – М. : Госюриздат, 1961. – 223 с.
8. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / А. Б. Бабаев [и др.] ; под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
9. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Е. С. Гетман [и др.] ; под общ. ред. П. В. Крашенинникова, П. И. Седугина. – М. : Норма, Инфра-М, 1997. – 384 с.
10. Коршунова, И. В. Обязанность как правовая категория : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. В. Коршунова ; Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. – Абакан, 2004. – 27 с.
11. Певзнер, А. Г. Понятие гражданского правоотношения и некоторые вопросы теории субъективных гражданских прав / А. Г. Певзнер // Ученые зап. ВЮЗИ. – Вып. 5: Вопросы гражданского права. – М., 1958. – С. 3–34.
12. Провальский, А. А. Механизм возникновения и реализации гражданско-правовых обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Провальский ; Моск. акад. экономики и права. – М., 2007. – 21 с.
13. Рудаков, А. А. Права и обязанности как парные категории (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Рудаков ; Красноярский гос. ун-т. – Красноярск, 2006. – 29 с.
14. Хохлова, Е. М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. М. Хохлова ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2008. – 26 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Витушко Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО», г. Минск

Понятие объектов гражданских прав и правоотношений законодательно не закреплено. Кроме того, понятие объектов гражданских прав не отождествлено и не отграничено от понятия объектов гражданских правоотношений. Подраздел 3 раздела 1 ГК Беларуси и ГК России оперируют категорией «объекты гражданских прав». В классической цивилистической литературе при описании соответствующих вопросов используется категория «объекты гражданских правоотношений» [1, с. 128, 393; 2, с. 86]. При этом предполагается, либо что категория объекта гражданских прав и категория объектов гражданских правоотношений совпадают [1, с. 393], либо что собственное поведение субъектов правоотношений по поводу благ образует объект правоотношений, а их взаимодействие – содержание правоотношения [2, с. 87]. В последнем случае уточняется, что обычно под объектом правоотношения понимается то, на что правоотношение направлено. Кроме того, объектом гражданского правоотношения выступает поведение его субъектов. А с учетом дополнительных пояснений [2, с. 222] под объектами гражданских прав понимаются материальные и духовные (нематериальные) блага, по поводу которых субъекты вступают между собой в правовые отношения. Таким образом, и здесь нет четкого разграничения категорий объектов гражданских прав и правоотношений и не дано их понятий, включая содержащиеся в дефиниции или отдельно универсальные признаки всех объектов гражданских прав и правоотношений. В иной литературе по данным вопросам пестрит разнообразие авторских творческих результатов, разбор которых не представляет интереса для данной статьи.

Анализируя законодательство и практику применения категорий объектов гражданских прав и объектов гражданских правоотношений, следует отметить, что субъекты гражданского права могут самостоятельно и обособленно использовать объекты гражданских прав, не участвуя с ними в гражданских правоотношениях, не взаимодействуя с другими субъектами гражданских прав. Например, субъекты прав собственности традиционно считаются лицами, способными и правомочными самостоятельно осуществлять свое право собственности, непосредственно воздействуя на вещь. Так, на уровне правомерного ведения нетоварного хозяйства (личного подсобного хозяйства, садоводства и огородничества без цели продажи выращенной продукции) граждане самостоятельно владеют, пользуются и распоряжаются своим имуществом, осуществляют свои права собственности, не вступая ни в какие правоотношения, а тем более гражданские правоотношения товарно-денежного характера. Выращенная гражданами таким способом продукция представляет объект их личного интереса и гражданских прав. Если бы граждане вышли со своей продукцией на рынок, тогда бы они вступили с ней в гражданские правоотношения, затрагивая интересы своих контрагентов. В этом случае можно было бы говорить о продукции граждан как объекте гражданских правоотношений, а не только как объекте прав.

Кроме того, граждане вправе самостоятельно приобретать права на некоторые виды имущества, добывая общедоступные предметы в лесах, водоемах. При этом государство не отчуждает своими действиями это имущество гражданам. И граждане не вступают с государством как собственником этого имущества в гражданские правоотношения, используя публично установленный свободный режим получения таких объектов (например, любительский лов рыбы, сбор грибов, ягод и т. п.).

Еще более независимы от кого бы то ни было граждане при осуществлении самостоятельной деятельности, направленной на получение результатов интеллектуального творчества и последующее их использование в личных интересах. Создав такие объекты и придав им объективную форму, граждане приобретают на них личные неимущественные права, которые охраняются законом, но это еще не означает, что граждане намерены использовать результаты своей творческой деятельности в качестве объектов гражданских правоотношений.

В других вопросах жизнедеятельности, определяя имя своих детей, граждане также не участвуют в гражданских правоотношениях, если только не посягают при этом на имя других лиц. Присвоение родителями имени своим детям не является действием в рамках гражданского правоотношения, поскольку имя регистрируется в административном, а не гражданско-правовом порядке.

Наконец есть объекты, которые вовсе не могут быть объектами гражданских правоотношений (гражданского оборота), а являются исключительно объектами гражданских прав. Это, помимо личного имени, честь, достоинство, жизнь и др.

В рамках гражданских правоотношений его субъекты совершают определенные действия в отношении объектов прав, которые влияют на права и законные интересы других участников правоотношений. Объектами таких правоотношений лица обмениваются, совершая гражданские договоры и иные действия. Например, объекты гражданских прав по договорам мены и купли-продажи предоставляют в собственность другим лицам, а по договорам найма и ссуды передают в пользование. Это накладывает обязательства на продавцов по вопросам качества их продукции, цены и др. На объекты гражданских прав воздействуют и в рамках внедоговорных правоотношений, в частности при причинении вреда. Соответствующие действия (бездействие) субъектов гражданского права являются предметом гражданского правового регулирования.

Поэтому будет справедливо отметить, что под объектами гражданских прав принято понимать те блага, по поводу которых субъекты этих прав проявляют свой личный интерес либо вступают в соответствующие гражданские правоотношения.

Таким образом, общее и особенное в понятиях объектов прав и объектов правоотношений состоит в следующем. Во-первых, объекты прав и правоотношений вовсе не регулируются правом, регулированию подвергаются только действия (бездействия) с ними субъектов гражданского права путем установления правового режима объектов, требований к их техническому, санитарному, интеллектуальному и иному состоянию.

Во-вторых, действия субъектов подвергаются регулированию в гражданском праве только в рамках гражданских правоотношений, воздействующих на права и обязанности его контрагентов и третьих лиц, а не потому, что действия носят активный характер. Гражданское законодательство не регулирует действий субъектов гражданских прав, которые не представляют собой юридической значимости, например действий по выполнению утренней физической зарядки, совершению водных процедур и др. Право безразлично относится к осуществлению гражданами своих гражданских прав, совершению действий в отношении каких-либо объектов своих прав, если при этом не нарушается законодательство, принципы права, нет злоупотребления правами, не затрагиваются права и законные интересы других субъектов гражданского права.

В-третьих, понятие объектов гражданских прав более широкое, чем понятие объектов гражданских правоотношений, поскольку некоторые объекты гражданских прав не вовлечены в гражданские правоотношения. Как уже сказано, имя, жизнь, честь и достоинство человека – те объекты прав, которые не являются объектами правоотношений. Они не передаются другим субъектам гражданских прав. Все объекты гражданских правоотношений являются объектами гражданских прав. Но не все объекты гражданских прав являются объектами гражданских правоотношений. Иными словами, в тех случаях, когда объект прав формально не включен в сферу чужого правового интереса, тогда понятие объекта прав не связано с понятием объекта правоотношений. Если соответствующий объект прав включен в сферу гражданских прав и законных интересов других лиц, тогда данный объект становится объектом гражданских правоотношений.

Действия или бездействия субъектов гражданских прав в рамках гражданских правоотношений оказывают

воздействие на соответствующие объекты, права и законные интересы субъектов данных правоотношений. Особенно юридически значимыми являются действия при исполнении договоров, обязательств во внедоговорных гражданских правоотношениях. Такие действия подвергаются договорному гражданско-правовому саморегулированию или иному регулированию в рамках гражданского права. Так, например, по договору купли-продажи его субъекты подвергают саморегулированию определенные свои действия и требования, предъявляемые к товару, вещи, которая должна передаваться продавцом покупателю. Точно так же по договорам подряда их субъекты определяют требования к взаимным действиям, которые должны быть совершены для получения требуемого результата, являющегося объектом соответствующих гражданских правоотношений. Поскольку речь в таких случаях идет о регулировании юридических характеристик объектов, получаемых путем юридически значимого воздействия на них субъектов правоотношений, то с точки зрения методологии взаимоотношений человека и объекта его действий совокупное регулирование действий и требуемых результатов (объектов) называется предметом действия, предметом правового регулирования. Соответственно, в законодательстве и теории обязательственного права принято говорить не об объектах, а о предметах обязательств.

Предметы гражданских договоров и иных обязательств комплексные с точки зрения своего юридического содержания. Они всегда включают действия и объекты с соответствующими характеристиками. Объекты гражданских прав сложного юридического содержания не имеют. Они сложные только по своей натуральной, естественной сущности.

Кроме того, отличие понятия предмета правоотношений от объекта правоотношений в том, что предметы гражданских договорных и иных гражданских правоотношений всегда подвергаются гражданско-правовому регулированию, тогда как объекты гражданских прав и правоотношений, как уже сказано, не подвергаются такому регулированию. Это вытекает из того, что всегда регулируются действия (бездействия) в отношении объектов договорных и иных гражданских правоотношений, являющихся составной частью предмета обязательств.

Объекты гражданских прав и правоотношений имеют свои юридически значимые признаки. Признаками объектов гражданских прав и правоотношений являются: их реальность, реальная (виртуальная) принадлежность материального и нематериального блага к разряду явлений природного или социального происхождения, доступных для воздействия на них человека; родовая, видовая или индивидуальная определенность; количественно-качественная определенность; личная и (или) социальная значимость (ценность); допустимость участия в гражданско-правовом обороте и др.

Так, реальность объекта означает, что данное благо достигаемо для воздействия на него человеком любыми из известных технических, экономических, информационных и иных способов или средств. Например, помимо осязаемых вещей в гражданском обороте сегодня используются объекты виртуального мира. Воздействие человека на них возможно с помощью современных технических и информационных средств. Более того, виртуальное пространство способно заменять и дополнять традиционную сферу реального товарного оборота. Так, объем торговли в виртуальном пространстве ежегодно составляет около десяти процентов мировой торговли, и этот показатель постоянно растет. Используемые в таких сделках объекты с правовой точки зрения являются реальными. Реальность таких объектов подтверждается и соответствующими расчетами на счетах их продавцов и покупателей, влиянием этих сделок на инфляционные и иные экономические процессы в обществе.

В современном обществе, в особенности в гражданском обороте, нет явлений идеальных, нематериальных, как это представлялось в философии до середины XX в. Все материально и реально, включая духовные ценности, отраженные в произведениях литературы и искусства, технические результаты творческой деятельности. Они с той же силой, а может и большей, влияют на здоровье, права и интересы отдельного человека и всей нации, как и продукты питания, особенно с генной модификацией.

Юридическая допустимость участия благ в гражданском обороте означает, что их оборот может быть ограничен. В условиях государственного регулирования экономики в социальных интересах ограничение оборота объектов по условиям ценообразования, качества, особенностям правового статуса субъектов и другим юридическим критериям повсеместно. В современных гражданских правоотношениях нет таких объектов, которые в той или иной мере не ограничивались бы законодательством, принципами права, требованиями учета прав и законных интересов третьих лиц, учета существа соответствующих благ. Есть такие объекты, которые подвергаются ограничениям наиболее сильно. В наибольшей степени ограничиваются в обороте лекарственные наркотические вещества, иностранная валюта, оружие, коммерческая, служебная, личная и иная информация и др. Объектов, которые бы отличались режимом совершенно свободного оборота, нет. Указания в законодательстве на свободный гражданский оборот некоторых объектов правоотношений противоречат принципам права. Есть и такая группа объектов, передача которых другим лицам в гражданско-правовых целях недопустима. Они в гражданском праве считаются вовсе не оборотоспособными. К ним относятся такие блага, как личное имя физического лица, честь, достоинство и деловая репутация, право авторства на результат интеллектуальной деятельности (собственности), жизнь и право на жизнь. В некоторых странах личность не лишается права на жизнь даже в публично-правовых целях, когда смертная казнь там отменена. Не могут быть объектами гражданских правоотношений явления окружающей действительности, которые хотя и реальны, но недоступны для прямого воздействия на них человека. Так, не могут быть объектами гражданских правоотношений мысли людей, большинство космических объектов и др. Из числа космических объектов в гражданском обороте могут участвовать спутники связи, передача коммерческой информации. Для большинства других космических объектов установлен международный публично-правовой режим, а гражданский их оборот между частными лицами запрещен. Хотя уже предпринимаются меры по использованию космического пространства для туристических целей частными лицами.

Родовая, видовая и индивидуальная определенность материального и нематериального блага означает прежде всего возможность присвоения ему определенного наименования. Например, вещи именованы по своему целевому назначению на сахар, нефть, телевизор, компьютер и т. д. В этом случае можно говорить о родовом определении наименования вещи. Видовым определением вещи, например телевизора, может быть его наименование по цветности изображения. В этом случае они именованы черно-белыми и цветными. По технике производства телевизоры могут именоваться ламповыми, плазменными и др. Они же могут именоваться по модели и другим признакам. Для унификации наименований вещей существуют общегосударственные и международные товарные классификации.

Количественно-качественная определенность материального и нематериального блага означает его конкретизацию на основе соответствующих единиц измерения, стандартов качества и др. Так, количественное определение вещей и иных благ производится посредством установленных национальных и международных мер измерения. Такими мерами могут быть тонны, километры, метры квадратные и кубические, ватты, киловатты, байты, килобайты, градусы, штуки и т. д. На основе количественных и некоторых иных критериев формируется понятие делимости вещей и иных благ.

Нематериальные блага также должны быть поименованы установленным образом. Граждане обладают такими личными немущественными благами, как имя, честь, достоинство, жизнь и др. Они определяются установленным образом. Например, личное имя гражданина подлежит обязательной государственной регистрации в органах ЗАГС. При этом ч. 1 п. 1 ст. 18 ГК Беларуси определяет структуру личного имени. Честь и достоинство граждан также определяются с использованием объективных критериев, таких как законодательство, обычаи и др.

Качественная определенность благ (объектов) фиксируется техническими стандартами, экономическими характеристиками, энергетическими, санитарными, искусствоведческими и иными социальными требованиями. Для этого существует разветвленная система соответствующих национальных и международных нормативов. Наконец качественная определенность предполагает возможность использования вещи по ее функциональному назначению для целей, поставленных субъектами гражданских правоотношений. Такие цели определяются в договорах, законодательстве либо вытекают из обычаев гражданских правоотношений. Функциональность объектов означает их способность быть использованными по соответствующему социально-экономическому, техническому и иному назначению, для которого они изначально предназначены.

Социальная значимость предполагает ценность объекта хотя бы для одного лица в гражданском обороте, интересы которого заслуживают общественной охраны. Например, вещь может утратить меновую стоимость в силу ее физического и морального износа. Но для собственника или иного лица она может представлять не только экономическую, но и иную потребительскую, личную ценность. Коль скоро в данном случае речь не идет об отклонении поведения собственника от разумного, то за субъектом гражданского оборота сохраняется право на защиту своего имущественного интереса, включая права собственности на любую вещь. Так, например, бытовые отходы сегодня могут быть предметом внешнеторговых сделок, а их переработка является солидной статьей дохода некоторых стран, либо частное лицо может составить из брошенных вещей коллекцию определенной ценности. Современное законодательство учитывает значимость любой вещи для личности и для этого устанавливает понятие брошенной вещи (ст. 227 ГК).

Например, акция может быть объектом правоотношения купли-продажи, а также объектом правоотношения собственности. Значит, акция может быть одновременно объектом и вещного, и обязательственного гражданских правоотношений. Она же является не только объектом прав, но и юридическим фактом как основанием других прав, например на участие в управлении эмитентом акции, на дивиденды и др.

Деньги могут рассматриваться как объект прав только тогда, когда они используются в качестве товара при обмене национальной валюты на иностранную валюту, в кредитных договорах и аналогичных правоотношениях. Основное назначение денег – выполнять функции средства платежа, эквивалента всего другого имущества в гражданском обороте. Таким образом, в современном гражданском праве объекты гражданских прав и правоотношений по своей юридической природе могут иметь многофункциональное назначение. Это требует индивидуальных подходов к объектам гражданских прав при соответствующем их функциональном использовании. Одновременно каждый из объектов прав, включая акции и деньги, имеет свое универсальное правовое регулирование. Многофункциональность объектов, возможность применения к ним общих (универсальных) и специальных норм определяют комплексность их правового режима.

Кроме того, все объекты гражданских правоотношений, участвующие в эквивалентном обмене на деньги или иные блага, могут рассматриваться как товары. Соответственно, все они могут регулироваться еще более универсальными, то есть едиными для всех товаров нормами с учетом специального законодательства и существа каждого из этих объектов правоотношений. Так, вещи, деньги, акции и имущественные права могут подвергаться единому регулированию в рамках договора купли-продажи (ст. 424 ГК).

Все объекты гражданских прав имеют одновременно и имущественную, и неимущественную ценность. Такую оценку дает своему имуществу всякий собственник. Алмазы и бриллианты, например, имеют и товарную, и культурную ценность. В современном бухгалтерском учете производственное оборудование учитывается с точки зрения как его физического, так и морального износа, что сказывается на возможности его эффективного использования в процессе производства, денежной оценки. Объекты авторских прав также имеют интеллектуальную личную неимущественную и товарно-денежную имущественную ценность. На этой основе к различным объектам гражданских прав могут применяться нормы и об имуществе, и о личных неимущественных благах.

Неимущественную и имущественную ценность вещь может иметь как для отдельного лица, так и для всего

общества, когда речь идет, например, о частной коллекции предметов живописи, особо ценных памятников истории, искусства и культуры. Это ведет к еще более усложненному комплексному правовому регулированию объектов гражданских прав. И это объективная реальность, требующая глубокой специализации подготовки специалистов по работе с соответствующими объектами гражданских прав.

В гражданском праве понятия субъекта и объекта правоотношения имеют обособленное определение и регулирование. При этом в научных дискуссиях многие авторы прибегают к абсолютизации такого обособления, что явно недопустимо в науке. С общенаучной точки зрения понятия субъекта и объекта всегда взаимозаменяемы в зависимости от того, какое из этих явлений ставится в положение активно воздействующего на другое, пассивное явление. Предполагается, что без такой взаимозависимости и взаимозаменяемости невозможны развитие и эволюция явлений природы и общества. В гражданском праве это означает, что субъекты прав подвергаются воздействию со стороны объектов, правовой режим которых требует от этих лиц адекватных действий в гражданском обороте. При этом под правовым режимом понимаются условия использования соответствующих объектов в гражданских правоотношениях, возможные дозволения, запреты и предписания по совершению с ними юридически значимых действий, установленные в гражданском праве.

Так, находящиеся в частной собственности и являющиеся предметами культурной ценности вещи требуют особого содержания, под угрозой принудительного изъятия у собственника (ст. 241 ГК). У собственников могут изыматься домашние животные при неадекватном поведении собственников (ст. 242 ГК). Особые правила установлены при совершении действий с иностранной валютой. Наибольшее число предписаний по совершению действий с имуществом устанавливает законодательство о предпринимательской деятельности. Здесь специальная правоспособность банков, торговых и иных лиц строго определяется видами объектов, с которыми соответствующие лица участвуют в гражданском обороте.

Некоторые объекты в силу закона не могут принадлежать отдельным субъектам, в частности оружие. Поэтому, наследуя имущество, в составе которого находится оружие, соответствующие наследники обязаны произвести отчуждение оружия. Другие объекты требуют соблюдения особых правил обращения с ними, например перевозка опасных грузов производится по специальным правилам. Для осуществления такой перевозки перевозчик должен иметь соответствующее разрешение, без которого его активность в гражданских правоотношениях по перевозке будет незаконной. С учетом указанных обстоятельств взаимозависимости субъектов и объектов правоотношений определяются гражданские права и обязанности в гражданских правоотношениях.

Субъективные права участников гражданских правоотношений всецело зависят от правового режима объектов данных отношений, а не только от активных действий субъектов этих прав. Деньги, акции, драгоценные металлы и камни можно хранить дома и в банке. Это не скажется на универсальном перечне субъективных прав собственников этого имущества.

Таким образом, активное воздействие на развитие правоотношений оказывают объекты правоотношений. А субъекты вынуждены действовать сообразно императивам правового режима объектов.

В некоторых случаях гражданское законодательство допускает полное совмещение понятий субъекта и объекта, в частности применительно к некоторым юридическим лицам. Так, унитарные предприятия отнесены к субъектам гражданских правоотношений (п. 3 ст. 1 ГК). А согласно ст. 132 ГК предприятие как имущественный комплекс отнесено к объектам гражданских правоотношений. Причем понятие предприятия как имущественного комплекса применяется не только к унитарным предприятиям, но и ко всем коммерческим юридическим лицам. Таким образом, в гражданском праве возможно юридическое и фактическое расчленение понятия юридического лица на объект и субъект правоотношения. Эта операция производится путем продажи юридическим лицом своего имущественного комплекса (объекта) другим субъектам с сохранением юридического лица продавца как субъекта правоотношения. Еще одним примером законодательного закрепления единства субъекта и объекта гражданских правоотношений является законодательство о совместном домовладении в рамках товариществ и иных некоммерческих юридических лиц. Такие юридические лица называются кондоминиумами и являются самостоятельными субъектами гражданских правоотношений. Создаются они исключительно для управления имуществом. Имуществом кондоминиумов являются нежилые помещения. Без этого имущества понятие кондоминиума не имеет правового смысла.

Проблемой правового регулирования объектов гражданских прав является и отсутствие их легальной типизации. Подраздел 3 ГК «Объекты гражданских прав» начинается с определения видов объектов (ст. 128 ГК Беларуси) и в последующем устанавливает особенности правового режима этих видов объектов. Аналогичное установлено в ст. 128 ГК России.

В число объектов гражданских прав включаются вещи (деньги, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права); нераскрытая информация; объекты интеллектуальной собственности, в том числе авторские права и права промышленной собственности; нематериальные блага; работы и услуги (ст. 128 ГК Беларуси). В ГК России перечень видов объектов прав дается в несколько ином изложении, которое не меняет сути вопроса. Кроме того, современное гражданское законодательство допускает использование в качестве объектов некоторых гражданских договорных правоотношений профессиональные знания, навыки, умения, деловую репутацию, деловые связи (ст. 912 ГК Беларуси), доменные имена, «виртуальные деньги» и другие нетрадиционные объекты гражданских правоотношений.

Однако одного видового деления объектов гражданских правоотношений явно недостаточно, поскольку всякое явление окружающей природной и социальной действительности имеет сложное строение с точки зрения своей естественной организации. Такое строение включает отдельные элементы любой осязаемой вещи вплоть до опре-

деления мельчайших ее составляющих на микроуровне. Кроме того, вещи и иные объекты гражданских прав соотносятся между собой с учетом сложной их иерархии, деления по родовым и видовым признакам. Наконец, как показано выше, объекты прав имеют многофункциональное правовое назначение.

Выделение родовых и видовых признаков вещей и иных объектов гражданских прав и правоотношений позволяет конкретизировать их гражданско-правовое регулирование. Конкретизация правового регулирования достигается за счет выделения особых индивидуальных признаков соответствующих объектов и их типов (групп). Соответствующее выделение типов объектов позволяет осуществлять типизацию (универсализацию) их правового регулирования с применением единых для них норм.

Объекты гражданских правоотношений формируются в типы (группы) по своим особым юридическим признакам. Естественные свойства объектов, как, например, осязаемость вещей, тоже имеют правовое значение. Но для права важны социально-правовые критерии определения объектов и их признаки.

Так, выделение в ст. 128 ГК вещей и их разновидностей, включая деньги, ценные бумаги, иное имущество и имущественные права, произведено сумбурно. Во-первых, не учтен осязаемый характер вещей. По этому критерию имущественные права никак не вписываются в разновидность вещей. А категория имущества, включенная в качестве иной разновидности вещей, имеет родовое значение по отношению категории вещи. Таким образом, классификация вещей в абзаце 2 ст. 128 ГК поставлена с ног на голову.

Решение проблемы возможно путем внедрения в ГК типовой группировки объектов прав. С этой целью в абзаце 2 ст. 128 ГК надо указать, что типом объектов гражданских прав является «имущество, включая вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права и иное имущество». Легализация типизации объектов гражданских прав возможна по различным направлениям и критериям.

Понятия имущества законодательством также не установлено. Наиболее широкое перечисление того, что входит в состав имущества, дается в законодательстве о предприятии как имущественном комплексе (ст. 132 ГК). Указывается, что в состав имущественного комплекса предприятия включаются все виды имущества, предназначенные для деятельности предприятия, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законодательством или договором.

Таким образом, в гражданском законодательстве к имуществу причисляются вещи, работы, услуги, имущественные права и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Исключительные права также рассматриваются как имущественные права на публичное воспроизведение и распространение результатов интеллектуальной деятельности.

Как видно из сказанного, в перечне того, что относится к имуществу, находятся как осязаемые вещи, результаты работы, так и услуги, которые не имеют осязаемых результатов, а представляют собой процесс деятельности субъектов гражданских правоотношений. Тем не менее общим для данных объектов является то, что вещи, работы и процесс оказания услуг могут быть осязаемы органами чувств человека, а также объективно оценены современными правовыми средствами.

В то же время в составе имущества находятся гражданские имущественные права, которые, как уже сказано, никак не осязаемы. Но они могут иметь товарно-денежную оценку в процессе обмена, равно как вещи, работы и услуги. Из этого следует, что единым объединяющим юридическим признаком видов имущества является их способность иметь эквивалентную меновую стоимость. В этом выражено принципиальное отличие имущества от личных неимущественных благ, которые также являются объектами гражданских прав, но не являются объектами гражданских правоотношений и всеобщего товарно-денежного обмена, о чем указывалось выше.

Наиболее специализированный правовой режим, как уже сказано, у имущества, используемого в предпринимательских целях. Оно подвержено специальному правовому учету и контролю как со стороны самого собственника, так и со стороны государства. Причем такой учет имущества собственником обязателен. Значит, собственник и иное лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, обязаны нести имущественные и иные затраты по надлежащему управлению своим имуществом. Для этого существует специальное бухгалтерское, налоговое и иное законодательство.

Особенностью выделения имущества в самостоятельный тип объектов гражданских прав и правоотношений является то, что все его виды могут регулироваться едиными нормами права. Так, правовое отождествление таких объектов, как вещи и имущественные права, влечет применение к вещам и иному имуществу единых норм права, допускает отождествление их правового режима. Такое объединение разнородных объектов гражданских прав производится по объективным критериям, несмотря на разграничение этих объектов в различные виды согласно ст. 128 ГК. Гражданский кодекс осознанно не ориентирован на объективность и необходимость отождествления правового регулирования различных объектов гражданских прав.

Объединение различных видов объектов прав, определенных в ст. 128 ГК, в один тип, называемый имуществом, одновременно будет указывать и на то, что один и тот же вид имущества может быть подчинен различным правовым режимам. Такое разграничение особенностей правового режима отдельных видов имущества обусловлено единством индивидуального и общего (родового, универсального) правового регулирования.

Разграничение правовых режимов отдельных видов имущества производится в зависимости от того, кому принадлежит данный вид имущества; в зависимости от видов (типов) гражданских правоотношений, в которых используется данный вид имущества; от того, для каких целей используется имущество. Например, имущество, используемое для предпринимательских целей, подвержено специальному правовому регулированию с широким

применением норм публичного права. Различается также правовой режим денег, переданных в заем, и денег, внесенных в качестве вклада при учреждении хозяйственного общества. Это свидетельствует о постоянстве и единстве процессов индивидуализации и универсализации современного правового регулирования гражданского оборота имущества. Такое единство индивидуализации и универсализации называется комплексным (континуальным) правовым регулированием.

Следующим важным направлением типизации представляется деление объектов гражданских прав на первичные и вторичные (производные). Разграничение объектов гражданских прав на первичные и вторичные (производные) ведет к удвоению, а порой и геометрическому умножению благ (объектов прав). Первичными объектами (благами) являются, в частности, имущество и те, которые традиционно называются личными неимущественными благами. Вторичными (но не менее значимыми) являются права на эти блага, поскольку права производны от материальных благ.

Материальными благами в гражданском праве являются как имущественные, так и личные неимущественные блага. Поэтому деление объектов прав (благ) на имущественные и личные неимущественные носит вспомогательный характер по отношению к их делению на первичные и вторичные. Личные неимущественные блага, как показано выше, также первичные. Соответствующая типизация личных неимущественных благ позволяет учитывать родовые особенности их общего правового режима, а также индивидуальный правовой режим отдельных видов и разновидностей личных неимущественных благ.

Указанное разграничение типов объектов гражданских правоотношений на первичные и вторичные является, по существу, удвоением числа объектов гражданских прав. Удвоение объектов прав производится на основе выделения из понятия реального (виртуального) объекта прав его юридического двойника – права на реальный (виртуальный) объект. Такое право является самостоятельным вторичным объектом гражданских правоотношений, самостоятельным объектом. Права на имущество и права на личные неимущественные блага есть вторичные объекты гражданских прав. Вторичные объекты в праве интеллектуальной собственности имеют специальное легальное название производных объектов.

Первичные личные неимущественные блага прочно связаны с их обладателями. Поэтому считается, что они непередаваемы другим лицам; не имеют товарно-денежного эквивалента; не могут быть предметом требований кредиторов; в правоотношениях с ними сроки исковой давности не применяются. К ним причисляются такие блага, как жизнь и здоровье, честь и достоинство, деловая репутация, имя, личные и профессиональные тайны, душевный покой, личный комфорт и др.

Удвоение объектов прав объективно необходимо для целей привлечения их в гражданский оборот. Использование вторичных объектов прав в качестве объектов правоотношений ведет к расширению и интенсификации гражданских правоотношений, гражданского оборота. Вторичные объекты могут служить базой для новых объектов, возникающих на их основе. Удвоение их может происходить в геометрической прогрессии. Данное обстоятельство имеет место при использовании так называемых деривативов ценных бумаг на биржах, фьючерсных договоров на перепродажу прав на партии товаров с родовыми признаками.

Разграничение понятия имущества и прав на имущество имеет важное правовое значение для целей разграничения гражданских прав нескольких лиц на одно имущество, одну вещь. Поскольку вещи и права на вещи являются самостоятельными объектами гражданских прав и правоотношений, то они могут быть юридически разъединены. Например, собственник вещи является обладателем первичного объекта, то есть самой вещи как объекта права собственности. Он же является и обладателем вторичных объектов, то есть прав владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Такой собственник может уступить некоторые или все свои права другим лицам, а именно произвести их полное (абсолютное с юридической точки зрения, то есть отчуждение на основе производных вещных прав) или частичное (относительное, обязательственное) отчуждение.

Относительное отчуждение производится при предоставлении вещи и прав по договорным основаниям. Арендодатель, являясь собственником и обладателем первичного титула на вещь, вправе передать ее в аренду другому лицу, арендатору. Арендатор, являясь фактическим и юридическим владельцем такой вещи, обладателем вторичного титула на вещь по договору найма (аренды) имущества, может получать полезные свойства вещи для своих целей (например, пользоваться жилым помещением как предметом договора найма) либо передавать это право найма на возмездной основе третьим лицам по договорам субаренды. Таким образом, вещь как первичный объект права собственности и имущественные права собственности, владения, пользования и распоряжения вещью как вторичные объекты гражданских прав разъединены и находятся у различных лиц. При этом собственник остается юридическим (титульным) владельцем и пользователем, поскольку получает в пользование арендную плату за свою вещь. Он же сохраняет за собой право собственности и правомочие распоряжения вещью. Титул арендатора здесь носит относительный характер, тогда как титул арендодателя носит абсолютный характер.

Юридически абсолютным будет отчуждение вторичных объектов прав при передаче собственником – государством или частным лицом своих имущественных прав владения, пользования и распоряжения вещью учреждаемому юридическому лицу в качестве своего взноса в уставный фонд юридического лица. Юридическое лицо в такой ситуации традиционно считается фактическим и юридическим (титульным) пользователем чужого имущества на основе приобретения вторичного (производного) титула и прав на имущество. А собственник в такой ситуации называется лицом, сохраняющим за собой абсолютное право собственности и относительное (обязательственное) право получения дохода от деятельности созданного юридического лица в счет платы за использование имущества собственника. Такое пользование собственником основывается на первичном титуле и называется в юридической литературе юридическим пользованием. Абсолютным такое отчуждение имущественных прав будет

потому, что оно носит бессрочный характер, дает право юридическому лицу владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом собственника наиболее широким образом, не предусматривая строгого перечня таких правомочий, как это делается в договорных правоотношениях. Наконец юридическое лицо защищает свои права, как и собственник, по нормам о виндикационных и негаторных исках, в том числе против собственника (ст. 286 ГК).

Вторичные объекты права, как уже сказано, могут быть основой других производных от них объектов (прав). В результате этого на одну вещь может существовать множество имущественных прав. Так, на заложенную вещь может быть право собственности государства, право хозяйственного ведения унитарного государственного предприятия, право залога и право перезалога. Такие юридические фикции не увеличивают количества вещей, предлагаемых для товарного обмена, но увеличивают количество имущества для обмена, поскольку каждое производное право имеет свою меновую стоимость, учитываемую в составе валового национального дохода. Тем самым возрастает богатство общества и отдельных обладателей таких прав. На этой основе биржевая продажа и неоднократная перепродажа фьючерсных договоров и прав, вытекающих из них, например на нефть, увеличивает объем национального имущества, участвующего в гражданском обороте. Это позволяет увеличивать денежную массу в стране не за счет роста производства, а за счет указанных спекулятивных торговых операций.

Взаимосвязь первичных и вторичных объектов гражданских прав формирует понятие комплексных объектов. Комплексными являются такие объекты, как наследственная масса, предприятия как имущественные комплексы, жилые помещения, здания и сооружения.

Жилые помещения, здания и сооружения, являясь объектами недвижимости, связанными с землей, образуют специальную группу объектов гражданских прав и правоотношений в составе имущества. Обусловлено это тем, что при продаже зданий и сооружений передаются и права на землю. Поэтому в Положении о порядке продажи жилых помещений государственного жилищного фонда на аукционе, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 ноября 2010 г. № 1695 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 26 июля 2010 г. № 388», установлено, что такое жилое помещение и право заключения договора аренды земельного участка, необходимого для обслуживания такого жилого помещения, составляют единый предмет аукциона. Единый предмет аукциона также есть комплексный объект.

Важными типами (группами) объектов гражданских прав и правоотношений являются объекты, участвующие в гражданском обороте, объекты, не участвующие в свободном гражданском обороте, и объекты, ограничиваемые в гражданском обороте, указанные выше.

Выделение группы объектов, ограничиваемых в гражданском обороте, носит релятивный характер, поскольку, как показано выше, практически все объекты, участвующие в гражданском обороте, ограничиваются в той или иной мере. А указание на возможность совершенно свободного оборота объектов в гражданских правоотношениях в редакции ст. 129 ГК вводит в заблуждение.

К объектам, участвующим в гражданском обороте, относится имущество. В этот же тип объектов могут включаться и некоторые права на объекты гражданских прав. Так, право на имя может участвовать в гражданском товарно-денежном обороте, когда физическое лицо передает это право для использования его в наименовании коммерческой организации в форме полного товарищества (п. 3 ст. 66 ГК). В коммерческой практике известны также случаи, когда физическое лицо, обладающее известным личным именем для участников гражданских правоотношений, передает на возмездной основе коммерческим организациям право использовать свое имя для маркировки и продажи собственных товаров. Кроме того, право на имя или его часть может передаваться не на коммерческой основе супругам, детям.

На товарно-денежной основе строится и проведение рекламных компаний коммерческих организаций и их товаров с применением такого личного неимущественного блага, как внешний вид, внешнее изображение физических лиц. Для этих целей используются лица из числа актеров, спортсменов и даже политиков, известных широким кругам субъектов гражданских правоотношений, гражданского оборота.

К объектам, не участвующим в гражданском обороте, относятся личные неимущественные блага, если из содержания и существа данных отношений не вытекает иного. Так, личное имя гражданина неотчуждаемо и не оборотоспособно, тогда как право на имя, как показано выше, отчуждаемо и передается другим лицам. Личное неимущественное право авторства не передается никаким другим лицам, но исключительное право публичного воспроизведения и распространения результата интеллектуальной деятельности может передаваться автором другим лицам на возмездной основе.

В гражданском обороте участвуют различные виды информации, включая личную, коммерческую и иную профессиональную тайну, причисляемую к нераскрытой информации, а также информация в составе объектов интеллектуальной собственности и др. Поэтому информация также имеет признаки типового свойства. Переименование информации с охраняемой на нераскрытую не имеет сущностного правового значения. Тем более что у партнера Беларуси по Союзному государству Беларуси и России сохраняется понятие охраняемой информации и по итогам последних изменений ГК России. В ст. 128 ГК в числе типового объекта надо указать информацию без всяких ее смысловых определений, указав лишь основные ее виды.

Работы и услуги, находясь в составе имущества, образуют самостоятельные типы объектов и могут быть сохранены в ст. 128 ГК. Могут быть сохранены и нематериальные блага.

Что касается прав на результаты интеллектуальной деятельности, указанных в абзаце 5 ст. 128 ГК, то они являются вторичными объектами гражданских прав. Первичным и единым объектом для всех этих прав является результат интеллектуальной деятельности, который носит родовой (типовой) характер для всех указанных прав. Это обстоятельство должно быть отражено в ст. 128 ГК.

Объекты гражданских прав и правоотношений могут делиться и на другие типы (группы) в силу законодательства или существа соответствующих объектов.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1.
2. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2001. – Т. 1.

ЗАЩИТА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Гладкая Екатерина Николаевна, ассистент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО», г. Минск

В теории гражданского права под термином «деловая репутация» принято понимать «положительную оценку хозяйственной (экономической) деятельности юридического лица как участника хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота, формирование и поддержание которой способствует осуществлению предпринимательской деятельности» [3, с. 6; 4, с. 5; 8, с. 7].

В результате распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, ему может быть нанесен нематериальный (репутационный) вред. Подобный вред имеет не субъективное («психическое»), а объективное содержание и заключается в отрицательной оценке третьими лицами качеств юридического лица, его услуг и (или) продукции. В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь отсутствует дефиниция понятия «репутационный вред», соответственно, нет условий и способов защиты, механизма определения его размера и взыскания. Понятие «репутационный вред» может вытекать из смысла ст. 50 Конвенции Совета Европы № 5 «О защите прав человека и основных свобод (ETS № 5)» 1950 г., которая гласит: «Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне». Данными положениями Европейский суд по правам человека обосновывает свои позиции, в частности, когда это касается возможности возмещения нематериального ущерба таким субъектам правоотношений, как юридические лица. Нужно отметить, что в ч. 2 п. 3 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 16 «О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации» (далее – постановление Пленума ВХС № 16) прямо не отрицается возможность существования репутационного вреда, в частности ч. 2 п. 3 указанного постановления гласит: «В хозяйственном суде подлежит защите деловая репутация юридического лица, в отношении которого распространены порочащие его, не соответствующие действительности сведения, независимо от того, послужили ли эти сведения сокращению круга деловых партнеров, сужению рынка предложения или сбыта качественных товаров (работ, услуг), производимых этим юридическим лицом». В соответствии с разъяснениями, изложенными в постановлении Пленума ВХС № 16, дело о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности может быть возбуждено лишь по заявлению заинтересованного лица и рассматривается только в отношении заявленных требований. Истец обязан доказать лишь сам факт распространения сведений, порочащих его деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности. Наряду с этим истец вправе представлять доказательства несоответствия действительности распространенных о нем сведений и их негативного влияния на его деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности.

Имеющими значение для дела о защите деловой репутации обстоятельствами, подлежащими исследованию и оценке экономическим судом, являются: факт распространения сведений об истце; несоответствие их действительности; порочащий деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности характер этих сведений. При отсутствии доказательств наличия хотя бы одного из указанных обстоятельств требование о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности не подлежит удовлетворению [1].

На основании п. 1 ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2] (далее – ГК) гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Юридическое лицо вправе требовать опровержения по суду сведений, порочащих его деловую репутацию (п. 7 ст. 153 ГК). Из данных норм можно сделать вывод, что ответчиком по делам о защите деловой репутации является лицо, распространившее порочащие сведения, но вопрос о том, кто может занять положение истца, как показывает изучение литературных источников и судебной практики, является затруднительным. В судебной практике в процессе применения ст. 153 ГК возникают определенные трудности при решении вопроса, имеется ли непосредственная юридическая заинтересованность у лиц, полагающих, что их деловая репутация нуждается в защите, и обращающихся в связи с этим в суд, хотя порочащие сведения распространены не о них, а о других лицах. Наиболее актуальной данная проблема является в том случае, когда речь идет об опровержении сведений, распространенных в отношении юридического лица [3].

При рассмотрении проблемы соотношения деловой репутации организации со статусом юридического лица, ее руководителя и сотрудников необходимо обратиться к определению сущности юридических лиц.

В соответствии с теорией, высказанной еще в XIII в. папой римским Иннокентием IV, юридическое лицо – это юридическая фикция, не способная испытывать страдания подобно человеку [4]. Данное утверждение порождает вопрос: имеет ли юридическое лицо право на компенсацию неэкономического вреда?

В рамках теории «отдельного субстрата» юридическое лицо можно считать составленным из отдельных его участников – управляющих и акционеров. В данной ситуации ущемление прав и законных интересов человека связано с деятельностью созданного им юридического лица, очевидно, что человек способен испытывать страдания из-за противоправного ущемления прав юридического лица. Если будет установлено, что физические лица в рамках права собственности или возложенных на них обязанностей в отношении юридического лица испытывают неудобства, беспокойство и т. п., то возможно, что и у юридического лица, «состоящего» из отдельных людей, появляется право на компенсацию неэкономического вреда.

На основании реалистической теории юридическое лицо является реальным образованием с собственной волей и своими целями в обществе. Данная теория связана с определением вреда неэкономического характера, который представляет собой более широкое понятие, нежели моральный вред, под которым в соответствии со ст. 152 ГК понимают нравственные и физические страдания.

Социальная теория характеризует сущность юридического лица как систему, имеющую специфические параметры существования (функционирования) и тенденции развития. К таким параметрам можно отнести: определенные цели и задачи существования юридического лица, его специфическую структуру, деловые связи, традиции управления и т. п. [5].

Согласимся с тем, что юридическое лицо по своей сущности является фикцией, а это значит, что, со слов папы римского Иннокентия IV, «корпорация как бестелесное существо не имеет способности воли и не может действовать сама, а только через своих членов» [6]. В соответствии с данным утверждением юридическое лицо представляется сложным социальным образованием, субъектом, который состоит из организованной определенным образом группы людей, коллектива. А это значит, что деловая репутация юридического лица складывается прежде всего из представлений о деятельности тех лиц, которые составляют юридическое лицо, в первую очередь руководителей, других работников, а также участников и учредителей. Именно данное обстоятельство лежит в основе проблемы соотношения деловой репутации юридического лица, его руководителей и сотрудников.

Согласно утверждению В. Ема, «...деловая репутация организации является качеством, происходящим из самой природы бизнеса как живого предпринимательского дела, и включает в себя все, что увеличивает его стоимость: место нахождения организации; тип и качество товаров, работ или услуг, предлагаемых потребителям; наличие или отсутствие клиентов; репутацию собственника и ряд других факторов» [7]. Юридическое лицо приобретает деловую репутацию в результате осуществления им определенной деятельности. Эта деятельность проявляется в разнообразных действиях граждан, выступающих в качестве органов и работников юридического лица, что закреплено в Гражданском кодексе Республики Беларусь. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 49 ГК юридическое лицо может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников.

Юридические действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, юридическое лицо совершает через свои органы или участников, которые при этом обязаны согласно ч. 3 ст. 49 ГК действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно.

В соответствии со ст. 373 ГК исполнение обязанностей и осуществление прав совершаются юридическим лицом не только через свои органы, но и действиями его работников, считающимися действиями самого юридического лица. Таким образом, в случае, например, ненадлежащего выполнения сотрудником организации возложенных на него служебных обязанностей может бросить тень на оценку деятельности организации в целом и ранее безупречная репутация юридического лица может пошатнуться.

Е. Заяц считает, что «...если порочащие сведения затрагивают только личность самого руководителя, то спор будет идти о защите деловой репутации не юридического лица, а гражданина. Однако в случаях, когда порочащие сведения в отношении руководителя будут неразрывно связаны с деятельностью юридического лица, их оспаривание может производиться и последним» [8].

В практике судов встречаются дела, в которых руководители юридических лиц предъявляют наряду с требованием о защите деловой репутации возглавляемых ими юридических лиц также требования о защите своих чести и достоинства. Они полагают, что распространенная негативная информация о юридическом лице, которым они руководят, порочит и их честь и достоинство, так как свидетельствует о неспособности обеспечивать надлежащее руководство. Однако право руководителя предъявлять иск в интересах созданного им юридического лица действующим законодательством не предусмотрено. Чаще всего в таких случаях суд приходит к выводу, что требовать опровержения порочащих сведений вправе лишь лица, в отношении которых сведения распространены. Этот вывод соответствует постановлению Пленума ВХС № 16. В соответствии с ч. 2 п. 3 указанного постановления «в хозяйственном суде подлежит защите деловая репутация юридического лица или индивидуального предпринимателя, в отношении которых распространены порочащие их, не соответствующие действительности сведения». Одновременно здесь же Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь указал, что «искковые заявления в хозяйственный суд могут предъявляться юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, которые считают, что их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности нарушены распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию».

Таким образом, мы пришли к выводу, что деловая репутация юридического лица тесным образом связана с честью, достоинством лиц, работающих в данной организации, с репутацией учредителей и т. д. Однако данные понятия не следует отождествлять, так как честь юридического лица не сводится лишь к чести лиц, стоящих за данным юридическим лицом, равно как и репутация указанных лиц (каждого в отдельности и всех вместе взятых) не тождественна репутации юридического лица: пересекаясь, ни одно из них не поглощает другое. Но именно их тесная связь и взаимозависимость дают основание утверждать, что и применительно к анализируемой нами проблеме право на защиту деловой репутации должно иметь любое лицо, которое полагает, что она поставлена под угрозу распространением порочащих сведений, вне зависимости от упоминания данного лица в оспариваемой информации [3]. В случае распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, иск вправе предъявить орган такого юридического лица. Если распространение порочащих сведений затрагивает интересы структурных подразделений юридического лица, то требование об опровержении вправе заявить орган юридического лица, частью которого является данное структурное подразделение. Если речь идет о защите деловой репутации юридического лица, то ответчиком могут быть как юридические лица и индивидуальные предприниматели, так и в предусмотренных законодательными актами случаях организации, не являющиеся юридическими лицами, и граждане (ст. 40 ХПК Республики Беларусь). Если порочащие сведения содержались в характеристике, приказе, иных официальных документах, то в качестве ответчиков выступают как лица, их подписавшие, так и юридические лица, от имени которых исходит документ.

Не находит законодательного закрепления вопрос о возможности опровержения не соответствующих действительности порочащих сведений, распространенных в отношении ликвидированного юридического лица. В соответствии с п. 3 ст. 45, п. 2 ст. 47 ГК право на защиту деловой репутации юридического лица, будучи элементом правоспособности, возникает с момента создания юридического лица, то есть с момента его регистрации, и прекращается в момент завершения его ликвидации (п. 3 ст. 45, п. 8 ст. 59 ГК), на основании чего можно сделать вывод, что возможность опровержения не соответствующих действительности порочащих сведений, распространенных в отношении ликвидированного юридического лица, законодательством не предусмотрена. Однако, поскольку такие сведения могут порочить учредителей, бывших руководителей, участников, работников данного юридического лица, эти сведения, по нашему мнению, могут быть опровергнуты по иску указанных лиц.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Юридическое лицо приобретает деловую репутацию в результате осуществления им определенной деятельности, которая проявляется в действиях его работников, а в некоторых случаях и в действиях его участников. К слову, именно директор организации формирует ее волю и выражает ее вовне в отношениях с другими субъектами гражданского права. По большому счету воля организации зависит от воли физического лица и фактически является не чем иным, как его волей, которая в результате применения юридических фикций доводится до иных участников гражданского оборота как воля юридического лица.

Исполнение обязанностей и осуществление прав совершается юридическим лицом не только через свои органы, но и действиями его работников, которые считаются действиями самого юридического лица. Поэтому ложные сведения, например о том, что организация выпускает недоброкачественную продукцию, не только порочат деловую репутацию организации, но одновременно могут задевать честь конкретного работника, занятого изготовлением или контролем качества такой продукции. Поэтому «...распространение порочащих деловую репутацию юридического лица сведений может в зависимости от характера сведений причинить вред и другому объекту – чести, достоинству или деловой репутации конкретного гражданина или граждан, действиями которых осуществляется деятельность юридического лица» [6].

Отношения гражданина или граждан, чья честь, достоинство или деловая репутация косвенно опорочены распространенными сведениями, и распространителей таких сведений подпадают под действие ст. 152 ГК, если эти граждане в достаточной степени персонализируемы в глазах других лиц по содержанию распространенных о юридическом лице сведений. Этот вопрос должен исследоваться судом на основании конкретных обстоятельств дела с учетом, в частности, возможного круга лиц, способных сделать разумное предположение об узнаваемости конкретного гражданина в распространенных о деятельности юридического лица порочащих сведениях.

Обязанность доказывания, что распространением ложных сведений об организации причинен вред определенному физическому лицу, гражданину, будет лежать на самом гражданине.

Юридическое лицо вправе требовать опровержения сведений, порочащих его деловую репутацию, и возмещения убытков, а гражданин при наличии вышеуказанных обстоятельств – опровержения тех же сведений и компенсации морального вреда, причиненного распространением таких сведений.

Список использованных источников

1. О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 26 апреля 2005 г., № 16 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : текст Кодекса по состоянию на 11 июля 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
3. Романова, О. Н. Стороны по делам о защите деловой репутации [Электронный ресурс] / О. Н. Романова // Scanmaster. Тематический поисковик. – 2014. – Режим доступа: <http://www.scanmaster.ru/a897375.html>. – Дата доступа: 10.12.2014.
4. Карпенков, В. В. Вопросы теории и практики защиты деловой репутации юридических лиц [Электронный ресурс] / В. В. Карпенков // Scanmaster. Тематический поисковик. – 2014. – Режим доступа: <http://www.scanmaster.ru/a897375.html>. – Дата доступа: 18.12.2014.

5. Карпенков, В. В. Состав вреда, причиняемого умалением деловой репутации юридического лица, и право на его компенсацию [Электронный ресурс] / В. В. Карпенков // Scanmaster. Тематический поисковик. – 2014. – Режим доступа: <http://www.scanmaster.ru/a897375.html>. – Дата доступа: 18.12.2014.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Степанова. – 2-е изд., перераб. и доп. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014. – Режим доступа: <http://bp21.org.by/ru/art/a041031.html>. – Дата доступа: 10.12.2014.
7. Ем, В. С. Договор продажи предприятия (научно-практический комментарий действующего законодательства) / В. С. Ем // Законодательство. – 2005. – № 6. – С. 9–10.
8. Заяц, Е. А. Защита деловой репутации / Е. А. Заяц // Экон. газета. – 2003. – № 65 (682). – С. 6–8.

К ВОПРОСУ О ВАЛЮТЕ ПЛАТЕЖА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Исмоилова Зайнура Исрофиловна, старший преподаватель кафедры гражданского права Российско-Таджикского (славянского) университета

Для целей совершения международных расчетов по внешнеторговым контрактам применяются валюты разных стран. Между тем особенность проявляется в отсутствии единого и обязательного для всех стран платежного средства, и это обуславливает обращение к средствам платежа как в национальной, так и в иностранной валюте [4, с. 470]. Поэтому необходимым условием расчетов по внешней торговле является обмен одной валюты на другую. Следовательно, на эффективность проведения расчетов влияет динамика валютных курсов, конвертируемость валюты и условия беспрепятственного передвижения капитала.

Как отмечает Н. Е. Семилютина, «валюта может считаться конвертируемой, если она отвечает трем признакам. Во-первых, она может использоваться без ограничений, связанных с валютным регулированием, в качестве платежного (обменного) средства для любых соответствующих целей. Во-вторых, она может обмениваться на любую другую валюту без ограничений, связанных с валютным регулированием. Третьим признаком, который описывать сложнее из-за различных вариантов его проявления, является то, что валюта может использоваться (обращаться) либо обмениваться на другую валюту в соответствии с установленным паритетом, или по юридически фиксированному курсу, или по курсу, определяемому любым иным способом» [7, с. 41, 42].

Определение формулировки свободно конвертируемой валюты содержится в статьях Соглашения Международного валютного фонда (МВФ) от 22 июля 1944 г., где используется аналогичный термин «свободно используемая валюта». Так, согласно ст. XXX(f), под свободно используемой валютой понимается валюта государства-члена, относительно которой Фонд устанавливает, что (i) она действительно широко используется для платежей по международным операциям и (ii) является предметом активной торговли на основных валютных рынках.

Порядок обмена одной валюты на валюту другого государства определяется нормами внутреннего законодательства. С точки зрения режима конвертируемости валюты конвертируемость может быть полной или частичной. Полная конвертируемость предполагает отсутствие какого-либо контроля и ограничений со стороны государства по валютным операциям, тогда как частичная конвертируемость предусматривает определенные ограничения. По словам В. А. Трапезникова, «ограничения конвертируемости валюты есть правовые препятствия, связанные с особенностями национального денежного и валютного регулирования. Данные ограничения заключаются в нормативном запрещении, лимитировании или регламентации операций резидентов и нерезидентов с валютой и другими валютными ценностями. Цель таких ограничений – перераспределение валютных ценностей в пользу государства» [8, с. 87].

Другие главной целью введения таких ограничений рассматривают концентрацию иностранной валюты в руках государства, а также поддержание выравнивания платежного баланса и поддержание валютного курса национальной денежной единицы [4, с. 470].

Некоторые авторы основными причинами введения валютных ограничений признают нехватку валюты, расстройство платежных балансов, давление внешней задолженности и т. д. Например, «правительство может допустить свободную конвертируемость по текущим операциям, связанным с международной торговлей товарами и услугами, международными переводами доходов и трансфертов, или применить систему различных ограничений на данные международные платежи. Аналогично государство может принять свободный валютный режим по международным операциям, связанным с межстрановым движением капитала, а может вводить те или иные ограничения на ввоз и вывоз капитала» [6, с. 154].

Формы валютных ограничений могут быть различными. Например, ограниченность совершения операций с иностранной валютой, наличие множественности валютных курсов и т. д. Выбор определенной формы ограничений зависит от конкретного государства. На наш взгляд, ограничение конвертируемости валют затормаживает процесс международного движения капитала и затрудняет процесс совершения международных расчетов. Иначе говоря, преимущественное использование национальных валют в международных расчетах усиливает зависимость их эффективности от курсовых колебаний, экономической и валютной политики стран [5, с. 420]. По словам И. В. Гордиенко, «конвертируемость валют как бы размывает национальные границы при движении товаров, услуг, перемещении капитала в масштабах мирового рынка. Так, экспортеру, реализующему продукцию за границей с оплатой в валюте импортера или в валюте третьих стран, конвертируемость валют обеспечивает возможность беспрепятственного превращения полученной выручки в собственную национальную валюту для поддержания нормального кругооборота его средств внутри страны. Аналогичным образом решается проблема расчетов для

импортера заграничных товаров, подлежащих оплате в иностранной валюте: через механизм обратимости осуществляется обмен его национальной валюты на требуемые инвалютные средства платежа» [1, с. 16].

Как показывает мировой опыт, переход стран к полной конвертируемости валюты – сложный процесс. Значительная часть вопросов касательно режима конвертируемости валют была в основном решена вступлением государств в Международный валютный фонд. Развитию внешнеэкономических сделок способствовало принятие странами обязательств по выполнению ст. 8 Устава МВФ, который предполагает создание необходимых условий для конвертируемости национальной валюты страны во внешнеэкономических расчетах. В соответствии с разделом 2 ст. 8 Соглашения о Международном валютном фонде ни одно государство – член не должно налагать ограничения на производство платежей и переводов по текущим международным операциям.

Таким образом, государствами-членами Международного валютного фонда было принято обязательство по введению конвертируемости национальной валюты по текущим операциям. Соблюдение государствами данного обязательства непосредственно контролируется и обеспечивается со стороны фонда.

В международных расчетах важна и другая сторона: в какой форме определена валюта цены и в какой валюте совершаются международные платежи?

М. И. Кулагин отмечает, что если денежные обязательства выражаются в иностранной валюте, различают [2]: 1) валюту долга (валютный расчет); 2) валюту платежа.

Необходимо пояснить, что валюта долга (*money of accounting*) – это денежная единица, которой исчислены денежные обязательства, а валюта платежа (*money of payment*) – это денежные знаки, которые являются средством погашения денежного обязательства [2].

В литературе также употребляются две составные категории: «валюта цены» и «валюта платежа» [3, с. 471]. Под валютой цены традиционно понимается валюта, в которой определяется цена продаваемых товаров, а валюта платежа – это валюта, в которой осуществляется расчет между экспортером и импортером [3, с. 472]. Валюта цены может не совпадать с валютой платежа: внешнеэкономическая сделка может быть заключена в одной валюте, а платеж осуществляться в другой валюте.

Учитывая, что международные расчеты совершаются в иностранной валюте, велик риск возможных потерь от курсовых колебаний валюты. Иными словами из-за изменений курсов валюты импортер и экспортер могут не получить тот эквивалент стоимости, на который они рассчитывали при заключении сделки (валютный риск). Одной из важных составляющих успеха снижения валютных рисков является выбор правильной валюты. Валюты, в свою очередь, могут отличаться. Есть твердая валюта с хорошей покупательной способностью и слабая валюта, курс которой постоянно колеблется. Между тем интересы участников внешнеэкономической сделки при выборе валюты цены не совпадают: для импортера выгодно использовать валюту, курс которой имеет тенденцию к понижению, а для экспортера – к повышению. В большинстве случаев валюту цены предлагает экспортер, и если импортер настаивает на ее изменении, то экспортер вправе требовать ответных уступок (например, в отношении цены товаров) [3, с. 472]. Как отмечает И. В. Гордиенко, «если цена контракта устанавливается в сильной валюте для компенсации потерь, импортер обычно настаивает на скидке с цены или уступке по другим условиям контракта. Если же цена установлена в соответствии с интересами импортера, то есть в слабой валюте, продавец обычно стремится повысить цену товара» [1, с. 27].

Как правило, во внешнеэкономических сделках при определении цены валюты для снижения валютных потерь выбирается наиболее стабильная валюта или валюта свободно конвертируемых стран (доллар США, французские франки, немецкие марки и пр.), а также несколько валют (две или более) или коллективные валюты (СДР, ЭКЮ, евро).

Касаясь вида валюты платежа, отметим, что в соответствии со ст. 6.1.9 Принципов международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), если денежное обязательство выражено в иной валюте, чем валюта места платежа, оно может быть исполнено должником в валюте места платежа, кроме случаев, когда: а) эта валюта не является свободно конвертируемой или б) стороны договорились, что платеж должен быть осуществлен в валюте, в которой выражено денежное обязательство.

Если для должника невозможно исполнить денежное обязательство в валюте, в которой выражено денежное обязательство, кредитор может потребовать осуществить платеж в валюте места платежа даже в случае, предусмотренном в пункте (б). Платеж в валюте места платежа должен быть совершен в соответствии с применимым курсом обмена валюты, преобладающим в этом месте при наступлении срока платежа. Однако, если должник не совершил платеж в срок, кредитор может потребовать совершить платеж в соответствии с применимым курсом обмена валюты, преобладающим либо в момент наступления срока платежа, либо в момент фактического платежа.

Аналогичное положение указано в Соглашении Международного валютного фонда от 22 июля 1944 г., где сказано, что, «если денежное обязательство не выражено в какой-либо конкретной валюте, платеж должен быть совершен в валюте места, где должен быть совершен платеж» (ст. XXX(f)).

Некоторые страны во внутреннем праве отрегулировали вопросы, касающиеся валюты платежа. В частности, § 244 Германского гражданского уложения гласит: «Если денежный долг, выраженный в иной валюте, чем евро, валюте, подлежит уплате в пределах страны, то платеж может быть осуществлен в евро, за исключением случаев, когда платеж в иной валюте был прямо обусловлен. Пересчет валюты осуществляется по курсу, действующему в месте и в момент платежа, а не в момент его производства». Швейцарский Федеральный закон о международном частном праве 1987 г. определил, что валюта платежа определяется по праву государства, в котором должен быть совершен платеж (ст. 147). Кодекс Бустаманте указывает, что местный закон регулирует условия платежа и валюту, в которой платеж должен быть осуществлен (ст. 17).

Таким образом, главным условием платежа в международных расчетах является то, что исполнение обязатель-

ства должно быть осуществлено в свободно конвертируемой валюте и валюта платежа определяется прежде всего местом совершения платежа.

Список использованных источников

1. Гордиенко, В. И. Международные торговые расчеты: системный анализ мировой банковской практики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / В. И. Гордиенко. – М., 1996. – 135 л.
2. Гражданское и торговое право зарубежных стран [Электронный ресурс] / под ред. М. И. Кулагина // Юридическая библиотека. – Режим доступа: <http://www.lawlibrary.narod.ru/>. – Дата доступа: 10.12.2014.
3. Кравцова, Г. И. Деньги, кредит, банки: учебник / Г. И. Кравцова [и др.]; под ред. Г. И. Кравцовой. – Минск: БГЭУ, 2003. – 527 с.
4. Международное частное право: учебник / Л. П. Ануфриева [и др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Проспект, 2004. – 688 с.
5. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения: учебник / Л. Н. Красавина [и др.]; под ред. Л. Н. Красавиной. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 567 с.
6. Мировая экономика: учебник / Л. С. Падалкина [и др.]; под ред. И. П. Николаевой. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – 240 с.
7. Семилютин, Н. Г. Происхождение кредитных организаций и эволюция предоставляемых ими услуг (правовые аспекты) / Н. Г. Семилютин // Законодательство и экономика. – 2004. – № 1. – С. 40–46.
8. Трапезников, В. А. Валютное регулирование в международном инвестиционном праве / В. А. Трапезников – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 176 с.

ПАРТНЕРСТВО ТАМОЖНИ И БИЗНЕСА: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

Квятювич Антонина Алексеевна, доцент кафедры гражданского права и процесса частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения»;

Минько Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Появление первой древнебелорусской таможи относится к концу IX в. При прохождении границы добропорядочные купцы платили пошлину за провоз своих товаров [1], то есть таможенное дело уже в те времена находилось в неразрывной связи с развитием предпринимательских отношений.

С момента своего возникновения и вплоть до советского периода таможни осуществляли исключительно фискальные функции.

В советский период были приняты важнейшие нормативные правовые акты в сфере таможенного дела; таможенная служба начала обретать определенную самостоятельность, соответственно, роль таможенных органов также начала возрастать.

С принятием постановления Верховного Совета Республики Беларусь от 20 сентября 1991 г. «О таможенной службе Республики Беларусь» Белорусское управление Государственного таможенного контроля СССР было преобразовано в Белорусский Государственный таможенный комитет.

Существенные изменения в системе таможенных учреждений начали происходить в связи с введением в 1991 г. Таможенного кодекса СССР и Закона СССР «О таможенном тарифе». До издания данных актов нормативная правовая база для перестройки организации таможенного дела фактически отсутствовала.

С этого времени начался новый этап в развитии белорусской таможенной службы, характеризующийся становлением ее как правоохранительного органа, стоящего на защите экономических интересов государства.

С 1994 г. начала проводиться работа, направленная на унификацию таможенного законодательства Беларуси и России в рамках Таможенного союза в интересах государств-участников и хозяйствующих субъектов.

Сегодня таможенные органы так же, как и другие органы государственного управления, активно работают над созданием благоприятных условий для ведения бизнеса, решением задач торговой политики, в том числе в связи со вступлением с 1 января 2012 г. Республики Беларусь в Единое экономическое пространство.

Таможенные органы устанавливают и поддерживают отношения консультативного характера с участниками внешнеэкономической деятельности в целях совершенствования таможенного регулирования [2].

В связи с возрастающей конкуренцией, а также постоянно увеличивающимися объемами товарообмена таможенная служба Беларуси принимает необходимые меры по внедрению современных информационных технологий, расширению сферы применения электронного декларирования, обустройству автодорожных пунктов пропуска и т. д. [3]. На каждом этапе развития таможенных органов их структура, методы и направления работы постоянно обновлялись, совершенствовались, наполнялись новым содержанием, что позволяет выделить определенные этапы их становления и развития во взаимодействии с субъектами хозяйственной деятельности. Таким образом, целью настоящего исследования выступает последовательный анализ становления и развития взаимоотношений таможенных органов как одного из важнейших институтов управления экономикой страны и субъектов предпринимательской деятельности.

Первый период становления и развития белорусской таможенной службы связан с возникновением таможенного дела.

История таможенного дела начинается от взимания денежных сборов и пошлин с продаваемых или обмениваемых предметов в оживленных торговых пунктах и на перекрестках древних торговых путей, от возникновения там сборных торговых или так называемых «гостиных» мест, пунктов промышленного обмена, перевалки и складирования товаров. В Киевской Руси были распространены «осмничее» и «мыт» – сбор за провоз товаров через

внешние или внутренние заставы, за пользование участком, отведенным для торга, либо за покровительство, оказываемое купцам [4, с. 4].

Таким образом, в те времена на белорусских землях уже присутствовали все основные элементы современной организации таможенного дела. Денежные сборы и пошлины, взимаемые с купцов, имели характер современных таможенных платежей и пошлин, которые в настоящее время уплачивают субъекты хозяйственной деятельности.

Необходимо отметить, что в этот период правоохранные функции полностью отсутствовали, таможи осуществляли только фискальные функции.

Второй период развития рассматриваемых отношений охватывает XVIII–XIX вв. На данном этапе сложившаяся в XIX в. система таможенных учреждений получила закрепление в Таможенном уставе 1857 г. В нем были изложены требования к таможенникам и, в частности, к такой категории работников, как начальники таможенных округов, управляющие и члены таможен.

В Таможенном уставе 1857 г. говорилось о необходимости вежливого и культурного обращения с проезжающими лицами [5, с. 23–25].

В рассматриваемый период начало формироваться таможенное законодательство, в целом отвечающее мировым стандартам в данной области. Оно объединило правовые нормы, регулирующие различные виды таможенных отношений. При этом в законодательстве закреплены права и обязанности таможенников, лиц, осуществляющих торговлю, а также других лиц, чьи интересы пересекаются с таможней. Особое внимание в нем уделено кадровому составу таможенных органов.

Так, набор в таможню санкционировался градоначальником, а приказы о назначении на должность утверждались Департаментом таможенных сборов. Кадры таможенников комплектовались из числа дворян, имевших высшее или среднее специальное образование.

Третий период развития таможенных органов – советский. В это время в таможенных органах и таможенном законодательстве отмечаются существенные трансформации. Роль таможенных органов значительно возросла, так как были приняты важнейшие нормативные правовые акты в сфере таможенного дела, таможенная служба обрела определенную самостоятельность, был образован Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее – ГТК), национализирована внешняя торговля, решены вопросы укрепления пограничного режима в целях воспрепятствования контрабанде и другим правонарушениям.

За счет таможенных доходов существенно пополнялся государственный бюджет, регулировалась внешняя торговля, защищались отечественная промышленность и экономические интересы страны. На данном этапе таможенные органы начали выполнять не только фискальные, но и правоохранные функции.

Четвертый, современный, период начался с распадом СССР. Государством была поставлена первоочередная задача становления и развития национальных таможенных служб в бывших союзных республиках, в том числе создания специальной нормативной правовой базы, которая в том числе смогла бы урегулировать отношения между субъектами хозяйственной деятельности и таможенными органами.

После приобретения Беларусью в 1991 г. суверенитета возросла необходимость в защите экономических интересов страны, на страже которых призваны стоять таможенные органы. Несмотря на трудности, обусловленные социально-экономическим положением в стране, за короткий промежуток времени необходимо было решать задачу создания целостной структуры таможенной службы для обеспечения экономической безопасности суверенного государства.

Начиная с этого периода принимается ряд нормативных правовых актов, определивших правовые и организационные аспекты таможенного дела в республике и основные задачи таможенной службы. Среди них особое значение имели Закон Республики Беларусь от 13 марта 1992 г. № 1520-XII «Об основах организации таможенной службы Республики Беларусь», положения от 16 июля 1992 г. № 439 и от 21 апреля 2008 г. № 228 «О Государственном таможенном комитете Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 3 февраля 1993 г. № 2151-XII «О таможенном тарифе», таможенные кодексы Республики Беларусь от 3 февраля 1993 г. № 2149-XII, от 6 января 1998 г. № 133-3 и от 4 января 2007 г. № 204-3, Таможенный кодекс Таможенного союза от 27 ноября 2009 г., Закон Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-3 «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» и др.

В настоящее время Республика Беларусь активно стремится к международному сотрудничеству. С учетом этого таможенные органы Республики Беларусь должны соответствовать международным стандартам в сфере таможенного дела. В качестве одного из важнейших направлений развития таможенной службы Республики Беларусь на период до 2015 г. определено обеспечение безбарьерной среды для бизнеса.

Беларусь стала семьдесят вторым государством, присоединившимся к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур. Ключевые принципы Конвенции предусматривают применение упрощенных таможенных процедур, внедрение новейших информационных технологий, применение современных методов таможенного контроля, основанных на использовании системы управления рисками и таможенного аудита, тесное сотрудничество с бизнес-средой [6, с. 7].

Таможенные органы решают различные задачи, одной из которых является экономическая, то есть содействие реализации единой торговой политики Таможенного союза (далее – ТС) [7].

Торговая политика Единого экономического пространства должна обеспечивать легкий доступ предприятиям на международные рынки, стимулировать рост производительности и содействовать интеграции стран Беларуси, России и Казахстана в мировую экономику.

Формируя принципы торговой политики, которая будет нацелена на развитие инноваций, нужно обратить внимание на возрастающую роль нетарифных барьеров, включая техническое регулирование, фитосанитарные и

санитарные стандарты. Упростить выход стран ТС на внешние рынки и развивать торговлю внутри ТС можно благодаря гармонизации технических требований к продукции [8].

В рамках формирования единой торговой политики стран – членов ТС особое внимание должно уделяться вопросам гармонизации процесса оформления внешнеторговых сделок, а также порядка исчисления и уплаты сборов и таможенных пошлин [9].

Следует отметить, что в процессе взаимодействия с субъектами предпринимательства таможенные органы выполняют разнообразные функции, среди которых важнейшее значение имеют контрольная и финансовая.

В соответствии со ст. 12 Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» посредством реализации контрольных функций таможенные органы совершают таможенные операции и проводят таможенный контроль, таможенные экспертизы, создают условия, способствующие ускорению товарооборота при ввозе товаров в Республику Беларусь и вывозе товаров из Республики Беларусь через таможенную границу ТС [2].

В соответствии со ст. 111 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) одной из форм таможенного контроля является проводимая таможенными органами проверка документов и сведений, представленных при совершении таможенных операций, с целью установления достоверности сведений, подлинности документов и (или) правильности их заполнения и (или) оформления [7].

Следует подчеркнуть, что в Таможенном кодексе Республики Беларусь данная форма таможенного контроля называлась операцией таможенного контроля, проводимой при таможенном оформлении товаров и транспортных средств [10]. Кроме того, в ТК ТС и в Законе Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» отсутствует понятие «таможенное оформление». Вместо этого понятия в данных нормативных правовых актах законодатель применяет термин «таможенные операции».

Проверка подлинности документа позволяет установить, выдавался ли такой документ вообще (например, лицензия), не вносились ли в него скрытые изменения, исправления (например, не исправлено ли наименование лица, которому лицензия выдана), является ли проставленная на документе подпись подлинной (подпись уполномоченного лица (не подделана ли подпись)). Для проверки подлинности документа обычно ограничиваются визуальным осмотром, но в случае возникновения сомнений может быть проведена экспертиза. Проверка достоверности указанных в документах сведений должна ответить на вопрос, соответствуют ли заявленные в документах данные фактическим обстоятельствам. Проверка заявленных сведений основывается на различных приемах анализа, при этом таможенные органы вправе использовать любые, наиболее подходящие в каждом конкретном случае приемы при условии, что они не запрещены законодательством [11, с. 313–314].

Допустимо проведение документального контроля до того, как иностранные товары придут на таможенную территорию (предварительное декларирование). В этом случае будут проверяться транспортные (перевозочные) или коммерческие документы, сопровождающие товары. При предварительном декларировании товаров таможенный орган получает заверенные декларантом копии таких документов и в случае необходимости после прибытия товаров на таможенную территорию сопоставляет сведения, содержащиеся в данных копиях документов, со сведениями в оригиналах документов.

Возрастающий внешнеэкономический товарооборот требует совершенствования технологий перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу, что обуславливает необходимость активного внедрения информационных механизмов таможенного оформления, основанных на электронных способах обработки сведений. В связи с этим электронное декларирование рассматривается как перспективное направление развития таможенного законодательства в целом, которое может реально обеспечить единство таможенного оформления на всей территории страны [12, с. 3].

Применение электронного декларирования при сопровождении внешнеэкономической деятельности призвано уменьшить временные и финансовые затраты субъектов хозяйствования, усилить экспортный потенциал страны. Таможенный контроль будет производиться экспортером без предоставления товара и декларации на бумажном носителе, что способствует сокращению времени на совершение таможенных операций, исключит отстаивание в очередях и личный контакт декларанта и инспектора, что предотвратит коррупцию при осуществлении таможенных операций.

В ГТК Республики Беларусь внедрена национальная автоматизированная система электронного декларирования, направленная на ускорение и упрощение таможенных процедур за счет использования электронного документооборота [13, с. 9; 14, с. 3]. Это, несомненно, сократит время на осуществление таможенных операций.

Кроме того, успешно используется технология автоматической регистрации статистических и периодических статистических деклараций. Все шире применяется электронное предварительное информирование о перемещаемых через таможенную границу товарах. Таможенный контроль осуществляется на основе системы анализа и управления рисками [15].

Указом Президента Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 319 «О некоторых вопросах таможенного регулирования, об осуществлении деятельности в сфере таможенного дела и уполномоченных экономических операторах» определено, что лица, обладающие на дату вступления в силу Указа статусом добросовестного участника внешнеэкономической деятельности, со дня вступления в силу Указа признаются уполномоченными экономическими операторами [16]. Уполномоченный экономический оператор – это субъект хозяйственной деятельности, добровольно соблюдающий таможенное законодательство и имеющий ряд упрощений при пересечении таможенной границы нашей страны.

Все товары и транспортные средства в соответствии с таможенным законодательством, перемещаемые через таможенную границу страны как юридическими, так и физическими лицами, подлежат таможенному контролю.

Таможенный контроль рассматривается как одно из средств реализации таможенной политики, представляющее собой совокупность мер, осуществляемых таможенными органами в целях обеспечения соблюдения участниками таможенно-правовых отношений требований норм таможенного законодательства [17, с. 379].

Кроме того, в порядке реализации контрольной функции таможенные органы осуществляют контроль за соблюдением запретов и ограничений, установленных в соответствии с международными договорами государств – членов Таможенного союза и законодательством Республики Беларусь, в отношении товаров, ввозимых в Республику Беларусь и вывозимых из Республики Беларусь.

ГТК утверждает номенклатуры товаров, ограниченных и запрещенных к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь [18].

В современных условиях хозяйствования и с учетом тенденций развития бизнеса все страны применяют широкий комплекс способов защиты внутреннего рынка от конкуренции, содержащий тарифные и нетарифные методы поддержки отечественных производителей, валютные и кредитные средства и др. Использование большинства этих способов регламентируется международными правилами, закрепленными в различных межгосударственных соглашениях. В их числе Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики от 11 ноября 2008 г. «О сотрудничестве и взаимной административной помощи в таможенных делах» [19].

Контрольные полномочия таможенных органов также реализуются посредством осуществления в пределах своей компетенции налогового, валютного, экспортного, радиационного, автомобильного, санитарно-карантинного, ветеринарного, фитосанитарного и иных видов контроля, право на осуществление которых или на участие в осуществлении которых предоставлено таможенным органам в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Более детально следует остановиться на валютном контроле, так как именно таможенные органы играют наиболее важную роль в системе валютного контроля.

Это обусловлено тем обстоятельством, что «в международных отношениях значительная часть всех валютных операций связана с перемещением через таможенные границы стран материальных и нематериальных объектов» [20, с. 3].

ГТК как орган валютного контроля осуществляет организацию валютного контроля за перемещением резидентами и нерезидентами через таможенную границу Республики Беларусь валютных ценностей, а также другие функции, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 226-3 «О валютном регулировании и валютном контроле» [21].

Как известно, валютный контроль является составной частью валютного регулирования и направлен на соблюдение валютного законодательства. Данный контроль осуществляется в соответствии с международными соглашениями. Таможенные органы распространяют технологии валютного контроля на все таможенные режимы, заявляемые при ввозе и вывозе товаров по внешнеэкономическим договорам, предусматривающим расчеты, а также проводят проверки нарушений валютного законодательства при проведении расчетов в валюте Республики Беларусь. Так, таможенные органы вправе не производить выпуск товаров, если документы, необходимые для валютного контроля, неправильно оформлены; требовать и получать у экспортера и банков дополнительные сведения и информацию об осуществлении ими валютных операций, связанных с перемещением через таможенную границу товаров, и др.

Финансовая функция таможенных органов во взаимодействии с субъектами предпринимательства реализуется следующим образом. Органы таможенной службы взимают таможенные платежи, иные платежи, взимание которых возложено на таможенные органы, контролируют правильность исчисления и своевременность уплаты указанных платежей, принимают меры по их принудительному взысканию. Необходимо учитывать, что во многих развитых странах таможенные платежи являются важной статьей доходной части бюджета и их взимание таможенными органами рассматривается как одна из их главных функций. Товары, перемещаемые через таможенную границу Республики Беларусь, подлежат обложению таможенной пошлиной в соответствии с Законом Республики Беларусь от 3 февраля 1993 г. № 2151-ХП «О Таможенном тарифе» [22].

Под таможенной пошлиной понимается обязательный взнос, взимаемый таможенными органами при ввозе товара на таможенную территорию или вывозе товара с этой территории и являющийся неотъемлемым условием такого ввоза или вывоза [23, с. 8]. Взимание таможенных пошлин, налогов и иных таможенных платежей, относящихся к товарам, перемещаемым через таможенную границу Республики Беларусь, регулирует ГТК, кроме того, он обеспечивает своевременное и полное внесение в бюджет таможенных пошлин и налогов.

В связи с изложенным можно отметить, что формирование благоприятных условий для дальнейшего развития бизнеса как важнейшего фактора социально-экономического развития страны предполагает дальнейшее совершенствование организации и деятельности таможенных органов Республики Беларусь, а также таможенного законодательства. Выработка и реализация государственной таможенной политики, защита белорусского товарного рынка, стимулирование развития национальной экономики, привлечение иностранных инвестиций, решение задач торговой политики и другие направления деятельности таможенной службы ложатся в основу обеспечения экономической безопасности государства и его хозяйствующих субъектов.

Достаточно важную роль в отношениях таможни и бизнеса играют контрольные и финансовые функции таможенных органов, так как именно указанные функции затрагивают интересы всех субъектов хозяйствования при осуществлении ими внешнеторговой деятельности. Перемещение через таможенную границу товаров и транспортных средств невозможно осуществлять без участия таможенных органов, которые в свою очередь производят таможенный контроль в отношении этих товаров и транспортных средств. Финансовая функция состоит в том, что

все субъекты хозяйствования вносят обязательные платежи в республиканский бюджет, взимаемые таможенными органами Республики Беларусь в связи с перемещением ими товаров и транспортных средств через таможенную границу Республики Беларусь.

На таможенные органы как на правоохранительные органы возложены задачи обеспечения исполнения таможенного законодательства республики и борьбы с его нарушениями. Они осуществляют таможенный надзор, оказывают содействие развитию внешнеэкономических связей Беларуси, созданию и обеспечению благоприятных условий для выполнения международных договоров страны в области торгово-экономических, валютно-финансовых, научно-технических, гуманитарных и иных отношений с иностранными государствами. В связи с этим необходимо упразднить административные барьеры с целью развития бизнес-среды, повышения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, улучшения бизнес-климата в Республике Беларусь в целом.

Взаимодействие таможенных органов Республики Беларусь с субъектами хозяйственной деятельности осуществляется в соответствии с действующим таможенным и иным специальным законодательством. При таком взаимодействии необходимо исходить из рационального совмещения задач обеспечения экономического суверенитета республики и интересов субъектов хозяйственной деятельности. Нормы законодательства должны быть направлены на повышение эффективности деятельности таможенных органов и одновременно на упрощение таможенных формальностей и, как следствие, ускорение товарооборота.

Все правовые нормы, касающиеся таможенного дела, должны быть приведены в соответствие с международными правилами и стандартами, так как ст. 8 Конституции Республики Беларусь гласит, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства [24].

В этой связи развитие таможенного законодательства как синтеза опыта и достижений в данной области правового регулирования должно быть основано на понимании того, что оно может и должно эффективно применяться в целях поддержки и развития предпринимательства.

Список использованных источников

1. Лычагина, Т. История таможни на Беларуси с IX века и до 1945 года [Электронный ресурс] / Т. Лычагина // Юридическая консультация в Беларуси. – Режим доступа: <http://www.bel-jurist.com/page/customs-belarus>. – Дата доступа: 16.01.2014.
2. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
3. Совершенствование таможенных процедур как основной фактор создания безбарьерной среды для бизнеса [Электронный ресурс] // Библиофонд. – Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=609213>. – Дата доступа: 04.01.2014.
4. Козырин, А. Н. Таможенное право России. Общая часть : учеб. пособие / А. Н. Козырин. – М. : Спарк, 1995. – 134 с.
5. Таможенное право : учебник для студентов вузов / М. М. Рассолов [и др.] ; под ред. М. М. Рассолова, Н. Д. Эриашвили. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 399 с.
6. Станут ли таможня и бизнес партнерами? // Таможня и ВЭД. – 2012. – № 12. – С. 7.
7. Таможенный кодекс Таможенного союза [Электронный ресурс] : Приложение к договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, 27 нояб. 2009 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
8. Результаты исследования «Единая торговая политика и решение модернизационных задач ЕЭП» [Электронный ресурс] // Finatica.by. – 2014. – Режим доступа: <http://finatica.by/news/26890-rezultati-issledovaniya-edinaja-torgovaja-politika-i-reshenie-modernizacii-zadach-ejepredostavil-evrazijskij-bank-gazvitiya>. – Дата доступа: 03.01.2014.
9. Родинов, Д. Таможенному союзу нужна единая торговая политика [Электронный ресурс] / Д. Родинов // Экономика и жизнь. – 2014. – Режим доступа: <http://www.eg-online.ru/article/200275/>. – Дата доступа: 03.01.2014.
10. Таможенный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 4 янв. 2007 г., № 204-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2009 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
11. Таможенное право : учебник / А. А. Гравина [и др.] ; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев ; Ин-т зак-ва и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 688 с.
12. Черный, В. Б. Административно-правовые основы развития таможенного дела в Беларуси, Украине, России : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.14 / В. Б. Черный. – Минск, 2008. – 24 с.
13. Главное – скорость и качество таможенного оформления и контроля // Таможня и ВЭД. – 2007. – № 8. – С. 7–9.
14. Система ЭД работает. Но все ли к ней готовы? // Таможня и ВЭД. – 2009. – № 7. – С. 3–4.
15. Черты партнерства и доверия [Электронный ресурс] // РЭСПУБЛИКА – Новости Беларуси. – 2014. – Режим доступа: <http://www.respublika.info/5835/customs/article64420/>. – Дата доступа: 22.01.2014.
16. О некоторых вопросах таможенного регулирования, об осуществлении деятельности в сфере таможенного дела и уполномоченных экономических операторах [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 319 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
17. Таможенное право России : учебник для вузов / И. В. Тимошенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 462 с.
18. Аброскин, А. Осуществление таможенными органами Республики Беларусь мер по защите прав на объекты интеллектуальной собственности / А. Аброскин // Юрист. – 2002. – № 4 (11). – С. 10–13.
19. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах : ратифицировано Законом Респ. Беларусь, 15 июня 2009 г., № 24-3 : заключено в г. Минске 11 нояб. 2008 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
20. Мамасаидов, А. М. Административно-правовой статус таможенных органов Кыргызской Республики : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. М. Мамасаидов. – Бишкек, 2003. – 27 с.
21. О валютном регулировании и валютном контроле [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2003 г., № 226-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
22. О таможенном тарифе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 фев. 1993 г., № 2151-XII // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
23. Миляков, Н. В. Таможенная пошлина / Н. В. Миляков. – М. : Финансы и статистика, 2004. – 256 с.
24. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТ: НЕСООТВЕТСТВИЕ ТЕОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Конаневич Юрий Григорьевич, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Современная национальная теория финансового права в Республике Беларусь представляет собой существенный сгусток противоречий, в основе которых лежит недостаточная проработка смысла и содержания обширного комплекса объективно существующих и динамично развивающихся государственно-правовых институтов. Перечень такого рода противоречий на современном этапе развития белорусского государства довольно значителен. Причинами тому служит большое число факторов, среди которых главенствующим являются издержки затянувшегося переходного периода от изолированного от внешнего мира функционирования финансовой системы государства к ее включению в глобальные финансовые и экономические процессы. Важное значение имеет также закостенелый подход научной среды к изучению объективно складывающихся общественных отношений, сопряженный с довольно трудным отступлением от догматов советской юридической, экономической и финансовой наук, несмотря на то что реально существующие финансовая и экономическая система Республики Беларусь шагнули далеко вперед. При этом качественное теоретическое обеспечение ее развития фактически отсутствует. Результатом такого положения дел является частое несоответствие теории и практики, которое, в свою очередь, влечет пропорциональное несоответствие действующему законодательству Республики Беларусь и законодательству Евразийского экономического союза теоретических подходов к рассмотрению отдельных институтов либо их комплекса. В результате еще на стадии образовательного процесса будущий специалист (будь то юрист, финансист, экономист или бухгалтер) фактически не может получить корректную информацию о реально существующей в государстве системе общественных отношений в области финансов и реальном содержании финансовой системы государства.

Комплекс таких противоречивых подходов включает в себя теоретическое обоснование природы и содержания, а также соотношения институтов финансирования и осуществления инвестиций, определение правовой природы государственных инвестиций, финансового рынка и его инструментария, содержания национального монетаризма, пруденциального регулирования всех секторов финансовой и денежно-кредитной системы государства. Одним из институтов, оказывающим значительное влияние на природу названных выше правовых и экономических явлений, содержание которого на данный момент в национальной правовой науке имеет противоречивый характер, является государственный кредит.

1 января 2009 г. вступил в силу действующий Бюджетный кодекс Республики Беларусь в соответствии с пп. 1.26 п. 1 ст. 1 которого под государственным кредитом понимаются кредиты (займы), по которым у иностранных государств, международных организаций и иных нерезидентов Республики Беларусь возникают долговые обязательства перед Республикой Беларусь как кредитором. При этом Бюджетный кодекс Республики Беларусь четко разграничивает между собой природу государственного кредита (по международной классификации – *government credit*) и государственного долга (по международной классификации: *public debt: external debt* – внешний долг и *internally held public debt* – внутренний государственный долг), содержащиеся в нем легальные определения не дают оснований для двоякого толкования данных институтов. Однако на уровне правовой и экономической теории между названными институтами возникает коллизия, смысл которой сводится к формальному объединению в рамках государственного кредита и системы предоставления государственных кредитов (займов), и государственного долга. В свою очередь, данная коллизия перетекла в учебный процесс по финансово-хозяйственной группе отраслей права. Так, в содержание Типовой учебной программы для учреждений высшего образования № ТД–Е.328/тип (утверждена Министерством образования Республики Беларусь 15 апреля 2014 г.) по дисциплине «Финансовое право» для специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06 «Политология», 1-24 01 01 «Международное право» включена тема № 12 «Государственный кредит и государственный долг», которая ничем не противоречит пп. 1.26 п. 1 ст. 1 Бюджетного кодекса. Однако в процессе анализа учебной и научной литературы по циклу отраслей права финансово-хозяйственной группы, по экономическим и финансовым дисциплинам можно вывести усредненное теоретическое определение термина «государственный кредит», смысл которого сводится к тому, что это институт финансового права и финансовой системы государства, представляющий совокупность финансово-правовых норм и государственных институтов, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе привлечения государством временно свободных денежных средств юридических и физических лиц на условиях добровольности, возвратности, срочности и возмездности в целях покрытия бюджетного дефицита и регулирования денежного обращения, а также в целях предоставления государством денежных средств в кредит зарубежным государствам и иным субъектам международного права.

Данная позиция следует из работ таких белорусских ученых как А. А. Пилипенко [1, с. 442], Г. А. Воробей [2], А. А. Вишневецкий, И. В. Сауткин, С. М. Тихоненко [3], В. А. Круглов, Е. И. Орлова [4]. Кроме того, в современной постсоветской литературе государственный кредит в описанном выше теоретическом понимании подразделяют также на внутренний и международный.

При этом в противоречие с пп. 1.26 п. 1 ст. 1 Бюджетного кодекса, определяющим правовую природу института государственного кредита, в структуру его теоретического понимания включаются элементы института государственных заимствований и института государственных займов, легальные определения которых также содержатся в ст. 1 Бюджетного кодекса.

Кроме того, указанный выше теоретический подход не учитывает содержание пп. 1.19¹ п. 1 ст. 19 Бюджетного кодекса, определяющего правовую природу внутренних государственных заимствований посредством такого довольно своеобразного института, свойственного белорусской системе монетарного регулирования экономики, как внутренний долг, гарантированный Республикой Беларусь, представляющий собой сумму основного долга по кредитам, предоставленным белорусскими банками резидентам Республики Беларусь под гарантии Правительства Республики Беларусь, на определенный момент времени. Упускается также такой немаловажный фактор, как возможность привлечения временно свободных финансовых ресурсов в банковском секторе посредством использования негосударственных ценных бумаг, эмитируемых Национальным банком Республики Беларусь (причем в данном случае речь может идти не только о деньгах, но и о валютных ценностях, деривативах, находящихся в законном владении банков и небанковских кредитно-финансовых организаций). Не учитывается в названном выше теоретическом подходе к определению правовой природы института государственных заимствований и используемый в Республике Беларусь институт обязательной продажи экспортными валютной выручки, выступающий в качестве средства регулирования ликвидности, фактически являющийся не только механизмом монетарного регулирования, но и скрытым способом заимствования государством иностранной валюты у субъектов хозяйствования, хотя и совершенно на иных принципах, чем свойственны классическим формам государственных заимствований.

Причины такого противоречия стоит искать в истоках современной национальной правовой науки, являющейся прямым правопреемником советской юридической школы, которая, в свою очередь, зародилась на теоретических наработках юридической школы Российской империи, а также в фактическом следовании канонам, сложившимся в советский период и перекочевавшим с современную российскую правовую науку, базирующуюся на современном этапе на совершенно иной правовой доктрине российского государства, не совпадающей концептуально с правовой доктриной, свойственной Республике Беларусь.

На протяжении всего периода своего существования с момента их зарождения правовые, экономические и финансовые школы российского государства все время «догоняли» западную теорию и практику регулирования финансовых и экономических отношений, которые в актуальном для современности состоянии прошли несколько этапов становления:

предклассический период школы экономической теории и теории бюджетной и монетарной политики, в течение которого зародились и функционировали два направления – меркантилисты (приверженцы доктрины использования государством заимствований) и физиократы (противники использования данной доктрины, склонявшиеся к теории неприкосновенности финансовых ресурсов «продуктивных секторов экономики»), заложившие основу известной современному миру системы экономических и финансовых взаимоотношений между государством и обществом (детальное описание указанных подходов можно обнаружить, например, в работах российского ученого Д. Л. Головачева [5, с. 12]). Именно в предклассическом периоде был выработан институт «кредитного финансирования государственных расходов». Причем именно в этот период система отношений в структуре данного института была четко разделена на два направления – государственный долг и государственный кредит, функциональное назначение которых в полном объеме совпадает с содержанием таковых в Бюджетном кодексе;

классический период экономической теории и теории бюджетной и монетарной политики, представленной прежде всего такими мыслителями, как А. Смит [6] и Д. Рикардо [7], в работах которых получил дальнейшее развитие механизм кредитного финансирования государственных расходов (также включавший в себя систему государственных кредитов и государственного долга), несмотря на отрицательное отношение классической школы к его использованию;

постклассический период, сформировавшийся на основе исторической школы экономики Германии, наиболее ярко представлен изысканиями немецкого экономиста А. Вагнера, к заслугам которого относят выработку четких подходов к формулированию принципов и подходов в системе кредитного финансирования государственных расходов, все так же состоящей из государственного кредита и государственного долга, понимание которых совпадает с нормами Бюджетного кодекса;

кейнсианский период экономической теории и теории бюджетной и монетарной политики, в течение которого подходы к определению правовой природы кредитного финансирования государственных расходов также не претерпели изменений [8];

современный период (его еще можно назвать Бреттон-Вудским периодом), наиболее яркими представителями которого, исследовавшими проблемы кредитного финансирования государственных расходов, являются авторы учебника «Экономикс» К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю [9], а также основной теоретик современной системы монетаризма – Милтон Фридмен [10]. Каноны современной теории и теории бюджетной и монетарной политики в области кредитного финансирования государственных расходов, нашедшие свое отражение в деятельности Международного валютного фонда и Группы Всемирного банка, в полном объеме имплементированы в национальное бюджетное, монетарное, банковское и инвестиционное законодательство. Следует отметить, что в силу Специального стандарта распространения данных (ССРД), разработанного и используемого Международным валютным фондом во взаимоотношениях с государствами-членами, нет упоминания о государственном кредите в контексте, используемом в белорусской теории финансового права. В признанном во всем мире «Экономиксе» также четко разграничиваются такие явления, как государственный долг и предоставление кредитов правительством. В общепринятой во всем мире концепции термин «правительственный кредит (*government credit*)» в полном объеме совпадает с определением государственного кредита (займа), содержащегося в Бюджетном кодексе.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что действующее по состоянию на 2014 г. национальное законодательство Республики Беларусь в полной мере соответствует всем существовавшим и существующим ны-

не подходам к определению правовой природы института государственного кредита, однако данное обстоятельство фактически не нашло своего отражения в современной национальной правовой, экономической и финансовой науках, что, в свою очередь, повлекло некорректные подходы к образовательной деятельности в указанных сферах высшего и среднего специального образования в нашей стране.

Причинами, способствовавшими этому:

сформировавшиеся к середине XIX в. в Российской империи экономическая и финансовая школы (теоретические выкладки которых впоследствии перекочевали в советскую и современную российскую школы), определившие содержание финансово-правовой науки в данном государстве, базировались на наработках западноевропейских и американских ученых. Справедливо предположить либо некорректный перевод на русский язык иностранной терминологии, либо попытку своеобразного подхода к определению природы бюджетной системы (что свойственно российской ментальности, всячески не желающей «идти на поводу» у Запада). Это повлекло за собой использование вместо термина «кредитное финансирование государственных расходов» термина «государственный кредит» (данное обстоятельство фактически вытекает из работ таких ученых, как М. Алексеенко [11], А. Исаев [12], М. Боголепов [13]). Сложившийся подход, вследствие того что наше государство было инкорпорировано в Российскую империю с 1895 по 1991 г., перекочевал, таким образом, в современную белорусскую науку и не претерпел трансформации вслед за национальным законодательством. Как результат, коллизия между теорией национального финансового права и фактическим содержанием отрасли финансового права;

современный Бюджетный кодекс не содержит легального определения института «кредитное финансирование государственных расходов», хотя и в полном объеме раскрывает его правовую природу и фактическое содержание;

современное бюджетное законодательство недостаточно четко раскрывает взаимодействие бюджетного регулирования в области кредитного финансирования государственных расходов и регулирования данного института в рамках монетарной, инвестиционной и банковской политики, что предоставляет почву для некорректной интерпретации правовой природы института государственного кредита;

следование современной белорусской правовой школы за идеями и наработками российских теоретиков, которые зачастую не соответствуют действительному положению дел. Данное обстоятельство также дополняется совершенно разными концептуальными подходами к определению содержания института государственного кредита в белорусском и российском бюджетном законодательстве. Так, например, действующий Бюджетный кодекс Российской Федерации, как и Бюджетный кодекс Республики Беларусь, определяющий правовую природу института государственных кредитов, иным образом подходит к определению его содержания, классифицируя такие кредиты на следующие виды: государственный финансовый кредит и государственный экспортный кредит [14, ст. 122]. Бюджетный кодекс такого подхода не содержит, что влечет возможность предоставления нашим государством только государственных финансовых кредитов (в случае предоставления именно кредитов, по которым у иностранных государств, международных организаций и иных нерезидентов Республики Беларусь возникают долговые обязательства перед Республикой Беларусь как кредитором). Это не исключает установления целевого характера такого государственного кредита, связанного с предоставлением бюджетных денежных ресурсов для целей обеспечения экспортных поставок национальными производителями. При этом термин «экспортный кредит» в национальном праве Республики Беларусь используется при регулировании банковских отношений и под ним подразумевается разновидность банковского кредитного продукта, предоставляемого субъектам хозяйствования – резидентам Республики Беларусь, не связанного напрямую с системой бюджетных правоотношений, что нашло закрепление в Указе Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 534 «О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг)» [15].

В этой связи возникает еще одно противоречие в определении природы института государственного кредита, культивируемого в теории финансового права и закрепленного нормами Бюджетного кодекса. Как уже говорилось ранее, в литературе государственный кредит (в критикуемом настоящем исследовании контексте) подразделяется на внутренний и международный. Выделение международного государственного кредита терминологически не противоречит положениям пп. 1.26 п. 1 ст. 1 Бюджетного кодекса. Однако в современной действительности внутренний государственный кредит (то есть фактическое предоставление Республикой Беларусь кредитов (займов) на условиях, аналогичных международному государственному кредиту (займу), резидентам Республики Беларусь) в силу обязательств Республики Беларусь перед МВФ, Евразийским экономическим союзом, а также в силу стремления нашей страны к вступлению в ВТО становится невозможным, поскольку будет противоречить принципам, закрепленным в Законе Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 346-3 «О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами», в Соглашении о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (ратифицировано Законом Республики Беларусь от 9 июля 2008 г. «О ратификации Соглашения о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран»), в Соглашении о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства от 9 декабря 2010 г. и в иных нормативных правовых актах, входящих в структуру законодательства ЕАЭС. Данные обязательства исключают возможность использования прямого кредитования за счет бюджетных ресурсов государства как отдельных субъектов хозяйствования, так и секторов национальной экономики, поскольку в данном случае Республика Беларусь должна придерживаться классификации мер государственной поддержки, принятой в ВТО и в ЕАЭС, весь массив которых подразделяется на три группы: меры, не оказывающие искажающего воздействия на торговлю – меры, не оказывающие искажающего воздействия на взаимную торговлю государств – участников Единого экономического пространства сельскохозяйственными товарами; меры, в наибольшей степени оказывающие искажающее воздействие на торговлю – меры, в наибольшей степени оказывающие искажающее воздействие на

торговлю государств – участников Единого экономического пространства сельскохозяйственными товарами; меры, оказывающие искажающее воздействие на торговлю – меры, оказывающие искажающее воздействие на взаимную торговлю государств – участников Единого экономического пространства сельскохозяйственными товарами [16].

Следует четко закрепить в теории современного финансового права, что любое предоставление Республикой Беларусь ресурсов, входящих в структуру централизованных фондов финансовых ресурсов, ограничено такими институтами, как меры государственной поддержки (определяются Указом Президента Республики Беларусь от 28 марта 2006 г. № 182 «О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям», а также рядом международных договоров, участником которых Республика Беларусь является в структуре Единого экономического пространства) или же национальные государственные инвестиции. В последнем случае может быть использован механизм инвестиционного кредитования или финансирования на условиях банковского кредита в рамках функционирования ОАО «Банк развития Республики Беларусь». И хотя, как следует из Доклада МВФ по стране № 13/18, размещенного на официальном сайте Представительства МВФ в Республике Беларусь, в республике широко используются институты директивного и субсидируемого кредитования, в силу действующего бюджетного, инвестиционного, банковского законодательства и законодательства о ценных бумагах, в Беларуси не предусмотрен институт внутреннего государственного кредита, а использование подобного термина в научной и учебной литературе является неправомерным.

Таким образом, в национальной правовой и финансовой системах объективно существует и функционирует детально проработанный законодателем механизм кредитного финансирования государственных расходов, черты которого, тем не менее, четко не очерчены законодателем в действующем бюджетном законодательстве страны. При этом в государстве законодательно закреплено определение института государственного кредита, не совпадающее с широко распространенной в теории финансового права его трактовкой, использующей расширительное толкование норм Бюджетного кодекса Республики Беларусь о государственном кредитовании. В этой связи целесообразным было бы осуществление легального толкования термина «государственный кредит» Национальным собранием Республики Беларусь, сопряженного с одновременным внесением в Бюджетный кодекс Республики Беларусь изменений и дополнений, целью которых является формальное закрепление в национальном законодательстве фактически существующего института «кредитного финансирования государственных расходов», с выработкой его четкой теоретической и законодательной структуры, в которую следует включить два основополагающих структурных элемента, противоположных по своей правовой и экономической природе:

1. Государственный долг как совокупность внешнего государственного долга и внутреннего государственного долга на определенный момент времени, включающий в себя: систему внутренних государственных заимствований; систему внешних государственных заимствований; систему гарантий Правительства Республики Беларусь и гарантий местных исполнительных и распорядительных органов; систему использования в структуре государственного долга инструментов банковского финансирования, осуществляемого Белорусским банком развития, банковского кредитования, а также инструментария негосударственных ценных бумаг, эмитируемых Национальным банком Республики Беларусь, и корпоративных ценных бумаг; систему учета совокупного внешнего долга Республики Беларусь; систему управления государственным долгом; систему взаимодействия института государственного долга с институтами платежного и торгового балансов; систему денежной эмиссии как средства обеспечения погашения долговых обязательств посредством инструментария монетарного регулирования; систему рефинансирования государственного долга за счет внутренних резервов без использования новых заимствований.

2. Государственный кредит, включающий в себя предоставление кредитов (займов), по которым у иностранных государств, международных организаций и иных нерезидентов Республики Беларусь возникают долговые обязательства перед Республикой Беларусь как кредитором.

Список использованных источников

1. Пилипенко, А. А. Финансовое право : учеб. пособие / А. А. Пилипенко. – Минск : Кн. Дом, 2007. – 608 с.
2. Воробей, Г. А. Финансовое право Республики Беларусь : конспект лекций / Г. А. Воробей, В. Д. Яковлева. – Минск : Амалфея, 2012. – 143 с.
3. Вишневский, А. А. Финансовое право : курс лекций / А. А. Вишневский, И. В. Сауткин, С. М. Тихоненко ; под общ. ред. А. А. Вишневского. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 266 с.
4. Круглов, В. А. Финансовое право / В. А. Круглов, Е. И. Орлова. – Минск : Тетралит, 2014. – 223 с.
5. Головачев, Д. Л. Государственный долг. Теория, российская и мировая практика / Д. Л. Головачев. – М. : ЧеРо, 1998. – 176 с.
6. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 654 с.
7. Рикардо, Д. Сочинения : в 2 т. / Д. Рикардо ; пер. с англ. – М. : Соцэкгиз, 1955.
8. Кейнс, Д. Общая теория занятости, процента и денег / Д. Кейнс. – М. : Прогресс, 1978. – 458 с.
9. Макконнелл, К. Р. Экономикс : принципы, проблемы и политика : в 2 т. / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю ; пер. с англ. – Таллинн : Римол, 1993.
10. Фридмен, М. Если бы деньги заговорили... / М. Фридмен ; пер. с англ. Л. С. Микша, А. М. Семенов. – М. : Дело, 1998. – 160 с.
11. Алексеенко, М. М. Государственный кредит: очерк нарастания государственного долга в Англии и Франции / М. М. Алексеенко. – Харьков : Унив. тип., 1872. – 466 с.
12. Исаев, А. А. Государственный кредит / А. А. Исаев. – Ярославль : Тип. Г. В. Фальк, 1886. – 159 с.
13. Боголепов, М. И. Государственный долг (к теории государственного кредита) / М. И. Боголепов. – СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1910. – 588 с.
14. Бюджетный кодекс Российской Федерации : 31 июля 1998 г., № 145-ФЗ : принят Гос. Думой 17 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г. : в ред. Федер. закона от 26.12.2014 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31 – Ст. 3823.
15. О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг) : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 534 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 143. – 1/7870.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Кучура Петр Игоревич, доцент кафедры адвокатуры, аспирант Международного университета «МИТСО»

Взаимодействие государства, общества и частного бизнеса как субъектов инновационного развития связано с внедрением государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), направленного на снижение рисков в инвестиционных и предпринимательских сферах. Государственно-частное партнерство рассматривается в настоящее время как один из инновационных механизмов развития белорусской экономики. Данный институт широко известен за рубежом. Однако единые требования к формам такого партнерства, принципам правового регулирования отсутствуют. Этот факт определяет актуальность рассматриваемой тематики, ее практическую и теоретическую востребованность в белорусской науке.

ГЧП – общее понятие, обозначающее совокупность механизмов привлечения ресурсов, финансовых и организационных возможностей и усилий частного сектора органами публичной власти в публичных интересах и охватывающее широкий спектр взаимовыгодных коммерческих и организационных отношений между публичным и частным секторами, основанных на совместных усилиях по достижению искомых результатов для публичного сектора услуг. Данное понятие часто используется для обобщенного обозначения соглашений между государственным сектором и частными организациями, но такое использование не вполне корректно, так как при этом происходит смешивание ГЧП как особой формы имеющего особое содержание взаимодействия государства и частного сектора с другими формами.

Содержание понятия «государственно-частное партнерство» является не вполне определенным. Отсутствует законодательство о ГЧП, слабо детализированы и противоречивы правовые механизмы ГЧП, отсутствуют четко зафиксированные приоритеты ГЧП, прежде всего в части определения отраслей, в которых ГЧП следует считать оправданным. Для внедрения механизмов взаимодействия публично-правовых образований и частного сектора необходимо создать институциональную среду, основанную на системе правовых норм. Данная система должна являться совокупностью норм как публичного, так и частного права, а также должна объединить не только материальные, но и процессуальные нормы права. Поэтому в определении ГЧП должно быть четко установлено, что это межотраслевой правовой институт, нормы регулирования которого основываются на нормах конституционного, гражданского, административного, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права [1, с. 60].

Термин «государственно-частное партнерство» является переводом с английского языка понятия *public-private partnership*. ГЧП рассматривается как юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество органов (организаций) государственной власти и субъектов предпринимательской деятельности в отношении объектов, находящихся в сфере непосредственного государственного интереса и контроля, а также услуг, осуществляемых государством. Это сотрудничество предполагает объединение ресурсов и распределение рисков между партнерами, осуществляемое в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное государственное и общественное значение. ГЧП может осуществляться в различных сферах деятельности [2, с. 50]. В мировой практике существуют различные определения ГЧП.

Всемирный банк определяет ГЧП как соглашения между публичной и частной сторонами по поводу производства и оказания инфраструктурных услуг, заключаемые с целью привлечения дополнительных инвестиций, и, что еще более важно, как средство повышения эффективности бюджетного финансирования. В Евросоюзе под этим термином принято понимать «формы кооперации между общественными властями и бизнесом, которые служат цели обеспечения финансирования, строительства, модернизации, управления, эксплуатации инфраструктуры или оказания услуг».

В отдельных странах ЕС существуют также свои определения ГЧП. В Великобритании, где ГЧП получило довольно широкое распространение, эта форма хозяйствования определяется как «ключевой элемент стратегии правительства по обеспечению современного, высококачественного коммунального обслуживания и повышению конкурентоспособности страны».

Государственно-частные партнерства имеют широкий диапазон бизнес-структур и форм товарищества: от «частной финансовой инициативы» до совместных предприятий и концессий, аутсорсинга, продажи части акций в принадлежащих государству предприятиях, осуществляющих коммерческую деятельность.

В Германии под ГЧП понимается в большинстве случаев «закрепленное договором долгосрочное сотрудничество государственных исполнительных органов, с одной стороны, и частного сектора экономики – с другой, при котором необходимые для получения взаимной выгоды ресурсы (например, ноу-хау, средства производства, капитал, персонал и т. д.) вносятся в качестве капитала в совместное предприятие, создаваемое в определенной организационно-правовой форме, а имеющиеся риски проекта оптимально распределяются и управляются в соответствии с компетентностью партнеров» (данная формулировка используется Федеральным министерством транспорта, строительства и жилищного хозяйства Германии) [3].

В США ГЧП понимается как закрепленное в договорной форме соглашение между государством и частной компанией, позволяющее последней в согласованной форме участвовать в государственной собственности и исполнять

функции, традиционно лежащие в сфере ответственности публичной власти. Такое соглашение предполагает наличие соглашения между правительством и частной компанией, предметом которого выступают реконструкция, строительство объекта государственной собственности и/или его эксплуатация, управление и т. п. [1, с. 62].

В Российской Федерации ГЧП рассматривается как взаимовыгодное сотрудничество (отношения) государства и частного бизнеса в реализации социально значимых проектов, но реализуется такое сотрудничество в самых различных формах. Заслуживает внимания определение, представленное российским ученым В. Г. Варнавским: «ГЧП – это стратегический, институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности, вплоть до сферы услуг» [4, с. 26]. А. В. Белицкая рассматривает ГЧП как юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество органов и организаций публичной власти и субъектов частного предпринимательства в отношении объектов, находящихся в сфере непосредственного государственного интереса и контроля, предполагающее объединение ресурсов и распределение рисков между партнерами, осуществляемое в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное государственное и общественное значение.

Сложным остается вопрос об определении правовой природы отношений по ГЧП. Многие ученые склоняются к тому, чтобы рассматривать отношения в сфере ГЧП как гражданско-правовые. Свою точку зрения они обосновывают следующим: «ГЧП предусматривает большое количество институтов и категорий гражданского права, в том числе институт юридических лиц, договоры и соглашения, возможность использования смешанных договоров, институты собственности и ответственности, недвижимое имущество, права и обязанности сторон, залог и т. д. При этом обязательным участником отношений в сфере ГЧП является публично-правовое образование – Российская Федерация или ее субъекты, что прямо допускается ГК РФ» [5, с. 41].

На сегодняшний день большинство форм ГЧП реализуются в рамках договорных отношений между публично-правовыми образованиями и частными лицами. Соответственно, правовой аспект участия государства в партнерских отношениях обнаруживает особенности правового положения государства как участника гражданско-правовых отношений.

Однако при рассмотрении государства как субъекта частного, а не публичного права очевиден дуализм его правового положения в данной сфере. В первую очередь такой дуализм выражается в том, что, вступая в частно-правовые отношения от собственного имени, государство, хотя и не утрачивает свой неотъемлемый признак – публичную власть, но не может ее использовать в силу принципа равенства правового режима всех субъектов гражданского права [6, с. 5].

Действующий ГК Республики Беларусь прямо указывает на государство как на субъект гражданского права (п. 3 ст. 2 ГК). По сообщению пресс-службы Министерства экономики Республики Беларусь, в Беларуси доработан проект концепции Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве». Правовой основой для подготовки закона стала Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», принятая для дальнейшей либерализации белорусской экономики, повышения ее конкурентоспособности и создания благоприятных условий для динамичного и устойчивого развития, которой предусмотрено формирование правовой базы, стимулирующей развитие в Беларуси ГЧП. Данный закон призван стать основой правовой базы, стимулирующей развитие в Беларуси всех форм ГЧП. В Республике Беларусь необходимость развития института ГЧП закреплена:

Указом Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2011 г. № 136 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы»;

Указом Президента Республики Беларусь от 1 августа 2011 г. № 342 «О Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы»;

Указом Президента Республики Беларусь от 30 августа 2011 г. № 385 «Об утверждении Основных направлений государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2011–2015 годы»;

постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 июля 2011 г. № 942 «Об утверждении мероприятий по выполнению Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы».

Основная цель подготовки документа – содействие привлечению инвестиций в экономику страны, обеспечение эффективности использования имущества, находящегося в собственности государства, развитие наукоемких производств, совершенствование технологических процессов, развитие объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры.

В документе указано, что принятие закона не повлечет за собой необходимости корректировки законодательства об инвестиционных договорах, концессии, которые имеют самостоятельное правовое регулирование. Закон предоставит возможность взаимодействия государства и субъектов предпринимательской деятельности на условиях ГЧП.

Принятие его в Беларуси усилит воздействие государства на экономические отношения, повысит рост социальной активности в государстве, расширит административное регулирование сферы предпринимательской и торговой деятельности организаций, приведет к взаимному проникновению норм публичного и частного права. Именно на «границе» частного и публичного права появляются новые отраслевые и межотраслевые правовые институты, такие как институт ГЧП. Предложенные изменения законодательства призваны снять существующие ограничения и расширить возможные формы реализации проектов на принципах ГЧП.

В проекте под государственно-частным партнерством понимается долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров, направленное на реализацию проектов партнерства в целях достижения задач социально-экономического развития публично-правовых образований, повышения уровня доступности и

качества публичных услуг. Такое сотрудничество достигается посредством разделения рисков и привлечения частных ресурсов [7, с. 158].

Основные формы ГЧП: особые экономические зоны, концессионные соглашения, государственный заказ, совместное участие в капитале и в управлении проектами, арендные отношения (в том числе лизинговые), инвестиции из государственных фондов, целевые программы. Каждой группе объектов управления, каждому элементу сферы культуры соответствуют различные инструменты ГЧП [8, с. 3].

В международной практике к основным сферам применения ГЧП относятся: транспорт и транспортная инфраструктура; электро- и теплоэнергетика; телекоммуникации; строительство; жилищно-коммунальное хозяйство; финансовая, страховая, инновационная сферы.

В ряде стран механизм ГЧП используется в социальных сферах: здравоохранении (строительство, реконструкция, управление больницами и др.), спорте (строительство спортивных сооружений); образовании, культуре (реставрация памятников, реконструкция музейных комплексов) [9, с. 33].

В нашем понимании ГЧП представляет собой межотраслевой правовой институт, регулирующий взаимовыгодное сотрудничество между органами публичной власти и субъектами частного права, осуществляемое на основе объединения ресурсов, средств, собственности и опыта с целью решения стратегических, социально значимых задач государства и общества. Проекты ГЧП по правовой природе и целям рассчитаны на долгосрочное сотрудничество между государством и частным партнером. Обе стороны связаны договорными обязательствами, поэтому ГЧП – это прежде всего партнерство, предполагающее равноправные юридические отношения.

Проекты ГЧП в его различных формах активно набирают популярность в качестве инструмента создания новых объектов инфраструктуры, предоставления инфраструктурных и иных публичных услуг, организации общественных работ.

В то же время ГЧП не следует рассматривать и как принципиально новую идею или институт, сотрудничество между публичным и частным секторами для создания, обеспечения и управления инфраструктурой имеет довольно давние традиции. История существования и активного применения института ГЧП насчитывает несколько столетий в Бразилии, Испании, Италии, Мексике, США, Франции и других странах.

Список использованных источников

1. Кривопалова, А. А. О проблеме определения понятия государственно-частного партнерства / А. А. Кривопалова // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 60–62.
2. Комиссарова, С. В. Доработан проект концепции закона о государственно-частном партнерстве / С. В. Комиссарова // Налоги Беларуси. – 2013. – № 34. – С. 49–53.
3. Кнюпфер, В. Государственно-частные партнерства (ГЧП) в контексте использования современных форм управления комплексами недвижимости [Электронный ресурс] / В. Кнюпфер. – 2010. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/sobstven/analysis/corporation/5knpfer.html>. – Дата доступа: 02.09.2014.
4. Варнавский, В. Г. Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления / В.Г. Варнавский // Отечественные записки. – 2004. – № 6. – С. 24–35.
5. Белицкая, А. В. Правовое определение государственно-частного партнерства / А. В. Белицкая / Законодательство. – 2009. – № 8. – С. 38 – 49.
6. Царев, Д. Государственно-частное партнерство: правовой аспект / Д. Царев, А. Иванюк // Финансовая газета. – 2009. – № 17 – С. 5.
7. Губин, Е. П. [Рецензия] / Е. П. Губин // Предпринимательское право. – 2012. – № 1. – С. 157–159. – Рец. на монографию: Белицкая, А. В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства / А. В. Белицкая. – Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2012. – 348 с.
8. Петров, А. И. Формирование механизма государственно-частного партнерства в сфере культуры : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А. И. Петров. – СПб., 2012. – 32 с.
9. Тур, А. Н. Особенности формирования государственно-частного партнерства в Республике Беларусь / А. Н. Тур // Право и управление. – 2011. – № 2. – С. 33.

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Лисецкий Сергей Константинович, старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета, г. Самара

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» внесен ряд существенных новелл относительно правового положения юридических лиц, в частности их ликвидации. Прежде всего подчеркнем, что ликвидация юридического лица влечет не только конкретные юридические последствия, о которых будет сказано ниже, но и приводит к его прекращению как субъекта гражданского права, то есть как носителя гражданской правосубъектности. В литературе применительно к юридическому лицу, как правило, говорят о правоспособности и ее видах (общей и специальной). Дееспособность же юридического лица подробно не освещается, поскольку, по мнению многих авторов, в этом нет особой необходимости, так как у указанного субъекта, в отличие от граждан, правоспособность и дееспособность возникают и прекращаются одновременно и существуют неразрывно [1]. К сожалению, изменения, которые в настоящее время внесены в ГК РФ, данный вопрос практически не затрагивают.

Обращаясь к анализу легальных новелл, касающихся ликвидации юридического лица, в первую очередь отметим, что изменилось само понятие ликвидации юридического лица, состоящее в том, что в новой редакции п. 1 ст. 61 ГК речь идет об отсутствии в данном случае универсального правопреемства. Это означает, что при ликви-

дации юридического лица сингулярное правопреемство допускается, что вполне соответствует реальному положению дел, поскольку его имущество в процессе ликвидации переходит к другим лицам.

Далее, более системное регулирование получил порядок ликвидации названного субъекта по решению суда. Так, уточнен перечень оснований такой ликвидации, который, в отличие от прежней редакции, одновременно содержит указание и на истцов. Вместе с тем судебный порядок ликвидации претерпел изменения и с точки зрения существа. Согласно п. 5 ст. 61 ГК РФ решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, могут быть возложены обязанности по осуществлению ликвидации этого субъекта. Причем неисполнение решения суда является основанием для осуществления этой процедуры арбитражным управляющим за счет имущества юридического лица, что является абсолютно новой нормой. Отметим также, что назначение арбитражного управляющего предусмотрено и в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения учредителями (участниками) юридического лица обязанностей по его ликвидации по иску заинтересованного лица или уполномоченного государственного органа, которые при наличии такого нарушения вправе потребовать в судебном порядке ликвидации юридического лица (п. 5 ст. 62 ГК).

Введено общее правило, что все действия по ликвидации юридического лица должны совершиться за счет имущества последнего, а при недостаточности такого имущества учредители (участники) юридического лица обязаны совершить указанные действия солидарно за свой счет (или такие расходы возлагаются на них солидарно по решению суда) (п. 5 ст. 61, п. 2 ст. 62 ГК). Причем при невозможности ликвидации юридического лица ввиду отсутствия средств на расходы, необходимые для его ликвидации, и невозможности возложить эти расходы на его учредителей (участников) юридическое лицо подлежит исключению из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц (п. 6 ст. 62 ГК).

Более детально урегулирован порядок ликвидации юридического лица. Например, расширен состав сведений, включаемых в промежуточный ликвидационный баланс, составляемый ликвидационной комиссией, путем указания в нем перечня требований, удовлетворенных вступившим в законную силу решением суда, независимо от того, были ли такие требования приняты ликвидационной комиссией (п. 2 ст. 63 ГК). Новеллированы правила о продаже имущества юридического лица с торгов в случае, если имеющиеся у ликвидируемого юридического лица (кроме учреждений) денежные средства недостаточны для удовлетворения требований кредиторов. Теперь для продажи объектов стоимостью не более ста тысяч рублей (согласно утвержденному промежуточному ликвидационному балансу) проведение торгов не требуется. На практике в связи с этим могут возникнуть вопросы по поводу определения такой стоимости, поскольку данные бухгалтерского баланса, на основе которого составляется и промежуточный ликвидационный баланс, не всегда отражают действительную стоимость имущества. Детально определена также судьба имущества юридического лица, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов. Согласно п. 8 ст. 63 ГК РФ такие последствия различаются в зависимости от того, является ли юридическое лицо коммерческой или некоммерческой организацией: в первом случае оно передается его учредителям (участникам), имеющим вещные права на это имущество или корпоративные права в отношении юридического лица, во втором – направляется в соответствии с уставом некоммерческой организации на цели, для достижения которых она была создана, и (или) на благотворительные цели (если не установлено иное). Интересно отметить, что при наличии спора между учредителями (участниками) относительно того, кому следует передать вещь, она продается ликвидационной комиссией с торгов.

Главная же особенность нормирования порядка ликвидации юридического лица состоит в том, что теперь он согласован с процедурой банкротства, которая в случае ее возбуждения ведет к прекращению ликвидации юридического лица, осуществляемой по общим правилам, о чем ликвидационная комиссия уведомляет всех известных ей кредиторов. Кроме того, в случае недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица для удовлетворения требований кредиторов или при наличии признаков банкротства юридического лица ликвидационная комиссия обязана обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве юридического лица, если такое юридическое лицо может быть признано несостоятельным (банкротом) (п. 3, 4 ст. 63 ГК).

Внесен ряд нововведений и относительно удовлетворения требований кредиторов ликвидируемого юридического лица (ст. 64 ГК). Во-первых, установлен подход, при котором требования кредиторов удовлетворяются только после погашения текущих расходов, необходимых для осуществления ликвидации. Во-вторых, уточнены порядок удовлетворения требований при ликвидации банков и очередность удовлетворения требований кредиторов. Так, установлено, что требования кредиторов о возмещении убытков в виде упущенной выгоды, о взыскании неустойки (штрафа, пени), в том числе за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате обязательных платежей, удовлетворяются после удовлетворения требований кредиторов предыдущих четырех очередей. В-третьих, теперь правило о последствиях недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица, состоящих в его распределении между кредиторами соответствующей очереди пропорционально размеру требований, подлежащих удовлетворению, применяется только к такому юридическому лицу, которое не может быть признано несостоятельным (банкротом). Изложенный подход еще раз свидетельствует о стремлении законодателя соотнести общий и специальный порядок ликвидации юридического лица. В-четвертых, впервые подробно урегулированы последствия обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из единого государственного реестра юридических лиц, состоящие в назначении судом по иску заинтересованного лица или уполномоченного государственного органа процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право. В этом случае суд назначает арбитражного управляющего, на которого возлагается обязанность распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица. Введение указан-

ной процедуры имеет временные рамки, поскольку заявление о ее назначении может быть подано в течение пяти лет с момента внесения в единый государственный реестр сведений о прекращении юридического лица. Кроме того, установлены и иные ограничения, состоящие в том, что эта процедура может быть назначена при наличии средств, достаточных для ее осуществления, и возможности распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц. Это новый институт, его появление в ГК отвечает интересам кредиторов, однако только практика его применения сможет выявить сильные и слабые стороны такого правового регулирования.

В ГК появилась новая статья (64.1) с названием «Защита прав кредиторов ликвидируемого юридического лица». Такая защита состоит в том, что кредитор в случае отказа ликвидационной комиссии удовлетворить его требование или уклонения от его рассмотрения вправе (до утверждения ликвидационного баланса юридического лица) обратиться в суд с иском об удовлетворении его требования к ликвидируемому юридическому лицу. При этом выплата присужденной ему денежной суммы производится в порядке очередности. Кроме того, специально предусмотрена ответственность членов ликвидационной комиссии (ликвидатора), которые обязаны возместить убытки, причиненные ими учредителям (участникам) ликвидированного юридического лица или его кредиторам. В этом случае действуют правила, касающиеся ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица, предусмотренные ст. 53.1 ГК. Теперь отдельная статья ГК (64.2) посвящена и прекращению недействующего юридического лица. Таковым считается юридическое лицо, которое в течение двенадцати месяцев, предшествующих его исключению из соответствующего реестра, не представляло документы отчетности, предусмотренные законодательством РФ о налогах и сборах, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету. Его исключение из единого государственного реестра юридических лиц влечет правовые последствия, предусмотренные применительно к ликвидированным юридическим лицам, и не препятствует привлечению к ответственности лиц, указанных в ст. 53.1 ГК РФ.

Сегодня возникает настоятельная необходимость в определении на доктринальном уровне правового статуса ликвидационной комиссии, которая, в частности, наделяется законом правами и обязанностями, связанными с продажей имущества юридического лица с торгов и обращением в арбитражный суд (при определенных условиях) с заявлением о банкротстве юридического лица, то есть действует как участник гражданского оборота и судебного процесса.

Список использованных источников

1. Козлова, Н. В. Правосубъектность юридического лица / Н. В. Козлова. – М. : Статут, 2005.

КОНЦЕПЦИИ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Маньковский Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Концепция логической структуры правовой нормы является предметом научных исследований уже на протяжении не менее двух столетий. Так, в XIX в. концепцию логической структуры правовой нормы исследовали такие известные ученые, как Д. Д. Гримм, Н. М. Коркунов и др.

В советский период развития юридической мысли соответствующие исследования проводили С. А. Голунский, Ю. С. Жицинский, О. С. Иоффе, С. В. Курылев, В. С. Основин, А. С. Пиголкин, М. С. Строгович, Н. П. Томашевский, М. Д. Шаргородский, Л. С. Явич и др.

В современный период указанная тема была предметом исследования таких ученых, как В. К. Бабаев, В. А. Белов, А. Б. Венгеров, А. Ф. Вишнеvский, И. А. Горбатов, С. Г. Дробязко, В. С. Козлов, В. М. Корельский, В. А. Кучинский, О. Э. Лейст, В. С. Нерсесянц, В. Д. Перевалова, А. В. Поляков, В. М. Сырых, В. Н. Хропанюк, А. Ф. Черданцев и некоторых других.

Несмотря на многочисленные исследования, единая научная концепция выработана так и не была, что является основанием для проведения дальнейших исследований в указанной области.

В начале исследования необходимо отметить, что правовая норма представляет собой специфическую систему, состоящую из нескольких логически связанных между собой элементов, совокупность которых, рассмотренная с точки зрения единства существующих между ними связей, по мнению А. В. Полякова, называется структурой правовой нормы [1, с. 468], под которой, по утверждению Ю. С. Жицинского, «обычно понимается логическая формула, способствующая лучшему пониманию права в целом и отдельных правовых норм, ясному их изложению в... нормативных правовых актах, правильному применению в жизни» [2, с. 8].

«Структура нормы права, – согласно утверждению А. Ф. Черданцева, – это способ организации ее содержания...» [3, с. 49].

Необходимо отметить, что термин «норма права» в правоведении используется в двух значениях. В первом значении термину «норма права» обозначают норму-предписание, или норму «закона», представляющую собой формально определенное правило поведения, имеющее представительство-обязывающий характер, отвечающее признаку нормативности и выраженное грамматическими предложениями, размещенными в статьях, пунктах, аб-

зацах и т. п. нормативного правового акта. Во втором значении термином «норма права» обозначают норму-суждение имплицативного типа, представляющую собой сложное условное логическое умозаключение о поведенческих возможностях субъектов системы права при различных фактических обстоятельствах, возникновение (наступление) которых допускается государством посредством закрепления в нормативных правовых актах норм «закона» (норм-предписаний).

В своем первом значении термин «норма права», точнее термин «норма закона», используется практической юриспруденцией и представляет собой руководство к действию для практикующих юристов, содержание которого не подлежит научному изучению, не может быть предметом научной дискуссии об его истинности или ложности. Норма «закона» может оцениваться с точки зрения справедливости или несправедливости, однако результаты такой оценки не могут повлиять на процедуру ее обязательного применения (принуждения к исполнению при помощи аппарата государственного принуждения), которое основано на принципе «*Dura lex, sed lex*» («Суров закон, но он закон»). Приведенный принцип можно также интерпретировать как «плох закон, но он закон», что в целом означает одно и то же, а именно, каково бы ни было содержание нормативного правового акта, его нормы необходимо исполнять во избежание применения государством мер принудительного воздействия, что в полной мере относится к нормативным правовым актам, содержащим нормы публичных отраслей права.

Во втором своем значении термин «норма права» используется цивилистической наукой и понимается как логическое умозаключение, являющееся основой для создания различных юридических конструкций о правах и обязанностях субъектов, которые (юридические конструкции) составляют предмет научного изучения, в том числе научной критики, в рамках юридической догматики, на что обращает внимание В. А. Белов [4, с. 96–97].

Следовательно, можно констатировать тот факт, что норма гражданского права как логическое суждение имплицативного типа служит для связи фактического поведения людей с предусмотренными государством юридическими последствиями, а норма-предписание, закрепленная в нормативном правовом акте, – для доведения до участников экономических отношений модели юридически значимого поведения, допускаемого или запрещаемого на государственной территории в процессе удовлетворения экономических интересов, возможных юридических последствий такого поведения и пределах изменения правового положения лиц, осуществляющих экономическую деятельность и признаваемых субъектами гражданского права в целях применения к ним юридических последствий.

Как утверждает А. С. Пиголкин, «структура правовой нормы является логической формулой, которая позволяет углубить познание права в целом и отдельных правовых норм... в частности» [5, с. 169].

Согласно выводам, сделанным в многочисленных научных исследованиях, проведенных в рамках науки «теория права», в настоящее время можно констатировать существование двух концепций логической структуры правовой нормы: концепции двухэлементной («двухзвенной») структуры и концепции трехэлементной («трехзвенной») структуры правовой нормы. В соответствии с концепцией двухэлементной структуры правовая норма состоит из гипотезы и диспозиции, а согласно концепции трехэлементной структуры – из гипотезы, диспозиции и санкции, которые рассматриваются в качестве взаимосвязанных элементов, составляющих логическую структуру правовой нормы.

Необходимо отметить, что в настоящее время в теории права и, как следствие, в цивилистической науке преобладающей является получившая свое развитие в советский период концепция трехэлементной структуры правовой нормы, на что обращают внимание О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, согласно утверждению которых «по общепринятому в советской юридической литературе мнению всякая правовая норма состоит из трех частей: гипотезы, диспозиции и санкции» [6, с. 152–160]. Вместе с тем названные ученые все же отмечают, что обязательными элементами правовой нормы следует считать только гипотезу и диспозицию, обосновывая свою позицию тем, что отдельные нормы права не имеют своих санкций, а их исполнение поддерживается либо санкциями, содержащимися в других нормах, либо всей системой права [6, с. 160]. Трехэлементную концепцию структуры правовой нормы поддерживает А. С. Пиголкин [7, с. 5].

На тот факт, что учение о трехэлементной структуре правовой нормы является порождением советской юридической науки, указывает Н. П. Томашевский, согласно точке зрения которого «это утверждение, сформулированное М. С. Строговичем еще в 1940 году, с тех пор неизменно повторяется в качестве аксиомы до настоящего времени: «Как известно, каждая правовая норма состоит из следующих неразрывно связанных элементов: гипотеза, диспозиция и санкция» [8, с. 203]. При этом Н. П. Томашевский указывает, что «это учение, несмотря на широкое признание его, покоится на существенном заблуждении. В действительности состав правовой нормы независимо от формы ее выражения исчерпывается двумя элементами» [8, с. 203], указывая на наличие в гражданско-правовой норме гипотезы и диспозиции, признавая при этом тот факт, что в уголовно-правовых нормах первый элемент называется диспозицией, а второй санкцией.

Факт доминирования на современном этапе развития юридической науки концепции трехэлементной структуры правовой нормы констатирует А. В. Поляков, согласно утверждению которого «большинство ученых, отдавая дань этатистской традиции правопонимания, отстаивают обязательную трехэлементную структуру правовой нормы» [1, с. 478].

Таким образом, изложенное позволяет утверждать, что концепция трехэлементной структуры правовой нормы в настоящий период развития юридической мысли является преобладающей, а применительно к учебной литературе – единственно применяемой на территории России и Беларуси. Это следует признать наследием советского периода развития юридической науки, на содержание которой самое непосредственное влияние оказала марксистско-ленинская концепция понимания права, что отмечалось учеными еще советского периода. В частности, А. Ф. Черданцев отмечает, что «многие дореволюционные юристы исходили из двучленного строения правовых

норм и в связи с этим признавали наличие норм, не обеспеченных санкциями... Последнее обстоятельство, противоречащее марксистско-ленинскому пониманию права как системы норм, обеспеченных государственным принуждением, предопределило критический подход к указанной точке зрения» [9, с. 41]. Непременная критика большинством советских ученых любой точки зрения, не соответствующей марксистско-ленинскому пониманию права, в том числе подтверждаемой неопровержимыми доказательствами, и, как следствие, ее провал в советский период развития юридической науки были обусловлены огромным влиянием коммунистической идеологии на все составляющие социального взаимодействия и, соответственно, отрицание советскими учеными всего «старорежимного», в том числе и разработанной учеными досоветского периода концепции двухэлементной структуры правовой нормы. Так, В. С. Явич указывает, что «критика современной идеологии империализма в области права составляет одну из задач, которые стоят перед учеными-марксистами...» [10, с. 147].

На широкое признание юридической наукой концепции трехэлементной структуры правовой нормы указывает В. К. Бабаев [11, с. 382], называя в качестве ее авторов С. А. Голунского и М. С. Строговича, приводя получившую распространение точку зрения названных ученых, опубликованную в 1940 г. в учебнике по теории государства и права, согласно которой «в правовой норме содержится прежде всего указание на условие, при котором норма подлежит применению, затем изложение самого правила поведения, наконец, указание на последствия невыполнения этого правила» [12, с. 251]. «В советской литературе это предположение впервые изложили С. А. Голунский и М. С. Строгович в учебнике «Теория государства и права». М., 1940. С. 251, и др.», – отмечает О. Э. Лейст [13, с. 558], поддерживающий предложенную названными учеными концепцию трехэлементной структуры правовой нормы. Как родоначальника концепции трехэлементной структуры правовой нормы М. С. Строговича называет В. А. Белов, предполагающий, что основанием разработки такой концепции является тезис В. И. Ленина, согласно которому «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» [4, с. 101].

Предположение В. А. Белова, по нашему мнению, не лишено оснований в свете отношения в советский период развития юридической науки к изречениям В. И. Ленина, которые рассматривались как руководство к неукоснительному соблюдению, истинность их содержания не подвергалась сомнению, по сути, признавалась аксиоматичной, и все научные исследования, проводимые в области правоведения, должны были в обязательном порядке опираться на труды В. И. Ленина, что неукоснительно соблюдалось.

Аналогичную точку зрения относительно причины введения в теоретическую науку трехэлементной структуры правовой нормы высказывает А. Ф. Черданцев, согласно утверждению которого С. А. Голунский и М. С. Строгович «очевидно, исходили из того, что, коль скоро существует три термина, обозначающих элементы нормы права, то должно быть и три элемента нормы, а поэтому следует подправить взгляды буржуазных юристов на структуру нормы права» [3, с. 50], что в советский период развития юридической науки, по нашему мнению, было одним из факторов успеха научных работ, но, к сожалению, не имело под собой действительно научного обоснования.

Изложенное подтверждается содержанием приведенных цитат из трудов ученых советского периода.

На современном этапе развития юридической науки сторонниками разработанной в советский период концепции трехэлементной структуры правовой нормы являются В. К. Бабаев, А. Б. Венгеров, В. М. Корельский, О. Э. Лейст, В. С. Нерсисянц, В. Д. Перевалова, В. М. Сырых, В. Н. Хропанюк и многие другие ученые-теоретики.

Несмотря на всеобщее на территории России и Беларуси признание концепции трехэлементной структуры правовой нормы, сформированной в советский период и поддерживаемой современными учеными, многие из которых, являясь признанными, все же получили советское юридическое образование, в юридической литературе как советского, так и постсоветского периода наряду с трехэлементной поддерживается концепция двухэлементной структуры правовой нормы, разработанная учеными досоветского периода и, соответственно, являющаяся исторически первой, на что обращает внимание В. А. Белов, приводя цитату Д. Д. Гримма, опубликованную в книге «Энциклопедия права. Лекции», выпущенной 1895 г. в г. Санкт-Петербурге.

Так, согласно утверждению Д. Д. Гримма, «каждая юридическая норма представляет собой условное веление, которое может быть сведено к форме: «если – то». Соответственно с этим в составе каждой юридической нормы надо различать два элемента: гипотезу, или предположение, и диспозицию, или распоряжение. Гипотеза, или предположение, определяет условия применения данного правила. Диспозиция, или распоряжение, излагает содержание правила» [14, с. 121].

Аналогичную по содержанию точку зрения высказывает Н. М. Коркунов, согласно утверждению которого «все юридические нормы суть условные правила. Поэтому юридическая норма состоит, естественно, из двух элементов: из определения условий применения правила и изложения самого правила. Первый элемент называется гипотезой, или предположением, второй – диспозицией, или распоряжением» [15, с. 128].

В ряду ученых досоветского периода, поддерживающих концепцию двухэлементной структуры правовой нормы, следует назвать таких, как Д. Д. Гримм, Н. М. Коркунов, Ф. В. Тарановский.

В советский период развития правоведения концепцию двухэлементной структуры правовой нормы придерживались С. С. Алексеев, Ю. В. Кудрявцев, С. В. Курылев, Н. П. Томашевский, А. А. Ушаков, А. Ф. Черданцев, Б. В. Шейндлин. Так, в частности, С. В. Курылев указывает на то, что «элементами любой юридической нормы является гипотеза (указание на юридические факты) и диспозиция или санкция (указание на последствия, связываемые правом с предусмотренными в норме юридическими фактами)» [16, с. 50].

На современном этапе развития юридической науки концепцию двухэлементной структуры правовой нормы поддерживают В. А. Белов, А. Ф. Черданцев и некоторые другие современные ученые.

Отдельные ученые, и в частности В. С. Основин, указывают на то, что «...при решении вопроса о структуре...

правовой нормы нельзя допускать крайностей. Действительно, многие правовые нормы состоят из трех элементов, но из этого нельзя делать вывод, что трехэлементная структура строго обязательна для каждой нормы» [17, с. 40]. Высказанную В. С. Основиним точку зрения поддерживает А. В. Поляков, который считает, что «количество элементов правовой нормы зависит от ее конкретного функционального и ценностного значения в механизме действия права» [1, с. 479].

Изложенное позволяет утверждать, что, несмотря на относительно большое количество исследований логической структуры правовой нормы, являющейся одним из основных правовых средств, входящих в единый механизм правового регулирования, проведенных как в досоветский, советский, так и в постсоветский период развития юридической науки, современные ученые не пришли к единой точке зрения по исследуемому вопросу. В настоящее время в научной литературе обосновывается как необходимость применения двухэлементной концепции правовой нормы, что подтверждается отдельными исследованиями, проведенными в постсоветский период в области цивилистической науки [18, с. 240–248; 19, с. 26–50] и в области науки логики [20; 21], так и необходимость применения трехэлементной концепции правовой нормы, поддерживаемая в учебной литературе, выпущенной по учебному курсу «Теория государства и права» [22; 23].

Вместе с тем проведенные исследования, зависимость содержания юридической науки советского периода от марксистско-ленинской идеологии, то обстоятельство, что концепция трехэлементной структуры правовой нормы является достижением советской юридической науки и обосновывается исключительно утверждением В. И. Ленина и дальнейшими аналогичными высказываниями идеологов коммунистического пути развития о безжизненности права без аппарата принуждения, а также о том, что «критика современной идеологии империализма в области права составляет одну из задач, которые стоят перед учеными-марксистами...» [24], позволяют сделать вывод о необходимости пересмотра современной теории правовой нормы в пользу двухэлементной концепции ее логической структуры. Такой подход позволит изучать правовые нормы, процедуру логического взаимодействия юридических фактов с их государственной оценкой с действительно научных позиций, позволит наиболее точно определять пределы изменения правового положения субъекта в ходе практического разрешения спора о праве.

Список использованных источников

1. Поляков, А. В. Общая теория права / А. В. Поляков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.
2. Жицинский, Ю. С. Санкция нормы советского гражданского права / Ю. С. Жицинский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1968. – 123 с.
3. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора / А. Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
4. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / А. Б. Бабаев [и др.]; под ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
5. Пиголкин, А. С. Нормы советского права и их структура / А. С. Пиголкин // Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / Л. С. Галесник [и др.]; под ред. С. Н. Братуся. – М.: Госюриздат, 1960. – 408 с.
6. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М.: Юрид. лит., 1961. – 381 с.
7. Пиголкин, А. С. Нормы советского права и их толкование: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.712 / А. С. Пиголкин; Ленингр. ун-т. – Л., 1962. – 18 с.
8. Томашевский, Н. П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Н. П. Томашевский // Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / Л. С. Галесник [и др.]; под ред. С. Н. Братуся. – М.: Госюриздат, 1960. – 408 с.
9. Черданцев, А. Ф. Специализация и структура норм права / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1970. – № 1. – С. 41–49.
10. Явич, Л. С. Право и общественные отношения / Л. С. Явич. – М.: Юрид. лит., 1971. – 152 с.
11. Теория государства и права: учебник / В. К. Бабаев [и др.]; под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2002. – 592 с.
12. Голунский, С. А. Теория государства и права / С. А. Голунский, М. С. Строгович. – М.: Юриздат, 1940. – 304 с.
13. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / А. Г. Бережнов [и др.]; под ред. М. Н. Марченко. – М.: Юристъ, 2001. – 656 с.
14. Grimm, D. D. Энциклопедия права: лекции / Д. Д. Гримм. – СПб., 1895. – 238 с.
15. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права: в 4 кн. / Н. М. Коркунов (по изданию 1914 г.). – М.: Статут, 2003. – Кн. 2: Объективная и субъективная сторона права. – 428 с.
16. Курылев, С. В. Санкция как элемент правовой нормы / С. В. Курылев // Советское государство и право. – 1964. – № 8. – С. 47–55.
17. Основин, В. С. Нормы советского государственного права / В. С. Основин. – М., 1963. – 110 с.
18. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть: учебник / В. А. Белов. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
19. Маньковский, И. А. Нормы и источники гражданского права: теоретические основы формирования и применения: монография / И. А. Маньковский. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – 288 с.
20. Бартон, В. И. Логика: учеб. пособие / В. И. Бартон. – Минск: Новое знание, 2001. – 333 с.
21. Кириллов, В. И. Логика: учебник / В. И. Кириллов. – М.: Юристъ, 1998. – 254 с.
22. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, И. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под общ. ред. В. А. Кучинского. – Минск: Интегралполиграф, 2009. – 550 с.
23. Дробязко, С. Г. Общая теория права: учеб. пособие / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – Минск: Амалфея, 2005. – 464 с.
24. Явич, Л. С. Право и общественные отношения / Л. С. Явич. – М.: Юрид. лит., 1971. – 152 с.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ВЫПОЛНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА

Минько Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В практике локального регулирования трудовых отношений коллективный договор играет значительную роль, поскольку предоставляет участникам трудовых отношений дополнительную возможность разрешить имеющиеся противоречия, активизировать участие работников и нанимателей в установлении лучших условий труда и развитии системы социального партнерства. Современный коллективный договор приобретает черты своеобразного

внутреннего трудового кодекса и призван регламентировать трудовые отношения между работниками и нанимателем отдельной организации, приспосабливать общие нормы трудового законодательства к специфике ее деятельности.

Впервые коллективные договоры как инструмент регулирования трудовых отношений появились в начале XIX в. в Великобритании, США, Франции, Германии и ряде других государств. В конце XIX – начале XX в. в странах Европы коллективно-договорная практика стала носить постоянный характер. В Беларуси развитие системы коллективных договоров происходило скачкообразно, под влиянием резких изменений политического климата. На протяжении большей части XX в. в данной сфере основная регулирующая и законодательная роль принадлежала государству. Коллективные договоры не были в полном смысле этого слова локальными нормативными правовыми актами, однако при этом работники твердо обеспечивались социальными гарантиями.

В настоящее время благодаря определенным ограничениям государственного регулирования общественных отношений, признанию и государственной защите частной собственности, коллективным договорам возвращается их подлинное предназначение с учетом современных тенденций развития трудовых отношений. Согласно ч. 3 ст. 41 Конституции Республики Беларусь граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на заключение коллективных договоров, что предоставляет сторонам договорного процесса возможность оперативного разрешения назревающих конфликтов, обуславливает *значимость* рассматриваемой темы.

Определение коллективного договора впервые было дано в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 24 ноября 1992 г. № 1965-ХІІ «О коллективных договорах и соглашениях» (действовал до 01.01.2000) [1], положения которого были восприняты законодателем при разработке гл. 35 «Соглашения, коллективные договоры» Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) [2]. В ТК заложено понимание социального партнерства как механизма, способствующего нахождению компромиссных решений с учетом интересов работников и нанимателей.

В ч. 1 ст. 361 ТК коллективный договор определяется как локальный нормативный правовой акт, регулирующий трудовые и социально-экономические отношения между нанимателем и работающими у него работниками.

Юридическая сущность коллективного договора неоднозначна. Большинство ученых полагают, что коллективный договор построен на автономии (управленческом суверенитете) предприятия в сфере труда, осуществляемом его главой (собственником); участии представительного органа как защитника профессиональных и социальных интересов наемных работников. Кроме того, к двум названным началам присоединяют идею участия государства как субъекта, устанавливающего порядок взаимоотношения сторон коллективного договора [3, с. 114; 4, с. 53].

Заключение и выполнение коллективного договора должно основываться на следующих принципах:

1. Соблюдение норм законодательства. Условия коллективного договора могут лишь улучшить положение работников по сравнению с действующим трудовым законодательством, но никак не ухудшить его.
2. Полномочность представителей сторон. Все представители сторон должны иметь письменные документы, подтверждающие их полномочия представлять стороны и подписывать коллективный договор.
3. Равноправие сторон. Любая из сторон может равно проявлять инициативу по ведению коллективных переговоров и заключению коллективного договора. При этом представители сторон имеют равноправное положение в ходе переговоров и при принятии решений по коллективному договору.

Данные принципы распространяются на всех участников коллективного договора, а не на какую-либо одну из сторон.

Будучи самостоятельным институтом трудового права, коллективный договор объединяет довольно обширную группу республиканских, отраслевых и локальных правовых норм. Сюда входят, в частности, нормы, содержащиеся в ТК, местные, тарифные и генеральные соглашения, а также локальные нормативные положения, содержащиеся в самих коллективных договорах, заключаемых в организациях.

В литературе выделяются следующие характерные черты коллективного договора: нормы права создаются социальными партнерами; имеется специфический состав нормативной части, включающей в себя не только нормы трудового права, но и права социального обеспечения, гражданского, семейного права; коллективный договор содержит не только правовые нормы, но и взаимные обязательства сторон; коллективный договор выступает в качестве факта, с которым связывается возникновение обязательно-правовых отношений между нанимателем и работниками; срочный характер коллективного договора; в нем точно определены лица, в отношении которых установлены правовые последствия; ограниченный характер коллективного договора предполагает, что его обязательства касаются только тех субъектов, которые принимали участие в его заключении.

Сторонами коллективного договора выступают работники в лице их представительного органа и наниматель, представляемый руководителем организации или другим уполномоченным лицом в соответствии с учредительными документами организации.

При этом работники выступают не как отдельные обособленные личности, а в качестве самостоятельного субъекта – трудового коллектива организации. При этом сами работники и трудовые коллективы не участвуют непосредственно в заключении коллективного договора, а действуют в лице представителей – профсоюзных органов или иных уполномоченных представительных органов. Таким образом, различаются стороны коллективного договора (ими являются трудовой коллектив и наниматель) и участники коллективного договорного процесса (представители каждой из сторон).

Принципы взаимосвязанности коллективного и трудового договора, заложенные в законодательстве Республики Беларусь о коллективных договорах и соглашениях, также отражены в Рекомендации Международной организации труда № 91 «О коллективных договорах» (принята в г. Женеве 29.06.1951) [5], которая определяет следующее.

1. Всякий коллективный договор должен связывать подписавшие его стороны, а также лиц, от имени которых он заключен. Наниматели и трудящиеся, связанные коллективным договором, не должны включать в трудовые договоры условия, противоречащие положениям коллективного договора.

2. Положения трудовых договоров, противоречащие коллективному договору, должны считаться недействительными и автоматически заменяться соответствующими положениями коллективного договора.

3. Положения трудовых договоров, которые более благоприятны для трудящихся, чем положения коллективного договора, не должны считаться противоречащими коллективному договору.

Коллективные договоры характеризуются как срочные локальные правовые соглашения, заключаемые равноправными партнерами в результате проведения коллективных переговоров. При этом главное содержание коллективного договора составляют локальные нормы права, основной целью которых является регулирование социально-трудовых отношений в отдельной организации. Стороны, заключающие коллективный договор, должны позаботиться о своевременном, полном, постоянном контроле над соблюдением договоренностей. С учетом требований эффективности деятельности организации такой контроль должен подразумевать достаточно простой, доступный и недорогой механизм его реализации. Как правило, контроль над выполнением условий коллективного договора осуществляют постоянно либо временно действующие органы социального партнерства, создаваемые в организациях.

Частью 2 ст. 361 ТК установлено, что коллективные договоры могут заключаться в организациях любых организационно-правовых форм, их обособленных подразделениях (по вопросам, относящимся к компетенции этих подразделений). Это не подразумевает его обязательного наличия в каждой организации.

Одним из основных принципов социального партнерства, перечисленных в ст. 353 ТК, является обязательность выполнения договоренностей и ответственность сторон за принятые обязательства. Поэтому нормы принятого в установленном порядке коллективного договора являются обязательными для его сторон.

В соответствии со ст. 363 ТК сторонами коллективного договора являются работники организации в лице их представительного органа и наниматель или уполномоченный им представитель. При этом согласно ч. 1 ст. 354 ТК представительство интересов работников могут осуществлять соответствующие профессиональные союзы и иные представительные органы работников, действующие на основании актов законодательства. Актами законодательства в настоящее время определена только одна категория представительных органов работников – профессиональные союзы.

Согласно ст. 14 Закона Республики Беларусь от 22 апреля 1992 г. № 1605-ХП «О профессиональных союзах» профсоюзы [6] (объединения профсоюзов), их организационные структуры (подразделения) имеют право на ведение коллективных переговоров, заключение коллективных договоров (соглашений) в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Они независимы в своей деятельности от органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, нанимателей, им не подотчетны и не подконтрольны.

Таким образом, представительным органом работников организации, который вправе вести коллективные переговоры и заключать коллективный договор, является первичная профсоюзная организация. Она должна отвечать законодательным требованиям к представительности: иметь выборные руководящие исполнительные органы, правомочные в соответствии с требованиями устава данного профсоюза и законодательства Республики Беларусь, а также установленную ежегодную внутривнутрипрофсоюзную статистическую отчетность по структуре и членству и сводную финансовую отчетность.

Часть 2 ст. 354 ТК оговаривает, что представительство интересов работников не могут осуществлять руководитель организации и его заместители. В ч. 1 ст. 355 ТК определено, что представителями интересов нанимателя выступают руководитель организации или лица, уполномоченные учредительными документами организации или локальными нормативными правовыми актами этих организаций.

Для ведения коллективных переговоров по заключению, изменению или дополнению коллективного договора на равноправной основе создается комиссия из уполномоченных представителей (ч. 1 ст. 357 ТК).

Согласно ч. 2 ст. 357 ТК представители сторон коллективных трудовых отношений должны иметь документ, в котором подтверждены их полномочия. Такими документами обычно являются выписка из протокола заседания профсоюзного комитета и копия приказа по организации, определяющие состав комиссии по коллективным переговорам от сторон. Для заключения и выполнения областного (районного, городского) соглашения создается областной (районный, городской) совет по трудовым и социальным вопросам.

В организации допускается заключение более одного коллективного договора. Для защиты специфических интересов представляемых работников по профессиональному признаку профсоюзы вправе самостоятельно вести переговоры от их имени, таким образом в организации может заключаться два или несколько коллективных договоров. Однако такое положение признается крайним. Следует стремиться к максимально возможному согласованию интересов всех работников организации и заключению единого коллективного договора, а специфические интересы можно учесть в отдельных разделах коллективного договора и приложениях к нему, которые являются его неотъемлемой частью и имеют равную силу.

Статья 356 ТК не ограничивает представительные органы работников в праве участвовать в коллективных переговорах и выступать инициатором коллективных переговоров по заключению и изменению коллективного договора. В ней прямо оговорено, что при наличии на уровне организации нескольких представительных органов работников каждому из них предоставляется право на ведение коллективных переговоров от имени представляемых ими работников.

Однако согласно п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 15 июля 1995 г. № 278 «О развитии социаль-

ного партнерства в Республике Беларусь» (с изменениями и дополнениями) для обеспечения работникам единых условий оплаты труда и предоставления им одинаковых социальных гарантий, предотвращения социальных конфликтов целесообразно заключать между субъектами социального партнерства на всех уровнях коллективных трудовых отношений один договор, соглашение [7].

В настоящее время практически во всех организациях, в которых представлено более чем по одному профсоюзу, действуют единые коллективные договоры.

На практике выделяются следующие этапы процесса разработки и заключения коллективного договора.

1. Проведение разъяснительной работы на уровне структурных подразделений и отдельных работников о значении коллективного договора.
2. Организация сбора предложений работников по конкретным нормам коллективного договора, их анализ и систематизация.
3. Учет актуальных изменений в законодательстве, норм генерального, тарифного и местных соглашений.
4. Подготовка проекта коллективного договора (допускается подготовка своего проекта каждой из сторон).
5. Обсуждение проекта коллективного договора с работниками на уровне подразделений и на уровне организации (согласно ч. 1 ст. 368 ТК проект коллективного договора обсуждается сторонами в определенном ими порядке). Проекты коллективного договора, соглашения могут публиковаться в печати.
6. Проведение коллективных переговоров по проекту коллективного договора.
7. Подписание коллективного договора. При этом должна быть подписана каждая страница коллективного договора, соглашения.

Традиционно подписанию коллективного договора предшествует его принятие на собрании (конференции) работников (членов профсоюза). Данное мероприятие является итоговым обсуждением проекта, так как законодательство не предусматривает процедуры коллегиального принятия коллективного договора, оговаривая лишь, что он подписывается уполномоченными представителями сторон (ст. 369 ТК).

Одновременно с вынесением на общее собрание (конференцию) трудового коллектива проекта нового коллективного договора выносится вопрос об *итогах выполнения действующего коллективного договора*, срок которого истекает.

Как правило, каждый коллективный договор содержит нормы, включающие конкретные обязательства по решению вопросов в социально-трудовой сфере, локальные нормы права, регулирующие трудовые и социально-экономические отношения, а также касающиеся процедурного регулирования реализации коллективного договора положения информационного характера, которые действуют не в силу включения их в коллективный договор, а в качестве норм, содержащихся в иных правовых источниках.

При заключении нового коллективного договора его содержание должно, в зависимости от соответствия срока его заключения срокам действия соглашений, учитывать изменения и дополнения, внесенные в генеральное соглашение, тарифное и местные соглашения, либо нормы новых соглашений.

В организации, в которой коллективный договор заключается не впервые, всегда имеется возможность при разработке нового коллективного договора взять за основу действующий коллективный договор. При заключении коллективного договора впервые целесообразно изучить опыт смежных по профилю организаций, ознакомившись с содержанием разработанных ими коллективных договоров.

В случае включения в коллективный договор дискриминационных норм или норм, ухудшающих положение работников по сравнению с законодательством, они являются недействительными (ст. 14 и 362 ТК).

Содержание и структура коллективного договора определяются сторонами самостоятельно. В коллективный договор могут включаться взаимные обязательства работников и нанимателя по следующим направлениям: формы, системы и размеры оплаты труда; выплата пособий и компенсаций; механизм регулирования оплаты труда с учетом роста цен, уровня инфляции, выполнения показателей, определенных коллективным договором; занятость, переобучение, условия высвобождения работников; рабочее время и время отдыха, включая вопросы предоставления и продолжительности отпусков; улучшение условий и охраны труда работников, в том числе женщин и молодежи; соблюдение интересов работников при приватизации организации, ведомственного жилья; экологическая безопасность и охрана здоровья работников на производстве; контроль за выполнением коллективного договора, порядок внесения в него изменений и дополнений, ответственность сторон и др.

В коллективном договоре с учетом финансово-экономического положения нанимателя могут устанавливаться льготы и преимущества для работников, условия труда, более благоприятные по сравнению с установленными законами, иными нормативными правовыми актами, соглашениями. В коллективный договор включаются нормативные положения, если в законах и иных нормативных правовых актах содержится прямое предписание об обязательном закреплении этих положений в коллективном договоре.

Согласно ст. 364 ТК содержание коллективного договора определяется сторонами в соответствии с генеральным, тарифным и местным соглашением (при их наличии) в пределах их компетенции, а также ТК в предусмотренных им случаях. В ТК указаны отношения, положения о которых непосредственно может содержать коллективный договор. К ним относятся: организация труда и повышение эффективности производства; нормирование, формы, системы оплаты труда, иные виды доходов работников; размеры тарифных ставок (окладов), доплат и надбавок к ним; продолжительность рабочего времени и времени отдыха; создание здоровых и безопасных условий труда, улучшение охраны здоровья, гарантии государственного социального страхования работников и их семей, охрана окружающей среды; заключение и расторжение трудовых договоров; обеспечение занятости, профессиональная подготовка, повышение квалификации, переподготовка, трудоустройство высвобождаемых работ-

ников; регулирование внутреннего трудового распорядка и дисциплины труда; строительство, содержание и распределение жилья, объектов социально-культурного назначения; организация санаторно-курортного лечения и отдыха работников и членов их семей; предоставление дополнительных гарантий многодетным и неполным семьям, а также семьям, воспитывающим детей-инвалидов; улучшение условий жизни ветеранов, инвалидов и пенсионеров, работающих или работавших у нанимателя; создание условий для повышения культурного уровня и физического совершенствования работников; минимум необходимых работ (услуг), обеспечиваемых при проведении забастовки; ответственность сторон за невыполнение коллективного договора; другие трудовые и социально-экономические условия.

Последняя норма делает приведенный перечень открытым, допуская включение в коллективный договор любых условий в сфере трудовых и социально-экономических отношений, по которым сторонами достигнуты договоренности.

Достаточно полно проработанный коллективный договор обычно представляет собой довольно объемный документ, к которому в соответствии с ч. 3 ст. 364 ТК прилагается ряд приложений, являющихся его неотъемлемой составной частью. Самыми объемными являются разделы, посвященные социальному развитию и социальным льготам. В них устанавливаются исходя из финансовых возможностей более льготные социально-экономические условия и гарантии по сравнению с действующим законодательством, что способствует снижению социальной напряженности в организации.

Разногласия, возникшие между сторонами по отдельным нормам проекта коллективного договора, следует урегулировать в ходе коллективных переговоров. Если этого сделать не удалось, а срок действия имеющегося коллективного договора истекает, то коллективный договор может быть заключен по согласованным позициям, тогда как по поводу неурегулированных разногласий продолжаются переговоры или в установленном порядке инициируется коллективный трудовой спор, порядок разрешения которого изложен в гл. 36 ТК.

Согласно ст. 365 ТК коллективный договор *распространяется* на нанимателя и всех работников, от имени которых он заключен, также на работников, от имени которых он не заключался (вновь принятых и др.), при условии, если они выразят согласие на это в письменной форме.

Соответственно, даже в случае, если в коллективном договоре будет прямо оговорено распространение его только на членов соответствующего профсоюза, работникам, не вступившим в профсоюз, или из числа членов других профсоюзов достаточно будет в письменном виде отразить свое положительное отношение к распространению на них действия коллективного договора. Представляется целесообразным, чтобы сведения, подтверждающие распространение на работника коллективного договора, одновременно доводились до обеих сторон.

Изложенный порядок распространения коллективного договора представляется несовершенным, так как позволяет любым работникам пользоваться воплощенными в нормах коллективного договора результатами работы профсоюза по отстаиванию и расширению гарантий для своих членов.

Согласно ч. 2 ст. 367 ТК коллективный договор вступает в силу с момента подписания или со дня, который устанавливается сторонами.

Подписанный сторонами на каждой странице согласно ст. 369 ТК, коллективный договор регистрируется в местном исполнительном или распорядительном органе по месту нахождения (регистрации) нанимателя (ч. 1 ст. 370 ТК). Для регистрации коллективного договора, соглашения наниматель представляет в соответствующий орган следующие документы: 1) заявление с просьбой о регистрации; 2) коллективный договор, соглашение, каждая страница которого подписана сторонами; 3) копии документов, подтверждающих полномочия сторон на подписание коллективного договора, соглашения.

Орган, осуществляющий регистрацию коллективного договора, соглашения, не позднее двух недель с момента подачи заявления делает соответствующую запись в специальном журнале и на первой странице представленного коллективного договора, соглашения ставит штамп о регистрации. Один экземпляр зарегистрированного коллективного договора, соглашения остается в органе, осуществившем регистрацию.

Таким образом, со дня регистрации коллективный договор может вступить в силу в том случае, если стороны договорились об этом и внесли в него соответствующую норму.

Вопрос о сроке действия коллективного договора урегулирован в ст. 367 ТК. Стороны сами определяют срок заключаемого ими коллективного договора, но не менее чем на 1 год и не более чем на 3 года. Коллективный договор действует до заключения нового коллективного договора, если в нем не предусмотрено иное. Поэтому обычно при истечении срока, на который был заключен коллективный договор, его действие автоматически продолжается до заключения нового коллективного договора, а если новый договор так и не был заключен на протяжении трех лет со дня заключения прежнего коллективного договора – до истечения указанного трехгодичного срока.

Дата вступления коллективного договора в силу определяется днем его подписания или указывается в тексте договора. В связи с тем что в организации, филиале, представительстве или ином обособленном структурном подразделении заключается единый коллективный договор, а при его заключении участвуют представители всех работников, то действие коллективного договора распространяется на всех работников организации, филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения. В случае реорганизации организации коллективный договор сохраняет свое действие в течение срока, на который он заключен, если стороны не приняли иного решения.

При смене собственника имущества организации действие коллективного договора сохраняется в течение трех месяцев. При смене собственника государственных унитарных предприятий в процессе приватизации государственного имущества этих унитарных предприятий и их преобразования в открытые акционерные общества сохра-

няется действие коллективного договора в части регулирования трудовых и социально-экономических отношений до окончания срока его действия (ст. 367 ТК).

Как правило, внесение в коллективный договор изменений и дополнений относится к компетенции постоянно действующих органов социального партнерства, создаваемых в организациях (совместные комитеты, комиссии по контролю за соблюдением коллективного договора и т. п.).

На практике встречаются случаи, когда в коллективный договор вносится запись, предоставляющая право представителям работников и нанимателей вносить изменения и дополнения в коллективный договор по договоренности между собой. Таким образом, изменения и дополнения в коллективный договор, соглашение вносятся по взаимному согласию сторон.

Согласно ст. 373 ТК *все работники*, в том числе впервые принятые, должны быть *ознакомлены* нанимателем с действующими у него коллективными договорами, соглашениями.

В соответствии со ст. 375 ТК контроль за исполнением коллективного договора осуществляется сторонами, а также профсоюзами.

Надлежащему контролю за исполнением коллективного договора способствует предусмотренное ст. 374 ТК информирование работников, от имени которых заключен коллективный договор, об его исполнении, которое должно производиться не реже одного раза в полугодие. Способы и порядок информирования определяются сторонами. Вопросы контроля за исполнением коллективного договора обычно возлагаются на созданную в организации комиссию по ведению коллективных переговоров.

Стороны могут также устанавливать штрафные санкции в отношении друг друга за неисполнение обязательств коллективного договора. Должностные лица, виновные в непредставлении информации, необходимой для коллективных переговоров и осуществления контроля за выполнением коллективного договора, несут дисциплинарную ответственность.

Профсоюзы вправе осуществлять общественный контроль за выполнением коллективного договора, направляя при нарушении его условий другой стороне представление об их устранении. Данное представление должно быть рассмотрено в двухнедельный срок с письменным информированием профсоюза. Отказ от удовлетворения содержащегося в представлении требования или недостижение в указанный срок соглашений между сторонами влечет рассмотрение разногласий в соответствии законодательством о разрешении коллективных трудовых споров. Полномочные представители профсоюзов вправе осуществлять проверки выполнения нанимателями, их должностными лицами условий коллективного договора, а также устанавливать факт нарушения нанимателем коллективного договора, дающий право работнику требовать досрочного расторжения срочного трудового договора.

Факт нарушения нанимателем коллективного договора, дающего право работнику требовать досрочного расторжения трудового договора (контракта), может установить и государственный инспектор труда Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

При явном игнорировании условий коллективного договора профсоюзный комитет вправе поставить перед вышестоящими органами вопрос о наказании руководителей организации.

Пунктом 5 ч. 3 ст. 101 ТК предусмотрено сохранение среднего заработка в случае участия в рабочее время в коллективных переговорах в порядке и на условиях, предусмотренных коллективными договорами, соглашениями, а при их отсутствии – по соглашению между сторонами коллективных переговоров. В случае если профсоюз является участником заключенного коллективного договора, привлечение к дисциплинарной ответственности работников, уполномоченных профсоюзом на участие в комиссиях по коллективным переговорам, примирительным комиссиям, допускается только с предварительного согласия профсоюзного органа. Для данной категории работников коллективными договорами могут устанавливаться и иные гарантии и компенсации, например ограничивающие их перевод, перемещение или увольнение по инициативе нанимателя.

Итак, коллективный договор позволяет защитить интересы нанимателя и работника, упорядочить трудовые отношения, обеспечить их стабильность. Разработка коллективного договора – это ответственная и последовательная процедура, предполагающая участие каждого заинтересованного сотрудника. В условиях административно-командной экономики коллективный договор содержал преимущественно законодательно утвержденные социальные обязательства государства, в свою очередь, современный коллективный договор представляет собой важный источник локальных норм права, порожденный не централизованно законодателем, а посредством согласования интересов заинтересованных сторон.

Список использованных источников

1. О коллективных договорах и соглашениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 нояб. 1992 г., № 1965-ХІІ : с изм. и доп., утр. силу с принят. ТК // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. Дитяшева, А. П. Коллективные договоры и соглашения. Трудовые конфликты : учебник / А. П. Дитяшева. – М. : Экспертное бюро, 1999. – 312 с.
4. Абрамов, А. А. Сделки и договоры. Комментарии. Разъяснения : учебник для вузов / А. А. Абрамов. – М. : Ось, 2010. – 523 с.
5. Рекомендация МОТ № 91. Рекомендация о коллективных договорах [Электронный ресурс] // Конвенции. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=540. – Дата доступа: 20.12.2014.
6. О профессиональных союзах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 апр. 1992 г., № 1605-ХІІ : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
7. О развитии социального партнерства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 июля 1995 г., № 278 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

ПРОБЛЕМА «ОТМЕНЫ» СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ МИРОВЫМ СОГЛАШЕНИЕМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СУДЕБНОГО АКТА

Можжаева Валентина Андреевна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Нестолый Вячеслав Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Государственная программа «Юстиция», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2013 г. № 517-р, констатирует, что в рамках исполнительного производства часто возникают разногласия между сторонами, в том числе относительно способов и методов исполнения судебного акта, и одновременно предлагает ряд мер для поощрения добровольного исполнения. В связи с необходимостью поощрения добровольного исполнения актуальны проблемы мирового соглашения в исполнительном производстве. Суть одного из спорных вопросов в том, что суды общей юрисдикции полагают возможным заключение мирового соглашения только в рамках существующего исполнительного производства до его окончания судебным приставом-исполнителем. Целесообразно предоставить взыскателю и должнику возможность урегулировать разногласия относительно способов исполнения акта, обладающего принудительной силой, до возбуждения исполнительного производства посредством заключения мирового соглашения, являющегося основанием к выдаче исполнительного листа. Сегодня мировое соглашение между должником и взыскателем рассматривается как основание к изданию судебного приставом-исполнителем постановления о прекращении исполнительного производства, в то время как названное мировое соглашение призвано выполнять определения об изменении способа исполнения судебного решения. Положение осложняется ошибочным представлением о том, что мировое соглашение «фактически» отменяет судебное решение, постановленное по делу.

Предлагаемая статья содержит попытку опровергнуть названное ложное представление и доказать, что взыскатель и должник имеют право на мировое соглашение после вступления в законную силу судебного решения в производствах при исполнении судебного акта (судебное исполнительное производство), но до возбуждения исполнительного производства судебным приставом-исполнителем. При этом в работе основной упор сделан на описание судебных актов о мировых соглашениях, вопросы теоретического порядка затрагиваются лишь в минимальном объеме, который необходим для изложения эмпирического материала. Решение, которое мы предлагаем читателю, кажется почти тождественным решению, автором которого является доктор юридических наук М. А. Рожкова. Однако, в отличие от решения М. А. Рожковой, в настоящем сочинении на проблему «отмены» судебного решения мировым соглашением, которое утверждается при исполнении судебного акта, предложено взглянуть не с точки зрения гражданского материального права, а с точки зрения гражданского судопроизводства.

Согласно ч. 1 ст. 39 ГПК РФ истец и ответчик могут окончить дело мировым соглашением. В ст. 220 ГПК установлено, что в случае утверждения судом мирового соглашения, заключенного сторонами, суд прекращает производство по делу. В соответствии со ст. 221 ГПК суд прекращает производство по делу при утверждении мирового соглашения посредством издания определения, в котором указывается, что повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается. В определении о прекращении производства по делу указываются условия мирового соглашения, утверждаемого судом (ч. 3 ст. 173 ГПК). Часть 1 ст. 326.1 ГПК говорит, что стороны могут заключить мировое соглашение в суде апелляционной инстанции. Стороны подают суду заявления в письменной форме об утверждении мирового соглашения, в которых фиксируются условия заключаемого сторонами мирового соглашения. Если стороны пришли к мировому соглашению при рассмотрении апелляционной жалобы, условия заключаемого сторонами мирового соглашения заносятся в протокол судебного заседания и подписываются сторонами мирового соглашения (истцом и ответчиком). Согласно ч. 2 ст. 326.1 ГПК, утверждая мировое соглашение, суд апелляционной инстанции отменяет принятое решение суда и прекращает производство по делу.

Определение об утверждении мирового соглашения подлежит принудительному исполнению. В ст. 409 ГПК указано, что решения иностранных судов, в том числе решения об утверждении мировых соглашений, признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации.

«Отказывая в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа для принудительного исполнения условий мирового соглашения, суд указал на то, что мировое соглашение предусматривает добровольное исполнение условий соглашения, в противном случае [взыскатель] не лишена возможности обжаловать определение суда об утверждении мирового соглашения. Однако вывод суда об отсутствии оснований для принудительного исполнения условий мирового соглашения противоречит нормам процессуального права», – сказано в апелляционном определении Московского городского суда от 12 сентября 2012 г. по делу № 11-20621. Но в определении отсутствует ссылка на статью закона, где содержится указание на то, что определение об утверждении мирового соглашения влечет за собой выдачу исполнительного листа.

Если иностранные решения об утверждении мировых соглашений подлежат принудительному исполнению в России, когда это установлено международным договором, это означает, что решения российских судов об утверждении мировых соглашений также подлежат принудительному исполнению в Российской Федерации.

Какого либо международного договора для исполнения в России мирового соглашения, утвержденного опре-

делением российского суда, не требуется, это само собой разумеется. А. Х. Агеев утверждает, что «мировое соглашение по силе действия приравнивается к судебному акту, в случае неисполнения его условий добровольно оно является основанием для выдачи судом исполнительного листа и подлежит принудительному исполнению» [1, с. 5]. Это суждение нуждается в уточнении. Мировое соглашение не приравнивается к судебному акту, оно является судебным актом – определением суда, в резолютивной части которого излагаются условия мирового соглашения. Вне определения суда мировое соглашение, достигнутое сторонами, является проектом договора, который передается суду для утверждения. Определение суда, в котором зафиксировано мировое соглашение, судебному решению не тождественно, но равносильно ему, то есть подлежит принудительному исполнению. Украинские авторы правильно подчеркивают: «Мировые соглашения имеют юридическую силу только тогда, когда они утверждены судом, что фактически означает их квалификацию как судебных решений *sui generis*» [4, с. 105–115]. Вместе с тем определение об утверждении мирового соглашения не имеет силы закона, которой обладает судебное решение, и не обладает преюдициальностью, а также рядом иных свойств, присущих судебному решению.

Часть 2 ст. 439 ГПК гласит, что при заключении между взыскателем и должником мирового соглашения применяются правила, предусмотренные ст. 173 ГПК. Возникает вопрос, требующий теоретического решения. Если мировое соглашение, утверждаемое судом апелляционной инстанции, влечет за собой отмену решения суда первой инстанции с прекращением производства по делу, означает ли это, что утверждение судом мирового соглашения при исполнении судебного постановления и постановлений иных органов влечет за собой отмену решения суда первой инстанции и прекращение производства по делу? Статья 439 ГПК говорит, что при заключении мирового соглашения между должником и взыскателем должны применяться правила ст. 173 ГПК РФ, ч. 3 которой предписывает прекращать производство по делу при утверждении судом мирового соглашения.

Отсюда можно сделать вывод, что утверждение судом мирового соглашения между должником и взыскателем должно послужить основанием для одновременного прекращения производства по делу с отменой вступившего в законную силу судебного решения. Так, например, А. Х. Агеев заявляет, что «мировое соглашение, заключаемое в исполнительном производстве, фактически отменяет состоявшийся по делу судебный акт, вступивший в законную силу, на основании которого выдан исполнительный документ», «мировое соглашение, заключаемое в исполнительном производстве, предоставляет взыскателю и должнику право изменить своим волеизъявлением решение суда, вступившее в законную силу» [1, с. 9]. Суждения А. Х. Агеева созвучны тезисам Т. А. Григорьевой и Л. Г. Щербаковой: 1) «По нашему мнению, мировое соглашение, заключаемое в исполнительном производстве, фактически отменяет собой состоявшийся по делу судебный акт, вступивший в законную силу, на основании которого был выдан исполнительный документ»; 2) «По силе действия мировое соглашение приравнивается к судебному акту, которым суд разрешает дело по существу» [7, с. 47].

Определение суда об утверждении мирового соглашения в производстве по делу об исполнении судебного акта и постановлений других органов не отменяет решения суда, которое постановлено в исковом производстве. Определение об утверждении мирового соглашения не обладает свойствами судебного решения, в отличие от судебного решения не обладает силой закона и обязательностью, которая свойственна судебному решению. Исполнимость, которой может обладать определение об утверждении мирового соглашения, не тождественна законной силе и обязательности судебного решения.

Позиция М. А. Рожковой. Тезис, изложенный выше, М. А. Рожкова доказывает, опираясь на аксиому, согласной которой субъективное право, подтвержденное судебным решением, является собственностью, имуществом. «Беспорные права, подтвержденные судебным решением, являясь одним из видов поименованного в ст. 128 ГК РФ имущества – имущественных прав, допускают их отчуждение или переход от одного лица к другому... Следовательно, бесспорно допустима любая сделка по распоряжению названным имуществом (сделки цессии, мены и т. п.), – пишет М. А. Рожкова, – распоряжение по мировой сделке таким имуществом, как беспорные права, подтвержденные судебным актом, подразумевает безвозвратный отказ истца (взыскателя) от исполнения вынесенного судебного акта, но законную силу судебного акта мировая сделка не затрагивает – судебный акт по-прежнему обладает законной силой в полном объеме» [14].

Целью научного познания, согласно утверждению С. А. Лебедева, наряду с истинностью (адекватностью) и полезностью является новизна. Новое знание, согласно профессору С. А. Лебедеву, бывает двух видов: 1) кумулятивное дополнение к старому; 2) как отрицание старого, как утверждение альтернативных взглядов, противоречащих прежним устоявшимся в науке концепциям [11, с. 479].

Предлагаемое в нашей работе решение задачи по опровержению тезиса о том, что мировое соглашение при исполнении судебного акта «фактически» отменяет состоявшийся ранее судебный акт, с одной стороны, добавляет новые аргументы в пользу решения М. А. Рожковой, с другой – отрицает парадигму, согласно которой исполнение судебного решения является стадией гражданского процесса и поэтому противоречит господствующей в литературе концепции процесса, продолжающегося от предъявления иска в суд до прекращения исполнительного производства.

Задача теоретического опровержения тезиса о том, что, заключая мировое соглашение при исполнении судебного акта, стороны «фактически» отменяют судебное решение, является актуальной, поскольку во многих случаях сторонам не удается опровергнуть этот ложный тезис в судебном разбирательстве.

Если производства, в которых суд рассматривает дела, возникающие при исполнении судебных актов, не являются процессуальными производствами, это означает, что утверждение мирового соглашения между должником и взыскателем не может влечь за собой отмены судебного решения, вступившего в законную силу, в отличие от мировых соглашений, которые утверждаются судом в кассационном производстве.

Кроме того, если производство по делу, возникшему при исполнении судебного акта (например, об утверждении мирового соглашения между должником и взыскателем либо об изменении способа исполнения судебного решения), есть самостоятельное («автономное») производство, это означает, что данное производство может идти в суде по месту исполнения судебного решения, а не в суде, который выдал исполнительный документ. Например, ч. 1 ст. 45 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» определено, что приостановление и прекращение исполнительного производства по исполнительному документу, который выдан арбитражным судом, производится, во-первых, тем же арбитражным судом или, во-вторых, арбитражным судом, в районе деятельности которого исполняет свои обязанности судебный пристав-исполнитель. Во втором случае вопрос о приостановлении или прекращении исполнительного производства есть предмет самостоятельного судебного разбирательства, автономного от судебного разбирательства, в рамках которого выдан исполнительный лист.

Поэтому вызывает возражения апелляционное определение Московского городского суда от 25 декабря 2012 г. по делу № 11-29059, которым оставлено в силе определение Савеловского районного суда о возвращении коммерческому банку заявления об утверждении мирового соглашения в рамках исполнения решения Чертановского районного суда об обращении взыскания на заложенную квартиру, расположенную в Савеловском районе г. Москвы. «Довод жалобы о том, что мировое соглашение на стадии исполнительного производства утверждает суд первой инстанции по месту исполнения судебного акта или по выбору сторон, а также ссылка на ст. 439 ГПК РФ не может служить основанием к отмене судебного решения, поскольку ст. 439, 440 ГПК РФ регулируют порядок прекращения исполнительного производства, а стороны обратились в суд с заявлением об утверждении мирового соглашения», – сказано в апелляционном определении.

Между тем ч. 1 ст. 440 ГПК говорит о том, что вопрос о прекращении исполнительного производства может рассматриваться судом, в районе деятельности которого исполняет свои обязанности судебный пристав-исполнитель, ч. 1 ст. 439 ГПК устанавливает, что исполнительное производство прекращается судом в случаях, предусмотренных Законом об исполнительном производстве, ч. 2 ст. 43 которого предписывает приставу-исполнителю в случае утверждения судом мирового соглашения между должником и взыскателем принять соответствующее решение.

Формально позиция суда опирается на то, что суд, расположенный по месту исполнения обязанностей судебным приставом-исполнителем, прекращает исполнительное производство в случаях, установленных ч. 1 ст. 43 Закона об исполнительном производстве, а суд, утверждающий мировое соглашение при исполнении судебного акта, не решает вопроса о прекращении исполнительного производства. Этот вопрос относится к компетенции судебного пристава-исполнителя по месту исполнения судебного акта, поскольку мировое соглашение при исполнении судебного акта может содержать не отказ взыскателя от взыскания, а условие о предоставлении должнику отсрочки исполнения судебного акта или о замене исполнения.

Производство при исполнении судебного акта и исполнительное производство. Тем не менее апелляционное определение Московского городского суда от 25 декабря 2012 г. по делу № 11-29059, невзирая на критичное отношение к его мотивам, позволяет утверждать, что *правоприменитель осознает отличия судебного производства при исполнении судебного акта (судебного исполнительного производства), в котором утверждается мировое соглашение между должником и взыскателем, от исполнительного производства, которое прекращается судебным приставом-исполнителем на основании судебного акта об утверждении мирового соглашения.*

Что такое гражданский процесс? «Под гражданским процессом, – писали Б. Н. Лапин и профессор Н. А. Чечина, – следует понимать отрасль правоведения, представляющую систему научных знаний о доктрине, концепциях, источниках, законах, процедуре и обрядах гражданского судопроизводства. Поскольку семантическое восприятие и толкование данного термина вызывает множество научных споров, целесообразно дать этим [гражданским процессуальным] кодексам название, идентичное тому, которое имел российский Устав гражданского судопроизводства» [10, с. 134].

Но в период действия Устава гражданского судопроизводства 1864 г. правоведение, в том числе наука русского гражданского судопроизводства, руководствовалось положением о том, что гражданским процессом следует именовать не все судебные производства, а только производство по спору о праве гражданском, то есть судебное исковое производство.

Согласно классическим представлениям «процесс есть деятельность суда, направленная на проверку правильности исковых требований» [13, с. 6]. До введения в действие Устава гражданского судопроизводства 1864 г. гражданским процессом (гражданским судом) именовали «судебное разбирательство и решение спорных и исковых дел, так же и личных жалоб, поступающих в гражданский суд, производимое по предписанию существующих на то государственных узаконений» [13, с. 142].

Наряду с исковым (процессуальным) производством в русском гражданском суде существовали и иные (непроцессуальные) виды производств: охранительное и исполнительное (расчетное). «Сущность искового судопроизводства, или гражданского процесса в тесном, строгом смысле слова, – настаивал профессор Е. В. Васильковский, – состоит в проверке и окончательном установлении гражданскими судами правомерности требований, заявляемых одними лицами в отношении других» [3, с. 345]. Профессор В. М. Гордон полагал, что в строгом смысле слова охранительное и исполнительное производства пребывают за рамками процесса, по мере их совершения процесс не имеет развития. «Процессуальным, – утверждал профессор В. М. Гордон, – является только тяжёлое производство, именуемое спорным в противоположность внепроцессуальному – бесспорному» [5, с. 12]. Тождество гражданского процесса и судебного искового производства актуально до настоящего времени. В частности, один из современных германских учебников говорит, что ключевым пунктом предмета международного гражданского права является международное гражданское процессуальное право, то есть судебное исковое производство [15, с. 5].

Процессуальное (исковое) производство. Исковое производство в общем суде завершается вступлением судебного решения в законную силу. Производства в судах кассационной и надзорной инстанции исковым производством не охватываются и лежат за его пределами, поскольку предметом разбирательства в названных судах являются не иски, а судебные акты, постановленные судами первой и апелляционной инстанции. Производство в судах апелляционной инстанции является стадией искового производства, так как суд на основании апелляционной жалобы повторно рассматривает дело, то есть иск, предъявленный ранее в суд первой инстанции (ч. 1 ст. 327 ГПК РФ, ч. 1 ст. 268 АПК РФ). Правосудие прекращается за пределами апелляции.

Расчетное (судебное исполнительное) производство. Вопросы, возникающие при приведении в исполнение судебного решения, решаются судом в специальных производствах, которые по общему правилу имеют место после вступления решения в законную силу. Данные производства в прошлом охватывались понятием исполнительного (расчетного) производства. «Казалось бы, что само название «исполнительное» обязывает к таким действиям, в результате которых присужденное переходило бы к выигравшему без всяких дальнейших процессуальных и контрверзных требований, – говорил А. А. Васильев [2, с. 276], доказывая несправедливость исполнительного (расчетного) производства, – здесь недоверие к принципу *Res iudicata pro veritate habetur* [Судебное решение должно принимать за истину] доведено до размеров совершенно недопустимых, ибо обязать по выигранному делу предъявлять второй иск об исполнении – это уже роскошь охраны прав ответчика, лишение права, только что торжественно признанного истца и явное недоверие к судье» [2, с. 278].

Проценты за пользование чужими денежными средствами. Здесь нас могут упрекнуть в том, что современное российское гражданское судопроизводство, включая гражданское судопроизводство в арбитражных судах, формально не знает судебных решений, которыми сторона признается правой по существу, без указания на количество присужденного правой стороне, поэтому нет нужды в специальном расчетном (исполнительном) производстве для определения объема присужденного. Тем не менее в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13, постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 1998 г. № 14 (ред. 4 дек. 2000 г.) «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» разъясняется, что при удовлетворении требования о возмещении вреда суд вправе возложить на сторону обязанность возместить вред в деньгах. В этом случае, как говорится в том же совместном постановлении пленумов высших судебных инстанций, на стороне причинителя вреда (делинквента) возникает денежное обязательство по уплате определенных судом средств. С момента, когда решение суда вступило в законную силу, если иной момент не указан в законе, сказано в п. 23 цитируемого совместного постановления, на сумму, определенную в решении при просрочке ее уплаты должником, кредитор вправе начислять проценты за пользование чужими денежными средствами. Представляется, что право потерпевшего начислять проценты за пользование чужими денежными средствами следует фиксировать в резолютивной части судебного решения.

В этом случае количество процентов, подлежащих взысканию с делинквента, судебным решением не устанавливается, судебное решение лишь признает, что потерпевший имеет право начислять проценты за пользование чужими денежными средствами на присужденную денежную сумму. Существует позиция, согласно которой право взыскателя по деликтному обязательству из причинения вреда начислять проценты на присужденную сумму при просрочке исполнения судебного решения признано высшими судебными инстанциями страны, поэтому нет нужды специально признавать данное право за потерпевшим в судебном решении, проценты могут начисляться судом на основании представленного взыскателем расчета в частном производстве по заявлению взыскателя. По аналогии можно сказать о том, что поскольку право начислять проценты за пользование чужими денежными средствами установлено ст. 395 ГК РФ, то специального решения о признании данного права не требуется. В таком случае предъявить требование о взыскании процентов за пользование денежными средствами по день фактической уплаты можно только после получения капитальной суммы (основного долга) от дебитора, что обесценивает институт ответственности, установленный ст. 395 ГК. После того как суд разрешит вопрос о присуждении процентов по существу, то есть признает своим решением право кредитора начислять проценты на сумму долга, кредитор вправе подать заявление о расчете конкретной суммы процентов на день предъявления или вынесения специального о том судебного определения. Соответствующее определение суд, признавший за взыскателем право на проценты по ст. 395 ГК, постановляет в специальном производстве.

Решение, согласно которому проценты за пользование чужими денежными средствами должен начислять судебный пристав-исполнитель, представляется неверным с формальной стороны, поскольку Закон об исполнительном производстве не предоставляет ему такого полномочия. Если право на взыскание денежной суммы признано решением суда, это означает, что размер взыскиваемой денежной суммы также должен быть определен решением суда. Неверное решение, согласно которому проценты за пользование чужими денежными средствами начисляются судебным приставом-исполнителем, зафиксировано в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта».

Проценты за пользование чужими денежными средствами. Не вызывает сомнений, что должник и взыскатель вправе своим договором изменить размер процентов за пользование чужими денежными средствами, которые подлежат взысканию, поскольку в п. 3 совместного постановления пленумов высших судебных инстанций о процентах за пользование чужими денежными средствами сказано, что при взыскании суммы долга в судебном порядке и при отсутствии в договоре соглашения о размере процентов суд вправе определить, какую учетную ставку банковского процента следует применить на день предъявления иска или на день вынесения решения суда. Другими словами, стороны могут своим соглашением определить размер ставки процентов, взыскиваемых за пользо-

вание чужими денежными средствами. Если стороны вправе условиться о размере процентов до возбуждения искового производства в суде, то они обладают правом изменить своим соглашением размер взыскиваемых процентов после вступления решения суда в законную силу.

Согласно ч. 2 ст. 309 Уголовно-процессуального кодекса РФ при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Таким образом, действующему законодательству известно правило, согласно которому суд может признать за кредитором право на возмещение, оставив вопрос о размере возмещения на усмотрение сторон. Не вызывает сомнений, что стороны вправе устанавливать объем взыскания своим договором. Так, например, согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения может быть установлена не только законом, но и договором.

В ст. 1084 ГК сказано, что договором может быть установлен размер ответственности более высокий, чем предписано гражданским законом. Договор можно заключить не только до причинения вреда жизни и здоровью, как это подразумевает ст. 1084 ГК, когда говорит о гражданах, потерпевших при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей. Договор, устанавливающий повышенный размер ответственности за причиненный вред, стороны могут заключить и после того, как судебным решением было признано право потерпевшего на возмещение вреда. Чтобы данный договор обладал исполнительной силой, приобрел свойства юридического факта, необходимо его облечь в форму мирового соглашения.

Частичное судебное решение. В учебной литературе судебные решения, которыми вопросы признания права решаются отдельно от вопроса о количестве взыскиваемой суммы, именуют частичными судебными решениями: «Наиболее часто применяется частичное решение при разделении материала дела в процессе судебного рассмотрения и разрешения спора по отдельным частям искового требования (при субъективном или объективном соединении исков)» [6, с. 288]. В подтверждение ссылаются на Устав гражданского судопроизводства 1864 г. и пояснения профессора К. И. Малышева: «Устав позволяет суду разделять вопросы об основаниях права на доходы, убытки, издержки, отчетность от вопросов о самом размере или сумме присуждаемого взыскания. По вопросу о праве может быть постановлено отдельное решение, а размер взыскания может быть определен после расчетного производства, другим решением» [12, с. 409].

Полагаем невозможным именовать решение, в котором вопрос о праве решается по существу, частичным решением в строгом смысле этого слова. Данное решение венчает исковое производство, подтверждающее существование или отсутствие спорного субъективного права. *Отвечив на вопрос, поставленный перед судом, о материальном правоотношении, суд тем самым отвечает на существование иска и решает дело по существу.* В этом смысле решение, которое доктрина именует частичным, в действительности есть полное решение, поскольку касается существа поставленного перед судом вопроса о существовании или отсутствии существования субъективного права. Что касается вопроса о количестве присужденного, то этот вопрос есть предмет иного судебного разбирательства, которое происходит в правовой форме расчетного производства. Тем не менее решение о признании права требовать начисления процентов за пользование чужими денежными средствами вполне допустимо именовать частичным судебным решением, поскольку такое наименование подчеркивает, что оно является предпосылкой для издания в последующем другого судебного решения, которое, в отличие от судебного решения о признании права, является частным судебным решением. Частное судебное решение есть решение, постановленное по частному вопросу на основании норм материального права. Частное судебное решение фиксируется в определении суда, если оно основывается на судебном решении, постановленном по существу в гражданском (исковом) судопроизводстве.

Производства при исполнении судебного акта. Место расчетного (судебного исполнительного) производства в современных российских процессуальных кодексах занимает производство по делам, связанным с исполнением судебных актов арбитражных судов (ст. 318–332 АПК), и производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов (ст. 428–446 ГПК). Представление о том, что мировое соглашение, утверждаемое судом при исполнении судебного акта, фактически отменяет состоявшийся судебный акт, возникает в результате не критичного восприятия ст. 915 Устава гражданского судопроизводства, согласно которой первоначальное решение суда *может быть признано недействительным*, и в новом решении сумма взыскания может быть присуждена и свыше той, какая означена в первом.

Кроме того, впечатление о том, что мировое соглашение при исполнении судебного акта «фактически» отменяет судебное решение, складывается в результате того, что судопроизводство по делам, возникающим при исполнении судебного акта, воспринимается в единстве с исковым судопроизводством, в котором постановляется решение. Между тем по смыслу наименования раздела 7 ГПК РФ, объединяющего ст. 428–446 ГПК, производства по делам, возникающим при исполнении судебных актов и постановлений других органов, имеют место не только как последствия решений, постановляемых российским судом, но и как последствия решений иных юрисдикционных органов, уполномоченных выдавать исполнительные документы.

Статья 220 ГПК, согласно которой при утверждении мирового соглашения суд прекращает производство по делу, говорит о мировых соглашениях в искомом производстве. Утверждение мирового соглашения в судебном производстве при исполнении судебного акта не влечет за собой прекращения производства по исковому делу, по существу которого судебное решение уже постановлено или которое прекращено мировым соглашением в соот-

ветствии со ст. 220 ГПК. «Утвердив мировое соглашение, заключенное между взыскателем и должником в стадии исполнительного производства, суд не должен отменять свое решение или иное судебное постановление, на основании которого был выдан исполнительный документ, и прекращать производство по делу. В данном случае ст. 173, 220 ГПК не могут применяться, поскольку они регулируют порядок утверждения мирового соглашения между истцом и ответчиком, а не взыскателем и должником», – сказано в определении Московского городского суда от 29 февраля 2012 г. по делу № 33-6528. Позиция Московского городского суда, изложенная в цитируемом определении, нуждается в уточнении: ст. 173 ГПК применяется судом при заключении мирового соглашения между должником и взыскателем хотя бы потому, что об этом прямо говорит закон (ч. 2 ст. 439 ГПК), но ст. 173 ГПК применяется судом в части, регламентирующей процедуру утверждения судом мирового соглашения, и не применяется в части последствий утвержденного судом мирового соглашения.

Итак, *судебные акты, которые издает суд по делу, возникшему при исполнении судебного акта, не изменяют судебного решения, постановленного по иску, поскольку исковое производство и производство по исполнению судебного акта есть разные судебные производства, отличные друг от друга. При этом производство по делу при исполнении судебного акта есть производство вполне автономное, которому исковое производство не всегда предшествует.* Этим оно отличается от несамостоятельных частных производств, которые предваряют исковое производство или сопровождают его (об обеспечении доказательств о возбуждении гражданского дела, об отводе судей), или от производства в судах кассационной и надзорной инстанций. Следовательно, решение, постановленное в исковом производстве, не может быть отменено в другом производстве, относительно независимом от производства искового. С другой стороны, судебные производства по делам об исполнении судебного акта могут не сопровождаться исполнительным производством, которое ведет судебный пристав-исполнитель.

Профессор М. А. Гурвич. Вступившее в законную силу судебное решение обладает свойством неизменяемости. Это свойство представляет собой результат неопровержимости и исключительности. Неопровержимость устраняет возможность апелляционного пересмотра. Исключительность запрещает новое рассмотрение дела, которое способно привести к отмене или изменению ранее вынесенного судебного решения [8, с. 147]. Содержание решения, как писал профессор М. А. Гурвич, заключается во властном (императивном) подтверждении существования или отсутствия спорного правоотношения [8, с. 144]. *После вступления в законную силу судебного решения стороны вправе своим соглашением изменять правоотношение, существование которого подтверждено судебным решением, независимо от того, возбуждалось или не возбуждалось исполнительное производство по данному решению.* Чтобы обеспечить бесспорность и получить санкцию на изменение правоотношения, которое ранее было подтверждено решением суда, стороны прибегают к производству об утверждении мирового соглашения. Определение об утверждении мирового соглашения имеет исполнительную силу, что позволяет устранить повторное рассмотрение дела. Исполнительной силой мировое соглашение обладает в силу того, что правоотношение, подтвержденное судебным решением, носит бесспорный характер. Если не утверждать мировые соглашения об изменении правоотношения, подтвержденного решением суда, то правоотношение, об изменении которого договариваются стороны (должник и взыскатель), превращается в потенциально спорное.

На первый взгляд решение, предлагаемое в настоящей статье, ничем не отличается от решения М. А. Рожковой. Тем не менее отличия все же имеются. Они состоят в том, что на проблему «отмены» судебного решения мировым соглашением, утверждаемым при исполнении судебного акта или в исполнительном производстве, предлагается взглянуть не с материальной, а процессуальной (судопроизводственной) точки. Судебное решение, подтверждающее существование спорного правоотношения, постановляется в процессуальном (исковом) производстве. Мировое соглашение, которым изменяется или прекращается правоотношение, подтвержденное судебным решением, утверждается судом за пределами искового производства, за пределами гражданского процесса, поэтому мировое соглашение, утвержденное определением суда, не может ни отменить, ни изменить судебного решения.

Список использованных источников

1. Агеев, А. Х. Правовая природа мирового соглашения в исполнительном производстве / А. Х. Агеев // Вестн. Югор. гос. ун-та. – 2007. – Вып. 7. – С. 3–11.
2. Васильев, А. А. Руководство к защите гражданского иска : С очерком права материал. (т. X ч. 1) и прил. закона о преобразовании мест. суда, высочайше утв. 15 июня 1912 г. в части, касающейся Устава гражданского судопроизводства / А. А. Васильев. – СПб. : В. П. Анисимов, 1913. – VIII, 422 с.
3. Васильевский, Е. В. Курс гражданского процесса / Е. В. Васильевский. – М. : Бр. Башмаковы, 1913. – Т. 1: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – 691 с.
4. Евсеев, А. П. Правовая природа мирового соглашения в хозяйственном процессе / А. П. Евсеев, И. П. Жигалкин, А. А. Присяжнюк // Проблемы законности. – Харьков, 2012. – № 120. – С. 105–115.
5. Гордон, В. М. Понятие процесса в науке гражданского судопроизводства : вступит. лекция / прив.-доц. В. М. Гордон. – Ярославль : Тип. Губ. Правления, 1901. – 19 с.
6. Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2001. – 541.
7. Григорьева, Т. А. Действие принципа диспозитивности в исполнительном производстве / Т. А. Григорьева, Л. Г. Щербакова // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев ; Казан. гос. ун-т. – М. : Статут, 2009. – С. 45–50.
8. Гурвич, М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы / М. А. Гурвич. – М. : Юрид. лит., 1976. – 176 с.
9. Кукольник, В. Г. Российское частное гражданское право / В. Г. Кукольник. – СПб. : Типография Департамента внешней торговли, 1815. – Ч. 2: Обряд гражданского судебного делопроизводства. – 287 с.
10. Лапин, Б. Н. О проблемах реформирования гражданского судопроизводства в странах Содружества Независимых Государств / Б. Н. Лапин, Н. А. Чечина // Изв. вузов. Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 131–145.

11. Лебедев, С. А. *Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории)* / С. А. Лебедев. – М.: Акад. проект, 2008. – 691 с. – (Gaudeamus) (Единый гуманитарный мир. Философия).
12. Малышев, К. И. *Курс гражданского судопроизводства* / К. И. Малышев. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. – 1876. – Т. 1. – Изд. 2-е, испр. и доп. – 444 с.
13. Нефедьев, Е. А. *Гражданский процесс: лекции, чит. в Моск. ун-те орд. проф. Е. А. Нефедьевым.* – М.: Типо-литогр. В. Рихтеръ, 1900. – 463 с.
14. Рожкова, М. А. *Мировая сделка: использование в коммерческом обороте [Электронный ресурс]* / М. А. Рожкова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
15. Шак, Х. *Международное гражданское процессуальное право: учебник* / Х. Шак; пер. с нем. Е. В. Гречишниковой. – М.: Изд-во Бек, 2001. – 518 с.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СУБСИДИАРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ТАДЖИКИСТАНА

Насиров Хурид Талибович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Российско-Таджикского (славянского) университета, г. Душанбе

В теории гражданского права исполнение договорного обязательства является завершающим этапом любых обязательственных отношений и представляет собой совершение должником того или иного действия, направленного на удовлетворение, которое по данному обязательству вправе требовать от него кредитор. При этом предполагается, что в соответствии с условиями обязательств должник как обязанная сторона произведет такое надлежащее исполнение, что кредитор уже больше не будет вправе предъявлять ему какие-либо требования, исходящие из этих обязательств. Именно по этой причине в юридической литературе исполнение обязательства всегда ассоциировалось с моментом прекращения должником предусмотренных в договоре действий.

В субсидиарных обязательствах их исполнение приобретает иное отождествление, где, во-первых, надлежащее исполнение требований кредитора помимо основного должника (в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения) может быть осуществлено другим (дополнительным) должником. Для субсидиарных обязательств, привлечение субсидиарного должника к исполнению требований кредитора при их неудовлетворении со стороны основного должника предопределяет их квалифицирующее назначение. Во-вторых, надлежащее удовлетворение дополнительным должником неисполненных основным должником требований кредитора хоть и прекращает субсидиарное обязательство как таковое, однако порождает новое обязательство, в соответствии с которым первоначальный должник обязуется совершить в пользу дополнительного должника действия, которые последний выполнил за него.

Привлечение субсидиарного должника к исполнению неисполненной части обязательства рассматривается в гражданском праве как одно из значимых условий при классификации субсидиарного обязательства. Так, в Комментариях Общей части Гражданского кодекса Республики Казахстан ее авторами было отмечено, что «...в субсидиарном обязательстве один (основной) должник отвечает в полном объеме, а второй несет лишь дополнительную ответственность (в неисполненной основным должником части)... в субсидиарном обязательстве к субсидиарному должнику требование может быть заявлено только после заявления такого требования основному должнику и в случае, если основной должник не удовлетворит это требование полностью или частично» [1, с. 192]. С. В. Сарбаш при конструировании понятия субсидиарного обязательства отмечал, что последнее представляет «собой обязательство субсидиарного (дополнительного) должника, которое он обязан исполнить в случае неисправности основного (главного) должника» [2]. В субсидиарных обязательствах их квалифицирующим признаком становится не сам факт возможного появления и существования субсидиарного должника как такового, а факт привлечения дополнительного должника к исполнению неудовлетворенных требований кредитора.

Субсидиарные обязательства существуют еще до привлечения субсидиарного должника к ответственности. Так, согласно ч. 3 ст. 135 ГК РТ, в случае если с согласия участников ассоциации в нее будут приняты новые члены, то их субсидиарные обязательства по долгам ассоциации обусловлены не моментом привлечения новых членов к субсидиарной ответственности, а моментом их приема в уже созданную и действующую ассоциацию. В ч. 2 указанной выше статьи субсидиарные обязательства выбывающего из ассоциации члена также обуславливаются двухлетним сроком после выхода из ассоциации, в течение которого бывший член будет обязан нести ответственность по обязательствам ассоциации, а не моментом привлечения его к субсидиарной ответственности.

В отличие от других обязательств, в субсидиарном кредитор осознает, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения основным должником своих обязательств у него появляется субъективное право принудить дополнительного должника к исполнению неисполненных обязательств в субсидиарном порядке. В этом плане волеизъявление кредитора на возможную замену основного должника на дополнительного предопределяется еще задолго до момента ненадлежащего исполнения его требований.

Однако сама возможность привлечения субсидиарного должника к ответственности еще совсем не означает, что неудовлетворенные требования кредитора будут им исполнены. Не умаляя значимости возможности кредитора привлечь субсидиарного должника к ответственности, необходимо отметить, что одного этого недостаточно для того, чтобы неисполненные основным должником обязательства были произведены дополнительным.

Для некоторых категорий субсидиарных обязательств еще требуется наличие дополнительных квалифицирующих признаков, отсутствие которых существенно ограничивает возможности кредитора привлечь дополнительного должника к непосредственному исполнению обязательств вместо основного.

Так, исходя из толкования ст. 350 ГК РТ, для того чтобы привлечь субсидиарного должника к ответственности, кредитору достаточно прийти к выводу, что основной должник не смог удовлетворить его требования. Это означает, что, например, по обязательствам ассоциации кредитору достаточно понять неудовлетворительное исполнение его требований со стороны ассоциации, чтобы предъявить свои претензии к его членам как субсидиарным должникам. По обязательствам несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет его кредитору также будет достаточно понять, что несовершеннолетний не сможет удовлетворить предъявленные к нему требования, чтобы затем заявить их его родителям (усыновителям) или попечителю.

Для того чтобы непосредственно привлечь дополнительного должника к субсидиарной ответственности, необходимо также и осознание самим субсидиарным должником того, что основной должник отказался удовлетворить или уклоняется от удовлетворения кредитора. Так, исходя из требований ч. 2 ст. 132 ГК РТ, собственник, создавший учреждение, не станет исполнять обязательства последнего до тех пор, пока не убедится в недостаточности его денежных средств, необходимых для удовлетворения возникших обязательств. Согласно ст. 392 ГК РТ поручитель по договору поручительства не примет на себя исполнение обязательств должника в дополнительном порядке до тех пор, пока не получит доказательства, свидетельствующего об уклонении должника от исполнения требований кредитора. В этом плане, чтобы обеспечить свою презумпцию исполнения субсидиарного обязательства, дополнительный должник должен до начала удовлетворения неисполненной части обязательства основного должника сначала потребовать от кредитора, заявившего требования, представить доказательства, подтверждающие обстоятельства уклонения основного должника от исполнения возложенных на него обязательств.

Гражданское законодательство не ставит исполнение субсидиарного обязательства в зависимость от наличия либо отсутствия согласия основного должника. Однако, для того чтобы полностью исключить возможность субъективного истолкования ненадлежащего исполнения, необходимо, чтобы субсидиарный должник до удовлетворения требований кредитора предупредил основного должника о предъявленном к нему требовании.

В то же время для некоторых субсидиарных обязательствах устанавливаются дополнительные квалифицирующие признаки привлечения дополнительного должника к субсидиарной ответственности, которые несколько колеблют основные принципы применения этой ответственности, когда кредитор в случае отказа от удовлетворения его требований со стороны основного должника вправе требовать их исполнения в оставшейся части обязательства от дополнительного должника.

Так, в случае, когда субсидиарный должник, отвечая перед кредитором по тем же правилам, что и основной должник, может быть привлечен к субсидиарной ответственности только при наступлении одного из следующих условий: невозможность основным должником удовлетворить требования кредитора либо когда в разумный срок кредитор не получит от основного должника ответа об исполнении предъявленного требования.

Строгая привязка наступления субсидиарной ответственности с невозможностью исполнения обязательств со стороны основного должника только по причине недостаточности у него средств сильно ослабляет обеспечительную функцию субсидиарных обязательств. Возможность кредитора привлечь дополнительного должника к исполнению обязательств за основного должника, как и побуждение самого субсидиарного должника учинить это исполнение самостоятельно, будет ограничена не столько отказом основного должника от удовлетворения требований кредитора, сколько наступлением обстоятельств, которые никак не связаны с субсидиарными обязательствами как таковыми.

В субсидиарных обязательствах в результате надлежащего исполнения неудовлетворенных требований кредитора со стороны дополнительного должника возникают новые обязательства, но уже между субсидиарным и основным должником [1, с. 524]. Надлежащее исполнение субсидиарным должником неисполненных основным должником требований, скорее всего, удобнее идентифицировать с основаниями трансформации субсидиарных обязательств в регрессные. При этом объем регрессных обязательств между основным и субсидиарным должником во многом обусловлен объемом требований кредитора, неисполненных основным должником, но затем удовлетворенных дополнительным. Фактически во вновь возникших регрессных обязательствах основной должник должен исполнить тот же объем требований, которыми был неудовлетворен кредитор, но уже в пользу субсидиарного должника, так как они в неудовлетворенной части были заявлены последнему и надлежаще исполнены им. Именно поэтому ч. 3 ст. 430 ГК РТ предоставляет право субсидиарному должнику, исполнившему обязательства основного должника, обратиться к последнему с регрессными требованиями о возмещении понесенных в связи с исполнением расходов. В этом плане надлежащее исполнение субсидиарным должником обязательств основного должника в их неисполненной части можно квалифицировать как основания, при наступлении которых субсидиарные обязательства не прекращаются как таковые, а трансформируются в обязательства регрессные.

Если обуславливать субсидиарные обязательства с потенциальным существованием субсидиарного должника, то трудно рассматривать надлежащее исполнение неудовлетворенных требований кредитора со стороны дополнительного должника в качестве основания его прекращения. В данном случае надлежащее исполнение можно рассматривать как непосредственное основание для превращения существующего обязательства между кредитором, основным должником и субсидиарным ответчиком в части исполнения неудовлетворенных требований в регрессное обязательство между основным и дополнительным должником.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан. Общая часть. Комментарий (постатейный) : в 2 кн. – 2-е изд., испр. и доп., с использованием судебной практики / отв. ред. М. К. Сулейменов, Ю. Г. Басин. – Т. 2. – Алматы, 2003. – 528 с.
2. Сарбаш, С. В. Обязательства со множественностью лиц и особенности их исполнения / С. В. Сарбаш. – М. : Статут, 2004. – С. 26.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРИНЦИПА НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Нусратуллоев Бахтовар, преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения Российско-Таджикского (славянского) университета, г. Душанбе

Проведенное нами исследование показало, что в действующем законодательстве Республики Таджикистан не раскрываются составные элементы принципа надлежащего исполнения обязательств, а также не указано определение его сути, в результате чего толкование данной категории вызывает много споров и дискуссий.

Слово «надлежащий» имеет более широкий смысл, означающий, по толковому словарю С. И. Ожегова и Т. Ф. Ефремовой, «такой, какой следует», «нужный», «соответствующий», «так, как нужно» [5, с. 291; 4, с. 205]. А в качестве синонимов к понятию «надлежащий», как указано в словаре синонимов, могут быть использованы категории «заслуженный», «подходящий», «подобающий», «соответствующий», «целесообразный» и т. п. [6].

Однако простое истолкование слова «надлежащий» не может позволить раскрыть всю суть и особенность принципа надлежащего исполнения обязательств. Многогранность конструкции принципа надлежащего исполнения обязательств можно объяснить путем использования системного подхода при исследовании данного явления. В таком случае мы полагаем, что принцип надлежащего исполнения обязательств обладает рядом элементов (компонентов) – это совокупность субъектных, предметных, пространственных и иных объективных критериев, соответствие которым делает исполнение надлежащим [7, с. 475]. Иначе говоря, эти элементы отвечают на вопросы: кто, что, когда, где и как должен сделать, чтобы обязательство было надлежаще исполнено.

Теперь необходимо ответить на главный вопрос: что же выступает в качестве основных элементов (компонентов) принципа надлежащего исполнения обязательств?

Мы, в свою очередь, попытаемся ответить на данный вопрос, проанализировав положения законодательства и высказав свою позицию относительно исследуемого явления. Между тем в настоящей статье будут раскрыты лишь общие положения о компонентах исследуемого принципа. Так, если отталкиваться от точки зрения законодателя (ст. 330 ГК РТ), то исполнение обязательства будет признаваться надлежащим, если оно произведено в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Под условиями обязательства, отмеченными в данной статье, понимаются условия, которые стороны самостоятельно оговорили, взяв на себя определенное обязательство. К таким условиям относятся положения договоров и некоторых односторонних сделок (например, условия завещания), возлагающие на лицо совершение действий и/или воздержание от совершения тех или иных действий (бездействие).

На наш взгляд, термин «условия обязательства», указанный в ст. 330 ГК РТ, является узким по содержанию с точки зрения правильного его истолкования. Здесь следует согласиться с Д. А. Братусом, что при широкой трактовке условия обязательства возникают не только из договоров и некоторых односторонних сделок, но также из актов законодательства, обычаев делового оборота и т. д. [1]. «Как следствие, образуется путаница: в одном случае закон упоминает конкретные источники надлежащего исполнения (предписания законодательства, обычаи делового оборота, иные обычно предъявляемые требования), в другом – указывает на содержание этих источников (условия обязательства). Подобная непоследовательность в норме права недопустима» [1].

Нашу точку зрения можно обосновать следующим образом. Дело в том, что большинство норм, регламентирующих порядок исполнения договорных обязательств, как правило, носят диспозитивный характер, так как «содержащиеся в них правила применяются к исполнению конкретного обязательства при отсутствии иного соглашения между сторонами» [2, с. 359–360] ввиду того, что контрагентам прежде всего предоставляется возможность самостоятельно определять права и обязанности, устанавливая порядок их реализации. Вместе с тем условия исполнения некоторых видов обязательств могут быть подчинены не столько соглашению сторон, сколько положениям, установленным в нормативном порядке (например, транспортные обязательства).

Таким образом, в качестве источника, где указаны условия обязательства, могут выступать как соглашения сторон, так и/или положения норм законодательства.

Далее, исходя из ст. 330 ГК РТ, исполнение обязательства должно соответствовать требованиям закона и иных нормативных актов. Установленные в законе требования носят императивный характер, поэтому их соблюдение не только желательно, но и обязательно для сторон договора. К таким условиям можно отнести положения, определяющие порядок исполнения внедоговорных обязательств, особенности заключения договоров в иностранной валюте, разумные сроки исполнения обязательств и т. п.

Если условия обязательства либо закона не содержат требования относительно того или иного вопроса, то исполнение обязательства должно отвечать обычаям делового оборота или иным обычно предъявляемым требованиям. Под обычаем делового оборота следует понимать не предусмотренное законодательством или договором, но сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, например традиции исполнения тех или иных обязательств и т. п. [3, с. 48]. Следует обратить внимание на тот факт, что применяемые обычаи делового оборота не должны противоречить положениям законодательства, иначе они не подлежат применению.

К «иным обычно предъявляемым требованиям» следует отнести деловые обыкновения, принципы гражданского права и т. п. Данные правовые явления не поименованы в ст. 330 ГК РТ «из соображений нормативной экономии, а также по причине их абстрактного содержания» [1].

Таким образом, одним из элементов принципа надлежащего исполнения обязательства выступает точное исполнение обязательства, соответствующее всем условиям и требованиям возникшего обязательства, предусмотренного договором, законом либо другим правовым актом, а при их отсутствии – обычаям делового оборота и иным обычно предъявляемым требованиям.

Следует отметить, что надлежащее исполнение обязательства со стороны должника влечет правовые последствия – прекращение обязательства. Но всякое иное исполнение, например частичное или просроченное, становится основанием для применения к должнику соответствующих принудительных мер, включая и меры гражданско-правовой ответственности. Иначе говоря, надлежащее исполнение обязательств имеет место при исполнении обязательств, отвечающих всем условиям и требованиям, предъявляемым к такого рода обязательству, в полном объеме, тогда как частичный или просроченный характер их исполнения является ненадлежащим.

Словом, исполнение обязательства должно быть произведено в полном объеме, что является следующим компонентом принципа надлежащего исполнения обязательств.

Необходимо обратить внимание на то, что принцип надлежащего исполнения обязательства распространяется не только на должника, но и кредитора. Он несет так называемые кредиторские обязанности, состоящие в совершении им определенных действий по подготовке и принятию предоставляемого должником исполнения [2, с. 361]. Несмотря на то что кредиторские обязанности не имеют самостоятельного значения, их надлежащее исполнение, препятствующее должнику исполнить обязательство, влечет за собой возможность возмещения убытков, причиненных должнику [8, с. 71–72] (ст. 436 ГК РФ). Должник, в свою очередь, также несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

Таким образом, следующим компонентом принципа надлежащего исполнения обязательства является то, что исполнение обязательства заключается в надлежащем поведении должника и кредитора, выраженном в их действиях и/или бездействии, под угрозой применения к ним гражданско-правовых санкций.

Обобщая изложенное, можно сказать, что, во-первых, условия обязательства могут вытекать не только из договоров и некоторых односторонних сделок, но также из законодательных актов, обычаев делового оборота и т. д. Во-вторых, принцип надлежащего исполнения обязательств адресован как должнику, так и кредитору. В-третьих, исполнение обязательства должно быть произведено в полном объеме.

Исходя из сказанного, предлагаем следующее определение принципа надлежащего исполнения обязательств: *«Надлежащим исполнением обязательств следует признавать такое поведение должника и кредитора, которое соответствует всем условиям и требованиям возникшего обязательства, предусмотренного договором, законом либо другим правовым актом, а при их отсутствии – обычаям делового оборота и иным обычно предъявляемым требованиям».*

Список использованных источников

1. Братусь, Д. А. Принцип надлежащего исполнения обязательств [Электронный ресурс] / Д. А. Братусь // Юрист. – 2006. – № 2. – Режим доступа: http://www.lexanalitik.kz/ru/press_center/publications/2006/March/45. – Дата доступа: 14.11.2014 г.
2. Гражданское право : учебник / под общ. ред. Г. И. Илларионовой, Б. М. Гангалю, В. А. Плетнева. – М. : Изд. Группа Норма-ИНФРА, 1998. – Ч.1. – 464 с.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Н. Д. Егоров [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006. – Т. 2. – 848 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. 2000. – Т. 2: П–Я. – 1088 с.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – 750 с.
6. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://encdic.com>.
7. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / С. А. Верб [и др.] ; под ред. О. А. Красавчикова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1985. – Т. 1. – 544 с.
8. Чайка, А. А. Принцип надлежащего исполнения обязательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Чайка. – Рязань, 2007. – 207 л.

ПРИНЦИП НАИБОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ПРАВА В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Тагаева Санавбар Назиркуловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного права и сравнительного правоведения Российско-Таджикского (славянского) университета, г. Душанбе

Принцип наиболее благоприятного права является основополагающим началом коллизионно-правового регулирования брачно-семейных отношений, направленным на защиту прав и интересов слабой стороны правоотношения, реализующимся при выборе правоприменителем наиболее выгодного из нескольких вариантов правоприменения различных государств.

Принцип наиболее благоприятного права активно заимствуется зарубежными странами, поскольку предоставляет расширенные альтернативы для защиты интересов сторон, но, к сожалению, в законодательстве Республики Таджикистан возможность его применения предусмотрена лишь к правоотношениям между опекуном (попечителем) и лицом, находящимся под опекой (попечительством), если последний проживает на территории республики, применяется отечественное право, если оно более благоприятно для этого лица.

По нашему мнению, данная коллизионная привязка имеет особую значимость для регулирования семейных правоотношений с международной составляющей.

Тенденцию по распространению возможности применения гибкой коллизионной формулы – наиболее благоприятного права для регулирования международных частноправовых отношений с участием детей можно обнаружить в международных договорах и национальном законодательстве.

Например, Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мерах по защите детей 1996 г. (Таджикистан не является участником Конвенции) предусматривает в исключительных случаях, когда это отвечает интересам ребенка, применение иных, кроме закона местожительства ребенка, коллизионных привязок.

Или Вводный закон к Германскому гражданскому уложению указывает на использование германского права, если оно более благоприятно для интересов ребенка при выражении согласия ребенка или усыновлении (ст. 23 ГГУ). Принцип наиболее благоприятного права содержится в австрийском законе «О международном частном праве» 1978 г., в Указе Венгрии «О международном частном праве» и других законах зарубежных стран.

В отличие от коллизионной формулы наиболее тесной связи, принцип наиболее благоприятного права менее конкретно определен в законодательстве.

По нашему мнению, принцип наиболее благоприятного права, несмотря на свое сходство с коллизионной привязкой закона наиболее тесной связи в части предоставленной законодателем возможности выбора одного правопорядка из нескольких предложенных вариантов, отличается допущением отхода от применения права того государства, с которым правоотношение более тесно связано, если оно более благоприятно, отвечает интересам слабой стороны правоотношения.

Расширение использования *lex benignitatis* в правоотношениях семейно-правовой ответственности способствует защите прав и интересов несовершеннолетней, нетрудоспособной, добросовестной стороны семейного правоотношения и к несению справедливого наказания за совершение виновного, противоправного деяния.

Целесообразность использования принципа наиболее благоприятного права в науке поставлена под сомнение. В частности, Е. В. Бабкина отмечает, что «поиск закона, наиболее благоприятного для потенциально более слабой стороны правоотношения, – довольно сложно реализуемая на практике задача, несмотря на гуманность цели, на которую она направлена» [4]. Такого же мнения придерживается А. В. Асосков, указывая, что такие привязки «ставят перед судом весьма сложную практическую задачу: вместо четкого определения предпочтительного материально-правового результата законодатель лишь обозначает то лицо, интересы которого подлежат повышенной правовой защите, и требует от суда выбора из числа предлагаемых альтернатив того правопорядка, материально-правовые нормы которого в сравнительном плане предоставляют указанному лицу наилучший правовой режим» [3, с. 168]. По нашему мнению, принцип наиболее благоприятного права не предоставляет суду выбирать законодательство, не связанное с правоотношением, а, наоборот, из всех возможных коллизионных привязок, имеющих отношение к правоотношению, закон предоставляет правоприменителю выбрать наиболее благоприятный. Мы считаем предостережения, связанные с применением данного гибкого коллизионного принципа, излишними. Использование жесткой коллизионной нормы также может указывать на закон гражданства, на закон места жительства, закон совместного места жительства ребенка или другой «слабой стороны» в правоотношении. В любом случае суд будет выявлять содержание одной из вариаций иностранного права, применяя одну из этих коллизионных привязок. Использование принципа наиболее благоприятного права требует от суда в силу его полномочий оценки законодательств нескольких иностранных государств на предмет его благоприятности для требующей защиты стороны в правоотношении.

Следует заметить, что «необходимость установления содержания иностранного закона судом вытекает из главной предпосылки международного частного права – допущения иного, нежели отечественный, правопорядка в целях регламентации тех или иных отношений [1, с. 249]». При выявлении права наиболее благоприятного для правоотношения семейно-правовой ответственности суд устанавливает содержание не одного, а нескольких правопорядков, которые связаны с ним. В целях установления содержания норм различных иностранных государств суд обращается за содействием и разъяснениями в Министерстве юстиции Республики Таджикистан и в другие компетентные органы Республики Таджикистан либо привлекает экспертов. Использование коллизионного принципа *lex benignitatis* судьей требует от него получения разъяснений о содержании норм не одного, а нескольких иностранных государств.

Согласно общим правилам правового регулирования международных частноправовых отношений при применении норм иностранного права суд устанавливает содержание этих норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (ст. 176 СК РТ). Однако при выборе альтернатив применения нескольких правопорядков судья их толкует не как правоприменитель иностранного государства, а оценивает их с точки правосознания и убеждений, сформировавшихся в государстве, гражданином которого он является. Правовая квалификация судом или другим уполномоченным органом правопорядков зарубежных стран с целью выявления наиболее благоприятного права основывается на их толковании в соответствии с правом страны суда (ст. 1192 ГК РТ).

При использовании принципа наиболее благоприятного права судья может столкнуться с проблемой выбора между преимуществами, существующими в правопорядках двух стран для «слабой» стороны правоотношения. В связи с этим Г. Ю. Федосеева отмечает, что во всех примерах иностранного законодательства нет указания на те критерии, по которым суд или другой правоприменительный орган должен анализировать «благоприятность» правовых систем [6, с. 111]. Так, предполагает А. В. Асосков, «право первого государства может предусматривать

уменьшение размера возмещения в связи с наличием вины на стороне потерпевшего, но одновременно допускать присуждение дополнительной компенсации морального вреда. В праве второго государства может отсутствовать основание для уменьшения размера возмещения, но одновременно и не допускаться выплата дополнительной компенсации морального вреда [3, с. 168]». В этом случае судья стоит перед выбором: применить выгодные положения обоих правопорядков или ограничиться одним.

По нашему мнению, при регулировании мер частноправовой ответственности в семейном праве судья обязан сопоставить последствия применения материально-правовых норм различных государств, которые касаются конкретного спора, в частности нарушения семейных обязанностей. Результаты такой компаративистики позволяют суду сделать вывод о целесообразности для «слабой» стороны правоотношения использования права только одной страны.

При этом законодатель, предоставляя правоприменителю выбор применимого права, дает возможность последнему вариации учета последствий этого выбора для слабой стороны правоотношения.

В науке предлагалось передать вопросы применимого права на усмотрение заинтересованной стороны, а не суда [2]. Однако реализация такого предложения не будет отвечать интересам слабой стороны семейного правоотношения, а, наоборот, создаст ситуацию, по которой она может оказаться в более уязвимой, чем при применении жестких коллизионных привязок.

Другой момент, на который требует разрешения не только с теоретической, но и с практической стороны вопрос допустимости выбора наиболее благоприятного права судом. Так, в Семейном кодексе Республики Таджикистан содержатся положения, допускающие применение законодательства государства, на территории которого постоянно проживает ребенок по требованию истца (ст. 174 СК РТ). В данном случае суд вправе применить законодательство страны проживания ребенка, если оно более благоприятно для него. Инициатива применения *lex domicilii* ребенка исходит от истца, а не от суда. По этому поводу О. Ю. Малкин указывает, что «правосудие по гражданским делам осуществляется на основании состязательности и равноправия сторон, суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководством процессом... поэтому суд не вправе самостоятельно определять наиболее благоприятное для одной из сторон процесса право» [5, с. 181–192].

По нашему мнению, применение иностранного права не нарушает баланса процессуальных прав сторон, а всего лишь позволяет суду применить одну из тех коллизионных привязок, которая является более выгодной для «слабой» стороны в семейном правоотношении. При наличии «иностранного элемента» суд обязан разрешить вопрос о выборе правопорядка, регулирующего правоотношение. Поэтому утверждение о том, что суд выходит за пределы исковых требований при реализации принципа наиболее благоприятного права, не совсем верно. Кроме того, исковые требования по семейным делам носят материально-правовую природу, не содержат требования о применимом праве, если, конечно, речь не идет о семейно-правовом договоре, в котором определено право, применимое для разрешения спора. В связи с этим определение применимого права не означает выхода за пределы заявленных истцом требований, эти действия необходимы для защиты прав и охраняемых законом интересов «слабой» стороны семейного правоотношения.

Список использованных источников

1. Ануфриева, Л. П. Международное частное право : в 3 т. / Л. П. Ануфриева. – Т. 1. – М. : Бек, 2002. – 288 с.
2. Асосков, А. В. Понятие и классификация коллизионных норм с множественностью привязок [Электронный ресурс] / А. В. Асосков // Консультант Плюс. – М., 2014.
3. Асосков, А. В. Основы коллизионного права / А. В. Асосков. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 352 с.
4. Бабкина, Е. В. Современные тенденции развития типологии коллизионных норм [Электронный ресурс] / Е. В. Бабкина // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://www.evolutio.info/content/view/1970/5/>. – Дата доступа: 12.04.14.
5. Малкин, О. Ю. Выбор права участниками семейных отношений, осложненных иностранным элементом: проблемы и перспективы законодательного регулирования [Электронный ресурс] / О. Ю. Малкин // Рос. ежегодник междунар. права. – СПб. : Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2010. – С. 181–192.
6. Федосеева, Г. Ю. Принцип наиболее тесной связи и принцип наиболее благоприятного права применительно к регулированию брачно-семейных отношений / Г. Ю. Федосеева // LEX RUSSICA (Науч. тр. МГЮА). – 2006. – № 1. – С. 103–115.

РАЗДЕЛ II КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кивель Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Конституция Республики Беларусь закрепляет большой объем политических прав и свобод граждан, реализация которых позволяет им более активно участвовать в осуществлении политической власти. В первую очередь это право на информацию. Статья 34 Конституции Республики Беларусь гарантирует право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы [1]. На наш взгляд, п. 2 ст. 34 Конституции Республики Беларусь необоснованно сужает круг субъектов, граждан, которые могут ознакомиться с материалами, затрагивающими их права. Необходимо распространить положение этой статьи на всех людей, проживающих на территории страны.

В Австрии, например, любой человек, будь он гражданин страны или иностранец, может получить интересующую его информацию от административных органов [2, с. 112].

Право на информацию является одним из фундаментальных прав человека, призванных обеспечить не только его личные интересы, но и участие в делах общества и государства. Под свободной информацией понимают «информацию, связанную с процессом познания и свободно циркулирующую между различными материальными носителями (например, передаваемое по радио сообщение либо опубликованная статья) как сведения» [3, с. 75]. Рассматриваемое право относится к числу политических прав человека и гражданина и связано не с отношениями между гражданами, а с их отношениями с государственными органами. Деятельности этих органов государства должна быть присуща информационная открытость, призванная обеспечить доступность для личности информации, представляющей общественный интерес или затрагивающей личные интересы человека, систематическое информирование граждан о подготавливаемых и принятых решениях. Гражданам должны быть доступны материалы (стенограммы, протоколы заседаний и т. п.) при условии, что в них нет сведений, содержащих государственную тайну [4, с. 29]. К сожалению, в государственно-правовой системе Республики Беларусь отсутствует механизм реализации права на информацию. В связи с этим в ближайшее время необходимо разработать данный механизм. По нашему мнению, в современных условиях быстрого развития научно-технического прогресса особенно важной является правовая информация. Стремительное обновление законодательной базы нашего государства ставит задачу – формирование информационного пространства, обеспечивающего правовую информированность общества в целом и каждого гражданина в отдельности [5, с. 174–176].

Можно согласиться с мнением о том, что сегодня просто необходимо создать сеть информационно-юридических услуг для граждан, ибо в этом случае повышается эффективность права и его применения [6, с. 67].

А. В. Матусевич справедливо полагает, что «в условиях чрезвычайно большого количества нормативных актов совершенно не демократичным является применение презумпции знания закона, которая сводится к тому, что незнание закона не освобождает от ответственности. Возможно, эта презумпция может быть сохранена при оценке деяния конкретного гражданина только с одновременным действием другой презумпции, касающейся всех субъектов права: только знание может быть основанием ответственности» [7, с. 37].

Выступая на открытии круглого стола в Государственной Думе Российской Федерации 25 ноября 1997 г., Ги де Вель, генеральный директор Департамента по правовым вопросам Совета Европы того периода, отмечал следующее: «Если незнание закона не может оправдывать бездействие, то это предполагает, что государство обязано информировать своих граждан обо всех нормативных решениях соответствующими средствами, особенно путем опубликования этих норм» [8, с. 108]. В целом процесс становления и развития права на информацию прошел длительную эволюцию [9]. В настоящее время существует ряд проблем реализации данного фундаментального права. Право на информацию непосредственно связано с понятием «правовая культура» [10]. Правовая культура с точки зрения информационно-семиотического подхода – это правовая информация (совокупность регулятивов, ценностей и знаний в области правовой действительности), которая накапливается, сохраняется и передается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых систем. В состав правовой культуры входит информация, заключенная:

- а) в правовом сознании;
- б) правовой науке;
- в) правовой деятельности;
- г) материальных предметах, обеспечивающих и сопровождающих правовую деятельность;
- д) юридических актах [11, с. 52].

Правовая культура – один из аспектов общечеловеческой культуры, воплотившийся в праве и юридической практике, один из обязательных элементов гражданского общества, правового государства. Она включает в себя и правовую культуру населения, и правовую культуру должностных лиц, органов власти, государства в целом [12, с. 54]. Вместе с тем «массово-коммуникативные технологии могут представлять для общества и немалую угрозу,

которая порождает серьезную проблему информационно-психологической безопасности населения» [13, с. 197].

Идея использования современных информационных и компьютерных технологий для обеспечения юристов Республики Беларусь нормативной правовой информацией впервые была определена в Концепции судебно-правовой реформы. В настоящее время действует достаточно много качественных нормативных правовых актов в данной области, позволяющих говорить о сформированной системе государственной правовой информации.

Право свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, свободного, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании (ст. 38 Конституции) – право, которое подробно регламентируется в Избирательном кодексе Республики Беларусь [14].

Определяя место избирательных прав в общей системе прав и свобод личности, прежде всего следует отметить, что термин «избирательные права», употребляемый именно во множественном числе, включает в себя целый комплекс самостоятельных, но одновременно взаимосвязанных друг с другом прав и свобод: а) право избирать (активное избирательное право); б) право быть избранным (пассивное избирательное право); в) право участвовать в выдвижении кандидатов; г) право участвовать в предвыборной агитации; д) право участвовать в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий; е) право участвовать в иных избирательных действиях и т. д. [15, с. 32]. Пристального научного внимания заслуживает, например, подход М. С. Матейковича к определению избирательных прав во взаимосвязи с другими основными правами и свободами (личными, социально-экономическими и др.), реализуемыми в избирательном процессе, при этом государство выступает основным гарантом стабильности и честности процедуры выборов [16, с. 18–19].

Можно согласиться с мнением Н. И. Рудовича о том, что «выборы считаются справедливыми, если процедура их проведения согласована со всеми заинтересованными сторонами, включая оппозицию, и строго всеми соблюдается. При таких условиях проигравшая сторона не может никого винить в проигрыше и, естественно, признает итоги голосования» [17, с. 176].

В соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой граждане имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах, что нашло закрепление в законах о прокуратуре [18], об органах внутренних дел [19] и других нормативных правовых актах государства.

Действующее белорусское законодательство четко устанавливает организационно-правовые формы, в которых осуществляется государственная служба и ограничивает круг лиц, обладающих статусом государственных служащих [20].

В научно-правовой литературе о государственной службе обосновываются различные точки зрения на структуру правового статуса. Традиционно деление служебных прав и обязанностей на общие для всех государственных служащих и специальные, обладание которыми связано с конкретной должностью [21, с. 15].

В соответствии со ст. 37 Конституции Республики Беларусь граждане имеют право сами участвовать в решении государственных дел, а также через свободно избранных представителей. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами. Более подробно право на непосредственное участие регулируется Избирательным кодексом Республики Беларусь и другими нормативными правовыми актами. Можно согласиться с мнением А. А. Тер-Акопова, что «право на управление государством – это право на государственное обеспечение безопасности человека; оно носит интегрирующий и гарантирующий характер; все жизненные блага человек добывает только в государстве, потому он должен иметь возможность строить государство в соответствии со своими интересами» [22, с. 41]. Одним из важных защитно-обеспечительных факторов является также концентрация усилий общества и государства по повышению активности населения и отдельного гражданина в самоуправлении [23, с. 13].

Каждому предоставляется право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы, а последние обязаны рассмотреть их и дать ответ по существу в определенный законом срок. Данное право можно реализовать в соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» [24]. Однако рассматриваемый законодательный акт не в полной мере регулирует эту область общественных отношений. Например, не конкретизирована ответственность должностных лиц за нарушение положений Закона. Необходимо, по нашему мнению, дополнить Закон Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» следующими положениями: закрепить принцип, согласно которому гражданин, подающий жалобу, должен обращаться прежде всего в тот орган, который обязан ее решить по первой инстанции, а также определить конечную инстанцию в системе органов, принимающих окончательное решение, что, на наш взгляд, должно в большей степени исключить пересылку жалоб и повторные.

В Конституции Республики Беларусь 1994 г. сохранены свободы собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь (ст. 35).

Каждый имеет право на свободу объединений. Судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, органов безопасности, военнослужащие не могут быть членами политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели. Данные ограничения соответствуют нормам международного права и установлены для обеспечения независимости и объективной деятельности указанных должностных лиц. В принципе, любая общественная и трудовая деятельность не только накладывает на человека определенные обязанности, но и ограничивает его права. Но есть сфера деятельности человека, которая напрямую связана с ограничением значительной части индивидуальных прав. Это прежде всего государственная служба, поступающая на которую индивид сознательно отказывается от части своих гражданских прав, что, в свою очередь, компенсируется обществом и государством морально и материально [184, с. 11].

Гражданам Республики Беларусь в количестве не менее 50 тысяч человек предоставлено право законодательной инициативы (ст. 99 Конституции).

В соответствии с юридическим содержанием политических прав и свобод граждане вправе требовать от государства исполнения обязанностей, закрепленных в Конституции. Вместе с тем государство должно ограничивать проведение массовых мероприятий, призывающих общество к анархии, нарушению общественного порядка. В данном вопросе государственными органами должны соблюдаться принцип законности, чувство такта, гибкости и т. д. Здесь нужно более четкое законодательство, определяющее границы проявления свобод участниками массовых мероприятий. Заслуживает внимания мнение российского исследователя С. В. Калашникова, считающего, что «юридическую ответственность за нарушение общественного порядка при проведении подобных политических мероприятий должны нести те граждане, которые непосредственно нарушают политические права граждан и провоцируют массовые беспорядки, а не те, кто использует закрепленные в Конституции права» [25, с. 5]. Наблюдается постоянное сближение европейских стандартов в области свободы мирных собраний с законодательством Республики Беларусь [26, с. 25]. Можно согласиться с мнением, высказанным в юридической литературе, что сегодня в мире почти не осталось государств, которые открыто отвергают политические права и свободы. Вместе с тем элиты и лидеры многих из них освоили новые технологии использования данных прав и свобод, точнее, технологии манипулирования ими, которые на практике частично или полностью выхолащивают суть этих прав. Так, права граждан на участие в управлении делами государства и общества, в том числе через участие в выборах, зачастую нарушаются и не реализуются прежде всего из-за установления монопольного контроля властей и узких финансово-экономических элит над СМИ, концентрации в их руках ресурсов, использования ими бюрократически-полицейского аппарата (так называемого административного ресурса) и лишения граждан права на политическую оппозицию [27, с. 92–94].

Достаточно актуально в настоящее время звучат слова профессора А. М. Абрамовича о том, что «необеспеченность основных политических прав и свобод в конечном итоге ведет... к отчуждению власти от народа, которое достигается различными средствами, начиная от использования в гигантских масштабах формализма в механизмах реализации политических прав и свобод, обработки масс соответствующей идеологией и кончая привлечением карательных органов для обеспечения преступными методами антинародных политических устремлений, диктатуры личной, авторитарной власти» [28, с. 17–18].

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2006.
2. Визер, Б. Право человека на информацию в Австрии / Б. Визер // Гос-во и право. – 1992. – № 4. – С. 110–118.
3. Городов, О. А. Информация как объект гражданских прав / О. А. Городов // Правоведение. – 2001. – № 5 (238). – С. 72–83.
4. Гришковец, А. А. Государственная служба и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия (практика России) / А. А. Гришковец // Гос-во и право. – 2004. – № 1. – С. 24–36.
5. Кивель, В. Н. Теоретические основы правового статуса личности в Республике Беларусь : монография / В. Н. Кивель. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – 356 с.
6. Орешкина, И. Б. Правовая информация как элемент правовой реформы / И. Б. Орешкина // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III Науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 67.
7. Матусевич, А. В. Представительство интересов личности в государственных органах / А. В. Матусевич // Личность. Общество. Государство / В. Н. Артемова [и др.]. – Сер. «Правоведение». – Минск : Право и экономика, 1996. – С. 36–39.
8. Вель, Г. де. Доступ граждан к правовой информации как условие развития правосознания и формирования правовой культуры [по материалам международных «круглых столов»] / Г. де Вель // Гос-во и право. – 2001. – № 9. – С. 108.
9. Лебедева, Н. Н. Право граждан на информацию: становление и развитие / Н. Н. Лебедева, Н. Н. Федосеева // Гос-во и право. – 2006. – № 5. – С. 98–105.
10. Кивель, В. Н. Правовая культура и права человека / В. Н. Кивель // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 марта 2008 г. / редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Веды, 2008. – С. 100–101.
11. Клейменова, Е. В. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации / Е. В. Клейменова, К. А. Моралева // Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 50–56.
12. Клейменова, Е. В. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации / Е. В. Клейменова, К. А. Моралева // Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 50–56.
13. Смоленский, М. Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности / М. Б. Смоленский // Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 197–204.
14. Кивель, В. Н. Избирательная система и ее модели / В. Н. Кивель // Электоральные компании как форма политической деятельности, уровень правовой культуры, легитимация власти: традиции и современность : материалы междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 29 окт. 2012 г. / под науч. ред. А. В. Курьяновича. – Минск : Тесей, 2012. – С. 70–74.
15. Матейкович, М. С. Субъективные избирательные права граждан в системе прав и свобод личности / М. С. Матейкович // Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 31–39.
16. Матейкович, М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации : монография / М. С. Матейкович. – М. : Изд. МГУ, 2003. – 300 с.
17. Рудович, Н. И. К вопросу об усилении гарантий избирательных прав граждан / Н. И. Рудович // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 176–177.
18. О прокуратуре Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-3 : в ред. от 10.07.2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 119. – 2/1317.
19. Об органах внутренних дел Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. от 04.05.2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 173. – 2/1360.
20. Чуприс, О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О. И. Чуприс. – Минск : Право и экономика, 2009. – 310 с.

21. Козбаненко, А. В. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное / А. В. Козбаненко // Гос-во и право. – 2003. – № 1. – С. 13–24.
22. Тер-Акопов, А. А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : материалы междунар. конф., посвящ. 50-летию Всеобщ. декларации прав человека / А. А. Тер-Акопов [и др.] // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 37–50.
23. Артемова, В. Н. Обеспечение прав и свобод личности и ее социально-правовой защиты – принцип взаимоотношений человека и государства в условиях построения демократического гражданского общества / В. Н. Артемова // Личность. Общество. Государство / В. Н. Артемова [и др.]. – Минск : Право и экономика, 1996. – С. 13–14.
24. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
25. Калашников, С. В. Политические гарантии обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов личности в условиях формирования гражданского общества в Российской Федерации / С. В. Калашников // Рос. юстиция. – 2012. – № 12. – С. 2–5.
26. Свобода мирных собраний: европейские стандарты и законодательство Республики Беларусь / А. Е. Вашкевич [и др.] ; науч. ред. А. Е. Вашкевич ; отв. ред. В. В. Филиппов. – Минск : Тесей, 2009. – 384 с.
27. Смирнов, В. В. Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы / В. В. Смирнов // Гос-во и право. – 2001. – № 5. – С. 91–98.
28. Абрамович, А. М. Развитие социалистической демократии в условиях перестройки (материал в помощь лектору) / А. М. Абрамович. – Минск : Знание, 1989. – 22 с.

РАЗДЕЛ III ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЙ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ РАБОТУ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, ИСПОЛНЯЮЩЕГО НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЛИ АРЕСТНОГО ДОМА

Корнеев Сергей Владимирович, преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Наиболее распространенной в отечественной научной литературе можно считать точку зрения, согласно которой непосредственным объектом действий, дезорганизирующих работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, являются «общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, или арестных домов. В качестве дополнительного объекта этого преступления может выступать здоровье, честь и достоинство потерпевшего» [1, с. 933].

Значительное число российских ученых аналогично определяют непосредственный объект данного преступления с учетом различия в терминологии белорусского и российского уголовных кодексов. Так, в курсе уголовного права, подготовленном на юридическом факультете Московского государственного университета, утверждается: «Объектом преступления является нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается не только в нарушении нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, что препятствует реализации целей наказания, но и в том, что нарушается безопасность сотрудников соответствующих учреждений и осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы» [2, с. 234]. Подобным же образом определяют объект данного преступления авторы полного курса уголовного права: «Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 321 УК, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», дополнительными объектами, по их мнению, «выступают здоровье, честь и достоинство осужденных (ч. 1) или сотрудников мест лишения свободы или мест содержания под стражей (ч. 2)» [3, с. 394–395]. Н. Г. Иванов считает: «Основным непосредственным объектом преступления является нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Дополнительный объект – здоровье лиц, отбывающих наказание, поведение которых ориентировано на социальную адаптацию, а также сотрудников мест лишения свободы и их близких» [4, с. 798]. А. С. Горелик полагает: «Основным объектом является нормальная деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, дополнительным – личная безопасность и здоровье ее сотрудников и осужденных» [5, с. 776]. М. Г. Левандовская пишет: «Основным непосредственным объектом преступления выступает нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Дополнительным непосредственным объектом является личность осужденного к наказанию, связанному с изоляцией от общества, личность сотрудника места лишения свободы или содержания под стражей и его близких» [6, с. 645].

Два непосредственных объекта выделяет М. П. Журавлев: «Это преступление посягает на два непосредственных объекта: 1) нормальную деятельность мест лишения свободы и мест содержания под стражей и 2) личность сотрудников мест лишения свободы или мест содержания под стражей, а также личность осужденных» [7, с. 437].

Н. И. Ветров: «Непосредственный объект: а) законная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества – мест лишения свободы и содержания под стражей, т. е. их нормальное функционирование; б) безопасность сотрудников мест лишения свободы и содержания под стражей, а также осужденных к реальному отбыванию лишения свободы вступившим в законную силу приговором суда» [8, с. 613]. А. В. Кладков: «Непосредственный объект – законная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества – мест лишения свободы и содержания под стражей, т. е. их нормальное функционирование. Дополнительный объект – безопасность сотрудников мест лишения свободы и содержания под стражей, а также осужденных к реальному отбыванию лишения свободы вступившим в законную силу приговором суда» [9, с. 484]. П. С. Матышевский в 1962 г.

к непосредственному объекту действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, относил основы государственного управления в области общественной безопасности и правопорядка, а родовый объект – к основам государственного управления Союза ССР и союзных республик [10, с. 55, 63].

Белорусский ученый Н. А. Бабий полагает: «Непосредственным объектом преступления является установленный порядок отбывания назначенного судом наказания в виде лишения свободы или ареста, обеспечивающий безопасность осужденных и представителей администрации, а также достижение цели исправления лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы или ареста» [11, с. 508].

В. Д. Филимонов в советское время писал: «Объектом действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, являются основы советского государственного управления. В результате их совершения может быть подорвана и извращена деятельность очень важных органов Советского государства – исправительно-трудовых колоний и тюрем. Ими может быть нанесен большой ущерб делу исправления и перевоспитания осужденных. Состав действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, будет лишь в том случае, если преступное деяние направлено против деятельности ИТК и тюрем по исправлению и перевоспитанию осужденных. Именно этим объясняется содержащееся в ст. 14¹ указание, что потерпевшими в результате совершения этого преступления, помимо представителей администрации, могут быть лишь заключенные, вставшие на путь исправления. В тех случаях, когда преступное посягательство осуществляется в отношении заключенных, не вставших на путь исправления, в нем не содержится протеста против деятельности органов государственного управления. Конечно, любое преступление, совершенное в местах лишения свободы, наносит ущерб делу исправления и перевоспитания осужденных. Однако в тех случаях, когда оно не направлено на оказание противодействия администрации, степень его общественной опасности, как правило, существенно отличается от степени опасности, характерной для государственных преступлений. Поэтому квалификация такого преступления осуществляется по другим уголовным законам» [12, с. 104–105]. С. А. Яковлева, характеризуя видовой объект данного преступления, пишет, что им «следует считать урегулированную нормативными правовыми актами деятельность правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, осуществляемую представителями власти, наделенными в установленном законом порядке властными полномочиями, и военнослужащими» [13, с. 185–186].

Рассматривая же непосредственный объект преступления, она выделяет в этой статье три вида правоотношений: «Первый вид правоотношений имеет место при исполнении и отбывании уголовного наказания, второй вид – при исполнении мер пресечения, третий – при применении исправительного воздействия» [13, с. 173].

По мнению С. А. Яковлевой, вопрос об объекте рассматриваемого преступления необходимо решать следующим образом: «В ч. 1 ст. 321 УК в качестве такового можно выделить: 1) общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность учреждений или органов уголовно-исполнительной системы, содействующих осуществлению правосудия в целях исправления и перевоспитания осужденных по приговорам лиц; 2) общественные отношения, обеспечивающие физическую неприкосновенность или психическую неприкосновенность, физическую свободу осужденных, вставших на путь исправления или оказавших содействие учреждениям или органам уголовно-исполнительной системы.

Исходя из содержания ч. 2 ст. 321 УК, непосредственными объектами необходимо считать: 1) общественные отношения, обеспечивающие нормальную и законную государственную управленческую (исполнительно-распорядительную) деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества подозреваемых, арестованных на стадии предварительного расследования, осужденных; 2) общественные отношения, обеспечивающие физическую неприкосновенность или психическую неприкосновенность сотрудников указанных учреждений.

В соответствии с ч. 3 ст. 321 УК непосредственными объектами выступают: 1) основным непосредственным объектом – общественные отношения, обеспечивающие задачу правосудия по исправлению осужденных; дополнительным – общественные отношения, обеспечивающие здоровье или безопасность жизни осужденных, вставших на путь исправления или оказавших содействие учреждениям или органам уголовно-исполнительной системы; 2) основным непосредственным объектом – общественные отношения в сфере государственной управленческой (исполнительно-распорядительной) деятельности сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества осужденных, арестованных в процессе реализации судебных актов – приговора, постановления об аресте; дополнительным – общественные отношения, обеспечивающие здоровье или безопасность жизни сотрудников названных учреждений; 3) основным непосредственным объектом – общественные отношения в сфере государственно-управленческой (исполнительно-распорядительной) деятельности сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества подозреваемых согласно акту органов предварительного следствия и органов дознания; дополнительным – общественные отношения, обеспечивающие здоровье или безопасность жизни сотрудников данных учреждений» [13, с. 172–173].

А. Ю. Кизилев непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 321 УК, считает «общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность способствующих суду органов и учреждений по осуществлению правосудия» [14, с. 150–151]. Д. Б. Вальяно, подытоживая проведенный им анализ состава данного преступления, приходит к выводу, что «преступление, дезорганизующее нормальную работу ИУ, – насильственное двуобъектное преступление, обязательным дополнительным непосредственным объектом которого выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье и (либо) телесную неприкосновенность личности, преступные посягательства на которые осуществляются посредством применения физического насилия или угрозы таковым» [15, с. 21–22]. Общественный порядок в исправительно-трудовых учреждениях как объект преступления рассматривали В. Писарев и В. Пономарев, дополнительным же объектом, по их мнению, «в зависимости от

характера действий виновного, может быть либо здоровье осужденных, вставших на путь исправления, либо здоровье представителей администрации ИТУ» [16, с. 20–22].

В. Д. Меньшагин, характеризуя родовый объект преступления, отнес его к посягательствам на «основы общественной безопасности Советского государства», поскольку определенные действия, «дезорганизуя работу исправительно-трудовых учреждений, тем самым препятствуют борьбе с преступностью» [17, с. 173–174; 18, с. 60; 19, с. 58, 63]. Непосредственный же объект преступления, по мнению ученого, составляет нормальная работа исправительно-трудовых учреждений по выполнению возложенных на них задач по перевоспитанию и исправлению лиц, осужденных к лишению свободы [17, с. 173; 20, с. 62; 18, с. 64–65]. В. С. Прохоров и И. И. Солодкин, учитывая критерии построения структуры Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., – раздел 8 кодекса объединяет в себе несколько родственных отношений, среди которых и основы государственного управления, и основы государственной и общественной безопасности, – пришли к выводу, что действия, дезорганизуя работу исправительно-трудовых учреждений, «имеют своим непосредственным объектом основы государственного управления в области обеспечения нормальной деятельности исправительно-трудовых учреждений» [21, с. 224, 242]. В. П. Тельнов же, в свою очередь, посчитал, что данное преступление нарушает основы государственного управления, но не сами по себе, как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, а как основы государственного управления в сфере охраны общественной безопасности, объединив тем самым два самостоятельных родовых объекта. По словам автора, наиболее тяжкими посягательствами на безопасность общественной жизни являются бандитизм, действия, дезорганизуя работу исправительно-трудовых учреждений, и массовые беспорядки, которые объединяет «общая направленность против основ государственного управления, стремление дезорганизовать работу органов власти и управления в сфере охраны общественной безопасности, создать обстановку неуверенности и господства насилия» [22, с. 30–31].

Переходя к анализу непосредственного объекта, ученый отметил, что указанные действия «посягают на два непосредственных объекта: на основы государственного управления в области охраны общественной безопасности (в частности, на правильную деятельность исправительно-трудовых учреждений по исправлению и перевоспитанию осужденных) и на личность представителя администрации места лишения свободы либо заключенного, вставшего на путь исправления. Определяющим при выяснении направленности преступления является первый объект, поскольку против него главным образом обращаются преступные действия и ему они причиняют ущерб в каждом случае преступления. Личность может и не понести ущерба при этом преступлении» [22, с. 30–31]. Впоследствии П. Ф. Тельнов основы общественной безопасности рассматривал в качестве видового объекта данного преступления [23, с. 50]. В. Пинчук к объекту рассматриваемого преступления относил нормальную деятельность исправительно-трудовых учреждений по исправлению и перевоспитанию заключенных [24, с. 9]. Б. А. Куринов же непосредственный объект преступления видел как порядок и законность в исправительно-трудовых учреждениях, нормальную их деятельность, при этом не только по осуществлению задач исправления и перевоспитания лиц, заключенных в местах лишения свободы, но и по обеспечению изоляции опасных преступников от общества [25, с. 70].

Необходимо отметить, что в советский период с момента принятия и введения в действие уголовных кодексов союзных республик 1959–1962 гг. действия, дезорганизуя работу исправительно-трудовых учреждений, относились к преступлениям против государства, которые законодатель подразделял на две большие группы: «особо опасные государственные преступления» и «иные государственные преступления», предусмотрев в качестве отличительного признака последних от первых – отсутствие целей подрыва или ослабления Советского государства. Но, тем не менее, «иные государственные преступления», не посягая на советский общественный и государственный строй в целом, были направлены, по мысли законодателя, против основ государственного управления в наиболее важных сферах деятельности Советского государства, а поскольку понятием «иные государственные преступления» охватывался широкий круг деяний, то эти преступления в научной и учебной литературе объединяли в родственные группы по произвольному критерию – в зависимости от непосредственного объекта преступления, выявленного тем или иным автором.

Так, Г. Г. Криволапов действия, дезорганизуя работу исправительно-трудовых учреждений, отнес к преступлениям против основ государственного управления в области общественной безопасности [26, с. 210].

А. А. Игнатьев, И. В. Сабуров, А. М. Чепульченко писали: «Непосредственным объектом данного преступления являются основы государственного управления в области исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы. В своем конкретном проявлении оно направлено против заключенных, вставших на путь исправления, или против администрации мест лишения свободы» [27, с. 60]. К родственному объекту исследуемого преступления в структуре «иных государственных преступлений» они относили «основные интересы в области государственного управления» [27, с. 52]. П. Ф. Гришанин, в свою очередь, утверждал: «Объект преступления – основы общественного порядка в исправительно-трудовых учреждениях. Дополнительными объектами данного преступления могут быть здоровье и телесная неприкосновенность представителей администрации исправительно-трудовых учреждений, а также осужденных, вставших на путь исправления» [28, с. 66–67].

Соответственно, по содержанию непосредственного объекта действия, дезорганизуя работу исправительно-трудовых учреждений, как он считал, составляют родственные общественные отношения, посягающие на основы общественного порядка [28, с. 46].

Противоречивой является позиция Н. И. Загородникова, который первоначально родовым объектом рассматриваемого преступления считал основы государственного управления и общественной безопасности Союза ССР, при этом характеризуя, по словам автора, «исключительную опасность этих посягательств на общественные интересы» тем, что они «могут привести к нарушениям нормальной деятельности государственных учреждений и

предприятий, к причинению вреда личности и правам граждан, к нарушению спокойствия и общественной безопасности» [29, с. 262, 274–275].

Далее ученый продолжал: «Огромный вред деятельности исправительно-трудовых учреждений причиняют лица, которые, отбывая наказание в местах лишения свободы, не желают честно трудиться, исправляться, искупать свою вину и нарушают требования социалистического правопорядка и законности» [29, с. 279–280].

Заканчивая описание объекта преступления и его общественной опасности, Н. И. Загородников констатировал: «Наибольший вред интересам перевоспитания осужденных наносят особо опасные рецидивисты и преступники, осужденные за тяжкие преступления, которые организуют акты злостного нарушения порядка, установленного в исправительно-трудовых учреждениях, нападения на администрацию, терроризируют других осужденных. В случаях совершения таких преступлений может быть причинен ущерб также интересам социалистического правосудия, которые требуют четкой работы исправительно-трудовых учреждений» [29, с. 280].

Не вполне ясной является также позиция Д. О. Хан-Магомедова: «Объектом данного преступления являются основы государственного управления и общественная безопасность, а также нормальная работа исправительно-трудовых учреждений по исправлению и перевоспитанию заключенных. Преступные посягательства заключенных на представителей администрации и совершение других преступлений в местах лишения свободы могут серьезно затруднить работу по исправлению и перевоспитанию заключенных. При совершении этого преступления ущерб может быть причинен и другим интересам: жизни и здоровью работников администрации мест лишения свободы, а также заключенных» [30, с. 71].

С. А. Домахин придерживался мнения, что родовым объектом преступления являются основы государственно-управления и общественной безопасности, а непосредственным – нормальная деятельность исправительно-трудовых учреждений, призванных осуществлять перевоспитание и исправление лиц, совершивших преступления, повторив высказанную им точку зрения в учебнике 1962 г. [31, с. 68, 77]. «Повышенная опасность этого преступления, – писал В. Я. Такий, – заключена в том, что оно нарушает нормальную работу исправительно-трудовых учреждений, препятствует перевоспитанию заключенных, а также нередко сопряжено с причинением тяжкого вреда здоровью людей» [32, с. 32]. Родовой же объект автор характеризовал как основы общественной безопасности и общественного порядка [32, с. 22].

В. А. Владимиров писал: «Объектом этого преступления является нормальная деятельность исправительно-трудовых учреждений по исправлению и перевоспитанию осужденных. Повышенная опасность действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, определяется тем, что они серьезно препятствуют нормальной работе мест лишения свободы, грубо нарушают процесс перевоспитания и исправления осужденных и могут сопровождаться насилием: причинением телесных повреждений и даже смерти заключенным и представителям администрации. Указанные деяния, следовательно, грубо нарушают основы государственного управления в области охраны общественной безопасности и правопорядка» [33, с. 77–78]. Родовым объектом посягательства автор считал «основы государственного управления в области охраны общественной безопасности и правопорядка» [33, с. 57]. Родовой объект преступления И. Н. Даньшин характеризовал как основы государственного управления в области общественной безопасности, рассматривая же непосредственный объект преступления, автор писал: «Такое поведение подрывает общественную безопасность в условиях исправительно-трудовых учреждений: нарушает их нормальную деятельность, ставит под угрозу достоинство и здоровье осужденных, вставших на путь исправления, представителей администрации» [34, с. 47, 72]. Л. Д. Ермакова общественную безопасность рассматривает как родовый объект преступления, характеризуя непосредственный объект, она пишет: «Объектом преступления является общественная безопасность (в области осуществления исправительно-трудовой политики). Вторым объектом является жизнь, здоровье, достоинство представителя администрации исправительно-трудового учреждения, а также заключенных, вставших на путь исправления» [35, с. 29, 36]. М. И. Ковалев к родовому объекту рассматриваемого преступления относил основы общественной безопасности [36, с. 35]. При этом далее автор писал: «Данное преступление в целом посягает на основы общественной безопасности, однако его специфической особенностью является то, что непосредственным объектом этого преступления всегда и неизбежно выступает также и нормальная деятельность исправительно-трудовых учреждений СССР, ибо это преступление во всех случаях прежде всего направлено на дезорганизацию их деятельности» [36, с. 58]. М. А. Шнейдер также общественную безопасность относил к родовому объекту рассматриваемого преступления [37, с. 61]. Общественную опасность преступления ученый видел в открытом неповиновении требованиям власти и злостном подрыве установленного в местах лишения свободы режима, дезорганизации исправительно-трудовых учреждений, и такая преступная деятельность заключенных, по словам автора, требует «решительной борьбы» [37, с. 88]. М. А. Ефимов конкретное содержание родового объекта усматривал в том, что преступление посягает на основы государственного управления в области охраны общественного порядка [38, с. 49]. Повышенная опасность рецидивных преступлений, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях, заключается, по его мнению, «в грубом нарушении нормальной деятельности этих учреждений» [38, с. 53]. Интересной оказалась точка зрения Е. А. Смирнова о том, что по непосредственному объекту такое иное государственное преступление, как действия, дезорганизующее работу исправительно-трудовых учреждений, относится к системе посягательств на «основы государственного управления в области охраны общественной безопасности и правопорядка» [39, с. 30]. «По объединяющему (видовому) объекту – основные интересы СССР в области государственного управления» [39, с. 31].

Опасность рассматриваемого преступления М. П. Михайлов заключал в том, что «лица, осужденные за тяжкие преступления, либо особо опасные рецидивисты, нередко объединившиеся в преступные группировки, срывают политико-воспитательные мероприятия исправительно-трудовых учреждений, дезорганизуют в целом их работу.

В силу этого указанное преступление отнесено законодателем к иным государственным преступлениям, посягающим на основы государственного управления в области осуществления исправительно-трудовой политики, в области охраны общественной безопасности и правопорядка в специфических условиях – в местах лишения свободы» [39, с. 71]. Конкретизируя непосредственный объект, ученый отметил: «Действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений, нарушают нормальную деятельность мест лишения свободы (тюрем, исправительно-трудовых колоний различного типа), на которые Советским государством возложена задача по исправлению и перевоспитанию осужденных на основе их участия в общественно полезном труде» [39, с. 71–72].

Анализ структуры общественных отношений, которым причиняется вред преступлениями, предусмотренными ст. 313 (побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи), 314 (уклонение от отбывания лишения свободы) и 321 (дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) УК РФ, позволил сделать А. А. Примаку вывод о тождестве непосредственных объектов этих преступлений: «правоотношения, регулирующие исполнение (отбывание) наказания в виде лишения свободы в связи с уголовно-исполнительной деятельностью соответствующих субъектов по поводу реализации приговора (определения) суда о назначении наказания». Исходя из этого, автору представилось логичным расположить все статьи, предусматривающие ответственность за «преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания», в главе о преступлениях против правосудия, «поскольку указанные выше правоотношения функционально входят в систему властеотношений между государством и другими участниками социального взаимодействия в виде осуществления правосудия» [40, с. 6].

В целом соглашаясь с такой трактовкой содержания непосредственного объекта анализируемого нами преступления и его местоположения в структуре УК, отметим методологически неверный подход автора, касающийся видения объекта преступления как правоотношения. Как известно, объект преступления представляет собой прямую противоположность объекта уголовно-правовой охраны, и тем более право не может регулировать самое себя (правоотношение – всего лишь средство реализации правовых предписаний), право регулирует и охраняет только общественные отношения, то есть порядок взаимодействия людей в обществе по поводу тех или иных социальных благ, которые выступают в качестве социальных интересов, по терминологии УК Беларуси, и не имеет в данном случае существенного значения, закреплены ли эти общественные отношения правом или другими социально-нормативными регуляторами. Но, тем не менее, А. А. Примак считает, что «необходимым элементом объекта анализируемых преступлений, наряду с предметом общественных отношений, их субъектами и социальной связью, является правовая оболочка, состоящая из совокупности нормативных правовых актов, регламентирующих должный порядок осуществления уголовно-исполнительной деятельности по поводу реализации приговора (определения) суда о назначении наказания в виде лишения свободы» [40, с. 7].

Диссертант В. С. Ишигеев обосновывает положение о том, что составы преступлений, предусмотренные ст. 313, 314, 321 УК РФ, имеют тождественный объект посягательства, в качестве которого выступают общественные отношения, регулирующие исполнение (отбывание) наказания в виде лишения свободы в связи с уголовно-исполнительной деятельностью субъектов по реализации приговора суда о назначении наказания, что обуславливает, по его мнению, необходимость расположения всех уголовно-правовых норм, посягающих на порядок исполнения наказания, в гл. 31 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за преступления против правосудия [41, с. 22].

По мнению И. В. Кернаджука, анализируемое преступление, представляет собой «преступное воздействие на реализацию приговора к лишению свободы и посягает на общественные отношения, обеспечивающие реализацию судебного акта», в то время как расположение ст. 321 (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) в УК РФ «указывает на то, что видовым объектом является совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальную управленческую деятельность органов государственной власти», и поэтому автор предлагает переместить ст. 321 УК РФ из главы «Преступления против порядка управления» в главу о посягательствах на интересы правосудия [42, с. 13]. К непосредственному объекту автор относит нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, направленную на исправление осужденных и предупреждение новых преступлений, при том что эта деятельность, по его мнению, состоит в «обеспечении безопасности как администрации (путем ограждения ее от нападений), так и осужденных, вставших на путь исправления (путем ограждения их от терроризирования)», дополнительным же объектом посягательства в зависимости от характера действий виновного может быть здоровье осужденных, вставших на путь исправления, сотрудников учреждения, их родных и близких [42, с. 13–14].

И. Г. Прасолова также пишет об ошибочном отнесении законодателем преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, к преступлениям против порядка управления и в соответствии с этим предлагает рассматриваемую норму перенести в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия» [43, с. 9].

Изучение научных позиций по данному вопросу привело ее к выводу, что «определение объекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, должно основываться на сущности содержания обозначенной в законе деятельности уголовно-исполнительной системы, которая, согласно ст. 1 УИК РФ, направлена на достижение цели исправления осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Данное деяние нарушает не только нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, но и деятельность, направленную на достижение целей и задач правосудия. Поэтому объект преступления, дезорганизирующего деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, аналогичен общественным отношениям, охраняемым в нормах ст. 295, 296, 313, 314 УК РФ, которые включены в главу «Преступления против правосудия» [43, с. 17]. «Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного

ст. 321 УК РФ, – по мнению И. Г. Прасоловой, – выступают общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, а также деятельность по реализации целей уголовного наказания. Дополнительным непосредственным объектом выступает безопасность лиц, указанных в законе, в частности их здоровье» [43, с. 9].

В целях обеспечения согласованности норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства О. А. Демина обосновывает предложение о включении новой главы 31¹ «Преступления против порядка исполнения уголовного наказания» в УК РФ, в которую войдет в том числе рассматриваемое нами преступление, тем более что, по ее словам, «имеются достаточные основания предположить о наличии самостоятельной группы преступлений, призванных охранять от посягательств те общественные отношения, которые складываются в сфере исполнения судебных актов, т.е. в сфере исполнительного производства» [44, с. 9, 18].

О. А. Демина считает, что «при формулировании понятия объекта состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, целесообразно исходить из основных интересов, охраняемых уголовным законом (ст. 321 УК РФ)», которыми, по ее мнению, «будут отношения, складывающиеся в сфере исполнения наказания (исполнительного производства), причем не только связанного с лишением свободы» [44, с. 18]. Эти отношения она же относит к содержанию объекта рассматриваемого преступления, и «такой подход к пониманию структуры объекта преступления вполне соответствует своеобразию исследуемого состава, сконструированного в ст. 321 УК РФ, первая особенность которого заключается в том, что это преступление можно признать пусть и специфическим, но продолжением группы преступлений против правосудия, а исправительные учреждения не просто звено управленческого аппарата, они реализуют, проводят в жизнь соответствующее судебное решение, причем таким образом, чтобы достичь определенные законом цели уголовного наказания» [44, с. 17].

О. А. Демина отмечает, что, «по мнению законодателя, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, относится к группе преступлений, характеризующихся различными формами противодействия субъектам управленческой деятельности по осуществлению их функций. Поэтому основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления должна быть признана нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Дополнительным объектом, когда преступление против порядка управления связано с посягательством на личность сотрудников государственного (общественного) аппарата или их близких, могут быть жизнь, здоровье, честь, достоинство, безопасность личности, здоровье лиц, отбывающих наказание, поведение которых ориентировано на социальную адаптацию, а также сотрудников мест лишения свободы и их близких. Именно от деятельности персонала исправительных учреждений во многом зависит достижение целей уголовного наказания и, прежде всего, исправление осужденных» [44, с. 16–17]. Е. Н. Сапелкина считает, что основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления является «нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, направленная на достижение целей и задач правосудия; дополнительным – здоровье потерпевших, указанных в законе» [45, с. 18]. С. В. Дьяков родовый объект действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, рассматривает как основные интересы Российской Федерации в области государственного управления [46, с. 49–50; 47, с. 48]. Непосредственным объектом преступления, по мнению автора, «выступают основные интересы Российской Федерации в области осуществления исправительно-трудовой политики. Кроме того, объектом посягательства может стать жизнь, здоровье, честь и достоинство представителей администрации исправительно-трудовых учреждений, а также осужденных, вставших на путь исправления» [46, с. 54; 47, с. 52]. Излишне категорический вывод делает диссертант Ю. В. Баглай: «Преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, относится к группе преступлений против порядка управления, так как насильственное воздействие на сотрудника уголовно-исполнительной системы преследует цель нарушить отношения, обеспечивающие общественный порядок и общественную безопасность в конкретно-определенном месте лишения свободы. А охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности – исключительно управленческая деятельность» [48, с. 21]. Проведенное Т. М. Кафаровым исследование проблем рецидива в советском уголовном праве позволило автору прийти к выводу, «что к сфере общественных отношений, охраняемых интересующей нас нормой, следует отнести установленный в исправительно-трудовых учреждениях порядок, обеспечивающий безопасность администрации и заключенных как условие реализации успешно исправительно-трудового воздействия на осужденных» [49, с. 125–126].

Подводя итог вышеизложенному, следует остановиться на некоторых положениях: 1) рассматриваемое нами преступление относится к многообъектным насильственным преступлениям; 2) основным непосредственным объектом практически все исследователи считают деятельность указанных учреждений; 3) в качестве дополнительного объекта указывается безопасность потерпевших от данного преступления лиц; 4) в отношении родственных отношений, охраняемых нормами рассматриваемой статьи, сложились различные точки зрения, в том числе сочетающие те или иные взгляды. Приведем основные из них: общественные отношения по поводу общественной безопасности; общественные отношения по поводу общественного порядка; общественные отношения по поводу реализации государством исправительной политики; общественные отношения по поводу порядка управления; общественные отношения по поводу порядка исполнения правосудия; общественные отношения по поводу порядка исполнения наказания; общественные отношения по поводу безопасности личности.

Как известно, непосредственный объект преступления соотносится с родовым, помещен же законодателем статьи, предусматривающей ответственность за конкретное преступление, в ту или иную главу, в тот или иной раздел УК позволяет выявить содержание охраняемого отношения, а также обозначить границы того общественного отношения, которое охраняется соответствующей уголовно-правовой нормой.

Прибегнем к использованию сравнительно-правового метода исследования в решении данной задачи.

В Модельном УК для стран – участниц СНГ ст. 313 «Воспрепятствование деятельности учреждений, исполняющих наказание, и учреждений предварительного заключения» предусмотрена в главе 33 «Преступления против порядка управления» раздела XIII «Преступления против государственной власти» [50]. В УК Азербайджана ст. 317 «Нарушение нормальной деятельности уголовно-исполнительных учреждений и следственных изоляторов» закреплена в главе 34 «Преступления против порядка управления» раздела XI «Преступления против государственной власти» [51]. В УК Армении ст. 319 «Воспрепятствование деятельности учреждения, исполняющего наказания или места содержания арестованных или места содержания задержанных» предусмотрена в главе 30 «Преступления против порядка управления» раздела 11 «Преступления против государственной власти» [52]. В УК Беларуси ст. 410 «Действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома» предусмотрена в главе 34 «Преступления против правосудия» раздела XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления» [53]. В УК Грузии ст. 378 «Воспрепятствование деятельности учреждений предварительного заключения или учреждений, исполняющих наказания, или дезорганизация этой деятельности» предусмотрена в главе XLIV «Преступления против исполнения судебных актов» раздела 12 «Преступления против судебной власти». Статья 342¹ «Нарушение установленного порядка службы в учреждениях, исполняющих наказания» предусмотрена в главе XXXIX «Служебные преступления» раздела 11 «Преступления против государства» [54]. В УК Казахстана ст. 361 «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» предусмотрена в главе 15 «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказаний» [55]. В УК Кыргызстана ст. 345 «Воспрепятствование нормальной деятельности учреждений системы исполнения наказания» предусмотрена в главе 32 «Преступления против порядка управления» раздела X «Преступления против государственной власти» [56]. В УК Латвии ст. 311 «Нападение на администрацию места лишения свободы и осужденных» предусмотрена в главе XXIII «Преступные деяния против правосудия» [57]. В УК Литвы ст. 239 «Нарушение работы учреждения лишения свободы» предусмотрена в главе XXXIV «Преступления и уголовные проступки против правосудия» [58]. В УК Республики Молдова ст. 286 «Действия, дезорганизующие деятельность пенитенциарных учреждений» предусмотрена в главе XIII «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» [59]. В УК РФ ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» предусмотрена в главе 32 «Преступления против порядка управления» раздела X «Преступления против государственной власти» [60]. В УК Сербии ст. 209 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» предусмотрена в главе XIX «Преступные деяния против правосудия» [61]. В УК Таджикистана ст. 331 «Воспрепятствование деятельности учреждений, исполняющих наказание, и учреждений предварительного заключения» и 332 «Действия, дезорганизующие работу мест лишения свободы» предусмотрены в главе 31 «Преступления против порядка управления» раздела XIII «Преступления против государственной власти» [62]. В УК Туркменистана ст. 213 «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» предусмотрена в главе 25 «Преступления против порядка управления» раздела X «Преступления против порядка функционирования органов власти и управления» [63]. В УК Узбекистана ст. 220 «Действия, дезорганизующие работу учреждения по исполнению наказания в виде лишения свободы» предусмотрена в главе XV «Преступления против порядка управления» раздела 5 «Преступления против порядка функционирования органов власти, управления и общественных объединений» [64]. В УК Украины ст. 392 «Действия, дезорганизующие работу исправительных учреждений» предусмотрена в разделе XVIII «Преступления против правосудия» [65]. В УК Эстонии ст. 75¹ «Действия, дезорганизующие работу учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» предусмотрена в главе 2 «Преступления против государства», ст. 176⁵ «Воспрепятствование группой заключенных или подлежащих высылке исполнению должностным лицом или вспомогательным служащим места заключения или лагеря для высылаемых своих служебных обязанностей» предусмотрена в главе 9 «Преступления против правосудия», ст. 184² (Насилие в отношении сотрудника полиции или приравненного к нему лица) предусмотрена в главе 10 «Преступления против порядка управления» [66].

Итак, согласно законодательно закреплённому родовому объекту действий, дезорганизующих работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, в уголовном законодательстве зарубежных стран данное преступление рассматривается как: преступление против правосудия – УК Беларуси (ст. 410), УК Грузии (ст. 378), УК Казахстана (ст. 361), УК Латвии (ст. 311), УК Литвы (ст. 239), УК Сербии (ст. 209), УК Украины (ст. 392), УК Эстонии (ст. 176⁵); преступление против порядка управления – УК Азербайджана (ст. 317), УК Армении (ст. 319), УК Кыргызстана (ст. 345), УК РФ (ст. 321), УК Таджикистана (ст. 331 и 332), УК Туркменистана (ст. 213), УК Узбекистана (ст. 220), УК Эстонии (ст. 184²), Модельный УК для стран – участниц СНГ (ст. 313); преступление против общественной безопасности и общественного порядка – УК Республики Молдова (ст. 286); преступление против государства – УК Эстонии (ст. 75¹); преступление против службы – УК Грузии (ст. 342¹).

В тех УК, где наряду с делением Особенной части на главы законодательный материал подразделяется на разделы, данный вид преступления расположен в разделе о преступлениях против государства: Модельный УК для стран – участниц СНГ, УК Азербайджана, УК Армении – раздел называется «Преступления против государственной власти»; УК Беларуси – «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления»; УК Кыргызстана, УК РФ, УК Таджикистана, УК Туркменистана – «Преступления против порядка функционирования органов власти и управления»; УК Узбекистана – раздел «Преступления против порядка функционирования органов власти, управления и общественных объединений».

Родовым объектом действий, дезорганизирующих работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, являются общественные отношения по поводу отправления правосудия. Групповой объект рассматриваемого преступления составляют общественные отношения по поводу порядка исполнения и (или) отбывания наказаний или иных мер уголовной ответственности. В связи с чем представляется необходимым выделить в разделе XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления» самостоятельную главу 34¹ «Преступления против порядка исполнения и (или) отбывания наказаний или иных мер уголовной ответственности», разместив ее вслед за главой 34 «Преступления против правосудия».

Преступление, предусмотренное ст. 410 УК Республики Беларусь, относится к многообъектным насильственным преступлениям. Основным непосредственным объектом данного преступления будет являться правомерная служебная деятельность сотрудников и лиц из числа гражданского персонала исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, по поводу исправительного воздействия на осужденных. Дополнительным обязательным объектом будет считаться личная безопасность указанных лиц, включающая в себя телесную неприкосновенность, здоровье, физическую свободу, половую свободу или половую неприкосновенность. Дополнительным факультативным объектом являются отношения собственности.

Список использованных источников

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
2. Курс уголовного права : учебник для вузов : в 5 т. – М. : Изд-во Зерцало, 1999–2002. – Т. 5: Особенная часть / М. Н. Голоднюк [и др.] ; под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. – 2002. – 512 с.
3. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – Т. 5: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / Т. Б. Басова [и др.]. – СПб., 2008. – 951 с.
4. Российское уголовное право : в 2 т. / под ред. проф. А. И. Рагога. – М. : Полиграф Опт, 2004. – Т. 2: Особенная часть. – 896 с.
5. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник для вузов / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 880 с.
6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагога. – Изд. доп. – М. : Ин-т междунар. права и экономики ; Изд-во «Грида, Лтд», 1996. – 480 с.
7. Уголовное право : учебник / под ред. М. П. Журавлева. – М. : Юриспруденция, 2001. – 640 с.
8. Уголовное право : учебник / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юриспруденция, 2001. – 640 с.
9. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. – М. : Юрист, 1996. – 560 с.
10. Матышевский, П. С. Советское уголовное право. Часть Особенная : учеб. пособие / П. С. Матышевский. – Вып. 1. – Харьков : ХарЮИ, 1962. – 135 с.
11. Правила регистрации, учета и квалификации преступлений : науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Бабия. – Минск : Тесей, 2008. – 744 с.
12. Филимонов, В. Д. Уголовная ответственность за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений / В. Д. Филимонов // Правовые вопросы лишения свободы и перевоспитания заключенных : материалы науч. конф., 1–3 марта 1962 г. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. – С. 103–115.
13. Яковлева, С. А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. А. Яковлева. – Ульяновск, 2003.
14. Кизилов, А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Ю. Кизилов;
15. Вальяно, Д. Б. Предупреждение преступлений, дезорганизирующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Б. Вальяно. – М., 2001.
16. Писарев, В. Ответственность за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений / В. Писарев, В. Пономарев // Советская юстиция. – 1984. – № 8. – С. 20–22.
17. Курс советского уголовного права : в 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский [и др.]. – М. : Наука, 1970. – Т. 4: Часть Особенная. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности / А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. – 432 с.
18. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / Б. А. Куринов [и др.] ; под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 464 с.
19. Советское уголовное право. Особенная часть / В. Д. Меньшагин [и др.] ; под ред. В. Д. Меньшагина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во МГУ, 1975. – 471 с. – С. 63–66.
20. Советское уголовное право. Часть Особенная / В. Д. Меньшагин [и др.] ; под ред. В. Д. Меньшагина [и др.]. – М. : Изд-во МГУ, 1964. – 448 с.
21. Курс советского уголовного права : в 5 т. / Н. А. Беляев [и др.] ; отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л. : Изд-во ЛГУ. – Т. 3: Часть Особенная / Н. А. Беляев [и др.]. – 836 с.
22. Тельнов, П. Ф. Иные государственные преступления : учеб. пособие / П. Ф. Тельнов. – М. : ВЮЗИ. 1970. – С. 35–39.
23. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / Н. В. Васильев [и др.] ; под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. – М. : Юрид. лит. – 1988. – 608 с.
24. Пинчук, В. Преступления, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений / В. Пинчук // Советская юстиция. – 1962. – № 21. – С. 9–11.
25. Советское уголовное право. Особенная часть / Г. Н. Борзенков ; под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 472 с.
26. Советское уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / И. М. Васильев [и др.] ; под ред. Ю. В. Солопанова. – М. : Юрид. лит. – 1981. – 463 с.
27. Советское уголовное право. Часть Особенная : учеб. пособие / под ред. Е. А. Смирнова, А. Ш. Якупова / М-во внутр. дел ССР, Киев, Выssh. шк. – Киев : КВШ МВД СССР, 1975. – Вып. 1. – 343 с.
28. Советское уголовное право / В. А. Владимиров [и др.] ; под ред. В. А. Владимирова, Н. И. Загородникова, В. Б. Здравомыслова. – М. : Юрид. лит., 1979. – 583 с.
29. Загородников, Н. И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части / Н. И. Загородников. – М. : Юрид. лит., 1975. – 568 с.
30. Советское уголовное право. Часть Особенная / М. И. Якубович [и др.] ; под ред. Н. И. Загородникова, М. И. Якубовича, В. А. Владимирова. – М. : Юрид. лит., 1965. – 488 с.

31. Советское уголовное право. Часть Особенная / П. П. Михайленко [и др.]; под ред. П. П. Михайленко. – Киев : КВШ МВД СССР, 1968. – 670 с.
32. Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Особенная / А. Я. Светлов [и др.]; отв. ред. А. Я. Светлов, В. В. Сташис. – Киев : Наук. думка, 1985. – 455 с.
33. Уголовное право. Часть Особенная / В. А. Владимиров [и др.]; под ред. Н. И. Загородникова, В. Ф. Кириченко. – М. : Юрид. лит., 1968. – 582 с.
34. Уголовное право УССР. Особенная часть : учебник / Ю. В. Александров [и др.]; под ред. М. И. Бажанова. – Киев, 1989. – 502 с.
35. Советское уголовное право. Часть Особенная : учеб. пособие / Б. В. Здравомыслов [и др.]; отв. ред. Б. В. Здравомыслов, П. Ф. Тельнов. – М. : ВЮЗИ, 1985. – 222 с.
36. Советское уголовное право. Часть Особенная / С. В. Бородин [и др.]; отв. ред. М. И. Ковалев. – М. : ЮЛ, 1983. – 479 с.
37. Уголовное право. Часть Особенная / Б. В. Здравомыслов [и др.]; под ред. Б. В. Здравомыслова [и др.]. – М. : ЮЛ, 1966. – 559 с.
38. Уголовное право. Часть Особенная / М. И. Ковалев [и др.]; под ред. М. И. Ковалева [и др.]. – М. : ЮЛ, 1969. – 511 с.
39. Михайлов, М. П. Ответственность за государственные преступления / М. П. Михайлов; под общ. ред. В. И. Курляндского, М. П. Карпушина. – М. : Юрлит, 1965. – Ч. 2: Иные государственные преступления. – 292 с.
40. Примак, А. А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Примак ; Омск. акад. МВД России. – Красноярск, 2003. – 24 с.
41. Ишигеев, В. С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. С. Ишигеев; Байкал. гос. ун-т экономики и права. – Красноярск, 2004. – 46 с.
42. Кернаджук, И. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (по материалам Дальневосточного региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. В. Кернаджук ; Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Иркутск, 2005. – 21 с.
43. Прасолова, И. Г. Уголовная ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. Г. Прасолова ; Ростов. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д., 2007. – 25 с.
44. Демина, О. А. Уголовно-правовое регулирование ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ): состояние и перспективы совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. А. Демина ; Кубан. гос. ун-т. – Саратов, 2009. – 26 с.
45. Сапелкина, Е. Н. Преступления, связанные с нарушением порядка исполнения наказания и процессуального принуждения в виде изоляции от общества (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. Н. Сапелкина ; Ростов. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д., 2006. – 26 с.
46. Уголовное право России. Часть Особенная / Моск. юрид. ин-т. – М. : Юрист, 1993. – 560 с.
47. Уголовное право. Особенная часть : учебник / С. В. Дьяков [и др.]; под ред. Б. В. Здравомыслова. – М. : Юрид. лит., 1995. – 544 с.
48. Баглай, Ю. В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (по данным Приволжского округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. В. Баглай ; МГУ. – М., 2010. – 31 с.
49. Кафаров, Т. М. Проблема рецидива в советском уголовном праве / Т. М. Кафаров. – Баку : Изд-во «ЭЛИМ», 1972. – 256 с.
50. Модельный УК для стран – участниц СНГ. Бюллетень Межпарламентской ассамблеи. – 1996 г. – № 1.
51. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Респ., 30 дек. 1999 г. : вступ. в силу с 1 сент. 2000 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2001. – 356 с.
52. Уголовный кодекс Республики Армения : принят Законом Респ. Армения, 18 апр. 2003 г. : введен в действие 1 авг. 2003 г. / Ассоц. «Юридический центр». – СПб. : Юрид. центр пресс (Р. Асланов), 2004. – 446 с.
53. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. по состоянию на 24 окт. 2013 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 304 с.
54. Уголовный кодекс Грузии : принят 22 июля 1999 г. : введ. в действие с 1 июня 2000 г. : с изм. и доп. на 1 дек. 2001 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2002. – 407 с.
55. Уголовный кодекс Республики Казахстан : Закон Респ. Казахстан, 16 июля 1997 г. : с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2001. – 464 с.
56. Уголовный кодекс Кыргызской Республики : принят Законодат. собр. Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ. 18 сент. 1997 г. : в ред. Закона Кыргыз. Респ. от 12 марта 2002 г., № 36 / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2002. – 350 с.
57. Уголовный кодекс Латвийской Республики : принят 8 июля 1998 г. : введ. в действие с 1 апр. 1999 г. : с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2001. – 391 с.
58. Уголовный кодекс Литовской Республики : утв. 26 сент. 2000 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2002. – 468 с.
59. Уголовный кодекс Республики Молдова : принят Парламентом Республики Молдова 18 апр. 2002 г. : введен в действие 21 июня 2002 г. : с изм. и доп. на 19 дек. 2002 г. / Ассоц. «Юридический центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2003. – 406 с.
60. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М. : Изд-во «Омега-Л», 2010. – 156 с.
61. Уголовный кодекс Республики Сербия / Ассоц. «Юридический центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2009. – 268 с.
62. Уголовный кодекс Республики Таджикистан : Закон Респ. Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 574 : с изм. и доп. на 1 дек. 2001 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2001. – 408 с.
63. Уголовный кодекс Республики Туркменистан [Электронный ресурс] // Уголовные кодексы мира. – Режим доступа: <http://ugolovnykodeks.ru/category/ugolovnyj-kodeks-turkmenistana/>. – Дата доступа: 21.12.2013.
64. Уголовный кодекс Республики Узбекистан : с изм. и доп. на 15 июля 2001 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2001. – 336 с.
65. Уголовный кодекс Украины : принят Верховной Радой Украины 5 апр. 2001 г. : вступ. в силу с 1 сент. 2001 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2001. – 391 с.
66. Уголовный кодекс Эстонской Республики : с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г. / Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2001. – 260 с.

УВЕЛИЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Чередниченко Оксана Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Доказывания и доказательства в уголовном процессе в силу их сложности являются предметом острых дискуссий ученых и практиков. Спорным также является вопрос о том, можно ли рассматривать познавательную дея-

тельность на стадии возбуждения уголовного дела как форму уголовно-процессуального доказывания. Общеизвестным считается положение о том, что познание в уголовном процессе осуществляется в ходе уголовно-процессуального доказывания. Лишь на основе процессуального доказывания, как пишут некоторые авторы, с соблюдением его процессуальной формы возможно установление объективной истины, выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

По нашему мнению, верной представляется позиция, существующая среди ученых-процессуалистов, что на стадии возбуждения уголовного дела осуществляется уголовно-процессуальное доказывание, по сути не отличающееся от доказывания в других стадиях уголовного судопроизводства. В связи с этим И. В. Данько обосновывает тезис, что доказывание начинается уже в стадии возбуждения уголовного дела и направлено главным образом на получение сведений, позволяющих выяснить, является ли надлежащим поводом к возбуждению уголовного дела и имеются ли для этого основания [3, с. 279].

Аналогичной точки зрения придерживается А. С. Рубис, который утверждает, что алгоритм доказывания преступления един на всех этапах борьбы с преступностью и направлен в первую очередь на доказывание факта совершения преступления. Позднее этот тезис был им более глубоко развит и обоснован в отдельной монографии, посвященной вопросам теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью [8, с. 83].

Во многих российских публикациях последних лет обсуждение данной проблемы возобновилось, хотя и в несколько ином ракурсе.

В частности, Н. М. Кипнис полагает, что с учетом норм действующего УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела доказывание не осуществляется [5, с. 129]. Эту точку зрения в целом, за исключением некоторых уточнений, поддержал С. Вицин [1, с. 54].

Полагаем, что вышеуказанная позиция об отрицании доказательственной сущности деятельности органа уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела во многом обусловлена несовершенством норм УПК РФ, регламентирующих производство на стадии возбуждения уголовного дела.

По справедливому мнению О. В. Химичевой, реализованная в новом УПК РФ идея о фактическом отсутствии правил доказывания на стадии возбуждения уголовного дела требует серьезного научного и практического обоснования [10, с. 74]. Недостаточно подробное описание в уголовно-процессуальном законе процедуры производства отдельных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела приводит к выводу о необходимости устранения пробелов в законе. Они касаются в первую очередь серьезной корректировки норм УПК в сторону усиления доказательственной сущности процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и признания ее частью целостной системы доказывания в уголовном процессе.

В Республике Беларусь вопрос о доказывании на стадии возбуждения уголовного дела также является весьма актуальным. Именно данной проблеме в отечественной науке уделяется большое внимание. Еще одним подтверждением актуальности рассматриваемой проблемы является неоднозначный подход правоприменителей к осуществляемой ими деятельности при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении.

Мы полагаем, что при решении этого вопроса следует исходить из общего понятия доказывания в уголовном процессе, которое, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела, протекает в рамках строго установленной процессуальной формы, определяющей сроки, предмет и пределы доказывания, а также источники доказательств.

В соответствии со ст. 102 УПК «Доказывание» и ст. 103 УПК «Собирание доказательств» доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела. Ряд указанных в УПК средств доказывания имеет место и на стадии возбуждения уголовного дела. Если законодатель отнес их к элементам доказывания всего уголовного процесса, то почему они должны менять свою суть на той или иной стадии? Производство осмотра, места происшествия, экспертизы, личного обыска, проводимых до возбуждения уголовного дела, регламентировано теми же нормами УПК, что и на стадии предварительного расследования, поэтому можно утверждать, что собирание доказательств производится и в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении, тем более что это прямо закреплено в ч. 1 ст. 103 УПК [9].

Доказывание, осуществляемое на стадии возбуждения уголовного дела, во многом аналогично доказыванию на иных стадиях уголовного процесса. Обстоятельства, подлежащие доказыванию на этой стадии, нередко совпадают с обстоятельствами, подлежащими доказыванию на стадии предварительного расследования. Неоспоримым аргументом единства сущности процессуальной деятельности, осуществляемой органом уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела и на стадии предварительного расследования, является возможность производства в ходе проверки заявления или сообщения о преступлении, ряда следственных действий, результаты которых оформляются соответствующим протоколом, имеющим доказательственное значение. На основании этого можно сделать вывод, что уголовно-процессуальное доказывание составляет главное содержание стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на явную несогласованность ч. 1 ст. 102 УПК и ч. 1 ст. 103 УПК. Если ч. 1 ст. 103 содержит норму, из которой следует, что собирание доказательств производится в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении, то из содержания ч. 1 ст. 102 следует вывод, что доказывание имеет место только на стадии предварительного расследования. Логична и обоснована необходимость устранения противоречия вышеуказанных норм УПК в пользу ч. 1 ст. 103, в связи с чем ч. 1 ст. 102 необходимо изложить в следующей редакции: «Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения материалов или уголовного дела».

Неотъемлемой составной частью теории доказывания и доказательств в уголовном процессе является предмет доказывания, то есть определение тех обстоятельств, которые подлежат установлению для решения главного вопроса первой стадии: возбудить уголовное дело или отказать в его возбуждении.

В целом предмет доказывания является весьма сложным. В соответствии с ч. 1 ст. 89 УПК при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства подлежат доказыванию:

- 1) наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения);
- 2) виновность обвиняемого в совершении преступления;
- 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого (смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого);
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением [9].

Очевидно, что из вышеперечисленных пунктов лишь первый и четвертый могут относиться к стадии возбуждения уголовного дела. В таком случае предметом доказывания на стадии возбуждения уголовного дела являются установление общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, а также характер и размер вреда. В этой связи очевидно, что предмет доказывания на стадии возбуждения уголовного дела меньше предмета доказывания на стадии предварительного расследования и составляет лишь его определенную часть.

В отличие от предмета доказывания в уголовном процессе в целом предмет доказывания на стадии возбуждения уголовного дела по своему определению затрагивает только те специфические и узкие вопросы и задачи, которые решает данная стадия, хотя очевидно, что доказательства, полученные при разрешении заявлений и сообщений о преступлении, составляют часть единого процесса доказывания.

На стадии возбуждения уголовного дела, как правило, подтверждается или опровергается факт общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. В ряде случаев могут уточняться данные о субъекте правонарушения, мотивах его совершения, иные обстоятельства (вменяемость, возраст и т. д.). Как считает Н. П. Кузнецов, предметом доказывания на первоначальном этапе уголовного процесса является установление предусмотренного законом основания возбуждения уголовного дела [6, с. 51].

Вместе с тем применительно к действующему УПК обстоятельства, подлежащие доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела, указаны косвенно. Так, при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела должны быть установлены повод и основание, предусмотренные соответственно ст. 166, 187 УПК [9]. Это означает, что при наличии бесспорного повода все действия органа уголовного преследования в ходе разрешения заявлений и сообщений о преступлении должны быть направлены на установление основания, которым, как правило, является получение с помощью установленных УПК процессуальных средств достаточных данных, указывающих на признаки преступления (п. 1 ст. 167 УПК).

В теории уголовного процесса сложилась единообразная позиция о том, что под основанием к возбуждению уголовного дела законодатель понимает два неразрывно связанных обстоятельства: наличие признаков преступления в деянии, ставшем известным органу уголовного преследования, и достаточность данных, на основе которых устанавливаются эти признаки преступления. В то же время достаточность данных, полученных органом уголовного преследования в рамках его уголовно-процессуальной деятельности, должна быть подвергнута оценке органом уголовного преследования в качестве доказательства на основании своего внутреннего убеждения, основанного на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности (ст. 19 УПК) [9].

Вместе с тем УПК не конкретизирует, является ли данный принцип уголовного процесса обязательным для стадии возбуждения уголовного дела, что порождает определенные сомнения в сути понятия «достаточные данные». Тем более что уголовно-процессуальный закон не содержит определения данного понятия, так как очевидно, что оно является результатом субъективного отношения должностного лица органа уголовного преследования к событию, а уголовно-процессуальный закон отвергает предустановленную оценку доказательств, поэтому конкретизировать «достаточные данные» в нормах закона невозможно, учитывая сложность процесса формирования внутреннего убеждения.

Анализ изложенных в юридической литературе позиций о характере и уровне информации, необходимой для принятия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, также свидетельствует о серьезных различиях в подходах авторов к определению понятия «достаточные данные». При этом необходимо отметить, что на протяжении многих лет вплоть до настоящего времени общепризнанной точки зрения по этому вопросу получено не было.

Некоторые из ученых, например Н. П. Кузнецов, полагают, что «достаточные данные» – это сведения, подтверждающие достоверность вывода о событии, содержащем признаки преступления, при этом не указывают, в чем именно эти признаки заключаются [6, с. 79].

Другие процессуалисты, например Л. М. Карнеева, пришли к выводу, что «достаточные данные» есть истинное знание органа уголовного преследования о наличии признаков преступления [4, с. 98]. На высокую степень вероятности знания о событии преступления в стадии возбуждения уголовного дела указывала П. А. Лупинская [7, с. 228].

Указанные точки зрения, по нашему мнению, не в полной мере согласуются с нормами уголовно-процессуального закона. Наиболее подходящей по смыслу ст. 167 УПК может быть толкование «достаточных данных», согласно которому на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела должны быть собраны доказательства, свидетельствующие о наличии признаков конкретного преступления. Причем эти признаки с максимальной степенью вероятности должны указывать на объект и объективную сторону преступления.

Вместе с тем мы считаем, что производство любого процессуального действия до возбуждения уголовного дела должно быть поставлено в четкую зависимость от следующих условий:

- 1) производство следственных действий возможно при необходимости установления оснований к возбуждению уголовного дела;
- 2) производство таких следственных действий должно быть обусловлено их безотлагательностью, связанной с утратой доказательств;
- 3) производство любых процессуальных действий не должно быть связано с применением мер процессуально-принуждения (за исключением задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления).

Полагаем, что соблюдение указанных условий может быть обеспечено расширением процессуальных возможностей органа уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела, тем более что практические органы идут по этому пути, нарушая тем самым уголовно-процессуальный закон. К решению этой проблемы так же «подталкивает» и ряд иных обстоятельств.

В частности, сложившаяся ситуация, когда орган уголовного преследования неоднократно вызывает одно и то же лицо для дачи объяснения, а затем для производства допроса. Исполнивший свой долг по удостоверению фактических обстоятельств совершенного преступления в объяснении, он затем, как правило, вынужден еще раз (порой несколько раз) являться в орган уголовного преследования для того, чтобы его показания были переписаны на бланки протоколов допросов.

Изложенное выше позволяет настаивать на необходимости замены объяснения допросом свидетеля на стадии возбуждения уголовного дела.

Основным аргументом ученых, не разделяющих изложенное выше мнение, является довод о том, что любое процессуальное действие до возбуждения уголовного дела может нарушить права участников уголовного процесса. Но допрос, равно как и объяснение, в силу отсутствия реального принуждения закон не считает мерой процессуального принуждения. Добросовестным свидетелям нет разницы, допрашивают ли их до возбуждения уголовного дела или в процессе предварительного расследования. Вопрос о разрешении производства допроса свидетеля до возбуждения уголовного дела во многом согласуется и с теорией «процессуальной экономии», обоснованной многими научными исследованиями.

Мы поддерживаем точку зрения П. Л. Власова, что резкую грань между доказательствами, полученными в стадии возбуждения уголовного дела и в последующих стадиях, можно преодолеть путем разрешения производства некоторых следственных действий до возбуждения уголовного дела [2, с. 23]. Хотя при этом автор указывает на необходимость производства следственных действий, связанных с «реальным применением мер процессуального принуждения», имея в виду осмотр вещественных доказательств и освидетельствование.

В соответствии с нормами ст. 40 УПК задержанный обретает статус подозреваемого со всеми вытекающими отсюда последствиями, то есть наделением его процессуальными правами и обязанностями, предусмотренными ст. 41 УПК «Права и обязанности подозреваемого». Одним из них является право давать показания, форма получения которых – допрос. Согласно же ч. 2 ст. 173 УПК из следственных действий до возбуждения дела допускаются только получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребования дополнительных документов, производство осмотров места происшествия, трупа, местности, экспертизы, задержания и личного обыска при задержании, а также может быть произведено извлечение трупа из мест захоронения (эксгумация) [9].

Вышеизложенное указывает на то, что закон минимум на 12 часов лишает подозреваемого права быть допрошенным, что, в свою очередь, может повлечь негативные последствия.

В связи с вышеуказанной объективной необходимостью производства допроса свидетеля и подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела представляется целесообразным внести изменения в отдельные нормы УПК.

Следующим изменением, которое, на наш взгляд, следует внести в действующей УПК, будет являться изложенное далее предложение. В соответствии со ст. 203 УПК «Основания для проведения осмотра» основанием для его проведения является наличие достаточных данных полагать, что в ходе осмотра места происшествия, трупа, местности, помещения, жилища и иного законного владения, предметов и документов могут быть обнаружены следы преступления и иные материальные объекты, выяснены другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Задачей осмотра является выявление, фиксация, сбор и исследование доказательственной информации. При качественном проведении осмотра могут быть обнаружены и исследованы большинство следов преступления и преступника, а также других объектов, которые могут быть вещественными доказательствами. От результатов производства осмотра во многом зависит решение задач, поставленных УПК перед органом уголовного преследования, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела. Однако из всех видов осмотра законодатель выделил в ч. 2 ст. 173 УПК и разрешил до возбуждения уголовного дела производство осмотра места происшествия, трупа, местности.

В криминалистической науке устоялась дефиниция, утверждающая, что место происшествия является основным источником информации о месте совершения преступления и что не всегда место происшествия является местом совершения преступления, так как понятие «место происшествия» шире понятия «место преступления».

Мы разделяем позицию А. В. Дулова, что осмотр места происшествия часто требует с учетом условий его проведения и обстановки совершенного преступления осмотра трупа не на месте его обнаружения, а в морге; самостоятельного осмотра документов и предметов (например, при доставлении их потерпевшим), помещений и участков местности, не являющихся местом происшествия [8, с. 295].

Так, согласно материалам судебной практики в большинстве уголовных дел осмотр места происшествия одно-

временно сопровождался и осмотром жилища, помещения, предметов и других объектов материального мира, обнаруженных на месте происшествия. Очевидно, что на практике после обнаружения на месте происшествия того или иного объекта его данные сразу же фиксируются в протоколе процессуального действия.

Но если лицо, совершившее преступление, скрываясь от органа уголовного преследования, в различных местах выбросило орудия преступления, одежду, документы, которые были обнаружены органом уголовного преследования после проведения осмотра места происшествия, то они в соответствии со ст. 88, 103 УПК должны обладать всеми признаками вещественных доказательств. Из этого следует, что процессуальное закрепление обнаруженного требует незамедлительного осмотра предметов и документов во избежание серьезных потерь их признаков, свойств, особенностей и т. д. Однако нормы ст. 173, 203 УПК предусматривают возможность составления до возбуждения уголовного дела только протокола осмотра места происшествия, трупа, местности. В связи с этим следователем, дознавателем доказательства, собранные до возбуждения уголовного дела в ходе иных видов осмотра, фиксируются с помощью средств, не предусмотренных законом. Это так называемые акты добровольной выдачи, рапорты должностных лиц органов дознания, занятых оперативно-розыскной или административной деятельностью, с указанием где, когда и каким образом данный предмет был обнаружен.

По нашему мнению, необходимо внести изменение в УПК, которое позволит производить освидетельствование подозреваемого в случаях его задержания до возбуждения уголовного дела. Данное задержание в соответствии со ст. 108 УПК возможно на срок до 12 часов по причине отсутствия у прокурора, следователя или дознавателя правовых оснований для проведения процессуальных действий, направленных на установление и закрепление следов преступления, имеющихся на теле подозреваемого. В этот период не исключена вероятность утери или уничтожения самим подозреваемым следов преступления или иных имеющих значение для уголовного дела свойств и признаков. Например, копоти от выстрела из огнестрельного оружия на кистях рук.

В действующем УПК определен и круг лиц, которые производят освидетельствование. Это следователь, дознаватель или врач, а при необходимости – специалист. Участие этих лиц на стадии возбуждения уголовного дела разрешено законом. Если следователь и дознаватель имеют право и обязаны проводить проверку в связи с поступившим заявлением и сообщением о преступлении, то специалист, в том числе и врач, может быть привлечен для участия и оказания содействия в проведении следственных и других процессуальных действий в любой стадии уголовного процесса.

Таким образом, мы считаем вполне обоснованным предложение о проведении освидетельствования подозреваемого, задержанного до возбуждения уголовного дела. Данное действие не ущемляет прав и законных интересов участников уголовного процесса, не связано с применением мер процессуального принуждения и поэтому не имеет объективных препятствий для его проведения.

С учетом вышеизложенного в целях расширения процессуальных возможностей органа уголовного преследования в доказывании при разрешении заявлений и сообщений о преступлении мы делаем вывод о том, что существует необходимость производства до возбуждения уголовного дела таких следственных действий, как допрос свидетеля, следственный эксперимент, освидетельствование и допрос подозреваемого, осмотр помещения.

С этой целью предлагаем внести изменения в отдельные нормы УПК, а именно п. 8 ч. 2 ст. 41 УПК «Права и обязанности подозреваемого» изложить в следующей редакции: «...по его ходатайству быть немедленно с момента фактического задержания допрошенным»; в ч. 1 ст. 207 УПК «Следственный эксперимент» после слов «...имеющих значение для...» добавить термин «материалов и...»; изложить ч. 1 ст. 206 УПК «Освидетельствование» в следующей редакции: «Для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений и иных признаков, имеющих значение для уголовного дела и принятия решения с его возбуждением, если для этого не требуется проведения экспертизы, может быть проведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего в случае совершения в отношении его тяжкого или особо тяжкого преступления. О проведении освидетельствования, в том числе подозреваемого, до возбуждения уголовного дела следователь, дознаватель выносит постановление»; дополнить ст. 215 УПК «Место и время проведения допроса» ч. 3 следующего содержания: «Свидетель может быть допрошен до возбуждения уголовного дела в порядке, установленном ст. 216–219 УПК настоящего Кодекса»; изложить ч. 2 ст. 173 УПК «Сроки рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении» в следующей редакции: «До возбуждения уголовного дела могут быть истребованы дополнительные документы; произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, помещения, предметов и документов; экспертизы; следственный эксперимент; задержание и личный обыск при задержании; допрос пострадавшего; допрос подозреваемого, его освидетельствование и опознание пострадавшим; допрос свидетеля, а также может быть проведено извлечение трупа из мест захоронения (эксгумация)».

По нашему мнению, внесение такого рода изменений в действующий УПК позволит исключить случаи нарушения закона органами следствия и дознания при производстве следственных действий, необходимых при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела либо об отказе от его возбуждения.

Список использованных источников

1. Вицин, С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве / С. Вицин // Рос. юстиция. – 2010. – № 6. – С. 54–56.
2. Власова, П. Л. Пути совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе / П. Л. Власова // Рос. следователь. – 2013. – № 9. – С. 19–23.
3. Данько, И. В. Обеспечение законности в уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / под. ред. И. В. Данько. – Минск : Нов. Знание, 2013. – 354 с.
4. Карнеева, Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учеб. пособие / Л. М. Карнеева. – Волгоград : Перемена, 1988. – 346 с.

5. Кипнис, Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис. – М. : Юр. лит., 1995. – 324 с.
6. Кузнецов, Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. П. Кузнецов. – Воронеж : Ворон. ун-т, 2000. – 98 л.
7. Лупинская, П. А. Вопросы доказательственного права и предварительного расследования уголовных дел (по материалам судебной практики) : учеб. пособие / под ред. П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. – М. : ВЮЗИ, 2012. – 345 с.
8. Рубис, А. С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью / А. С. Рубис. – Минск : Харвест, 2010. – 296 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 5 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : текст по состоянию на 28.10.2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2014.
10. Химичева, Т. П. Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлении / Т. П. Химичева. – М. : ЮИ МВД России, 2010. – 345 с.

РАЗДЕЛ IV ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Мельник Наталья Николаевна, кандидат социологических, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Коммуникация – основополагающий принцип жизнеспособности и жизнедеятельности общества, которая способствует сплочению или разобщению индивидов. К выделению коммуникации как основополагающего принципа общества теоретики теорий социального действия шли долго. В XX в. немецкий социолог Юрген Хабермас выделил коммуникацию в отдельный тип социального действия, тем самым возводя ее на определенный пьедестал. С этого момента «коммуникация» становится центральным понятием, разрабатываемым во многих гуманитарных науках.

Проследить историю формирования и развития принципа коммуникации можно на примере теории социального действия в немецкой социологии. Классики немецкой социологии в начале XX в. уже затрагивали смежные с коммуникацией понятия и явления. Это было вызвано прежде всего усложнением связей между странами и тем самым включенностью индивидов во все возрастающий поток коммуникативных уровней приема и передачи информации. Решение подобных многих актуальных проблем, поставленных XX и XXI вв., и должны решать заявленные наработки представителей теории социального действия. Одной из таких актуальных задач становится формирование самодостаточной и активной личности индивида. Само понятие активной личности невозможно без ее способности к использованию множества каналов передачи и получения информации. При этом в сферу интересов попадают все виды и способы передачи и получения информации, как старые, так и новые каналы коммуникации: от письменных печатных источников до сообщений через социальные сети.

Первая классическая работа, которая знакомит нас с сутью данной проблемы, принадлежала Макс Веберу, немецкому социологу, ставшему первым среди создателей теории социального действия в немецкой социологии. Работа М. Вебера «Основные социологические понятия» (1913) [1] раскрывает перед нами основные понятия теории социального действия и основной принцип построения типологии социального действия, который и лег в основу дальнейших работ в данной области.

Значительный вклад в разработку теории социального действия наряду с М. Вебером внес Георг Зиммель. Г. Зиммель, современник М. Вебера, разработал иную версию теории социального действия. В теории Г. Зиммеля основным понятием становится «взаимодействие». Он идет дальше и утверждает, что само общество строится через взаимодействие субъектов на различных уровнях. Именно на взаимодействии субъектов в обществе и должен акцентировать внимание исследователь. При этом Г. Зиммель рассматривает общество как состоящее из отдельных частей, и социология прежде всего изучает поведение отдельных субъектов, что и формирует «настоящий объект науки, и понятие общества улетучивается» [2, с. 311]. Общество у Г. Зиммеля сводится к формам взаимодействия и растворяется в них, но, изучая только поведение субъектов, невозможно понять, как они все-таки соединяются в единое целое – эфемерное понятие общества. Немецкий социолог выдвигает в качестве критерия такого соединения взаимодействие частей, что придает последнему устойчивость и сохраняет его как целое. При этом Зиммель указывает, что целостность предмета возможна только при «динамических взаимоотношениях».

Рассматривая отдельных субъектов как составляющие общества Г. Зиммель приходит к выводу, что отдельные субъекты не могут составить единое целое в виде общества, но допускает подобное единство для рассмотрения взаимодействия на более высоком уровне. Поскольку отдельные субъекты в своем поведении единообразны, то это дает Г. Зиммелю основание предположить единую связь в их взаимодействии при составлении общества как целого. Г. Зиммель приходит к выводу, что «общество не обязательно слагается из взаимодействия одних только человеческих личностей: целые группы во взаимодействии с другими могут также образовать общество» [2, с. 315]. Общество для Г. Зиммеля – лишь определение, в которое включены все взаимодействия на разных уровнях: от взаимодействия между личностями до взаимодействия между большими социальными группами и общностями.

Понятие «взаимодействие» становится ведущим в теории социального действия Г. Зиммеля. Однако для его использования необходимо, по мнению немецкого социолога, рассмотреть три важных требования, которые раскрывают его сущность. Во-первых, при анализе понятия «взаимодействие» необходимо учитывать, что оно рас-

смачивается на разных уровнях: от взаимодействий между отдельными индивидами, между разными социальными группами до взаимодействия между большими социальными общностями. Во-вторых, при анализе понятия «взаимодействие» Г. Зиммель расширяет границы анализа и трактует его уже не только через причинно-следственные связи, но и через связи внутри социальных групп, где создается возможность мотивации поведения одним из субъектов в отношении другого. В-третьих, понятие «взаимодействие» указывает на то, что индивиды и группы постоянно находятся в динамическом процессе. Это признак того, что все переплетено и динамичность указывает на потенциальные возможности каждого в достижении своей цели.

Рассмотрение понятия «взаимодействие» на различных уровнях (уровне отдельного субъекта и уровне социальной группы) нивелирует четкие границы данного понятия.

По аналогии с М. Вебером и его понятием «идеального типа» Г. Зиммель трактует понятие «взаимодействие» как некую абстрактную обобщающую категорию. В это понятие он включает три сферы: «исследование относительности, обратимости и динамики социальных процессов» [3, с. 168].

Интерес Г. Зиммеля к понятию «взаимодействие» обусловлен не только тем, что данное понятие может выступать как абстрактное и обобщающее, но также оно позволяет немецкому социологу рассматривать и включать в него разные уровни: от индивида до социальной группы внутри общества. Взаимодействие невозможно без коммуникации, которая и становится связующим звеном между отдельными индивидами в обществе.

Понятие «взаимодействие» разрабатывается далее представителями субъективистской парадигмы – Джорджем Гербертом Мидом и Альфредом Шюцем. Они рассматривают уровень субъект-субъектного взаимодействия. Наряду с перечисленными выше авторами вклад в создание и развитие теории социального действия внесли представители других национальных школ и направлений: Г. Беккер, Л. фон Визе, Э. Дюркгейм, Ф. Знанецкий, Р. Макайвер, В. Парето, Т. Парсонс и др.

Вторым немецким социологом, который непосредственно рассматривает уже понятие «коммуникация», стал Никлас Луман. Н. Луман в своей теории пытался найти понятие, которое бы отражало различия между действием и переживанием. Таким понятием и стала коммуникация как система, которая воспроизводит себя на основании языка и действия. При этом с помощью понятия коммуникация немецкий социолог попытался определить отношение действия к различным системам. И его трактовка коммуникации представлена впервые в работе «Социальные системы» (1984).

Понятие коммуникации выделяется Н. Луманом как центральное в его теории социального действия. Рамки коммуникации расширяются, и оно становится частью социальной системы. Н. Луман, как и Г. Зиммель, признает, что коммуникация и взаимодействие соответственно могут проявляться только в динамичном процессе, то есть только при действии субъекта. Это напоминает теорию структуризации Э. Гидденса, который пишет о том, что структура проявляется только в процессе действия. Выдвигая на первый план понятие коммуникации, Н. Луман предлагает «переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия. Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций» [4, с. 31].

Целью коммуникации не является нахождение форм консенсуса. Н. Луман пытается простроить только связь между переживанием и действием отдельного индивида. В этом наблюдается сходство в понятии социального действия у Н. Лумана и М. Вебера. Последний в само понятие «социальное действие» включает компонент переживания или связанного с действием Другого субъективного смысла. Именно подобная связь действия и переживания дает возможность выделить мотивы и цели социального действия субъекта. Посредником в коммуникативной связи становится язык как универсальное средство перевода переживания в действие.

Для него коммуникация стала элементарной единицей социальных систем. Коммуникация в теории немецкого социолога выступает как трехчленная модель, включающая, во-первых, информацию, которая без второго элемента в коммуникацию не входит. Она лишь констатирует изменение состояния субъекта или объекта во времени; во-вторых, сообщение, первой функцией которого становится введение информации в процесс коммуникации. Посредством сообщения появляется возможность выявить роль действия в коммуникации; в-третьих, понимание. Процесс коммуникации должен состояться между двумя системами, и взаимное понимание сообщения позволяет эффективно работать им друг с другом. Обмен субъективным смыслом между двумя субъектами и установление его синонимичности у двух субъектов и является процессом понимания. Понимание здесь ограничивается лишь дихотомией «понимание – непонимание». Н. Луман разрабатывает чисто формальное понятие, которое, в отличие от веберовского, не требует вживания или постановки индивида на место Другого.

Раскладка коммуникации на трехкомпонентную модель – не творение самого Н. Лумана. Он идет по пути, который проложили Карл Бюллер и Джон Сирл. При этом он указывает на важные элементы, которые раскрывают саму суть теории коммуникации.

Поддержание коммуникации – задача участвующих в ней социальных систем или субъектов. Важной составной частью, посредством которой осуществляется коммуникация, является язык. В этом отношении и Ю. Хабермас и Н. Луман сходны в своих взглядах на данный процесс. Новое же в теории Н. Лумана то, что коммуникация с помощью жестов и мимики также имеет право на существование. Данный вид коммуникации открывает новые возможности для взаимодействия социальных систем. Коммуникация должна протекать строго через три ее компонента. Иначе потеря одного из них приведет к замене понятия «коммуникация» на простую передачу информации. Преднамеренность в передаче сообщения исключается, поскольку трехчленное деление коммуникации предполагает ответ на изменение ситуации. Кроме того, важнейшим принципом коммуникации выступает ее разделение на информацию и сообщение.

Роли и место действия определяются через один из компонентов самого процесса коммуникации. Вклад действия не исключается, а, наоборот, приветствуется участниками процесса коммуникации. Также Н. Луман выделяет действие, которое не включено в процесс коммуникации. Таковым является действие в одиночестве или направленное на работу с неодушевленными предметами.

Возвращаясь к понятию «понимание», немецкий социолог косвенно вводит еще один компонент процесса коммуникации. Им становится принятие или отклонение сообщения одним из субъектов в процессе дальнейшей коммуникации. Эта компонента ставит вопрос об открытости процесса коммуникации, на который Н. Луман отвечает положительно. Отклонение или принятие сообщения при адекватно понятом смысле получателем его дает возможность последнему выбирать действия (отклонение/принятие).

Все это позволяет Н. Луману рассматривать коммуникацию как неотъемлемый элемент более высоких уровней построения общества – социальной системы.

Следующим немецким социологом, занявшимся понятием коммуникации, стал Ю. Хабермас. Именно в его работе «Теория коммуникативного действия» (1981) коммуникация становится ведущим принципом.

Хабермас вводит новые категории «труд» и «интеракция» для постижения перемен в общественном устройстве и объяснении процессов, происходящих в современном ему обществе. Для немецкого исследователя «труд» является типом целерационального действия, которое включает в себя как инструментальное действие, так рациональный выбор, а также комбинацию их обоих.

«Интеракция» в последующем изложении Хабермаса сводится к «взаимодействию» и представляет собой всевозможные способы совместной деятельности индивидов. Такое взаимодействие основано на разнообразных видах коммуникативных связей.

При этом социолог отдавал явное предпочтение исследованию сферы взаимодействия, типов взаимодействий и человеческих коммуникаций. Им значительно расширен смысловой контекст рассмотрения производственных отношений. Ю. Хабермас включил в данное понятие еще одно из своей теории – категорию «жизненного мира», включающую повседневный опыт. Коммуникация на практическом уровне играет значительную роль в повседневном опыте индивида. Также Ю. Хабермас пишет о том, что «коммуникативное действие и принципы его осуществления были выделены как занимающие важнейшее место в социальной структуре и обеспечивающие определенный институциональный порядок. Так наметилось одно из основных направлений философских исследований Хабермаса, подробно развернутое им в концепции коммуникативной рациональности и в теории коммуникативного действия» [5].

В своей теории Хабермас по аналогии с выделенными им типами социального действия выделяет инструментальную и коммуникативную рациональности. Понятие инструментальной рациональности перенимается у Макса Вебера. Следует отметить, что выделенные типы социального действия Ю. Хабермаса испытали видимое изменение. Так, в работах 1960-х гг. основополагающими выступали инструментальный и коммуникативный типы действия. Позже он, пользуясь уже немного иными критериями различения, выделил такие четыре типа, как: стратегическое; норморегулирующее; экспрессивное (драматургическое); коммуникативное.

Стратегическое действие включает: инструментальное; «собственно стратегическое» действие.

Коммуникативное действие нацелено на поиск путей взаимопонимания между индивидами. Установка на взаимопонимание между участвующими в коммуникативном действии субъектами становится центральным принципом такого типа действия. Принцип стратегического социального действия – ориентация на успех – принципиально отличается от принципа самого коммуникативного действия. Коммуникативное действие становится инструментом обновления и сохранности согласия и стабильности общества.

Коммуникативное действие поддерживает не только стабильность общества, но передачу информации, повседневного опыта от поколения к поколению через общий жизненный мир. «Жизненный мир (Lebenswelt) – это организованный и передаваемый от поколения к поколению посредством культурных традиций запас знания, сосредоточенного в культуре и, прежде всего, в языке» [5].

Жизненный мир в целом сближается с культурой, при этом культурные образцы представляются как ресурсы практической реализации взаимопонимания. В ходе коммуникации (коммуникативного действия) создается и воспроизводится культурная сфера общества (знания), коммуникация оказывает содействие социальной интеграции и формированию личностной тождественности.

В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса наряду с понятием коммуникации рассматривается и понятие взаимодействия. Понятие взаимодействие становится социальной категорией для обязательного условия реализации самой коммуникативной рациональности. Взаимодействие понимается как необходимое условие коммуникации. Коммуникация предстает как форма для нахождения согласия между всеми участниками данного коммуникационного процесса. Однако субъекты, включенные в коммуникацию и осуществляющие коммуникативные действия, предстают не как наблюдатели, а как созидательные коммуницирующие субъекты. Активность субъектов коммуникативного действия распространяется не только на непосредственное общение, но и на повседневные действия.

Как и его предшественники, Ю. Хабермас рассматривает коммуникативное действие на нескольких уровнях: на уровне отдельного субъекта и уровне социальной системы. При этом он анализирует возможное влияние отдельного индивида в процессе коммуникации на всю социальную систему. Немаловажным фактором возможности такого влияния становится осознанный процесс коммуникации на различных уровнях. Исходя из этого, Ю. Хабермас стремится изобразить, как возможно комплексное взаимодействие двух и более субъектов, которые находятся внутри действия.

Таким образом, взаимодействие и коммуникативный аспект в теории социального действия разрабатываются не только у современных классиков Н. Лумана и Ю. Хабермаса, но и в классической теории социального действия Г. Зиммеля. Процесс коммуникации в данных теориях носит различный характер: от связующего элемента между уровнями взаимодействия до отдельного явления, которое способно влиять на путь развития общества.

Список использованных источников

1. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 602–643.
2. Зиммель, Г. Избранное : в 2 т. / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – 607 с.
3. Шпакова, Р. П. Идеино-теоретические истоки / Р. П. Шпакова // Немецкая социология / отв. ред. Р. П. Шпакова. – СПб. : Наука, 2003. – 562 с.
4. Луман, Н. Понятие общества. Почему необходима «системная теория»? / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. – СПб., 1994. – С. 31.
5. Фарман, Т. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса [Электронный ресурс] / Т. Фарман // . – 2004. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/farman_socialno/02.aspx. – Дата доступа: 19.04.2014.

РАЗДЕЛ V Трибуна Молодого Ученого

СОГЛАШЕНИЕ О ДЕТЯХ КАК ИНСТИТУТ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Костина Елена Николаевна, соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Л. Н. Бондаренко*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Международного университета «МИТСО»

Чаще всего при расторжении брака возникают вопросы, касающиеся проживания, воспитания и содержания детей.

Юридическая практика показывает, что споры о детях при расторжении брака являются одними из самых сложных, а судебные разбирательства по этому вопросу могут превратиться в настоящую психологическую травму для ребенка.

Это должен знать и понимать каждый из родителей, поэтому всегда следует прилагать максимум усилий, чтобы решить данную проблему мирным путем, заключив соглашение о детях.

При отсутствии брачного договора эти вопросы решаются самими супругами путем договоренности, а при невозможности такой договоренности – судом в соответствии с законодательством о браке и семье.

Так, при расторжении брака через суд супруги могут заключить между собой соглашение о детях.

Соглашение о детях заключается в простой письменной форме как до судебного разбирательства, так и в процессе рассмотрения иска о расторжении брака.

В соответствии со ст. 38 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) в таком соглашении супруги могут определить: с кем останутся проживать дети после развода; размер алиментов на детей; порядок общения с детьми и участия в их воспитании отдельно проживающего родителя; порядок выезда детей за границу; другие условия жизни и воспитания детей в соответствии с их правами [1].

Можно оговорить: периодичность встреч (например, каждую субботу); продолжительность встреч по времени (например, не меньше двух и не более 5 часов); возможные места для встреч (например, парк, цирк, место жительства отдельно проживающего родителя); условие о том, должен ли встречающийся с ребенком родитель самостоятельно возвращать его домой после встречи или нет; др.

При этом обязательно следует учесть привязанности, увлечения и настроения ребенка, то есть соглашение о детях должно гарантировать полноценное развитие ребенка как в физическом, так и духовном аспекте.

Соглашение о детях должно соответствовать их интересам и не может ограничивать права детей, в том числе на получение содержания от родителей. В частности, не допускается отказ от взыскания или уплаты алиментов или их предоставление в размере меньшем, чем установлено в ч. 1 ст. 92 КоБС.

Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» закреплено, что соглашения об уплате алиментов на детей в размере большем, чем установлено законом, или продление срока уплаты, например, до окончания высшего учебного заведения, следует признавать правомерными [2]. Так, размер алиментов может быть установлен в большем размере, чем установлено по закону, например: на одного ребенка 35 % от заработка, а не 25 %; на двух детей – 50 % от заработка, а не 33 %; на трех и более детей – 65 % от заработка, а не 50 %. Соглашение о детях утверждается судом в порядке, установленном для заключения мировых соглашений в соответствии со ст. 285 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), и подлежит исполнению в порядке, определяемом нормами ГПК [3]. Следует учесть, что в зависимости от количества общих детей родителям нужно договариваться отдельно о каждом ребенке. Соглашение о детях позволяет значительно ускорить бракоразводный процесс. Супруги имеют полное право оформить его предварительно и предоставить его суду вместе с заявлением о разрыве брака. В случае, если в составленном соглашении будут содержаться пункты, противоречащие интересам ребенка, эти вопросы будут решаться исключительно в судебном порядке на основании заявления заинтересованной стороны.

Соглашение о детях может быть расторгнуто или изменено по взаимному согласию сторон в любое время, поскольку могут возникнуть существенные изменения семейного, имущественного, социального положения каждого из родителей, в результате чего условия соглашения приобретут некорректную форму и будут противоречить интересам ребенка.

При отказе одного из родителей изменить соглашение мирным путем оно может быть оспорено в суде.

Следует отметить, что в случае, если один из родителей не выполняет условия соглашения, другая сторона может обратиться в суд по месту проживания бывшего супруга, который не выполняет свои обязанности или выполняет их ненадлежащим образом. Тогда обеспечивать принудительное исполнение условий заключенного соглашения о детях будет судебный исполнитель.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : Кодекс Респ Беларусь от 9 июля 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

2. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 июня 2000 г., № 5 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 28.03.2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.07.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

ФОРМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

Антипина Татьяна Николаевна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Под формой применения медиативных технологий в работе налоговых органов в статье подразумеваются варианты применения медиативных технологий при взаимодействии с налогоплательщиками. То есть в каких случаях может быть эффективным применение процедуры медиации с участием третьего лица, а в каких налоговый орган может использовать медиативные технологии самостоятельно для оперативного и взаимовыгодного разрешения проблемных вопросов.

Рассматривая опыт зарубежных стран, можно выделить такие формы досудебного разрешения налоговых споров, как предварительные согласительные процедуры между налоговым органом и налогоплательщиком, которые осуществляются до подачи налогоплательщиком налоговых деклараций в налоговый орган, и согласительные процедуры между налоговым органом и налогоплательщиком, которые возникают по факту предъявления налоговых претензий к налогоплательщику, то есть после вынесения акта или решения налогового органа [1, с. 16].

Такой вид, как предварительные согласительные процедуры до подачи налоговой декларации, помогает налогоплательщику разрешить спорные налоговые вопросы заранее для того, чтобы избежать последствий в случае непринятия точки зрения налогоплательщика налоговым органом. А также предварительные согласительные процедуры могут быть применимы в отношении конкретных сделок и конкретных налогоплательщиков и применяются в США и Австралии [1, с. 16].

В данном случае применение медиативных технологий будет осуществляться непосредственно в процедуре медиации с участием посредника – медиатора. При этом заключенное медиативное соглашение может служить гарантией для налогоплательщиков в том, что в последующем налоговый орган не пересмотрит своего решения по данному вопросу.

В процедуре медиации можно рассматривать вопросы, затрагивающие интересы объединений или ассоциаций различных экономических отраслей. Это могут быть вопросы, учитывающие специфику деятельности, характер производственных взаимоотношений, формы инвестирования. В конструктивном медиативном диалоге возможно выработать решение, устраивающее обе стороны. И как результат, в дальнейшем это будут уже открытые, доверительные отношения.

Также процедуру медиации можно применять и в спорах, возникших по результатам камеральных и выездных проверок. В диалоге с помощью медиатора, работающего в соответствии со строгими профессиональными этическими правилами, могут проясниться обстоятельства, которые повлияют на изменение изначально заявленных позиций, способствуют обнаружению точек соприкосновения и приведут к формированию новых позиций. Такого рода взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками является партнерскими отношениями, основанными на принципе сотрудничества.

Благоприятным обстоятельством для формирования партнерских отношений между налоговыми органами и налогоплательщиками становится постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» [3]. В п. 27 постановления указано, что предметом соглашения о примирении сторон не может быть изменение налоговых последствий спорных действий или операций по сравнению с теми, которые определены законом. Пленум ВАС РФ привел примеры, которые не могут стать предметом мирового соглашения, такого рода как о снижении применяемой налоговой ставки, об изменении правил расчета пеней, а также об освобождении налогоплательщика от уплаты налогов за определенные периоды или в отношении отдельных операций. Вместе с тем Пленум ВАС РФ назвал примеры налоговых вопросов, по которым в соответствии с положениями Арбитражного процессуального кодекса РФ допускается заключение мирового соглашения. Это, в частности, признание налоговым органом наличия смягчающих обстоятельств; признание инспекцией не учтенных в ходе мероприятий налогового контроля сумм расходов и налоговых вычетов, влияющих на действительный размер налоговых обязанностей; признание экономически обоснованного и документально подтвержденного размера произведенных расходов, признание нормальной величины потерь товаров, признание приемлемости используемых налогоплательщиком способов налоговой оптимизации его деятельности. В этих случаях в соглашении о примирении сторон могут содержаться условия о корректировке налоговой обязанности налогоплательщика. А при утверждении судом мирового соглашения может быть решен вопрос о предоставлении отсрочки или рассрочки уплаты соответствующих налогов, пеней и штрафов.

Признание как такового факта возможности урегулирования вопросов в сфере налогообложения между налоговыми органами и налогоплательщиками через мировые соглашения с приведением примеров о том, по каким аспектам возможны договоренности, является позитивной основой для внедрения в Российскую налоговую систему процедуры медиации, так как при возможности заключения мировых соглашений появляется вера в то, что и

медиативные соглашения станут одним из вариантов оформления договоренностей.

Также налоговый орган может использовать в своей ежедневной работе медиативные технологии в режиме реального времени, то есть при обращении как физических, так и юридических лиц с разного рода вопросами или жалобами. При применении таких технологий представители власти могут понять, что во многих спорах граждане просто хотят справедливого обращения [2, с. 50].

Поскольку представляют налоговый орган люди, нельзя утверждать, что их действия (бездействие) или выносимые ими решения безоговорочно верны. Часто достаточно внимательно выслушать позицию обратившегося гражданина, а главное – услышать и понять его интересы и потребности, и ситуация может развернуться совершенно по-другому, отличаясь от того, что себе стороны изначально представляли или, даже можно сказать, запрограммировали в своем сознании. В результате или представитель налогового ведомства поймет, что его суждение ошибочно, или гражданин увидит, что заблуждается, и, вместо того чтобы пойти в суд, постарается уплатить налоги. Кроме того, у налогоплательщика возникнет доверие к налоговой службе [4, с. 24].

Чрезмерный акцент на законности при неуточнении и непрояснении всех обстоятельств способствует состязательному поведению и эскалации конфликта. Неправильное обращение с гражданами может привести к демонстрации несогласия и оспариванию законности действий лиц, представляющих налоговый орган. Поэтому использование таких форм, как медиативные технологии, в работе налоговых органов позволяет выработать поведение, которое будет как уместным, так и законным при взаимодействии налоговых органов и граждан [2, с. 43].

Список использованных источников

1. Аракелова, М. В. Разрешение налоговых споров в досудебном порядке: зарубежный опыт / М. В. Аракелова // Аудитор. – 2012. – № 6. – С. 16.
2. Бреннинкмейджер, А. Справедливое управление / А. Бреннинкмейджер // Медиация и право. – 2010. – № 3 (17). – С. 43–51.
3. О примирении сторон в арбитражном процессе : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 18 июля 2014 г., № 50 // Вестн. Экон. правосудия РФ. – 2014. – № 9.
4. Яковлев, В. Ф. Нам нужно обрести культуру диалога / В. Ф. Яковлев // Медиация и право. – 2012. – № 2(24). – С. 24–25.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «МЕДИАТИВНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ»

Бондаренко Анна Сергеевна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

В настоящее время в условиях широкого использования понятия «медиативная компетенция» вопрос определения данного понятия остается недостаточно разработанным.

Свидетельством недостаточной разработанности обозначенного вопроса является отсутствие четкого универсального определения понятия «медиативные компетенции». Не добавляет ясности в вопросе о том, что есть «медиативные компетенции», многообразие используемой терминологии. Одни ученые используют термин «медиативные компетенции», в их числе Е. В. Козлова [7], Фон Хертель [21], другие – «компетенции медиатора», например Р. Г. Мельниченко [19], Ю. А. Шиханова [24], третьи, в частности И. А. Чеглова [23], Р. В. Ардовская [2], – «медиативная компетентность».

В информационно-телекоммуникационной сети Интернет можно встретить упоминание термина «медиативные компетенции», например в контексте «медиативные компетенции в деятельности государственных служащих», «медиативные компетенции менеджера», «медиативные компетенции руководителя». В большинстве своем данные упоминания содержатся в программах различных семинаров, тренингов. Так, на сайте Казахстанского центра медиации размещена программа семинара-тренинга «Медиативные компетенции», в которой «медиативные компетенции» обозначены как «инструменты эффективного решения спорных/конфликтных ситуаций, красивого переговорного процесса» [16].

В литературе отдельные научные разработки касаются частного определения термина «медиативные компетенции», то есть дается определение термину «медиативные компетенции» в привязке к конкретному субъекту, например «медиативные компетенции взрослого».

Так, Е. В. Козлова, рассматривая вопрос медиативной компетенции взрослых во взаимоотношениях с детьми, по сути, понимает под «медиативными компетенциями взрослого» совокупность следующих компонентов: когнитивного (особенности мышления, памяти и когнитивного стиля личности в осуществлении коммуникативного процесса); эмоционального (характер и особенности переработки поступающей информации), мотивационно-потребностного (содержательная избирательность психологической наблюдательности и осознанная установка на наблюдение за поведением окружающих человека людей), перцептивного (восприятие и оценивание основных параметров других участников взаимодействия), рефлексивного (осознание себя и особенностей своего взаимодействия с другими), прогностического (предвосхищение поведения партнеров по общению и развития ситуации взаимодействия в целом), операционно-деятельностного (уровень владения рефлексивно-перцептивными умениями и навыками), эмпатийного (осознание возможности саморазвития другого в совмещенной психологической системе, готовность принимать другого и способностью строить взаимодействие, делая акцент на его положительные качества), коммуникативного (система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенном круге ситуаций межличностного взаимодействия) [7].

Принимая во внимание вышеизложенное, в настоящей статье предлагается выработать собственное определение исследуемого понятия «медиативные компетенции» посредством анализа определений понятий «компетенция», «медиация», «медиативный».

Понятие «компетенция» имеет вариативное описание в различных источниках.

В частности, Е. Н. Соловова считает, что в основе любой компетенции лежат знания и умения их использовать, но компетенция отличается от умений тем, что всегда сопряжена с психологической готовностью к сотрудничеству и взаимодействию в процессе решения различных проблем, с наличием определенных морально-этических установок и качеств личности [18, с. 17].

Е. П. Непочатых под компетенцией понимает заданное требование, совокупность полномочий, прав и обязанностей, обобщенный способ действий, обеспечивающий человеку эффективное решение поставленных задач в той или иной деятельности [12, с. 249].

По мнению А. С. Мнацаканяна, компетенция – это полномочия, делегированные специалисту (внешняя характеристика, то, чем специалист должен владеть) [11].

Доктор педагогических наук Ю. Г. Татур предлагает понимать под компетенцией готовность человека использовать свой потенциал [19, с. 21].

А. Л. Андреев считает, что компетенция представляет собой обобщенные способы действий, обеспечивающие выполнение профессиональной деятельности [1, с. 7].

Доктор педагогических наук А. В. Хуторской выдвигает следующее понятие компетенции: компетенция – это совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [22].

А. А. Городнова, рассматривая компетенцию менеджера, считает, что компетенция представляет собой совокупность знаний (предметных «что», процедурных «как», ценностно-смысловых «зачем и почему»), ответственности, равной полномочиям, и личностных характеристик человека, обеспечивающих эффективность его трудовой деятельности. По мнению А. А. Городновой, компетенции принципиально отличаются от триады «знания, навыки, умения». Во-первых, они представляют собой более крупные единицы анализа профессиональной деятельности. Во-вторых, в их состав входят качества личности [4].

Обобщая все вышеперечисленные определения термина «компетенция», можно сделать вывод, что они образуют два основных подхода: 1) предметный, в соответствии с которым «компетенция» – это непосредственно сами знания, умения, навыки, личностные качества лица; 2) деятельностный, в соответствии с которым «компетенция» – способность использовать имеющиеся знания, умения, навыки, личные качества в какой-либо деятельности.

Деятельностный подход в определении понятия «компетенция» представляется более предпочтительным. Знание симптомов болезней – это еще не все, врач должен применительно к конкретному пациенту провести исследование и поставить диагноз. Или юрист в зависимости от интересов клиента должен так истолковать закон, чтобы защитить его интересы. В названных случаях нужны не просто знания, умения в области медицины, юриспруденции, но способность их применять.

Для уяснения содержания термина «компетенция» необходимо отдельно оговорить вопрос соотношения данного термина с термином «компетентность», учитывая то обстоятельство, что имеет место использование наряду с понятием «медиативная компетенция» понятия «медиативная компетентность».

А. С. Мнацаканян считает, что компетентность – это не только наличие знаний и опыта, но и умение распорядиться ими в ходе реализации своих полномочий (внутренняя характеристика) [11].

По мнению А. Н. Сергеева, быть компетентным – значит уметь мобилизовать имеющиеся знания и опыт для решения проблемы в конкретных жизненных обстоятельствах [17, с. 82].

А. Т. Флорова, И. В. Ершова полагают, что компетентности – практические знания, навыки, умения [20, с. 82].

Очевидно, что указанные определения схожи по своему смысловому содержанию с определением понятия «компетенция» и не позволяют произвести четкого различия между этими двумя терминами.

Р. В. Ардовская считает, что компетентность подразумевает владение человеком определенным набором компетенций, в то время как сама компетенция – это совокупность задач и способов деятельности, необходимых для ее эффективного осуществления [3]. То есть автором «компетенция» включается в понятие «компетентность». Аналогичной точки придерживаются Е. А. Кудрина, И. А. Зимняя.

Е. А. Кудрина дает определение профессиональной компетентности как сложной системы различных видов компетентности (групп компетенций), выделяемых разными авторами по различным основаниям [8].

И. А. Зимняя, выводя три группы компетентностей (компетентности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности; компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми; компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах), в рамках каждой из них выделяет отдельные компетенции [6].

Нам также близка точка зрения, которой придерживаются Р. В. Ардовская, И. А. Зимняя и Е. А. Кудрина. Компетентность действительно следует рассматривать как совокупное обобщенное внешнее проявление отдельных «компетенций».

Термин «компетенция» рассматривается через различные категории: профессиональную (профессиональная компетенция), юридическую (компетенция как юридический термин), управленческую (компетенция в области управления персоналом), межкультурную (межкультурная компетенция). Последние годы термин «компетенция» рассматривается также через призму такой категории, как «медиативная компетенция».

В толковых словарях и энциклопедиях термин «медиативный» трактуется как соотносящийся по значению с существительным: медиация, связанный с ним; свойственный медиации, характерный для нее [5].

Н. Минкина считает, что медиация – сложное и многоаспектное явление, которое можно понимать с нескольких позиций [10]. Так, по мнению Н. Минкиной, в философском понимании медиация суть новая идеология человечества, направленная на построение культуры взаимоотношений людей в диалоге общения путем ведения переговоров. С точки зрения психологии медиация – это коммуникация, как правило, отягощенная негативными эмоциями спорящих субъектов, направленная на погашение конфликта путем нахождения компромиссного решения, устраивающего стороны. В социологическом плане медиация – наименее изученный вид человеческой деятельности, который в качестве социального института находится в процессе становления. С позиции права медиация – правовой институт с ярко выраженным сочетанием частно-публичных начал (примирительная процедура, демонстрирующая совершенствование механизмов разрешения споров и защиты нарушенных субъективных прав). Медиация – особое посредничество в предупреждении и разрешении конфликтов, прежде всего политических.

Б. И. Поспелов предлагает медиацию рассматривать как частный вид посредничества, имеющий свое специфическое название, назначение и содержание [14].

Н. В. Рондарь, В. Н. Рондарь под медиацией понимают процесс структурированных переговоров (то есть переговоров, организованных по определенному алгоритму), в котором медиатор является организатором и управляет переговорами таким образом, чтобы стороны пришли к наиболее реалистичному и удовлетворяющему интересам сторон соглашению, в результате выполнения которого они разрешат конфликт [15].

В законодательстве термин «медиация» используется в «привязке» к термину процедура. Так, согласно Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [13] процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. При этом медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора, главные качества которого – беспристрастность и безоценочность.

Таким образом, исходя из буквального определения терминов «медиативный», «медиация» и «компетенция», можно сделать вывод, что «медиативные компетенции» – это способность использовать имеющиеся знания, умения, навыки, личные качества, свойственные медиатору, в конкретной деятельности.

Список использованных источников

1. Андреев, А. Знания или компетенции? / А. Андреев // Высшее образование в России. – 2005. – № 2. – С. 3–11.
2. Ардовская, Р. В. Педагогическая поддержка студентов в процессе обучения медиативной деятельности / Р. В. Ардовская // Ярослав. пед. вестн. – 2010. – № 2. – С. 159–162.
3. Ардовская, Р. В. Сущность понятий «медиативная деятельность» и «медиативная компетентность» / Р. В. Ардовская // Издательство СГУ. – Режим доступа: http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/03_2009/06.pdf. – Дата доступа: 06.12.2014.
4. Городнова, А. А. Компетенции современного российского менеджера / А. А. Городнова // Нац. исслед. ун-т Высш. шк. экономики. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2010/04/09/1218179727/Компетенции%20современного%20российского%20менеджера.pdf>. – Дата доступа: 06.12.2014.
5. Ефремова, Т. Ф. Значение слова «медиативный» / Т. Ф. Ефремова // Online сборник словарей. – Режим доступа: <http://moyslovar.ru/slovar/efremova/slovo/%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9>. – Дата доступа: 11.12.2014.
6. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 10. – С. 3–10.
7. Козлова, Е. В. К вопросу о формировании понятия «медиативная компетенция» / Е. В. Козлова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2008. – № 11. – С. 22–29.
8. Кудрина, Е. А. О социально-психологических аспектах коммуникативной компетентности муниципальных служащих [Электронный ресурс] / Е. А. Кудрина // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2013. – № 2 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
9. Мельниченко, Р. Г. Медиация : учеб. пособие / Р. Г. Мельниченко. – М. : Изд-во Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2014. – 191 с.
10. Минкина, Н. Медиация: первые шаги [Электронный ресурс] / Н. Минкина // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 36 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
11. Мнацаканян, А. С. Модернизация образовательных программ как один из способов повышения качества образования [Электронный ресурс] / А. С. Мнацаканян // Общество и право. – 2010. – № 5 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
12. Непочатых, Е. П. Развитие представлений о понятиях «компетенция» и «компетентность» / Е. П. Непочатых // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2013. – Т. 19. – № 20. – С. 243–251.
13. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федер. закон, 27 июля 2010 г., № 193-ФЗ // Российская газета. – 2010. – № 168.
14. Поспелов, Б. И. Проблемные вопросы развития медиации в России / Б. И. Поспелов // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 39–42.
15. Рондарь, Н. В. Медиация и эффективность института банкротства [Электронный ресурс] / Н. В. Рондарь, В. Н. Рондарь // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 4 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
16. Семинар-тренинг «Медиативные компетенции» [Электронный ресурс] // Казахстанский центр медиации. – Режим доступа: <http://kazmediation.kz/training/basic-course/49-mediativnye-competence.html>. – Дата доступа: 06.12.2014.
17. Сергеев, А. Н. Классификация ключевых компетенций школьников / А. Н. Сергеев // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 9. – С. 81–85.
18. Соловова, Е. Н. Социокультурная компетенция учителя иностранного языка и пути ее формирования и контроля / Е. Н. Соловова // ELT & Views. – 2002. – № 4. – С. 17–24.
19. Татур, Ю. Г. Компетентность в структуре модели качественной подготовки специалиста / Ю. Г. Татур // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 20–26.
20. Флорова, А. Т. Дополнительное профессиональное образование в МГЮА имени О. Е. Кутафина: место и роль в подготовке квалифицированных специалистов для бизнеса [Электронный ресурс] / А. Т. Флорова, И. В. Ершова // Предпринимательское право. – 2012. – № 3 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.

21. Хертель, А. Профессиональное разрешение конфликтов – медиативная компетенция в Вашей жизни / А. Хертель. – СПб. : Изд-во Вернера Регена, 2007. – 272 с.

22. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>. – Дата доступа: 06.12.2014.

23. Чеглова, И. А. Медиативная компетентность в арсенале современного менеджера / И. А. Чеглова, В. П. Чеглов // Поволжский торгово-экономический журн. – 2014. – № 4. – С. 22–32.

24. Шиханова, Ю. А. Медиатор на российском рынке услуг: профессиональная основа и компетенции / Ю. А. Шиханова // Конфликтология. – 2014. – Т. 3. – С. 28–38.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ

Букина Ольга Владимировна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) гражданско-правовой договор на поставку товаров (выполнение работ, оказание услуг) для государственных и муниципальных нужд, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а также бюджетным учреждением либо иным юридическим лицом в соответствии с Законом № 44-ФЗ, именуется контрактом.

Как следует из п. 3 ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2, п. 8 ст. 3 Закона № 44-ФЗ, государственный (муниципальный) контракт представляет собой договор, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения государственных или муниципальных нужд, к которому применяются нормы Гражданского кодекса РФ, в том числе общие положения гл. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о сделках.

Как следует из положений Гражданского кодекса РФ, договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Таким образом, заключение государственного или муниципального контракта по результатам закупки, а равно его изменение осуществляются посредством выражения согласованной воли двух сторон (двусторонняя сделка) либо трех или более сторон (многосторонняя сделка).

В соответствии с ч. 1 ст. 425 ГК РФ договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения. В соответствии с ч. 1 ст. 34 Закона № 44-ФЗ контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается контракт, за исключением случаев, в которых в соответствии с Законом № 44-ФЗ извещение об осуществлении закупки или приглашение принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документация о закупке, заявка, окончательное предложение не предусмотрены.

Одной из основных целей законодательства о государственных закупках является обеспечение конкуренции между поставщиками, которая позволит получить наиболее качественный товар, работу, услугу и эффективно потратить бюджетные средства. Кроме того, сфера государственных закупок является механизмом развития среднего и малого предпринимательства, которому уделяется особое внимание. В ч. 4 ст. 27 Закона № 44-ФЗ закреплено, что при осуществлении закупок предоставляются преимущества субъектам малого предпринимательства. На основании вышеизложенного видно, что ведение бизнеса может быть сопряжено с возникновением конфликтов.

В рамках исполнения государственного контракта могут возникать споры между государственными заказчиками и подрядчиками на предмет отказа от оплаты, отказа от контракта, отказа от приемки товара, срыва сроков контракта, качества товара (работ, услуг) и др.

Конституция РФ гарантирует каждому гражданину судебную защиту и предоставляет возможность самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законами (ч. 2 ст. 45, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

В настоящее время в России большинство коммерческих споров разрешается в судебном порядке в арбитраже. С 1 января 2011 г. с принятием 27 июля 2010 г. Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон № 193-ФЗ) альтернативой открытому судебному разбирательству стала медиация – процедура внесудебного урегулирования спорных вопросов. Целью данного Закона является создание в России правовых условий для применения медиации с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора, содействие развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений.

Для реализации положений Закона № 193-ФЗ были внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 194-ФЗ: в Гражданский кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, в Федеральные законы «О третейских судах в Российской Федерации», «О рекламе».

Так, п. 2 ч. 1 ст. 135 Арбитражного процессуального кодекса РФ установлено, что при подготовке дела к судебному разбирательству судья разъясняет сторонам их право обратиться на любой стадии арбитражного процес-

са в целях урегулирования спора за содействием к посреднику, в том числе к медиатору, в порядке, установленном федеральным законом, а также последствия совершения таких действий, принимает меры для заключения сторонами мирового соглашения, содействует примирению сторон.

В соответствии со ст. 2 Закона 193-ФЗ процедура медиации представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, при этом стороны спора заключают соглашение о применении процедуры медиации. Процедура медиации может применяться на любой стадии урегулирования возникшего конфликта.

В условиях непростой экономической ситуации и возрастающего количества споров с участием государственных органов именно государство должно расширять использование примирительных процедур для эффективно урегулирования споров со своим участием, в том числе в целях укрепления авторитета органов государственной власти, повышения доверия к ним.

М. В. Стаканов отмечает, что использование процедуры медиации в отношениях между налоговыми органами и налогоплательщиками довольно сложно из-за административного характера данных отношений [1, с. 50]. Такая позиция относится и к взаимоотношениям между государственным или муниципальным заказчиком и исполнителем. Однако в соответствии со ст. 309 ГК РФ любое обязательство должно исполняться надлежащим образом исходя из условий обязательства. Это в полной мере относится и к исполнению контрактов, заключенных согласно требованию Закона № 193-ФЗ, который в соответствии с ч. 1 ст. 2 этого закона основан на нормах, в том числе и ГК РФ.

Считаем, что возможные сферы применения медиации как способа достижения быстрого эффекта вместо затяжных судебных процессов при заключении и исполнении государственного или муниципального контракта – споры и разногласия от стадии заключения до исполнения по вопросам соотношения цены и качества продукции, условий и сроков ее поставки; оспаривания результатов торгов; установления минимальной цены торгов; по санкциям за неисполнение договора, таким как штраф, неустойка.

Преимущества медиации перед судебными разбирательствами состоят в том, что при применении процедуры медиации повышается скорость разрешения конфликтов, снижаются затраты на проведение процедуры, увеличивается процент реализации принятых решений в результате того, что стороны остаются удовлетворенными принятым решением.

В этой связи государству как заказчику выгодно привлекать медиативные службы для урегулирования споров, возникающих с исполнителем в рамках исполнения государственного контракта.

Список использованных источников

1. Стаканов, М. В. Взаимоотношения налоговых органов и налогоплательщиков: переход от административных методов к медиативным / М. В. Стаканов // *Международ. бухгалтерский учет.* – 2013. – № 35. – С. 50–58.

ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СПОРА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАЦИИ

Волошина Вера Петровна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

В литературе экологические споры традиционно отождествляются с экологическими правонарушениями, возникающими в области природопользования, причиняющими или несущими реальную угрозу причинения экологического вреда либо нарушающие права и законные интересы субъектов экологического права.

Такое представление об экологических спорах является узким и не учитывает особенностей экологических споров как объекта правового регулирования.

Экологическое право представляет собой совокупность правовых принципов и норм, регулирующих общественные отношения: по охране окружающей среды от вредных воздействий в процессе хозяйственной и иной деятельности; по рациональному использованию природных ресурсов; по охране экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц; по обеспечению экологической безопасности. При этом данные общественные отношения конфликтны в принципе, поскольку экологические интересы вступают в противоречие с экономическими, демографическими, социальными и культурными интересами.

Прежде чем перейти к рассмотрению специфики экологического спора, следует остановиться на понятии конфликта.

Понятие «конфликт» в широком смысле характеризуется столкновением двух или более сторон, осознающих несогласованность своих целей. При этом конфликт – это всегда противоборство сторон с противоречивыми интересами. Именно противоборство сторон, то есть совершение сторонами определенных действий, направленных друг против друга, следует понимать как конфликт [1, с. 8].

В узком смысле конфликт рассматривается как проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон [6, с. 5]. Однако данное противоборство не всегда проявляет себя: конфликт может носить латентный характер в действиях его сторон. При этом «тлеющий» конфликт в любое время может перейти в активную форму.

В социологической литературе конфликт (от лат. *conflictus* – «столкновение») определяется как предельный

случай обострения социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей – классов, наций, государств, социальных групп, социальных институтов и т. п., обусловленном противоположностью или существенным различием их интересов, целей, тенденций развития.

В конфликтологии конфликт рассматривается как столкновение противоположных интересов, взглядов, в основе которого лежит объективное расхождение целей и интересов (противоречие) [2, с. 282].

Конфликт в правовой сфере помимо общих признаков характеризуется наличием как минимум двух сторон, противоположностью интересов и целей сторон, причинением или возможностью причинения ущерба одной стороной другой стороне на пути к достижению своей цели, законностью интересов сторон [3, с. 10]. Эти признаки конфликта значительно уточняют суть конфликта в части конкретных юридических аспектов спора.

Приведенные мнения не противоречат друг другу, поскольку конфликт прежде всего является столкновением интересов противоборствующих сторон.

Любой спор в своей основе имеет конфликт, и экологический спор с этих позиций не является исключением. Следует согласиться с О. Л. Дубовик, что экологический конфликт как разновидность социального конфликта представляет собой в общем виде определившееся столкновение различных субъектов (социальное, социально-экологическое, эколого-правовое), требующее разрешения для поддержания сложившегося порядка, сохранения социального мира либо в интересах дальнейшего развития общества [4, с. 9].

Вопросы правового регулирования экологических конфликтов рассматриваются в работах ряда авторов: О. Л. Дубовик, Ю. А. Тихомирова, А. М. Волкова, Е. А. Лютягиной.

По мнению О. Л. Дубовик, необходимо выделение специального направления экологического права и эколого-правовой науки – экологическая конфликтология или правовое регулирование экологических конфликтов, рассматривающего экологические конфликты как «определенные виды противостояния между сторонами, направленными на получение права на объект (интересы, права, режим и пр.), судьба которого еще подлежит правовому определению или изменению» [5, с. 116].

Автор полностью поддерживает О. Л. Дубовик в этой идее, так как негативные последствия экологических конфликтов обладают высокой значимостью не только для нынешнего, но и будущих поколений и в этой связи требуют особого внимания и подхода к их разрешению.

Специфика экологического конфликта проявляется в его признаках. В литературе предлагается рассмотрение признаков экологического конфликта как состава деяния [5, с. 121].

На наш взгляд, целесообразнее рассмотреть признаки экологического конфликта через призму структуры конфликта. В этом случае первым признаком выступает предмет конфликта, который составляет реально существующая или предполагаемая проблема, связанная с воздействием на окружающую среду, несовместимым с экологическими ценностями.

Второй признак – объект конфликта. В качестве объекта экологического конфликта выступает пересечение частного и публичного интересов в экологическом правоотношении. При этом частный интерес – это интерес индивида, который в одних случаях состоит в извлечении прибыли без соблюдения экологических норм и правил, установленных государством, а в других – в защите своего права на благоприятную окружающую среду при преобладании экономических интересов общества и государства; публичный интерес – интерес государства, общества как целого в экологической безопасности.

Еще одним признаком экологического конфликта является то, что он развивается почти всегда в макросреде, почти сразу приобретает широкий общественный резонанс. Экологические конфликты затрагивают интересы больших социальных групп, самого государства или нескольких государств, человечества в целом.

Следующий признак экологического конфликта – мотивы сторон. Вопросы состояния окружающей среды приобретают огромное значение в политической жизни общества, в том числе и в возникновении социальных конфликтов. В связи с чем мотивом экологических конфликтов является обладание природными объектами и ресурсами, их использование чаще всего с позиции одностороннего выигрыша при возникновении ситуации выбора в сфере взаимодействия общества и окружающей среды.

Это предопределяет еще один признак экологического конфликта – конфликтное поведение сторон. Конфликтное поведение состоит в осуществлении действий, направленных на получение такого выигрыша, даже в рамках правомерного поведения участников конфликта.

Информационные модели экологического конфликта как его признак включают:

представления участников конфликта о своих потребностях и ценностях как о правомерных и необходимых для достижения экономически обоснованных общественных целей, включая обладание, использование объективно ограниченных, восстанавливаемых или не подлежащих восстановлению природных ресурсов;

представления участников конфликта о противоположной стороне, которые заключается в том, что выигрыш соперника является проигрышем для другого. Это касается как обладания и использования природных ресурсов, так и сохранения благоприятной окружающей среды;

представления участников относительно того, как его воспринимает оппонент. Так, каждый из участников полагает, что другая сторона мешает ему осуществить свой интерес и удовлетворить свои потребности (для одного, как правило, это сохранение приемлемого состояния окружающей среды и удовлетворение базовых потребностей, среди которых и потребность в безопасности, для другого, возможно, – это извлечение прибыли, удовлетворение потребности в признании и самоактуализации либо попытка решить актуальную экологическую проблему при причинении вреда окружающей среде);

представление конфликтующих сторон о среде и условиях, в которых протекает конфликт, состоит в учете

географических, климатических и экологических факторов; настроений, чувств и эмоций, проявляющихся на уровне больших социальных групп, а также в присутствии административного властного вмешательства компетентных государственных органов.

Следует отметить, что структура экологического конфликта не может быть статичной, она находится в постоянной динамике.

На наш взгляд, несмотря на сложность разрешения экологических конфликтов, наиболее эффективными способами их разрешения могут быть внесудебные способы и, в частности, применение медиативного подхода.

Публичный интерес в сохранении человечества на планете Земля является основным независимо от политических, национальных, частных и прочих интересов. Природные объекты и природные ресурсы – это основа жизни и деятельности каждого человека и человечества в целом.

Использование медиативного подхода в этом случае позволяет разрешить конфликт с учетом потребности каждого в безопасности, а также в безопасности всего человечества и сохранении благоприятной окружающей среды в условиях постоянно возрастающего антропогенного воздействия.

Список использованных источников

1. Волков, А. М. Правовые конфликты в недропользовании / А. М. Волков. – М. : Щит-М, 2009. – 72 с.
2. Дмитриев, А. В. Конфликтология : учеб. пособие / А. В. Дмитриев. – М. : Гардарики, 2000. – 320 с.
3. Долинская, В. В. Понятие корпоративных конфликтов / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 6. – С. 4–11.
4. Дубовик, О. Л. Экологические конфликты / О. Л. Дубовик // Экологическое право. – 2005. – № 2. – С. 3–14.
5. Дубовик, О. Л. Экологическое право и экологические конфликты / О. Л. Дубовик // Право и политика. – 2006. – № 5. – С. 116–136.
6. Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 316 с.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Жишко Лев Сергеевич, студент магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Процедура медиации уже зарекомендовала себя как альтернатива судебному разбирательству, особенно в зарубежных странах. В России бурно обсуждаются возможности использования процедуры медиации для урегулирования споров из частных и публичных правоотношений. В связи с этим поднимается вопрос о месте процедуры медиации в системе российского права. На наш взгляд, не может быть сомнений в том, что медиация охватывается категорией «защита субъективных прав». Спорящие стороны обращаются к медиатору с той же целью, что и к юрисдикционным органам, – защитить свои права или законные интересы, уже нарушенные или при возникновении угрозы их нарушения. Разница лишь в том, что стороны в сотрудничестве друг с другом при поддержке медиатора, по сути, самостоятельно решают возникшую проблему как хозяева спора, а не перекладывают ответственность за произошедшее и решение на сотрудников органов власти.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» процедура медиации – это *способ урегулирования споров* при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

В международной доктрине медиация также занимает место альтернативного способа разрешения споров. Под альтернативными способами в самом общем смысле понимают все способы разрешения конфликтов в обход установленных государством официальных процедур, то есть судебного или административного разрешения спора. Это связано с тем, что медиация позволяет сторонам в короткие сроки в атмосфере конфиденциальности прийти к взаимовыгодному соглашению, которое позволит сохранить партнерские отношения сторонам.

По нашему мнению, термин «способ урегулирования спора» не является с точки зрения теории правовым и поэтому не отражает правовой природы медиации. Право применительно к защите субъективных прав оперирует терминами «формы защиты», «порядок защиты» и «способы защиты». Рассмотрим процедуру медиации через призму указанных категорий.

Традиционно под формой защиты права понимается комплекс внутренних согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов [2, с. 338; 3, с. 6; 5, с. 68; 6, с. 110]. Выделяются две основные формы защиты – юрисдикционная и неюрисдикционная. Юрисдикционная форма защиты предполагает обращение лица, чьи права и законные интересы были нарушены неправомерными действиями, в государственные или другие компетентные органы. В дальнейшем уполномоченные органы действуют в защиту его прав и законных интересов, а обратившийся занимает пассивную позицию. В рамках юрисдикционной формы защиты, в свою очередь, выделяются общий и специальный порядок защиты нарушенных прав.

В общем порядке защиты нарушенных прав охрана законных интересов осуществляется при помощи судебного разбирательства. Средством защиты нарушенных прав здесь является иск.

Специальный порядок защиты нарушенных прав, который также называют административным порядком, применяется в исключительных случаях, когда это указано в законе. Средством защиты в этом порядке является жалоба или ей подобное обращение, которая подается в орган власти, осуществляющий контроль в соответствующей сфере общественных отношений.

Неюрисдикционная форма защиты – это своего рода самозащита гражданских прав, рассматривается она одновременно как один из способов защиты, в частности, гражданских прав. Подразумевается, что защита прав допустима через самозащиту при условии, если потерпевший располагает возможностями правомерного воздействия на нарушителя. Потерпевший в рамках самозащиты может использовать различные способы, которые не должны выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения [4, с. 339; 7, с. 339].

В целом защита прав и охраняемых законом интересов обеспечивается с помощью конкретного способа защиты прав.

Способы защиты субъективных гражданских прав – это закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится признание нарушенных прав и воздействие на правонарушителя. Способы защиты определяются отраслевым законодательством, к примеру, ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 11 Жилищного кодекса Российской Федерации, ст. 76 Семейного кодекса Российской Федерации и др.

На сегодняшний день в юридической научной литературе вопросу о месте медиации в системе российского права не уделено должного внимания. Лишь юристы, прошедшие обучение медиации, интересуются проблематикой ее интеграции в юриспруденцию. Так, по мнению А. С. Архипкиной, процедура медиации является одним из способов самозащиты прав человека и гражданина, поскольку осуществляется самостоятельно, не прибегая к помощи государственных органов [1, с. 288].

Действительно, медиация далека от юрисдикционных вариантов защиты и близка к самозащите, и вместе с тем нам сложно безоговорочно признать медиацию самозащитой. Самозащита подразумевает действия одного лица в отношении другого или группы лиц, зачастую не конкретизированных. Также при самозащите санкционированные меры могут быть принудительного характера, то есть факт совместного решения проблемы сторонами, характерный для медиации, априори отсутствует. Исходя из вышеизложенного, нам медиация представляется самостоятельной формой защиты, которую можно назвать сотрудничеством.

Список использованных источников

1. Архипкина, А. С. Медиация как способ защиты прав и свобод человека и гражданина / А. С. Архипкина // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 285–288.
2. Бутнев, В. В. К понятию механизма защиты субъективных прав / В. В. Бутнев // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. – Владивосток, 1989. – С. 9–11.
3. Вавилин, Е. В. Самозащита гражданских прав / Е. В. Вавилин // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 5–7.
4. Гражданское право : учебник : в 3 т. / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2005. – Т. 1. – 776 с.
5. Казакова, Е. Б. Актуальные вопросы самозащиты в различных отраслях российского права в современных условиях / Е. Б. Казакова // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 67–69.
6. Репринцев, Д. Д. Самозащита работниками трудовых прав / Д. Д. Репринцев // Трудовое право. – 2009. – № 3. – С. 109–110.
7. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., стер. – М. : Статут, 2011. – Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 958 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ОКАЗЫВАЮЩЕЙ МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ

Игумнова Вера Евгеньевна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Общественные отношения, связанные с оказанием медицинских услуг, представляют собой взаимодействие сторон, направленное на реализацию потребностей и удовлетворение интересов каждой из них, выраженное в едином предмете – медицинской услуге и объекте – физическом и душевном здоровье пациента (являющегося одной из сторон общественного отношения) [3, с. 31]. Данные отношения являются наиболее сложными комплексными общественными отношениями и характеризуются высокой социальной значимостью и многогранностью, поскольку они включают в себя очень широкий сектор коммуникативных связей пациента с медицинским персоналом, администрацией учреждения, оказывающего медицинскую услугу, и т. д.

Отношения, связанные с оказанием медицинских услуг, включают в себя три элемента: социальный, экономический и правовой. Каждый из этих элементов может выступать источником конфликтной ситуации.

Социальная составляющая конфликта заключается в том, что субъекты, взаимодействуя между собой, преследуют свои собственные цели, которые на определенном этапе могут входить в противоречие или исключать друг друга.

Правовая составляющая конфликта связана с тем, что общественные отношения, связанные с оказанием медицинской услуги, регулируются нормами публичного и частного права и сам факт оказания той или иной медицинской услуги может привести к последствиям, имеющим юридическое значение.

Высокий конфликтный потенциал данных отношений обусловлен тем, что объектом конфликта в сфере оказания медицинских услуг становится здоровье пациента как высшая материальная и духовная ценность. Конфликтное поведение стороны, считающей себя пострадавшей, обусловлено стремлением найти виновных и желанием наказать за причиненную боль, а порой – горечь утраты.

Персонал организации, оказывающей медицинские услуги, находится в постоянном состоянии риска возник-

новения конфликтов, связанных в том числе с ошибками в общении с пациентами. Например, неинформированием или неправильным информированием пациента о медицинских исследованиях, стоимости, сроках исполнения, некорректной регистрацией пациента, неправильно поставленным диагнозом и, соответственно, неверно назначенным лечением.

По степени остроты противоречий, которые возникают, динамика конфликта может быть прослежена следующим образом: недовольство – разногласие – противодействие – противоборство.

Недовольство (ощущение неудовлетворенности) – первый признак назревающей конфликтной ситуации. Оно проявляется в мимике, жестах, интонации, иногда в высказываниях. Недовольство свидетельствует, что между субъектами появилось противоречие. Скрытое и, следовательно, неразрешаемое противоречие, накапливаясь, обретает более четкие очертания и превращается в разногласия. Разногласие – несходство во мнениях и взглядах, имеющих для субъектов личностный смысл. Разногласия осознаются и озвучиваются всеми или хотя бы одним субъектом конфликтной ситуации. Предмет разногласий уже понятен, а эмоционального, личностного включения еще не произошло. Разрешение конфликтной ситуации на этом этапе бывает очень продуктивным.

Юридические, психологические и коммуникативные ошибки во взаимодействии персонала организации, оказывающей медицинские услуги, с пациентом могут привести к серьезным для медицинского учреждения последствиям, связанным в том числе с репутационными и экономическими потерями. В связи с этим создание системы «раннего реагирования» на возникновение конфликтных ситуаций в медицинской организации – необходимая реальность в условиях высокой конкуренции на рынке медицинских услуг сегодня. Такой способ управления конфликтами требует нового подхода и предполагает наличие у администрации и персонала медицинского учреждения медиативных компетенций, таких как эмоциональный интеллект, эмпатия, позиционное мышление, эскалация конфликта, умение задавать правильные вопросы с целью выяснения потребностей и интересов пациента.

Разделяя позицию медиатора С. Л. Багрий, хотелось бы отметить, что понимание сущности медиации и ее элементов важно для любого человека как в профессиональной сфере, так и в повседневной жизни. Это новое мировоззрение, новое отношение к себе и окружающему миру [1]. Однако степень информированности граждан и популяризации медиации в настоящее время можно оценить как недостаточную и требующую развития. В этой связи можно утверждать, что обучение медиативным технологиям персонала организаций, оказывающих медицинские услуги, потенциально может не только стабилизировать данные общественные отношения, но и вывести их на новый уровень, где превалирует бесконфликтный диалог сторон.

В глобальном правовом смысле обучение граждан медиативным технологиям наряду с популяризацией процедуры медиации будет способствовать гармонизации общественных отношений и в итоге развитию в нашей стране гражданского общества, члены которого будут не только обладать высоким уровнем ответственности за свои действия, но и научатся самостоятельно регулировать возникающие между ними разногласия, прибегая к помощи государственных институтов, обладающих властными полномочиями, только в крайних случаях [2, с. 63].

Наличие федерального закона, регулирующего процедуру медиации и деятельность медиатора (посредника), делает совершенно очевидным обучение руководителей всех уровней и персонала организаций, оказывающих услуги населению, в том числе медицинские услуги, медиативным технологиям как основам медиации, поскольку это может дать значительный эффект при формировании имиджа организации и снижении уровня конфликтности.

Список использованных источников

1. Багрий, С. Л. Законодательные и организационные проблемы создания сообщества медиаторов в субъектах РФ [Электронный ресурс] / С. Л. Багрий // Гос. автоматиз. система Рос. Федерации «Правосудие». – Режим доступа: http://kameshkovsky.wld.sudrf.ru/modules.php?id=28&name=norm_akt. – Дата доступа: 23.11.2014.
2. Минкина, Н. И. Медиация в России: правовые основы становления и развития / Н. И. Минкина // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения : материалы IV междунар. науч.-практ. конф., г. Уфа, 8 фев. 2014 г. – Уфа, 2014. – С. 62–64.
3. Михайлова, Х. Л. Основные черты конфликта, возникающего при оказании медицинских услуг / Х. Л. Михайлова // Медицинское право. – 2008. – № 3. – С. 31–35.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОПЕРАТОРА МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ

Ипатов Александр Александрович, аспирант Ульяновского государственного университета

На данный момент в России правовое положение оператора мультимодальной перевозки грузов не определено вовсе, не говоря уже об его ответственности. Отсутствие в законодательстве России закрепленного правового положения оператора мультимодальной перевозки грузов, по мнению специалистов, является серьезным упущением, так как введение данного субъекта значительно оптимизирует процесс осуществления перевозки с привлечением нескольких видов транспорта, а также упростит задачу грузоотправителю, перелагающему ответственность за организацию перевозки груза на оператора мультимодальной перевозки, что существенно может поднять приоритет мультимодальных перевозок в России.

Основным международным нормативным правовым актом, регулирующим правовое положение оператора мультимодальной перевозки грузов, является Конвенция Организации Объединенных Наций о международных смешанных перевозках грузов (далее – Женевская конвенция), в п. 2 ст. 2 которой определено понятие оператора

смешанной перевозки, которое означает любое лицо, которое от собственного имени или через другое действующее от его имени лицо заключает договор смешанной перевозки и выступает как сторона договора, а не как агент, или от имени грузоотправителя или перевозчиков, участвующих в операциях смешанной перевозки, и принимает на себя ответственность за исполнение договора [1, с. 370–387]. Женевская конвенция, переведенная на русский язык, оперирует понятиями «смешанная перевозка» и «оператор смешанной перевозки», что представляется не совсем правильным, ведь смешанная перевозка в России представлена как последовательный системный договор, скрепленный узловыми соглашениями, в котором один перевозчик осуществляют обязанность по перевозке лишь на определенном отрезке пути, передавая затем груз следующему перевозчику без участия оператора, тогда как в международной практике участие оператора мультимодальной перевозки грузов как организатора перевозок и своего рода единого перевозчика было распространено довольно давно. Исходя из вышеизложенного, представляется, что понятия «мультимодальная перевозка» и «оператор мультимодальной перевозки» для данного рода общественных отношений являются более предпочтительными [2, с. 2].

Женевская конвенция не ратифицирована Россией, однако это не исключает анализа и использования ее норм для развития и совершенствования национального законодательства России, которое, к сожалению, отстает в правовом регулировании мультимодальных перевозок [3, с. 1].

Итак, рассмотрим проблему определения ответственности оператора мультимодальной перевозки грузов на примере Женевской конвенции. Существует два вида ответственности. Таким образом, в случае, когда возможно точно установить, когда, в каком месте и на каком виде транспорта произошло повреждение, утрата или задержка в доставке груза, применяется так называемая *сетевая норма ответственности*, то есть ответственность оператора определяется так, как если бы он заключил отдельный договор на соответствующий этап перевозки на определенном виде транспорта. Оператор также будет иметь право регресса к непосредственному причинителю вреда – фактическому перевозчику. Однако если не удастся установить точное время и место причинения вреда, то ответственность оператора будет определяться в целом по договору, согласно которому оператор принимает на себя ответственность за осуществление мультимодальной перевозки груза, а также несет ответственность за утрату или повреждение груза и за просрочку в его доставке на протяжении всей мультимодальной перевозки. Данная ответственность оператора называется *единой системой ответственности* [4, с. 3].

Согласно ст. 19 Женевской конвенции предел ответственности оператора определяется в соответствии с положениями международной конвенции или императивной нормы национального законодательства применительно к отдельным видам транспорта [1, с. 370–387]. Таким образом, Женевская конвенция устанавливает единую систему ответственности, хотя и сохраняет сетевую ответственность оператора, если она выше.

Высказывается мнение, что отступление от сетевой системы, которая сопровождается повышением предела ответственности оператора, направлено на предоставление чрезмерной защиты интересов грузовладельца, с чем соглашаются Н. А. Бутакова [1, с. 370–387] и А. С. Касаткина [5, с. 4]. Противники сетевой ответственности обращают внимание на то, что при сетевой системе возникает больше проблем, чем решается, и мультимодальная перевозка приобретает сегментированный характер. Сохранение сетевой ответственности позволяет оператору воспользоваться императивными нормами об ограничении ответственности, которые предусматривают пределы ответственности, существенно более низкие, чем предел ответственности оператора, предусмотренный упомянутой Конвенцией [6].

Представляется, что можно согласиться с мнением В. П. Лебедева на том основании, что если для оператора мультимодальной перевозки грузов будет наступать режим ограниченной сетевой ответственности, то по правовому положению это будет уже не оператор, а экспедитор, что идет в разрез с общими положениями о мультимодальной перевозке грузов.

Другой международный договор, регулирующий международные мультимодальные перевозки – это Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов («Роттердамские правила») [7], но они тоже не решили главной проблемы, связанной с идентификацией ответственности перевозчика. По мнению Уильяма Тетлея, Роттердамские правила следует доработать с точки зрения адаптации к положениям Конвенции ООН «О международных смешанных перевозках грузов» 1980 г. [1]

Таким образом, на пути формирования института мультимодальной перевозки лежит множество противоречий, одним из которых является ответственность. С одной стороны, грузоотправители, которые хотят, чтобы оператор нес полную ответственность за перевозку и доставку груза грузополучателю, как говорится, «от двери до двери», а с другой – перевозчики, фрахтовщики и экспедиторы, которые не желают брать на себя ответственность большую, чем она есть. Именно поэтому определенные государства не принимают Женевскую конвенцию, считая слишком выгодным положение грузоотправителя с единой системой ответственности оператора мультимодальной перевозки и больше склоняются к устоявшейся сетевой норме ответственности, что, на наш взгляд, отрицательно сказывается на развитии мультимодальных перевозок в целом.

Список использованных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных смешанных перевозках грузов (вместе с «Положениями по таможенным вопросам, относящимся к международным смешанным перевозкам грузов») : заключена в г. Женеве 24.05.1980 (Россия не участвует) // Международное частное право : сб. документов. – М. : БЕК, 1997. – С. 370–387.
2. Касаткина, А. С. Особенности правового регулирования международных мультимодальных перевозок / А. С. Касаткина // Законодательство и экономика. – 2014. – № 2. – С. 2.
3. Демченко, М. В. К вопросу о гармонизации норм о гражданско-правовой ответственности оператора перевозки в прямом смешанном сообщении / А. С. Касаткина // Современный юрист. – 2014. – № 1. – С. 1.

4. Бутакова, Н. А. Особенности правового регулирования мультимодальных перевозок / Н. А. Бутакова // Юрист. – 2013. – № 17. – С. 3.
5. Касаткина, А. С. Особенности правового регулирования международных мультимодальных перевозок / А. С. Касаткина // Законодательство и экономика. – 2014. – № 2. – С. 4.
6. Лебедев, В. П. Смешанные перевозки как разновидность международных перевозок грузов и международное право / В. П. Лебедев, А. Ю. Ремесло // *ZakonRus.ru*. – Режим доступа: http://zakonrus.ru/vlad_st/bill_ct.htm. – Дата доступа: 12.12.2014 г.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов («Роттердамские правила»): заключена в г. Нью-Йорке 11.12.2008 г. (Россия не участвует) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014 (не публиковалось).
8. Tetley, W. Some General Criticisms of the Rotterdam Rules. 20 December 2008 / W. Tetley // McGill University. – Режим доступа: http://www.mcgill.ca/maritimelaw/sites/mcgill.ca.maritimelaw/files/Summary_of_Criticism_of_UNCITRAL_No_1.pdf. – Дата доступа: 14.12.2014 г.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кацкель Евгений Владимирович, студент магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Проблема межнациональных отношений в России была всегда актуальна. Связано это как с исторически сложившимся соседством различных этносов, так и с глобализацией, происходящей в мире. В своей статье С. Е. Пролетникова говорит о влиянии процессов глобализации в экономической, политической, культурной сферах. Происходит втягивание населения многих стран в миграционные потоки разного характера и уровня, что приводит к усложнению структурных связей конкретных наций и всего сообщества в целом. Одним из негативных последствий, так или иначе провоцируемых, является нагнетание напряженности в межнациональных отношениях, которое сопровождается межэтническими конфликтами, в процессе чего начинают появляться различные оппозиционные группы, добивающиеся желаемого результата через экстремизм и терроризм. Растет агрессия со стороны обособленных религиозных организаций и групп, пропагандирующих крайние религиозные взгляды или использующих экстремистски интерпретированные религиозные постулаты для достижения собственных социальных, политических, экономических либо иных целей [3, с. 31].

Стремление народов к сохранению своей самобытности, национальных способностей показывает, что развитие многонационального государства возможно при создании устойчивых межнациональных отношений. Для достижения данной цели принята программа реализации национальной политики Российской Федерации, которая направлена как на развитие стабильных и гармоничных отношений между жителями нашей страны разных национальностей и культур, так и на возможность интеграции и адаптации.

Трудно спорить с Т. В. Заметиной в том, что политика – сложный предмет для правового сопровождения, но при формировании государственной национальной политики Российской Федерации интересы всех ее граждан не должны подменяться суммой интересов отдельных представителей этносов, подчас очень конфликтных из-за многочисленных и противоречивых притязаний. В этих условиях особую актуальность приобретают идеи межэтнической интеграции. Под межэтнической интеграцией понимается приоритет общечеловеческих, универсальных ценностей над частногрупповыми, узкоэтническими интересами и конституционное закрепление права каждого человека сохранять национальные традиции, обычаи, пользоваться родным языком и культурой. Обеспечение реального равноправия всех граждан Российской Федерации без каких-либо разделений, независимо от национальности и территории проживания, взвешенная государственная политика поддержки социально-экономического и культурного развития этнических общностей, формирование и воспитание культуры межнационального общения способны укрепить наше многонациональное государство и цивилизованно разрешать или вовсе избегать конфликтных ситуаций [1].

Министерством регионального развития Российской Федерации 14 октября 2013 г. утверждены Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений, их предупреждения и действиях, направленных на ликвидацию их последствий [2], в которых определен порядок действия должностных лиц в конфликтных ситуациях. Однако предложенный порядок вряд ли будет способствовать повышению эффективности работы в сфере межнациональных отношений. В случае обострения обстановки органы государственной власти являются тоже заинтересованной стороной, могут принимать только волевые и во многом формальные решения, которые приводят, скорее, к эскалации конфликта, чем к его урегулированию. Даже если конфликт был погашен, не всегда он оказывается окончательно разрешенным.

При урегулировании конфликтных ситуаций органами власти стороны воспринимают их как виновников сложившейся ситуации. Эмоциональность межнациональных конфликтов очень велика, эмоции преобладают над разумом. При решении данного рода конфликтов важны такие качественные проявления, как беспристрастность и безоценочность, в связи с чем для стабилизации обстановки возможно прибегнуть к услугам посредников (медиаторов). Исторический опыт показывает, что помощь нейтральной стороны помогает найти мирные пути решения конфликтных ситуаций гораздо эффективнее.

Первоначальной задачей медиатора является снятие напряженности. Как нейтральная сторона он имеет возможность определить интересы и потребности сторон, поможет сторонам отделить эмоции от фактов, даст возможность высказать свои позиции и быть услышанным, выяснит центральную проблему, будет способствовать выработке договоренностей, которые позволят решить спорную ситуацию с учетом интересов сторон. Решения

вырабатываются сторонами по формуле «выигрыш – выигрыш», когда исключаются компромиссные варианты. Ведь компромисс – это всегда уступка, которая может вскоре привести к новому недовольству и конфликтной ситуации.

Еще одна задача медиатора – создать условия, при которых стороны могут услышать друг друга. При помощи медиативных инструментов он может влиять на образ конфликта, который формируется из сложившейся картины мира, преобладающей в конкретной этнической общности, и влияет на представление о причинах конфликта. Видение причин конфликта и его протекание в большинстве случаев не имеют ничего общего с действительностью. Для противостоящих сторон оппонент становится проблемой, что связано с неприязнью и предрассудками, корни которых уходят в далекое и не очень далекое прошлое. Отделив проблему от людей, медиатор дает возможность решать возникшие задачи без эмоций, руководствуясь здравым смыслом.

Привлечение медиаторов для проведения медиаций представителями органов государственной власти либо применение ими медиативных технологий может способствовать как решению конфликтных ситуаций на начальных этапах, то есть сдерживанию эскалации конфликта, так и предотвращению появления самих причин подобных ситуаций.

Список использованных источников

1. Заметина, Т. В. Этнические факторы российского федерализма [Электронный ресурс] / Т. В. Заметина / Конституционное право и политика : сб. материалов Междунар. науч. конф., юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 г. ; отв. ред. С. А. Авакьян // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Иркутск, 2014.
2. Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений, их предупреждения и действиях, направленных на ликвидацию их последствий [Электронный ресурс] : приказ Минрегиона России, 14 окт. 2013 г., № 444 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Иркутск, 2014.
3. Пролетникова, С. Е. Административно-правовые аспекты понимания сущности религиозного экстремизма / С. Е. Пролетникова // Административное право и процесс. – 2012. – № 12. – С. 31–32.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ В ПРИЕМНЫХ СЕМЬЯХ

Корниенко Елена Николаевна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Для того чтобы рассмотреть возможность применения медиативных технологий в разрешении конфликтов в приемных семьях, необходимо раскрыть понятие приемной семьи, ее статус, дать определение понятию «конфликт», рассмотреть причины конфликтов в приемных семьях.

В литературе можно встретить различные подходы к пониманию статуса приемных родителей и, как следствие, понятия «приемная семья». Например, З. Н. Гаджиева считает, что приемные родители обладают теми же правами и обязанностями, что и опекуны (попечители) [2, с. 29].

В действующем законодательстве приемная семья рассматривается как вид возмездной опеки (попечительства) над ребенком, который осуществляется по договору о приемной семье, заключенному между органами опеки и приемными родителями в соответствии с законами субъекта Российской Федерации.

Согласно п. 2 ст. 153 Семейного Кодекса Российской Федерации приемные родители по отношению к принятому на воспитание ребенку осуществляют права и используют обязанности опекуна и попечителя.

На приемных родителей распространяются нормы гл. 20 СК РФ, гл. 3 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ, согласно которым опекуны (попечители) являются законными представителями своих подопечных и вправе выступать в защиту прав и законных интересов своих подопечных в любых отношениях без специального полномочия.

К основным правам и обязанностям опекунов (попечителей) относятся: обязанность совместно проживать с подопечными; обязанность заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и интересы; обязанность заботиться об их обучении и воспитании и т. д.

Учитывая то, что одной из основных обязанностей является совместное проживание приемных родителей и подопечных детей, необходимо отметить, что приемная семья наравне с биологической семьей обладает теми же признаками, взаимосвязями и взаимоотношениями.

Нередко во взаимоотношениях между членами семьи возникают конфликтные ситуации. Одним из самых распространенных является конфликт между родителями и детьми, в нашем случае между приемными родителями и подопечными как сторонами конфликта.

Сам конфликт – это столкновение противоположно направленных несовместимых интересов, целей, взглядов, возникающее в процессе социального взаимодействия, связанное с острыми негативными эмоциями, где каждая из сторон стремится занять позицию, несовместимую и противоположную по отношению к интересам другой стороны [3, с. 41].

Проанализировав различные источники, можно прийти к выводу, что на причины конфликтного взаимодействия между приемными родителями и опекаемыми влияют следующие факторы: использование родителями деструктивных стилей воспитания, таких как авторитарный (или авторитарический) и либеральный (или попуститель-

ский); возрастные кризисы детей; личные особенности родителей и детей; мотивы приема ребенка в семью (конструктивные и деструктивные) и др.

Неразрешенные и скрытые конфликты приводят к кризису в отношениях между приемными родителями и детьми и в некоторых случаях к отказу от приемного ребенка, так называемому вторичному сиротству.

Попытки привлечь к разрешению конфликта третье лицо, чтобы достичь приемлемого результата, в практике встречаются достаточно часто. В нашем случае это могут быть педагоги, психологи, специалисты органов опеки, члены семьи и другие лица. Однако, как правило, выбирается следующая модель поведения: третье незадействованное в конфликте лицо выступает в роли «судьи» – выслушав стороны, признает правоту одной из сторон либо принимает третье решение.

Подобная стратегия редко приводит к успешному разрешению конфликтной ситуации по нескольким причинам: во-первых, чем больше она затрагивает личные взаимоотношения сторон, тем труднее установить истинную причину конфликта, тем сомнительнее возможность решения в пользу одной из сторон; во-вторых, поскольку каждый из участников конфликта убежден в своей правоте, такое решение не может быть принято без ущерба для отношений самого посредника с одной, неудовлетворенной стороной; в-третьих, «судья» закрепляет негативный опыт взаимодействия между участниками конфликта, так как они не смогли самостоятельно решить конфликт.

Справиться с указанными недостатками может помочь применение медиативных технологий в разрешении конфликтных ситуаций в приемных семьях. Медиатор поможет сторонам найти решение, которое устроит всех участников конфликта, при этом ответственность за выработку и содержание решения полностью лежит на сторонах.

Вместе с тем не всегда конфликтующие стороны, а в нашем случае – члены приемных семей, могут прибегнуть к помощи профессионального медиатора как посредника в решении конфликта в силу социального статуса, правовой безграмотности и ряда других причин.

Итак, медиативные технологии – это добровольные, конструктивно выработанные с помощью третьей беспристрастной стороны методы для достижения взаимоприемлемых целей. Правильное следование данным технологиям позволит разрешить практически любую конфликтную ситуацию, в чем и заключается их уникальность.

Основные требования к медиатору, или к лицу, применяющему медиативные технологии, – сохранение нейтралитета и беспристрастности относительно сторон и самого конфликта [1, с. 14].

Кроме этого, медиатор должен выполнять следующие функции: взаимодействовать со сторонами конфликта; вести саму процедуру; работать с содержанием разрешаемого конфликта.

Для эффективного разрешения конфликта на любом этапе его урегулирования рекомендуется активно использовать технику перефразирования (парафраз, или эхо-техника), которая позволяет сторонам услышать друг друга. Аналогичная техника – языковая репрезентация – отличается тем, что пересказанная информация опирается на ключевые слова, сказанные сторонами.

Активно используются такие медиативные инструменты, как открытые вопросы (подсказки и отмычки), так и закрытые вопросы.

Наполнение терминов – один из необходимых инструментов медиатора, при использовании его ключевым вопросом будет: «Как вы понимаете это слово?» или «Что вы вкладываете в понятие данного слова?».

На заключительном этапе переговоров необходимо тестирование на реалистичность. Данный метод помогает увидеть выполнимость достигнутых договоренностей.

Рассмотренные медиативные технологии способствуют не только конструктивному разрешению конфликтов, но и обучают стороны самостоятельно найти выход из сложившихся ситуаций. Это может привести к тому, что у сторон выработаются навыки самостоятельного решения конфликтных задач и в дальнейшем возможно недопущение их вове.

Список использованных источников

1. Бесемер, Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Х. Бесемер ; пер. с нем. Н. В. Масловой. – Калуга : Духовное познание, 2005. – 176 с.
2. Гаджиева, З. Н. Дефиниция «приемная семья» и ее признаки в действующем законодательстве России / З. Н. Гаджиева // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 2. – С. 28–30.
3. Ратникова, В. П. Конфликтология / В. П. Ратникова. – М. : Юнити Дана, 2012. – 543 с.

СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ: КРИТИКА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПОСРЕДНИКА (ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ)»

Лобанова Мария Сергеевна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Согласно ст. 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Защите прав уделяется достаточно много внимания в научной литературе. В законодательстве Российской Федерации предусмотрены разные способы защиты прав. Например, в гражданском праве защита прав осуществляется согласно ст. 12 Гражданского кодекса РФ путем признания права, самозащиты права, взыскания неустойки или возмещения убытков и др. В трудовом праве согласно ст. 352 Трудового

кодекса РФ основными способами защиты трудовых прав и свобод являются самозащита работниками трудовых прав, защита прав профессиональными союзами, государственный контроль (надзор), судебная защита и т. д. Между людьми, коллективами и организациями часто возникают конфликты, и противоречия и вариантов выбора способов защиты предостаточно.

При этом на сегодняшний день законодательство позволяет избрать и наиболее приемлемый способ урегулирования конфликта. Помимо судебного разбирательства стороны могут прибегнуть к альтернативным способам урегулирования споров: претензионное производство, мировое соглашение, третейский суд, медиация, урегулирование споров путем переговоров с участием посредников и многое другое.

Наиболее интересным способом защиты прав является процедура медиации, которая введена Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Как отмечает в своей статье А. М. Понасюк, разрешение споров с помощью правосудия, будучи направленным на обеспечение справедливости и верховенства закона, тем не менее нередко приводит к обострению отношений сторон, их неудовлетворенности результатом и оказывается связанным со значительными потерями сил, времени и средств [4, с. 8]. Также автором отмечается, что в России принятие ФЗ «О медиации» открывает новое направление оказания помощи в урегулировании гражданско-правовых (в том числе коммерческих), трудовых, семейных и иных видов юридических споров. Медиация существенно отличается от традиционных гражданско-процессуальных, арбитражно-процессуальных процедур. Поэтому за переговорными процедурами будущее. Кроме того, развитие примирительных процедур является одним из приоритетных направлений совершенствования существующих в РФ механизмов урегулирования споров и защиты нарушенных прав граждан.

Остановимся на предмете регулирования и сфере действия ФЗ «О медиации».

Пунктом 1 ст. 1 ФЗ «О медиации» предусмотрены четыре цели медиации, в частности создание правовых условий для применения ФЗ «О медиации», содействие развитию партнерских деловых отношений, формирование этики делового оборота и гармонизации социальных отношений. Ранее принималась федеральная программа «Развитие судебной системы России», в которой указывалось о необходимости внедрения примирительных процедур, внесудебных и досудебных способов урегулирования споров. По сути, ФЗ «О медиации» и стал первым шагом реализации мероприятий по внедрению примирительных процедур и заложил правовое основание для становления и развития медиации в РФ.

В нормативных правовых актах РФ встречаются положения, касающиеся медиации, в частности в ст. 30.1 ФЗ «О рекламе» предусмотрена реклама деятельности медиаторов по обеспечению проведения процедуры медиации; в ст. 6.1 ФЗ «О третейских судах в РФ» применение процедуры медиации к спору, который находится на разрешении в третейском суде; в ст. 202 ГК РФ устанавливается порядок приостановления течения срока исковой давности, если стороны прибегли к предусмотренной законом процедуре разрешения спора во внесудебном порядке (процедуре медиации и т. д.); в ч. 3 ст. 69 Гражданского процессуального кодекса РФ предусмотрено недопущение проведения допроса в качестве свидетелей, в частности, медиаторов об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя, защитника или медиатора. В ст. 13.1 ГК РФ предусмотрена возможность разрешения споров в процедуре медиации: споры, связанные с защитой нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав, рассматриваются и разрешаются по соглашению сторон спора, в том числе в медиации.

Таким образом, создание правовых условий для применения ФЗ «О медиации» реализуется в разных нормативных актах. Однако такие вопросы, как содействие развитию партнерских и деловых отношений, понятие партнерских и деловых отношений, формирование этики делового оборота, гармонизация социальных отношений, содержание социальных отношений, не затронуты законодательством, а также крайне редко можно встретить в нормативных правовых актах указание на возможность применения при разрешении споров медиации.

Пунктом 2 ст. 1 ФЗ «О медиации» предусмотрен перечень споров, к которым применяется процедура медиации. Законодателем предусмотрены только споры, возникающие из гражданских (в том числе связанные с осуществлением предпринимательской деятельности и иной экономической деятельности), трудовых и семейных правоотношений. ФЗ «О медиации» исключает из области применения те категории общественных отношений, где реально применение медиации сейчас.

Например, процедура медиации неприменима в тех случаях, когда юридические лица спорят с государственными органами (налоговой, антимонопольной службой); в отношениях, если могут быть затронуты интересы третьих лиц, например при банкротстве, при защите прав несовершеннолетних граждан.

Однако п. 3 ст. 1 ФЗ «О медиации» предусмотрена возможность применения процедуры медиации к иным спорам, если это прямо указано в специальном законе. Как видно из анализа законодательства, пока таких правовых актов нет, возможно, они появятся в ближайшем будущем.

В литературе активно обсуждается вопрос о сфере применения медиации, например, в трудовом праве [3; 4, с. 1167], в сфере финансовых услуг [5], в сфере экономического правосудия [1, с. 93], взаимоотношений налоговых органов и налогоплательщиков [7, с. 50; 8], в административном праве и нотариальной деятельности [2, с. 26], также встречается экологическая медиация [6].

В законодательстве предусмотрена возможность для примирения сторон. Например, в ст. 138 АПК РФ арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора. Одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству в ГПК РФ согласно ст. 148 является примирение сторон, однако более детального описания процесса примирения не существует. Интересными являются положения ст. 25, 76 Уголовного кодекса РФ, предусматривающие возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением

сторон. Под примирением понимается процессуальная деятельность обвиняемого и потерпевшего, направленная на преодоление последствий преступления.

Подводя итог, можно отметить следующее. Закрепления возможности примирения сторон в правовых актах для популяризации ФЗ «О медиации» недостаточно. Примирение сторон может применяться в разных сферах общественных отношений и способно привести к достижению взаимопонимания, быстрому разрешению споров, преодолению конфликтных ситуаций, а также помочь избежать негативных последствий судебного разбирательства. Следует признать, что до тех пор, пока не появится согласованность положений ФЗ «О медиации» с другими нормативными правовыми актами, допускающими примирительные процедуры, реализовать применение процедуры медиации в полном объеме не представляется возможным.

Список использованных источников

1. Голубцов, В. Г. Примирительные процедуры в сфере экономического правосудия: тенденции и перспективы / В. Г. Голубцов // Закон. – 2013. – № 8. – С. 93–99.
2. Загайнова, С. К. Основания и направления внедрения в практику российского нотариата примирительных процедур (медиации) / С. К. Загайнова // Судья. – 2014. – № 7. – С. 26–30.
3. Князева, Н. А. Сфера применения процедуры медиации в трудовом праве / Н. А. Князева // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6. – С. 1167–1172.
4. Понасюк, А. М. Медиация как альтернатива и дополнение судопроизводству / А. М. Понасюк // Мировой судья. – 2012. – № 9. – С. 8–9; № 10. – С. 17–21; 2013. – № 6. – С. 12–16; № 7. – С. 17–19.
5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года [Электронный ресурс] // М-во экон. развития Рос. Федерации. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>. – Дата доступа: 12.11.2015.
6. Семенова, М. В. Проблемы и перспективы досудебного урегулирования конфликтов [Электронный ресурс] / М. В. Семенова // Omsk law institute. – Режим доступа: <http://conf.omui.ru>. – Дата доступа: 12.11.2015.
7. Стаканов, М. В. Взаимоотношения налоговых органов и налогоплательщиков: переход от административных методов к медиативным / М. В. Стаканов // Междунар. бухгалтерский учет. – 2013. – № 35. – С. 50–57.
8. Хохлов, В. А. Правовая квалификация отношений медиации [Электронный ресурс] / В. А. Хохлов // Предпринимательство и право. – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru>. – Дата доступа: 12.11.2015.

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К МЕДИАТОРУ

Луковникова Елена Георгиевна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

За последние десять лет контроль государства в отношении медиаторов усилился. Это выражается во включении различных норм о юридической ответственности в случае различных нарушений со стороны медиатора. Особенно четко это прослеживается в зарубежном законодательстве.

В большинстве стран англосаксонской, а также в ряде стран романо-германской правовой семьи в настоящее время встал вопрос о необходимости страхования профессиональной ответственности медиаторов в качестве дополнительной гарантии, ставшей нормой для всех видов деятельности, связанных с оказанием услуг. Рассмотрение данного вопроса связано с обращениями сторон процедуры медиации с исками о применении мер ответственности к медиаторам, нанесшим своими действиями им ущерб (моральный и материальный) нарушением принципа конфиденциальности.

Например, согласно с п. 1 § 19 Федерального закона «О медиации в гражданских делах» Австрии медиатор «...обязан в качестве гарантии компенсации убытков, связанных с осуществлением им своей деятельности, застраховать свою гражданско-правовую ответственность у одного из австрийских страховщиков и поддерживать эту страховку на протяжении всего срока своего пребывания в списке медиаторов» [3]. Минимальная страховая сумма составляет 400 000 евро за каждый страховой случай.

Закон Республики Казахстан «О медиации» [1] в ст. 8 «Конфиденциальность» предусматривает ответственность за разглашение медиатором сведений, ставших известными ему в ходе медиации. При этом отдельных положений об ответственности медиатора данный Закон не содержит, таким образом, виды возможных к применению мер юридической ответственности в Законе не обозначаются.

Проект Закона Украины от 26 июня 2013 г. «О медиации» [1] в ст. 18 содержит отдельную норму об ответственности медиатора, которой предусмотрена «...ответственность в рамках законодательства Украины за нарушение данного закона». При этом так же, как и в Законе Республики Казахстан, возможные меры ответственности в рассматриваемом законе не прописаны, что способствует свободному толкованию данной нормы. Председатель Голосеевского суда Киева Е. Первушина, комментируя этот проект Закона, высказала мнение о недостаточности данной нормы, что будет способствовать тому, что «...большинство дел, рассматриваемых в порядке предложенной процедуры, будут возвращаться в суды, что не будет способствовать уменьшению нагрузки на судопроизводство» [5].

Закон Республики Молдова «О медиации» [2] в ст. 19 предусматривает возможность дисциплинарной ответственности аттестованного медиатора в случаях: несоблюдения конфиденциальности, нейтральности или беспристрастности; отказа вернуть сторонам конфликта представленные ими оригинальные документы; представительство или оказание помощи одной или обеим сторонам в судебном или арбитражном процессе по конфликту, ставшему предметом медиации; совершения других деяний, наносящих ущерб чести, профессиональной безуп-

пречности или добропорядочности; повторное нарушение своих обязанностей, предусмотренных законом. Дисциплинарное взыскание возможно в виде предупреждения, выговора (в том числе строгого), приостановления осуществления деятельности медиатора на срок от 1 до 6 месяцев, отзыва полномочий по осуществлению деятельности медиатора. Также в п. 4 рассматриваемой статьи упоминается возможность гражданской ответственности за причинение ущерба вследствие нарушения профессиональных обязанностей медиатора.

В Германии ответственность медиатора разделяется на договорную (на основании Соглашения между медиатором и сторонами о проведении процедуры медиации) и деликтную (на основании общих положений § 823 Германского гражданского уложения) [7]. К договорным обязательствам медиатора, за нарушение которых он может понести ответственность, относится, например, обязанность явиться на процедуру медиации в определенное время и т. д. В качестве общего основания для гражданско-правовой ответственности рассматривается неудача процедуры медиации. При этом отмечается, что ответственность не может наступать за отсутствие какого-либо определенного решения спорной ситуации, а только за нарушение самой процедуры. Неудача может быть вызвана ошибками, допущенными медиатором при проведении процедуры медиации, непрофессиональном ведении процедуры, неправомерном затягивании процедуры.

Одним из спорных вопросов ответственности медиатора в зарубежных странах является ответственность за нарушение принципа конфиденциальности. Любое нарушение принципа конфиденциальности влечет за собой суровые дисциплинарные санкции вплоть до утраты статуса медиатора (Босния и Герцеговина, Венгрия, Румыния, Словения). Компенсация ущерба, причиненного нарушением принципа конфиденциальности со стороны медиатора, может быть назначена в соответствии с общими положениями законодательства (Германия). Дополнительными гарантиями соблюдения принципа конфиденциальности являются различные механизмы обжалования действий медиатора в вышестоящей инстанции (Словения, Босния и Герцеговина, Великобритания). Высокая степень ответственности за нарушение принципа конфиденциальности имеет негативные вторичные последствия. Медиаторы зачастую не ведут записей по делам, таким образом избегая ситуаций нарушения условия конфиденциальности [6].

В ряде стран практикуется дисциплинарное расследование случаев обжалования по итогам проведенной процедуры медиации. В таких случаях мнения клиентов выясняются либо посредством анкет (Великобритания), либо посредством процедуры обжалования решений и поведения медиаторов (Словения, Босния и Герцеговина). Данные механизмы направлены на регулирование структуры спроса и обеспечивают качество услуг медиации.

Таким образом, законодательство зарубежных стран пошло по пути усиления контроля за медиаторами со стороны государства, выражающегося в увеличении количества правовых норм, направленных на возможность применения мер юридической ответственности.

Список использованных источников

1. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 28 янв. 2011 г., № 401-IV : в ред. Закона Респ. Казахстан от 15.01.2014 г. // Параграф – информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376. – Дата доступа: 15.11.2014 г.
2. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Молдова, 14 июля 2007 г., № 134-XVI : ред. от 10.12.2007 г. // СоюзПравоИнформ. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=22397. – Дата доступа: 22.11.2014 г.
3. О медиации в гражданских делах [Электронный ресурс] : Федер. закон Австрии, 26 июня 2003 г. // Медиация – нац. информ. портал. – Режим доступа: <http://mnip.pro/avstrija.%20federal%27nyj%20zakon%20o%20mediacii%20v%20grazhdanskih%20delah.html>. – Дата доступа: 03.12.2014 г.
4. О медиации [Электронный ресурс] : проект Закона Украины от 26 июня 2013 г., № 739-VII // Верховна Рада України. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=47637. – Дата доступа: 18.11.2014 г.
5. Беляева, К. Медиация: когда возможно добровольное примирение? [Электронный ресурс] / К. Беляева // Судебно-юридическая газета. – 2013. – № 26 (194). – Режим доступа: <http://sud.ua/newspaper/2013/07/09/51520-mediatsiya-kogda-vozmozhno-dobrovolnoe-primirenie>. – Дата доступа: 11.23.2014 г.
6. Евсеев, А. Профессия – медиатор [Электронный ресурс] / А. Евсеев // Медиация – универсальная технология решения споров. – Режим доступа: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-710>. – Дата доступа: 15.11.2014 г.
7. Колобашкина, С. С. Проблемы использования переговоров и медиации как внесудебных средств разрешения спора / С. С. Колобашкина // Адвокат. – 2011. – № 2. – С. 20.

ВЕНЧУРНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В МАЛОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Минов Олег Павлович, аспирант кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *И. А. Маньковский*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Мировой опыт учит, что малые и средние инновационные предприятия наиболее восприимчивы к любым инновациям. Именно малый и средний инновационный бизнес является локомотивом любой индустриально развитой экономики. Колыбелью таких компаний, как HP, Google, Microsoft, был именно малый бизнес. Кроме того, именно в этом секторе «обкатываются» самые рискованные научные идеи и технологии для их последующего широкого промышленного внедрения [1, с. 152].

Венчурный капитал как альтернативный источник финансирования частного бизнеса зародился в США в середине 1950-х гг. В Европе он появился только в конце 1970-х гг. До возникновения венчурного капитала в мире было известно несколько источников финансирования малого и среднего бизнеса: банковский капитал, крупные корпорации и компании и состоятельные люди, которых американцы и англичане с присущей английскому языку

многозначностью называют «ангелы бизнеса» (business angels). Начинаящий предприниматель мог организовать свое дело, действуя по принципу «пан или пропал». Чтобы привлечь необходимые для «раскрутки» бизнеса средства, он одалживал деньги у родственников, друзей, знакомых, закладывал дом и имущество, надеясь только на успех и собственные силы.

Вожделенным воспоминанием венчурных капиталистов является компания Cisco Systems – один из мировых лидеров производства сетевых маршрутизаторов и телекоммуникационного оборудования. В 1987 г. Дон Валентин (Don Valentine) из Sequoia Capital приобрел за \$2,5 млн пакет акций Cisco. Через год стоимость его пакета составила \$3 млрд.

До появления венчурного капитала в Европе частные предприниматели попросту не имели свободного доступа к источникам финансирования акционерного капитала. С середины 1980-х европейские вкладчики стали больше интересоваться возможностями инвестиций в акции, вкладывая меньше средств в традиционные для них активы с фиксированным доходом.

Пионером венчурной индустрии в Европе была и остается Великобритания – старейший и наиболее мощный мировой финансовый центр. В 1979 г. общий объем венчурных инвестиций в этой стране составлял всего 20 млн английских фунтов, а уже через 8 лет, в 1987 г., эта сумма составила 6 млрд фунтов [2, с. 42].

Венчурное финансирование малых инновационных предприятий осуществляется преимущественно специализированными финансовыми учреждениями. Они организуются как партнерства, которые из разных источников (средства крупных корпораций, банков, личные сбережения, пенсионные и благотворительные фонды, фонды страховых компаний, пожертвования филантропических организаций, пенсионные кассы и др.) формируют инвестиционные фонды, используемые для поддержки и кредитования малых инновационных предприятий. Финансируются малые инновационные предприятия, ориентированные главным образом на разработку новой продукции и новых технологий. Формы предоставления малым инновационным предприятиям венчурного капитала весьма разнообразны: прямое финансирование, через специальные инвестиционные компании, в виде государственных субсидий [1, с. 152].

Суть венчурных инвестиций заключается во вложении средств в начинающую компанию, в результате которой фонд получает долю в уставном капитале компании или определенное количество акций. Зарабатывают фонды на последующей продаже акций во время выхода компании на IPO или просто продав свою долю более крупному инвестору или самой же компании. Главным отличием венчурных фондов от объединения бизнес-ангелов является то, что они могут управлять не только своими деньгами, но и чужими средствами. Кроме того, фонды никогда не инвестируют (по крайней мере так считается) в начинающие проекты, когда те находятся на стадии Seed (посев). Чтобы не быть голословными, напомним этапы любого проекта: Seed – на этой стадии у предпринимателя есть только лишь идея проекта; бизнес-план; ни о каком выходе на рынок пока не идет даже речи. Нужен капитал. Start-up – компания только начала свою деятельность. Early Stage – у компании есть первые клиенты. Продукт уже существует и исправно продается. Продажи растут. Expansion – эта стадия интересна тем, что компания начинает стремительно развиваться и ей требуются дополнительные инвестиции на это. Exit – стадия, на которой бизнес-ангел выходит из проекта, чтобы «отбить» свои деньги.

Венчурные фонды вступают в игру на стадии Start-up [3].

Важнейшей функцией венчурных фондов является финансирование начальных стадий рискованных проектов, связанных с максимальной неопределенностью отдачи затраченных финансовых средств. При этом вероятность неудач у подобных фирм очень велика.

Более 16 лет в России существует Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (он был создан в 1994 г.). За годы работы эксперты фонда рассмотрели более 20 тыс. заявок, ими поддержано более 7,5 тыс. проектов. Многие из них теперь финансируются РОСНАНО, Российской венчурной компанией (РВК) и институтами развития. Для молодых ученых, готовых связать себя с бизнесом, в фонде существуют программы «Участник молодежного научно-инновационного конкурса» и «Старт», направленные на создание и «раскрутку» предприятий.

Программа «Участник молодежного научно-инновационного конкурса» была впервые организована фондом в 2007 г. К 2011 г. в отборочных мероприятиях программы приняло участие более 30 тыс. молодых ученых. С 2004 г., когда была запущена программа «Старт», в ней приняло участие более 12 тыс. малых предприятий, из которых 2906 фирм стали победителями и подписали контракты. Средний объем реализации продукции предприятий к окончанию «Старта» составляет 15,5 млн руб. в год при средней численности работающих 15 человек [4, с. 89].

Механизмам венчурного инвестирования не предполагает возвращения инвестированных средств малым предприятием инвестору. Венчурное инвестирование осуществляется в расчете не на проценты, а на развитие самих малых предприятий, их нововведений, рост их рыночной стоимости.

В мировой практике сложились следующие основные формы стимулирования малых инновационных предприятий: прямое финансирование (субсидии, займы), которые достигают 50 % расходов на создание новой продукции и технологий (Франция, США и др.); предоставление ссуд, в том числе без выплаты процентов (Швейцария), дотации (практически во всех развитых странах); создание фондов внедрения инноваций с учетом возможного риска (Англия, Германия, Франция, Швейцария, Нидерланды); безвозмездные ссуды, достигшие 50 % затрат на внедрение новшеств (Германия); снижение государственных пошлин для индивидуальных изобретателей (Австралия, Германия, США и др.); отсрочка уплаты пошлин или освобождение от них, если изобретение касается экономии энергии (Австрия); бесплатное ведение делопроизводства по заявкам индивидуальных изобретателей, бесплатные услуги патентных поверенных, освобождение от уплаты пошлин (Нидерланды, Германия) [1, с. 154].

Значительную роль в решении вопросов финансирования малых инновационных предприятий играют венчурные ярмарки. Венчурные ярмарки – это коммуникативные площадки, позволяющие прежде всего малым инновационным компаниям привлечь внимание широкого круга инвесторов, завязать контакты и наладить деловые связи с возможными партнерами по бизнесу.

Венчурные ярмарки выполняют следующие функции: презентовать инновационный бизнес; позиционировать разработки в конкурирующей среде; продемонстрировать соответствие требованиям венчурного инвестирования; способствовать развитию индустрии венчурных инвестиций [1, с. 155].

Важнейшая особенность мероприятий венчурной ярмарки заключается в «клубном» характере, который чрезвычайно важен для построения эффективной деловой коммуникации между основными участниками инвестиционного процесса.

Важным скачком в развитии венчурной индустрии в Республике Беларусь будет создание интернет-портала «Венчурная Беларусь». Основной целью портала является расширение возможностей коммуникации инвесторов и соискателей инвестиций, информирование субъектов национальной инновационной системы о возможностях привлечения внебюджетных инвестиций.

Список использованных источников

1. Малый инновационный бизнес : учебник / под ред. проф. В. Я. Горфинкеля, проф. Т. Г. Попадюк. – М. : Вузковский учебник : ИНФРА-М, 2013. – 264 с.
2. Глэдстоун, Д. Инвестирование венчурного капитала / Д. Глэдстоун, Л. Глэдстоун. – М. : Баланс Бизнес Букс, 2006. – 416 с.
3. Бизнес-Журнал [Электронный ресурс] // BizTimes – журнал о бизнесе. – Режим доступа: <http://www.biztimes.ru/index.php?artid=1197>. – Дата доступа: 13.11.2014.
4. Котельников, В. Ю. Венчурное финансирование от А до Я: как сделать проект привлекательным для инвестора: полное пошаговое руководство / В. Ю. Котельников. – М. : Эксмо, 2009. – 176 с.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ С ПОЗИЦИИ МЕДИАЦИИ

Парфёнова Ирина Станиславовна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Для того чтобы раскрыть понятие «психологическая услуга» наиболее полно, важно рассмотреть его с разных точек зрения, принимая во внимание особенности самого термина «услуга». При этом необходимо так же исчерпывающе наполнить понятие «психолог».

Психолог – специалист, имеющий высшее психологическое образование, изучающий проявления и формы психических явлений личности с целью оказания профессиональных услуг – психологической помощи, консультирования, поддержки, сопровождения и т. д.

С экономической точки зрения услуга – это вид товара, наделенный рядом особенностей, из которых основные: услуга нематериальна и существует только в момент ее оказания;

результат услуги невозможно сохранять и накапливать, как материальные предметы (товары);

невозможно оценить качество услуги до ее оказания [1, с. 17; 3, с. 86–89].

Классическое понимание услуг в юриспруденции сводится к следующему: услуга – это действие, результатом которого является нематериальное благо (польза, положительный для потребителя услуги эффект). Сам процесс оказания услуги также не имеет материальных характеристик и признаков (форма, цвет, объем, размер, количество). Услуга неотделима от ее исполнителя и направлена на удовлетворение культурных, социальных и многих других потребностей, на обеспечение безопасности, развития и обучения, повышение качества жизни и уровень благополучия [4, с. 189; 5, с. 109].

Как видно, наполнение термина «услуга» в понимании экономическом и юридическом существенных отличий не имеет.

Психологическая услуга содержит в себе вышеуказанные особенности, но самую важную роль играет тот факт, что результат психологической услуги всегда неосозаем и нематериален. То есть у клиента нет возможности оценить услугу как до ее оказания, так и объективно оценить результат после оказания. Практика психологов показывает, что клиент считает услугу качественной, если его ожидаемые результаты и выгоды совпали с полученными. Однако такая оценка носит субъективный характер и не может отражать в себе объективной информации о компетентности или некомпетентности психолога.

С точки зрения практической психологии психологическая услуга – это многогранное, многовариантное взаимодействие с клиентом, целью которого является разрешение личностного запроса (проблемы) клиента. Многовариантность взаимодействия выражается в обилии методов, методик и инструментов, которыми пользуется психолог при оказании психологической услуги. Выбор же методик и инструментов психолог производит исходя из специфики запроса (проблемы) каждого конкретного клиента [2, с. 201; 6, с. 107].

Рынок психологических услуг развивается уже длительное время, формируются требования со стороны рынка к компетентности психологов, нарастает потребность в профессиональных психологических услугах. Все перечисленное – аспекты одного глобального процесса – развития современного российского общества и стремления к повышению уровня благополучия населения.

Этот процесс привел к необходимости правового регулирования отношений, возникающих в сфере оказания психологических услуг.

24 июня 2014 г. депутатами Государственной Думы РФ внесен Проект Федерального закона № 553338-6 «О психологической помощи населению Российской Федерации», в котором нет термина «психологическая услуга». В рассматриваемом Проекте используется понятие «психологическая помощь» и раскрывается оно как «...система профессиональных мер поддержки и содействия человеку, семье, социальной группе со стороны лиц, оказывающих психологическую помощь, в предупреждении, разрешении, преодолении психологических проблем, которые нарушают нормальную жизнедеятельность, и способствующих поддержанию психического здоровья, оптимизации психического развития, социальной адаптации, саморазвитию, самореализации и повышению качества жизни». Данное понятие отражает попытку достаточно обширно и полно охватить всех возможных участников и многие сферы применения, имеет схожие черты с термином «психологическая услуга», рассмотренным выше, не наблюдается явных или грубых противоречий с ним.

Более того, ст. 7 Проекта раскрывает основные виды психологической помощи: психологическая профилактика и психологическое просвещение, психологическое консультирование, психологическая поддержка (в том числе дистанционная), психологический анализ и немедицинская психотерапия, психологическая диагностика, психологическая реабилитация, психологическая коррекция, психологическая экспертиза, психологический тренинг.

Указанные виды психологической помощи согласуются и не противоречат видам психологических услуг с точки зрения практической психологии. Вышеизложенные сходства в определении и наполнении понятий «психологическая услуга» и «психологическая помощь» позволяют использовать в обороте оба в равной степени с той лишь разницей, что термин «психологическая помощь» можно назвать более обширным, полным и объемным.

Что касается рассмотрения особенностей психологических услуг с позиции медиации, это возможно и обоснованно по целому ряду причин. Специфика психологических услуг, возрастающий спрос на психологические услуги у населения, повышение доступности психологической помощи населению, в том числе бесплатной, повышение благополучия и качества жизни граждан РФ, нарастающие требования к профессиональным качествам и компетенциям лиц, оказывающих психологические услуги, – все это делает возможным применение в сфере оказания психологических услуг медиативных технологий.

Под медиативными технологиями мы понимаем медиативные подходы, которыми пользуется медиатор в работе с конфликтующими сторонами, медиативные инструменты и техники, принципы медиации.

Примечателен тот факт, что медиативные технологии берут свое начало и тесно связаны с психологией, психологией личности в первую очередь, что также делает возможным и целесообразным их использование психологами в своей профессиональной деятельности.

Четче увидеть перспективы применения психологом медиативных технологий позволяет даже беглый анализ соотношения психологии и медиации. Психология настроена на изучение, анализ и решение великого многообразия личностных проблем человека, а медиация ставит перед медиатором одну основную цель – направить стороны конфликта в русло достижения взаимовыгодных договоренностей для благополучного разрешения споров. И помогает медиатору в профессиональной деятельности знание, в первую очередь психологии. Благодаря такой тесной связи с психологией в медиации и существует обилие медиативных технологий. И психолог, и медиатор в своей профессиональной деятельности руководствуются принципом «не навреди», что также делает возможным применение психологом различного инструментария медиации в своей профессиональной деятельности.

Главный инструмент медиатора при выяснении истинных позиций, интересов и потребностей конфликтующих сторон – медиативные вопросы, характеризующиеся прежде всего нейтральностью и беспристрастностью. Психологу, оказывая психологическую услугу, также необходимо выяснить истинные проблемы, чувства, мысли своего клиента, в данном случае качественно оказать услугу помогут именно медиативные вопросы. Медиация базируется на нескольких фундаментальных принципах, среди которых можно выделить принципы добровольности и конфиденциальности. Психолог, предоставляющий психологическую услугу, также следует схожим этическим принципам и правилам.

С помощью медиативных вопросов и такого инструмента, как тестирование на реалистичность, представляется возможным выяснить ожидаемые результаты клиента от оказания психологической услуги, проверить возможность их реализации, посодействовать клиенту в корректировке его ожиданий, определить адекватные цели, что в целом позволяет добиться положительных результатов. Применение психологами медиативных технологий поможет существенно улучшить качество психологической услуги и идти в ногу с намеченными позитивными тенденциями в становлении и развитии института психологических услуг.

Список использованных источников

1. Баринов, Н. А. Услуги: социально-правовой аспект / Н. А. Баринов. – Саратов, 2001. – 170 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : Педагогика-Пресс, 2004. – 672 с.
3. Борисов, Е. Ф. Экономическая теория / Е. Ф. Борисов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт Издат, 2005. – 399 с.
4. Новицкий, И. Б. Римское право / И. Б. Новицкий. – 6-е изд. – М. : Теис, 1997. – 245 с.
5. Сфера услуг: гражданско-правовое регулирование : сб. ст. / под ред. Е. А. Суханова, Л. В. Санниковой. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 220 с.
6. Тутушкина, М. К. Современная практическая психология / М. К. Тутушкина, Е. А. Соловьева, О. Б. Годлиник. – М., 2005. – 432 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ МЕДИАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ДЕТЯХ

Подзина Альбина Леонидовна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Как правило, расторжение брака и распад семьи в понимании людей являются синонимичными понятиями. Можно с этим согласиться применительно к супругам. Если не вдаваться в детали дискуссии относительно термина «семья», развод прекращает отношения между мужем и женой, но он не прекращает семейных отношений ребенка со своими родителями.

Для ребенка после расставания родителей в идеале должны сохраняться отношения с каждым из них. И от того, в какой степени родители сумеют наладить между собой конструктивный диалог по поводу дальнейшего воспитания и содержания своих детей, будет в значительной мере зависеть будущее благополучие ребенка.

К сожалению, слишком часто, когда решается вопрос о расторжении брака или другом семейном споре, родители склонны оценивать его через призму своих интересов, игнорируя интересы другой стороны. В желании досадить друг другу они вовлекают детей в свои конфликты, прикрываясь якобы их интересами. Для определения, кто прав, а кто виноват, родители обращаются в суд, вместо того чтобы разрешить совместно возникшую проблему.

Следует признать, что споры о детях – это достаточно сложные конфликты как с точки зрения морально-нравственных, так и социальных критериев. Среди часто встречающихся в практике споров о детях следует отметить споры о месте проживания ребенка в случае раздельного проживания его родителей; о реализации права на общение с ребенком второго родителя, проживающего отдельно, и содержание ребенка.

Судебное решение по итогам рассмотрения спора, имеет общеобязательный характер, в дальнейшем оно обеспечивается принудительным исполнением, в нем, как может показаться на первый взгляд, стороны могут найти ответ по всем заявленным требованиям. Стороны ожидают, что судебное решение будет не только законным, но и справедливым, но порой самое справедливое решение суда не отвечает истинным интересам как ребенка, так и его родителей, оно не способно удовлетворить потребности обеих сторон. Разрешая иски по существу, суд не имеет возможности предвидеть все обстоятельства, которые могут измениться в ходе исполнения решения, поэтому после его оглашения у сторон не возникает желания его исполнять, присутствует неудовлетворенность и очевидное нарастание эскалации конфликта.

Немало нагнетанию конфликта способствует и то, что нет на сегодня у службы судебных приставов достаточно действенных механизмов, позволяющих обеспечить принудительный порядок исполнения судебных решений по таким категориям споров. В результате складывается парадоксальная ситуация, когда сторона, победившая в суде, не сумеет добиться реализации своих прав.

Не умаляя значения российского гражданского судопроизводства, необходимо признать, что семейные споры должны быть в большинстве своем разрешены мирным урегулированием конфликта за счет сотрудничества сторон, их объединения против сложившейся ситуации.

Именно поэтому в настоящее время законодатель пришел к осознанию значимости и эффективности альтернативных способов урегулирования правовых споров и конфликтов.

Наглядным примером успешного разрешения споров внесудебным путем являются европейские страны, где около 80 % споров разрешается с помощью различных примирительных процедур [1, с. 34].

Действующее законодательство предполагает такие возможности. В частности, Семейный кодекс РФ содержит норму, позволяющую родителям заключать соглашение о детях (ст. 23), содержащее сведения о том, с кем из них будут проживать несовершеннолетние дети, о порядке выплаты средств на содержание детей. К сожалению, положение данной нормы закона на практике используется очень редко. Во многом это объясняется тем, что период бракоразводного процесса является стрессовой ситуацией и возможность конструктивно построить диалог с противоположной стороной достаточно сложно.

В такой непростой психологической ситуации сторонам необходима помощь посредника – медиатора, который сумеет направить родителей к самостоятельной выработке механизмов урегулирования возникших разногласий, зафиксировать результаты примирения. Достигнутые договоренности будут являться итогом взаимодействия сторон спора, результатом понимания чувств и позиций другой стороны, совместного решения проблемы с учетом интересов и ожиданий каждой из сторон.

В нашем обществе должно сложиться убеждение, что правовые споры целесообразно решать мирным путем, а не передавать их для судебного разрешения. Процедура медиации – это именно тот способ разрешения семейных конфликтов, который призван помочь членам семьи наладить отношения друг с другом, уменьшить степень конфликтности, способствовать достижению мирных взаимовыгодных соглашений и обеспечить на будущее продолжительность позитивных отношений между родителями и детьми [2, с. 192].

Преимущество медиации заключается в том, что урегулирование конфликта обеспечивается комфортным психологическим фоном. Для того чтобы уменьшить эмоциональное напряжение, которое присуще любому спору, медиатор применяет эмпатическое слушание, то есть умение понять эмоциональное состояние сторон.

У медиатора есть прекрасная возможность видеть и слышать обе стороны одновременно, задавать вопросы, позволяющие получить ответы по важным и значимым обстоятельствам, и выяснять истинные потребности сторон, ведь для конфликтующих важно быть услышанными и понятыми.

Если задачей суда является установление юридических фактов и позиций сторон, то медиатор концентрирует внимание сторон на их реальных интересах. Используя медиативные технологии, он позволяет понять, что чаще

всего коренной причиной конфликта являются проблемы в их взаимоотношениях, и направляет переговоры в русло выстраивания комфортных отношений в изменившихся условиях.

Медиация не ориентирована на поиск проигравшего или выигравшего, она способствует конструктивному поиску решения, не умаляя интересов ни одной из сторон.

Основным преимуществом процедуры медиации является активная позиция сторон, они совместно вырабатывают способы решения своего спора по значимым для них аспектам, отчего значительно повышаются шансы реального его исполнения.

Заключенное по итогам договоренностей медиативное соглашение является обязательным только для сторон, оно может быть изменено по их обоюдному согласию в любой момент, чего нельзя сказать о судебном решении.

Трудно не согласиться с тем, что жизнь невозможно упорядочить ни в одном соглашении, поэтому основным достоинством мирного разрешения споров о детях, в том числе посредством медиации, является установление контакта между конфликтующими родителями и дальнейшая возможность достигать согласия по определенным правовым вопросам.

Список использованных источников

1. Веняляйнен, М. Медиация и юридическая помощь в трансграничных семейных спорах / М. Веняляйнен // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 1. – С. 33–38.
2. Федосеева, Г. Ю. Медиация в семейных спорах как инструмент реализации права ребенка на общение с обоими родителями / Г. Ю. Федосеева // Закон. – 2010. – № 2. – С. 191–195.

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАЯВКИ НА УЧАСТИЕ В ЛЕСНОМ АУКЦИОНЕ

Родионова Светлана Ивановна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Субъекты предпринимательской деятельности в целях обеспечения участия в лесном аукционе направляют заявки. В заявке должны быть указаны наименование, организационно-правовая форма, местонахождение – для юридического лица, фамилия, имя, отчество, данные документа, удостоверяющего личность, место жительства – для индивидуального предпринимателя, а также реквизиты банковского счета (ч. 10 ст. 79 Лесного кодекса Российской Федерации). С момента подписания организатором аукциона протокола приема заявок заявители приобретают статус участников аукциона.

М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, анализируя нормы ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации о торгах, квалифицировали заявку на проведение торгов как акцепт оферты договора на проведение аукциона [1, с. 456]. Другая позиция высказана Федеральной антимонопольной службой Российской Федерации: «Заявка на участие в торгах подается в срок и по форме, которые установлены документацией о торгах. Подача заявки на участие в торгах является акцептом оферты в соответствии со ст. 438 Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с частью 2 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной. Таким образом, поскольку подача... заявителем заявки на участие в торгах является акцептом оферты, организатор торгов обязан заключить договор... на условиях, предусмотренных документацией о торгах» [2].

На наш взгляд, рассматриваемые действия участников лесного аукциона не могут расцениваться ни как акцепт оферты о заключении договора о проведении аукциона, ни как акцепт оферты о заключении договора аренды лесных участков (купли-продажи лесных насаждений).

Во-первых, лицо, подавшее заявку, может быть не допущено к участию в лесном аукционе организатором лесного аукциона, принявшим заявку. Это подтверждается наличием в законе императивных установлений по возможному отказу в допуске к аукциону после проведения организатором аукциона оценки соответствия заявки требованиям законодательства (ч. 8 ст. 79 Лесного кодекса Российской Федерации).

Такими основаниями являются: 1) представление заявки, не соответствующей установленным требованиям; 2) представление заявки лицом, которому в соответствии с федеральными законами не могут быть предоставлены лесные участки; 3) осуществление в отношении заявителя (юридического лица или индивидуального предпринимателя) процедур банкротства; 4) нахождение заявителя – юридического лица в процессе ликвидации или прекращения заявителем-гражданином деятельности в качестве индивидуального предпринимателя; 5) непоступление задатка на счет, указанный в документации об аукционе, после окончания срока подачи заявок на участие в аукционе.

Отказ в допуске к участию в аукционе по иным основаниям не допускается. Но одновременно неисполнение указанных требований является безусловным основанием для воспрепятствования со стороны государства (муниципалитета) к участию субъекта предпринимательской деятельности в лесном аукционе. Организатор аукциона ведет протокол приема заявок на участие в аукционе, который должен содержать сведения о заявителях, о датах начала и окончания срока подачи заявок, о внесенных задатках, а также сведения о заявителях, не допущенных к участию в аукционе, с указанием причин отказа в допуске к участию в аукционе. Протокол приема заявок на участие в аукционе подписывается организатором аукциона в течение одного дня после даты окончания срока подачи

таких заявок. Заявитель становится участником аукциона с момента подписания организатором аукциона указанного протокола, а не в момент принятия заявки организатором.

Указанное свидетельствует об административном, а не договорном характере правоотношений по допуску к участию в лесном аукционе. У лица, подавшего заявку на участие в лесном аукционе, отсутствует всякая правовая возможность определения условий проведения лесного аукциона, в том числе оснований для установления (неустановления) в этой связи двусторонних правоотношений между ним и организатором аукциона – органом государственной (муниципальной) власти на основе соглашения.

В подтверждение можно привести положения процессуального законодательства РФ, в соответствии с которыми судебная практика идет не по пути расторжения договора на проведение лесного аукциона, а по пути признания недействительными ненормативных правовых актов, незаконных решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц по правилам главы 24 Арбитражно-процессуального кодекса РФ. Возмещение убытков осуществляется также в связи с незаконными решениями, действиями государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц.

Во-вторых, направление заявки на участие в аукционе и уплата задатка не связывают и самого субъекта предпринимательской деятельности обязанностью принять участие в аукционе. Если с момента направления заявки до момента проведения аукциона лицо утратило интерес к аукциону, субъект предпринимательской деятельности может не явиться на аукцион. Законодатель такое поведение не рассматривает как нарушение интересов организатора аукциона – ответственность за неявку участника на аукцион не устанавливает, на участника аукциона обязанность расторгать (прекращать) правоотношения не возлагает. Такое развитие событий можно сопоставить с отказом от соответствующей государственной (муниципальной) услуги, оказываемой на добровольной заявительной основе.

Положения ч. 14, 15, 17 ст. 79 Лесного кодекса Российской Федерации предусматривают право заявителя отозвать заявку на участие в аукционе в любое время до окончания срока подачи заявок на участие в аукционе. Организатор аукциона возвращает внесенный заявителем задаток в течение пяти рабочих дней с даты получения уведомления об отзыве заявки на участие в аукционе.

Возможность отказаться от участия в аукционе после окончания срока подачи заявок на участие в аукционе (указанного в ч. 14 ст. 79 Лесного кодекса Российской Федерации) законом не урегулирована. Вместе с тем не предусмотрена обязанность участия в аукционе лица, не отзывавшего свою заявку и приобретшего статус участника аукциона.

В постановлении Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18 февраля 2013 г. № А19-8959/2012 содержится вывод, что системное толкование... норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Лесного кодекса Российской Федерации подтверждает, что заявка участника лесного аукциона не является акцептом договора на проведение аукциона, момент получения организатором торгов заявки не является моментом заключения договора на проведение торгов.

Такая трактовка правил организации проведения лесных аукционов рассматривается как особенность именно публичных лесных аукционов, несомненно, имеющих отличия от других гражданско-правовых торгов, в частности отличия в правовом значении юридических фактов, сделок, договоров, возникающих в процессе их проведения.

Представляется важным отметить, что в заявке присутствует еще один небесспорный вопрос. Речь идет о задатке. В извещении о проведении аукциона содержатся сведения о размере задатка, сроке и порядке его внесения, реквизиты счета для перечисления задатка. При этом задаток устанавливается в конкретной сумме, привязанной к еще не возникшим обязательствам по договору аренды лесного участка: от десяти до ста процентов от начальной цены предмета аукциона (начального размера арендной платы). К заявке на участие в аукционе прикладываются документы, подтверждающие факт внесения задатка.

Согласно ч. 1 ст. 380 Гражданского кодекса Российской Федерации задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в том числе в доказательство обеспечения исполнения договора. Соглашение о задатке, независимо от суммы задатка, должно быть совершено в письменной форме.

Указание в извещении о проведении лесного аукциона на необходимость оплаты задатка в конкретной сумме является офертой для заключения соглашения о задатке. Оплата субъектом предпринимательской деятельности суммы задатка в сроки, порядок его внесения на счет, указанный организатором лесного аукциона, является акцептом оферты о задатке.

Однако в указанной конструкции видится противоречие. Задатком по смыслу положений закона может обеспечиваться, во-первых, обязательство, во-вторых, денежное обязательство, поскольку между органом государственной (муниципальной) власти – организатором аукциона и лицом, изъявившим желание принять участие в аукционе (причем это участие необязательно даже после подачи заявки), – на этом этапе подготовки к лесному аукциону нет никаких денежных обязательств или других обязательств по возмездному договору. Следовательно, сумма, перечисляемая организатору аукциона, задатком быть не может.

То, что задатком может обеспечиваться только денежное обязательство, подтверждается судебной практикой. Однако необходимо отметить, что, рассматривая споры, связанные с взиманием задатка в процессе подготовки публичных аукционов, суды формально применяют соответствующие нормы законодательства о торгах как нормы закона прямого действия и не придают необоснованному применению института задатка правового значения.

Необходимость законодательного уточнения существа и взимания платы с участника лесного аукциона при подаче заявки очевидна. При совершенствовании законодательства в этой связи следует исходить из воли законодателя, согласно которой не допускается взимание платы за участие в аукционе (ч. 13 ст. 79 Лесного кодекса Российской Федерации).

Анализ позитивных норм о заявке на участие в лесном аукционе позволяет констатировать, что направление заявки необходимо органу государственной (муниципальной) власти для определения круга участников лесного аукциона, проверки их статуса. Правовая возможность взимания частичного обеспечения исполнения будущего обязательства, к тому же неопределенного (не выбранного на аукционе) арендатора лесного участка (покупателя лесных насаждений) по оплате лесных платежей представляется неаргументированной.

Список использованных источников

1. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 1997. – 681 с.
2. Разъяснения Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации от 01.11.2011 по применению статьи 17.1 Закона о защите конкуренции, Правил проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества» [Электронный ресурс]: Приказ ФАС России, от 10 фев. 2010 г., № 67 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Иркутск, 2014.

СООТНОШЕНИЕ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ И МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Сенчукова Ирина Александровна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

При исследовании правовой природы медиативного соглашения очевиден интерес ученых к вопросу соотношения медиативного и мирового соглашения, их правовой взаимосвязи, в частности утверждения медиативного соглашения в качестве мирового соглашения.

Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает использование примирительных процедур, в том числе и применение процедуры медиации. Согласно п. 3 ст. 12 Федерального закона Российской Федерации «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством или законодательством о третейских судах, законодательством о международном коммерческом арбитраже. Данная формулировка законодателя не дает ответа на вопрос, будет ли являться медиативное соглашение в данном случае одновременно мировым соглашением или нет, что законодатель имел в виду, приводя предлог в «качестве».

Если обратиться к энциклопедическим словарям, то можно проследить, что «качество» определяется как философская категория, выражающая существо определенного объекта, благодаря которому он является именно этим, а не иным [1, с. 567]. «В качестве» определяют то, что является чем-либо. Если отталкиваться от такого понимания слова «в качестве», то не следует ли вывод о том, что по смыслу закона медиативное соглашение одновременно будет мировым соглашением?

Чтобы разобраться в вопросе о статусе медиативного соглашения, проанализируем несколько точек зрения. Так, Т. В. Овчаренко считает, что судопроизводство в арбитражных судах и процедура медиации отличаются по сущности, но имеют тесную процессуальную связь [2, с. 7]. Если рассматривать юридическую литературу, то можно увидеть, что мировое соглашение рассматривается как: 1) юридический факт; 2) «мировая процессуальная сделка»; 3) правоотношение, возникающее на основе юридического факта.

Определяя мировое соглашение как юридический факт, необходимо согласиться с мнением В. В. Яркова, который считает, что мировое соглашение представляет собой юридический факт материального и процессуального права, порождая разные правовые последствия [3, с. 35].

При определении мирового соглашения как «процессуальной мировой сделки» еще классики российской цивилистики отмечали наличие нескольких элементов: мировое соглашение касается спорного правоотношения, ставшего предметом судебного процесса; мировое соглашение совершается в присутствии суда и при его участии; для мирового соглашения предусмотрены особые формы заключения [4, с. 457].

И наконец, рассмотрение мирового соглашения как юридического факта для процессуальных правоотношений означает, что заключение и утверждение мирового соглашения влечет за собой судебный процесс.

Медиативное соглашение – результат примирения сторон. В связи с тем что в действующем законодательстве «результаты примирения сторон» как понятие не имеют закрепления, то в случае примирения сторон и подписания ими медиативного соглашения судья не может просто утвердить его.

Полагаем, что наиболее правильной будет точка зрения К. В. Кендзерской, которая считает, что «мировое соглашение – это гражданско-правовая сделка, которая является результатом взаимодействия сторон с целью урегулирования спора путем предоставления взаимных уступок, требующая обязательного утверждения судом. В свою очередь, в ст. 2 ФЗ «О процедуре медиации» медиативное соглашение понимается как соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору, заключенное в письменной форме» [5, с. 284].

Таким образом, можно сделать вывод, что, используя формулировку «в качестве», законодатель не имел в виду, что медиативное соглашение будет синонимом мирового соглашения. Медиативное соглашение и мировое соглашение необходимо отличать, так как они являются самостоятельными и каждое из них имеет свои особенные признаки. Медиативное соглашение может послужить основанием к заключению сторонами мирового соглашения и утверждения судом, но не заменить его.

Список использованных источников

1. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Совет. энцикл., 1990. – 1600 с.
2. Овчаренко, Т. В. Арбитражный суд как участник процесса примирения сторон / Т. В. Овчаренко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 4. – С. 7–9.
3. Ярков, В. В. Мировое соглашение в конкурсном производстве / В. В. Ярков // Юрист. – 2002. – № 11. – С. 35–45.
4. Васильковский, Е. В. Гражданский процесс : учебник (воспроизводится по изданию М., 1917 г.) / Е. В. Васильковский. – М. : Зерцало, 2003. – 464 с.
5. Кендзерская, К. В. К вопросу о разграничении мирового и медиативного соглашений / К. В. Кендзерская // Мировой судья. – 2012. – № 5. – С. 27–29.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ РАЗНОГЛАСИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ АКЦИОНЕРНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Сокольникова Юлия Сергеевна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

В целях более гибкого регулирования вопросов управления акционерными обществами, а в некоторых случаях установления дополнительного контроля, возможности закрепления которого не предоставляет действующее законодательство, в июне 2009 г. был принят Федеральный закон № 115-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», который ввел в корпоративное право России новый инструмент управления акционерным обществом – акционерное соглашение.

В соответствии со ст. 32.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. Федерального закона № 115-ФЗ) акционерным соглашением признается договор об осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции.

По акционерному соглашению его стороны обязуются осуществлять определенным образом права, удостоверенные акциями, и (или) права на акции и (или) воздерживаться от осуществления указанных прав.

По своей правовой природе акционерное соглашение – это вид гражданско-правового договора, на который распространяется действие гражданского законодательства Российской Федерации, в том числе общие положения ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации о сделках, обязательственном праве и о договорах.

Основная цель, преследуемая акционерным соглашением, – установление правил владения акциями, контроль и эффективное управление компанией и обеспечение согласованности действий акционеров.

Вместе с тем зачастую разногласия и споры, связанные с управлением акционерными обществами, возникают и при наличии заключенного акционерного соглашения.

В современной экономике особую актуальность приобретает необходимость формирования правового механизма разрешения разногласий, связанных с исполнением акционерного соглашения, который бы предусматривал эффективное, оперативное и конфиденциальное решение проблемных вопросов. В таком случае удовлетворению всех указанных выше потребностей способствует внесудебное разрешение споров, в частности медиация.

Применение медиативных технологий в разрешении корпоративных конфликтов достаточно распространено в зарубежной практике. О необходимости и эффективности применения медиации для разрешения корпоративных конфликтов в настоящее время высказываются и отечественные специалисты [2, с. 6]. Опыт применения медиации в разрешении корпоративных споров начал формироваться и в России. В качестве примера можно привести рассмотрение Арбитражным судом Омской области корпоративного спора, в результате которого было утверждено мировое соглашение, основанное на медиативном соглашении, заключенном в соответствии с законодательством (решение Арбитражного суда Омской области от 14 января 2011 г. по делу № А46-16046/2010). Рассматривался спор по заявлению акционера закрытого акционерного общества о признании недействительным решения общего собрания акционеров.

Одно из важных преимуществ применения процедуры медиации в урегулировании разногласий, связанных с исполнением акционерного соглашения, – возможность сохранить конфиденциальность сути спора, не привлекать внимание публики к делам общества и, следовательно, не ставить под угрозу репутацию компании, а также разрешить спор сравнительно быстро и недорого. Необходимо также отметить, что в ходе медиации сохраняются партнерские отношения между участниками споров, связанных с реализацией акционерного соглашения, и в дальнейшем стороны продолжают сотрудничество в рамках управления акционерным обществом, так как медиатор не отстаивает позицию одной из сторон, а изучает общую картину и способствует принятию решения, приемлемого для обеих сторон.

Общественные и иные некоммерческие организации могут оказывать сторонам корпоративного конфликта помощь (как правило, в виде оказания различного рода услуг) в его разрешении, однако правом самостоятельного применения способов защиты они не обладают. Тем не менее нельзя не признать перспективности такой формы

урегулирования споров, связанных с реализацией акционерного соглашения, и эффективности такого способа защиты прав участника корпоративных правоотношений, как медиация. Также представляется возможным включать в акционерные соглашения медиативную оговорку, предусматривающую обязательное обращение к процедуре медиации в случае возникновения спорных ситуаций.

Большой интерес представителей бизнеса к альтернативной процедуре урегулирования спора при участии посредника вполне закономерен и может объясняться теми преимуществами, которыми обладает медиация по сравнению с судебным разбирательством. Основным достоинством медиации в урегулировании разногласий, связанных с исполнением акционерного соглашения, является ее универсальность, благодаря которой достигается существенная экономия временных и финансовых ресурсов, затрачиваемых на разрешение разногласий сторон. При этом универсальность процедуры медиации можно рассматривать в нескольких аспектах.

«Медиация одинаково эффективна в урегулировании различных категорий корпоративных споров. На сегодняшний день успешно урегулируются экономические споры, вытекающие из договоров поставки, подряда, в том числе строительного подряда, оказания услуг, споры в сфере электроэнергетики, банковского кредитования, страхования, корпоративные споры. При этом в процедуре медиации могут рассматриваться несколько взаимосвязанных дел одновременно» [3, с. 101].

В рамках одной процедуры медиации могут быть урегулированы споры, подведомственные как арбитражным судам, так и судам общей юрисдикции. При этом, в отличие от судебного разбирательства, невозможность разделения заявленных требований не является обязательным условием их совместного рассмотрения.

Процедура медиации может проводиться при участии двух и более сторон, что существенно экономит время на окончательное разрешение спора.

Необходимо отметить и рациональность процедуры медиации, которая проявляется в следующем. Как правило, в рассматриваемых спорах эмоции имеют второстепенное значение. Основной целью участников примирительной процедуры становится принятие оптимального решения в сложившейся проблемной ситуации в максимально короткие сроки. Поэтому ценность посредника в медиации по урегулированию разногласий, связанных с исполнением акционерного соглашения, заключается в его способности наиболее рационально и эффективно организовать переговорный процесс, стимулировать поиск новых идей по урегулированию спора. Это отражается и на технологии проведения примирительной процедуры, которая становится более последовательной и структурированной. Такой подход позволяет участникам медиации рассмотреть и оценить все возможные варианты и принять обдуманное рациональное решение, которое зачастую является единственно верным.

Следует отметить особенности такой формы, как медиация, по сравнению с традиционными способами решения корпоративных споров. «Во-первых, применение медиации является добровольным решением сторон. Во-вторых, это более быстрое разрешение спора, так как не предполагается обжалование достигнутого соглашения. В-третьих, это взаимовыгодное разрешение спора, позволяющее сохранить на будущее партнерские отношения сторон. В-четвертых, преимуществом медиации является конфиденциальность проводимых примирительных процедур. Основным недостатком процедуры медиации мы считаем невозможность принудительного исполнения медиативного соглашения, исполнение которого основано на доброй воле сторон. Поэтому может быть целесообразно в развитие данного института придать медиативным соглашениям силу исполнительного документа» [1, с. 36].

Таким образом, применение процедуры медиации в урегулировании разногласий, связанных с исполнением акционерного соглашения, является прогрессивным шагом в развитии корпоративных правоотношений, приводящим стороны к принятию взаимовыгодных для них решений.

Список использованных источников

1. Добролюбова, Е. А. Медиация как способ разрешения корпоративных конфликтов: правовой аспект / Е. А. Добролюбова // Предпринимательское право. – 2011. – № 4. – С. 36.
2. Прокудина, Л. А. Посредничество как способ урегулирования корпоративных конфликтов / Л. А. Прокудина // Предпринимательское право. – 2007. – № 4. – С. 6–7.
3. Развитие медиации в России: теория, практика, образование / О. В. Аллахвердова [и др.]; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 320 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Федоляк Екатерина Игоревна, аспирант кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *И. А. Маньковский*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Для правильного и эффективного развития и функционирования агроэкотуризма в Республике Беларусь необходимо выполнять ряд мероприятий по улучшению и совершенствованию нормативной базы в этой деятельности. В этой связи хотелось бы указать на ряд проблем, существующих в сфере агроэкотуризма, и предложить пути их разрешения.

Во-первых, необходимо отметить, что правовая база, регламентирующая агроэкотуристическую деятельность, включает в себя множество нормативных правовых актов. На наш взгляд, видится необходимым принятие одного кодифицированного акта, включающего в себя следующие нормы: регулирующие порядок регистрации и осуще-

ствления агротуристической деятельности; определяющие субъектов агротуризма и предоставляемые ими конкретные виды услуг; устанавливающие права и обязанности как субъектов агротуристической деятельности, так и ее участников; регулирующие порядок предоставления агроэкоуслуг; наиболее полно уточняющие виды «иных услуг, связанных с приемом, размещением, транспортным и иным обслуживанием агроэкотуристов», указанные в п. 5 Указа Президента Республики Беларусь «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь». Это необходимо для того, чтобы само понятие «агроэкотуризм» не потеряло свой первоначальный смысл, определенный в Указе. Ведь нередко и такое, что в отдельных местах агроэкотуризм превратился в гостинично-ресторанный бизнес, когда гостям предлагается не тот туризм, который изначально был предусмотрен.

Во-вторых, благоприятные условия осуществления деятельности в сфере агроэкотуризма, предусмотренные Указом Президента Республики Беларусь «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь», касаются лишь двух субъектов – физических лиц, ведущих личное подсобное хозяйство, и крестьянских (фермерских) хозяйств.

Выбор в данном случае вполне оправдан, направлен на возрождение инициативы сельского населения, придавая этой деятельности ярко выраженный семейный характер. Однако, как представляется, развивать агроэкотуризм следует с участием и иных субъектов, в частности граждан, имеющих жилые дома в сельской местности, но проживающих в крупных городах (следовательно, не подпадающих под действие вышеназванного Указа), сельскохозяйственных организаций (причем не только сельскохозяйственных производственных кооперативов), что также требует специального правового регулирования.

В-третьих, одним из основных субъектов, подпадающих под действие Указа, выступают физические лица, проживающие в сельской местности, малых городских поселениях и ведущие личное подсобное хозяйство.

При этом под сельской местностью понимается территория, входящая в пространственные пределы сельсоветов, за исключением территорий поселков городского типа и городов районного подчинения. В свою очередь, малые городские поселения включают в себя поселки городского типа и города районного подчинения с численностью населения до 20 тыс. человек. В то же время в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. земельные участки для ведения личного подсобного хозяйства предоставляются лишь в сельских населенных пунктах и поселках городского типа.

Таким образом, в городах районного подчинения вообще не предусмотрено предоставление земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства. В данном случае имеет место явная несогласованность норм Указа с нормами земельного законодательства.

Также в соответствии с п. 11 Указа Президента Республики Беларусь «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь» для представления интересов субъектов агроэкотуризма в установленном порядке могут создаваться общественные объединения, которые имеют право: разрабатывать и в установленном порядке вносить предложения об установлении стандартов в сфере агроэкотуризма; обобщать и представлять заинтересованным юридическим и физическим лицам сведения о субъектах агроэкотуризма и оказываемых ими услугах; в целях поддержки агроэкотуризма создавать консультационные и информационные центры; взаимодействовать с индивидуальными предпринимателями и организациями, осуществляющими туристическую деятельность. В связи с этим, на наш взгляд, видится необходимым создание такого рода общественных объединений, так как они способствовали бы непосредственному развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь, осуществляли защиту интересов субъектов агроэкотуризма, оказывали помощь в создании агроэкотуристических комплексов и т. д.

Стоит отметить, что с целью популяризации такого отдыха среди населения и привлечения граждан к занятию этим видом туризма был создан Общественный совет по развитию агроэкотуризма в Минской области. Он призван способствовать развитию международного сотрудничества в этой области, а также содействовать созданию партнерских отношений между органами власти, хозяевами сельских усадеб, неправительственными организациями, представителями бизнеса, прессы, туристическими предприятиями и другими заинтересованными органами и лицами. В совет вошли хозяева сельских усадеб, представители турфирм, директора сельскохозяйственных предприятий, лидеры общественных организаций, эксперты Программы поддержки Беларуси Федерального правительства Германии. В настоящее время созданы общественные советы в Воложинском, Молодечненском, Смолевичском и Логойском районах.

Однако, на наш взгляд, этого недостаточно и необходимо создание такого рода советов во всех областях Республики Беларусь с централизацией управления в уже созданном Общественном совете по развитию агроэкотуризма в городе Минске.

Ежегодно Управление физической культуры, спорта и туризма Минского облисполкома совместно с общественным советом по агроэкотуризму, общественным объединением «Отдых в деревне» проводит семинары для владельцев агроусадоб.

В 2012 г. проводились образовательные мероприятия по разным направлениям в туризме с привлечением экспертов из Израиля, Америки по темам: «Использование кластерной стратегии в развитии агротуризма на региональном уровне», «Опыт развития регионального туризма в США», «Повышение конкурентоспособности агроусадоб» и др.

Местные органы власти совместно с представителями культуры и владельцами сельских усадеб также активно работают над развитием агротуризма в своем регионе.

Стоит отметить, что такого рода мероприятия также играют важную роль в развитии и популяризации агроэкотуристической деятельности в Республике Беларусь.

Хотелось бы отметить, что развитие сельского туризма позволяет закрепить людей на селе, привлечь инвести-

ции в инфраструктуру, способствовать самореализации местных жителей, стимулировать производство экологически чистых продуктов питания, возрождения ремесел.

Список использованных источников

1. Гуляев, В. Г. Туризм: экономика и социальное развитие : учебник / В. Г. Гуляев. – М. : Финансы и статистика, 2010. – 304 с.
2. Гайдукевич, Л. М. География международного туризма. Страны СНГ и Балтии : учеб. пособие / Л. М. Гайдукевич. – Минск : Аверсэв, 2004. – 252 с.
3. О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 июня 2006 г., № 372 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 89. – 1/7647.
4. Об утверждении Национальной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2006–2010 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 авг. 2005 г., № 927 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 48. – 2/759.
5. Решетников, Д. Г. Международный туризм в системе внешней торговли Беларуси : учеб. пособие / Д. Г. Решетников – Минск : Амалфея, 2004. – 145 с.
6. Гайдукевич, Л. М. Приоритетные направления международного сотрудничества Беларуси в сфере туризма / Л. М. Гайдукевич // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2007. – № 7. – С. 23–37.
7. Баюн, М. Н. Оценка потенциала Республики Беларусь для развития экологического туризма / М. Н. Баюн // Вестн. Брест. гос техн. унта. – 2005. – № 1. – С. 73–75.
8. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Я. М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак. – 200 с.
9. Лученок, С. А. Экоагротуризм в системе многофункционального развития сельскохозяйственных регионов / С. А. Лученок // Экон. бюллетень. – 2007. – № 5. – С. 94–100.
10. Туризм: проблемы и перспективы развития : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Брест, 2–3 дек. 2005 г. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2005. – С. 263–265.
11. Тарасенок, А. И. Объективные трудности развития рынка услуг агротуризма в Беларуси / А. И. Тарасенок // Проблемы модернизации экономик Беларуси и России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24–25 марта 2005 г. – Минск : БГЭУ, 2005. – С. 141–143.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ И ПРИНЯТИИ ЗАКОНОПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Темерева Юлиана Владимировна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Законы принимаются на федеральном и региональном уровнях, круг субъектов, имеющих право законодательной инициативы, достаточно широкий, процедура принятия закона весьма сложная и длительная, отдельные законопроекты требуют специального процесса их принятия и обсуждения – перечисленные факторы уже сами по себе являются основаниями возникновения споров, связанных с принятием законопроектов.

При этом на федеральном уровне процесс принятия проекта закона настолько длительный и сложный, что занимает временной промежуток от шести месяцев до нескольких лет. Причины столь длительной работы над законопроектом разнообразны: от необходимости четкой проработки предлагаемых норм с учетом значимости для социума до конфликтов в процессе обсуждения, препятствующих принятию проекта. Для автора статьи профессиональный интерес представляет исследование последней причины с позиции медиативного подхода. На примере Иркутской области проанализируем споры, возникающие в процессе принятия проектов законов.

Необходимо отметить, что споры, связанные с законопроектами, являются холодными конфликтами, поскольку возражения высказываются чаще всего в официальных письмах либо вежливым, безэмоциональным тоном, и в основе таких конфликтов лежит потребность в самоактуализации участников обсуждения. Кроме того, такие конфликты характеризуются многосторонностью, что значительно усложняет достижение договоренности в стиле «выигрыш – выигрыш». Тем не менее и в таких конфликтах можно максимально нивелировать действие деструктивных факторов.

Статьей 53 Устава Иркутской области установлено, что правом законодательной инициативы в Законодательном Собрании Иркутской области обладают 17 субъектов.

Как правило, проект закона Иркутской области принимается в трех чтениях. За время рассмотрения проекта закона в постоянных комитетах, постоянных комиссиях Законодательного Собрания Иркутской области субъекты права законодательной инициативы вправе вносить к нему предложения и замечания. Споры, возникающие еще на стадии рассмотрения законопроекта на заседаниях комитетов, связаны именно с предложениями и замечаниями, внесенными субъектами права законодательной инициативы. Основной причиной данных споров является отстаивание интересов указанными субъектами.

Весьма распространенными являются следующие споры: требуется принятие проекта закона, касающегося интересов публичных субъектов, но такой закон долгое время не разрабатывается и не принимается либо работа над ним ведется слишком длительное время; рассматривается закон, невыгодный отдельным категориям участников общественных отношений; различное толкование отдельных положений проекта закона; предоставление проекта закона области субъекту права законодательной инициативы для подготовки замечаний и предложений до рассмотрения его на заседании постоянного комитета либо предоставление в срок, за который невозможно качественно рассмотреть законопроект; неуведомление субъекта права законодательной инициативы о дате проведения комитета, комиссии или рабочей группы, на котором планируется рассматривать законопроект.

Разрешение споров, связанных с принятием законопроектов, осложнено тем, что, как правило, в таких спорах

отсутствует посредник.

Вместе с тем в роли посредника может выступить авторитетное лицо. Им может быть председатель комитета, комиссии или председательствующий на заседании сессии Законодательного Собрания Иркутской области.

Повышение эффективности работы над законопроектом возможно и реально за счет применения следующих медиативных технологий.

Во-первых, обращение к правилам. Так, ч. 2 ст. 38 Регламента Законодательного Собрания Иркутской области предусмотрено, что Председательствующий в ходе заседания Законодательного Собрания в том числе обеспечивает порядок в зале заседания и соблюдение Регламента.

Во-вторых, техники активного слушания, которые необходимы для точного и верного выявления позиции выступающего по поводу рассматриваемого законопроекта.

В-третьих, резюмирование, также способствующее пониманию позиции выступающего участниками заседания комитета, комиссии или сессии благодаря четкости и краткости перефразирования главного в речи выступающего. На обсуждении проекта Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» один из депутатов Законодательного Собрания выступал пятнадцать минут, так и не резюмировав свою позицию, что вызвало недопонимание его видения вопроса со стороны других депутатов [1].

В-четвертых, постановка вопросов, закрытых и открытых, для прояснения и уточнения позиций и интересов выступающего. Здесь особую значимость приобретает инструмент «петля понимания». Указанный инструмент уже используется некоторыми депутатами. Например, в ходе работы над тем же законопроектом депутат задал выступающему вопрос: «Антон Васильевич, правильно я понял, что Вы разделяете мою позицию о назначении исполнительных органов власти вместо выборов?»

В-пятых, языковая репрезентация, которая помогает в том числе обращению спорящих к взаимодействию, прекращению бесконечных препирательств. К примеру, частым отказом в поддержке законопроекта звучит следующее: «Мы не видим перспективы в реализации рассматриваемого законопроекта». В таком случае нужно призвать сторону к сотрудничеству, ответив: «Давайте рассмотрим возможные перспективы, при наличии которых, на Ваш взгляд, законопроект может быть полезен».

В-шестых, огромное значение имеет настроенность участников обсуждения законопроекта на позитивное общение и понимание того, что законы направлены на регулирование общественных отношений и принимаются прежде всего в интересах населения, а не конкретных органов власти и их должностных лиц.

В-седьмых, как известно, огромное количество нормативных актов оказываются нежизнеспособными. Избежать такого развития событий поможет использование техники тестирования на реалистичность положений законопроекта. В частности, относительно рассматриваемого проекта закона Иркутской области, на наш взгляд, необходимо выявление позиций, выраженных органами местного самоуправления Иркутской области, поскольку законопроект напрямую затрагивает их интересы, определение мнения населения муниципальных образований Иркутской области путем опроса и т. п., детальный анализ механизма реализации предлагаемых правил. В этом законопроекте использовалась фраза «с учетом мнения населения». При этом отсутствовал механизм выявления этого мнения, что, безусловно, затруднило бы практическую реализацию тех положений, которые ставились в зависимость от мнения населения.

В-восьмых, одинаковое наполнение терминов и понятий, используемых в законопроекте. Всем юристам известно, какое значение для качественного правоприменения имеет единое понимание правовых терминов и понятий.

Нетрудно заметить, насколько просты предлагаемые техники, но каждый раз при обсуждении законопроектов лишь единицы участников такого обсуждения их используют. А между тем, если бы каждый, от кого зависит законодательный процесс, применял их, это позволило бы избежать многих недоразумений в процессе реализации законов еще на стадии их обсуждения как законопроектов. Следует напомнить о том, что от качества законопроекта зависит в дальнейшем качественная реализация закона и готовность органов власти и населения его исполнять.

Список использованных источников

1. 11 сессия Законодательного собрания Иркутской области 30.05.2014 г. Проект закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» // Законодательное Собрание Иркутской области. – Режим доступа: <http://www.irk.gov.ru/service/video/list.php?ID=8442>. – Дата обращения: 07.11.2014.

АНАЛИЗ СТАТИСТИКИ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН ПРЕКРАЩЕНИЯ БРАКА И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Хвостенко Анастасия Николаевна, студентка магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Прошли те времена, когда процедура прекращения брака являлась достаточно сложной, затратной как по времени, так и по финансам и к тому же той процедурой, которая оставляла после себя клеймо.

На сегодняшний день брачный институт уже не подчиняется церкви, поэтому Семейный кодекс РФ четко регулирует не только права и обязанности супругов, но и такую процедуру, как расторжение брака.

Согласно действующему законодательству, брак может быть расторгнут по заявлению одного из супругов в

случае, когда достичь примирения между ними либо устранить причины, которые привели к распаду семьи, не представляется возможным. Расторжение брака может быть оформлено как в ЗАГСе по месту регистрации брака, так и в суде, если между супругами остались неурегулированными вопросы раздела имущества либо имеются совместные дети. Упрощение процедуры расторжения брака, безусловно, повлияло на брачную статистику.

В современном мире, в эпоху новейших технологий, возможностей и скоростей, расторжение брака считается обычным или даже обыденным явлением. Если обратиться к статистике, то каждая вторая пара распадается (более 53 % от общего числа зарегистрированных браков) [1]. В чем заключаются основные причины прекращения брака, сложно выяснить. Как правило, в документах указываются обычные, можно даже сказать, стандартные причины расторжения брака: «не сошлись характерами», пристрастие одного из супругов к алкоголю и измена.

Российский социолог В. В. Солодников под причинами прекращения брака понимает совсем другие аспекты: укрепление экономической самостоятельности и социального равноправия женщины; ориентация при создании семьи на личное счастье, прежде всего на взаимную супружескую любовь, повышенные требования к партнеру, выбранному по любви; недостаточно развитое чувство долга у одного из партнеров; разрушение семьи в случае, когда любовь приносится в жертву случайной связи [2, с. 132].

То, что мы обычно называем причиной расторжения брака, учеными обозначается как мотив. Под мотивом понимается обоснование решения о том, что потребности в браке не могут быть удовлетворены в данном брачном союзе, то есть это то, что «лежит на поверхности»; отсюда следует, что истинные причины прекращения брака чаще всего скрыты в глубинах сознания каждого из супругов.

Итак, рассмотрим основные мотивы прекращения брака, а также разберем их по структуре конфликта.

Частым мотивом является ревность. Ревность – это прежде всего неуверенность в себе. Предметом конфликта может быть абсолютно все: как объективно существующая, так и выдуманная проблема (все зависит от «ревнивца»). Для стороны, подвергнутой этим чувствам, его половинка будет казаться ему врагом, человеком, который причиняет ему боль и надсмехается над ним. Среда и условия, в которых протекает конфликт, ревнивца мало волнуют.

Другим мотивом является неудавшаяся адаптация супругов друг к другу. Обычно это называется «синдром неоправданных ожиданий». Столкновение интересов происходит в том, что реальная жизнь и «выдуманная реальность» не совпадают. То есть представления супругов друг о друге, о поведении в совместной жизни не совпадают с тем, что они считали идеальными взаимоотношениями.

Кризис среднего возраста также вносит свой вклад в распад семьи. Этот этап также называют «кризисом опустошенного гнезда» – дети вырастают и начинают свою жизнь, а супруги понимают, что их больше ничего не связывает. Человек начинает критически принимать свое место в жизни, сравнивать надежды и приобретенные итоги.

Очень часто трудовоголизм – это официальный предлог для того, чтобы меньше времени проводить дома в кругу семьи, это говорит прежде всего о кризисе отношений. Данный предлог обычно мешает разобраться в истинных мотивах нежелания проводить время совместно.

Пагубные привычки (наркомания, алкоголизм, пристрастие к азартным играм) являются болезнью, и не всегда хватает сил лечить человека, который не желает избавиться от них. Поэтому приходится идти на крайние меры – прекращение брачных отношений, чтобы самим не попасть в пучину этих болезней.

Супружеская измена покушается на любовь как основу брака, рушит целостность семьи, затрагивая все сферы семейного функционирования; наносит психологический урон личности, представляет угрозу самовосприятию и самоуважению, чувству собственного достоинства обманутого супруга.

Накопленные обиды, пожалуй, один из самых популярных мотивов. Накопленные обиды возникают из-за того, что вовремя проблемы не решались, появляется чувство неудовлетворенности как собой, так и партнером, которое в дальнейшем затмевает все хорошее, что происходит вокруг, делая акцент только на негативных эмоциях.

Анализируя вышеперечисленные мотивы прекращения брака, сделаем вывод, что чаще всего мотивы являются надуманными (выдуманной проблемой). Общим между этими проблемами является то, что участвующие в конфликте стороны не умеют и не желают услышать друг друга, так как не проговаривают всего, что в действительности их волнует. Самое главное, из-за чего случается конфликт – стороны четко следуют образу несовместимости партнера, который ясно закрепляется в их подсознании.

Так как причины прекращения брака в большинстве своем – это выдуманные проблемы, то, возможно, органам ЗАГСа и суда следует обучаться навыкам медиативных технологий для того, чтобы научить конфликтующие стороны слышать, слушать, а также конструктивно разговаривать друг с другом, что может способствовать своевременному предотвращению распада семьи.

Список использованных источников

1. Демографический ежегодник России, 2013 год: Браки и разводы // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly-/2014/0583/biblio04.php>. – Дата доступа: 11.11.2014.
2. Солодников, В. В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы / В. В. Солодников // Прикладные исследования. – 1994. – № 6. – С. 130–138.

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ РЕШЕНИЯ СОБРАНИЯ

Чиров Алексей Сергеевич, студент магистратуры Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Учитывая значимость решения собрания как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений, всестороннее теоретическое исследование этой категории приобретает особую актуальность. Прежде всего заслуживает отдельного внимания изучение правовой природы решения собрания.

На сегодняшний день в разговоре о правовой природе решения собрания неоспоримым является лишь одно утверждение – решение собрания относится к юридическим фактам. Однако остается открытым вопрос, к категории каких юридических фактов следует причислить решение собрания.

Казалось бы, Гражданский кодекс РФ поставил точку в этом вопросе, отнеся решения собраний к юридическим актам, отделив их тем самым от категории сделок. Такой подход к определению места решения собрания в системе юридических фактов был предложен еще в Концепции развития гражданского законодательства РФ [7, с. 19] с акцентом на то, что особенностью решения собрания является его обязательность в силу закона для всех, в том числе не принимавших в нем участия или голосовавших против. В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» было подчеркнуто отнесение решения собрания, за которым законом была закреплена определенная компетенция, к юридическим актам [12]. Хотя следует признать, что существуют иные мнения о толковании названия подраздела 4 Гражданского кодекса РФ «Сделки. Решения собраний. Представительство». Так, А. Дегтярева, основываясь на анализе порядка и последствий признания решения собрания недействительным, делает вывод, что законодатель рассматривает их как сделки [3, с. 45]. Отсутствие однозначного понимания подхода законодателя лишь свидетельствует об актуальности определения правовой природы решения собрания.

В российской правовой доктрине сформировались различные точки зрения относительно понимания правовой природы решения собрания. Наиболее популярными стали две позиции по рассматриваемому вопросу. Представители одного из подходов относят решение собрания к сделкам, мотивируя свое мнение тем, что, как и сделка, решение собрания является волеизъявлением, оформленным в определенном виде и влекущим соответствующие правовые последствия [2, с. 62; 5, с. 15; 8, с. 48; 11, с. 47; 14, с. 126].

Даже в рамках одного направления ученые отмечают отдельные тонкости и нюансы решения собрания как сделки. В частности, А. В. Голубев рассматривает решение собрания как многосторонний гражданско-правовой договор [2, с. 62]. Противоположного мнения придерживается К. И. Труханов, который считает, что решения собраний к договорам относить нельзя, поскольку договор обязательно предполагает согласование волеизъявления всех заинтересованных лиц. В этой связи решение собрания автор признает многосторонней сделкой особого рода [14, с. 128].

Встречаются и осторожные высказывания относительно признания решения собрания сделкой. Так, по утверждению П. З. Иванишина, решение собрания представляет собой «юридическую процедуру, результаты которой имеют сделкосодержащую правовую природу» [6, с. 9].

Следует отметить и мнение Г. В. Цепова, который, исследуя правовую природу решений общего собрания акционеров, пришел к выводу, что они могут быть двух видов: решения-сделки (например, об увеличении уставного капитала, образовании исполнительных органов, выплате дивидендов и т. д.) и решения, не являющиеся сделками (утверждение годового отчета и бухгалтерской отчетности и т. п.) [16, с. 144].

Приведенные взгляды были подвергнуты критике сторонниками второго ведущего подхода к определению правовой природы решения собрания, категорически отрицающего его рассмотрение в качестве сделки. Основным доводом противников признания решения собрания сделкой является то, что решение собрания создает правовые последствия не только для лиц, непосредственно принявших участие в собрании и проголосовавших за решение, но и для лиц, которые голосовали против или вовсе отсутствовали при принятии решения [1, с. 114; 4, с. 73; 9, с. 158; 15, с. 6].

Приверженцы этой позиции по-разному видят природу решения собрания. По мнению А. Я. Ганижева, решения собраний являются юридическими актами и могут носить нормативный или ненормативный характер [1, с. 115].

Некоторые цивилисты придерживаются особого взгляда на природу решения собрания, не относя его ни к сделкам, ни к юридическим актам, и говорят о нем как самостоятельном юридическом факте. Е. М. Хегай в своей диссертации, посвященной статусу общего собрания акционеров, отстаивает утверждение о том, что решение собрания, являясь правомерным действием, не вписывается в принятую в правовой доктрине классификацию юридических фактов [15, с. 6]. С точки зрения О. М. Родионовой, решение собрания является не действием, а объективированным в форме документа результатом деятельности по организации осуществления субъективного права голоса участниками собрания [13, с. 69].

Заслуживает внимания мнение А. Маковской, которая на примере решений, принимаемых в акционерном обществе, обосновывает тезис о том, что в силу содержательного многообразия решений неверным было бы признание за ними одинаковой гражданско-правовой природы [10, с. 9].

Из представленных выше взглядов о месте решения собрания в системе юридических фактов нам ближе его понимание как многосторонней сделки.

Если отталкиваться от классического представления о сделках как любых действиях лица, направленных на установление нового права или на его изменение или прекращение, то следует признать, что решения собраний

полностью охватываются этим понятием. Какое бы решение, принятое собранием, наделенным нормативным правовым актом компетенций, ни было взято в качестве примера, оно влечет совершенно определенные правовые последствия для участников отношений, будь то решение об одобрении сделки, назначении генерального директора, избрании управляющей компании, досрочном погашении ипотечных сертификатов участия, о выборе процедуры банкротства кредиторами и т. д. Даже утверждение по настоянию закона некоторых документов по итогам года имеет правоустанавливающее значение. К примеру, та же годовая бухгалтерская отчетность не может быть направлена в налоговый орган, если она не была утверждена общим собранием участников общества.

Относительно главного довода противников признания решения собрания сделкой у нас имеются следующие соображения. Как известно, условия и порядок совершения сделок и юридические последствия для каждой из них устанавливаются законом. В случае с решениями собраний как сделками имеют место три ключевые особенности, которые предопределяют законодательное регулирование порядка и последствий заключения такой специфической сделки. Во-первых, решение собрания обязательно к исполнению и теми, кто имел право выразить свою волю по вопросам повестки дня, однако не воспользовался предоставленной законом возможностью. Во-вторых, оно обязательно к исполнению теми, кому оно адресовано (совет директоров, управляющая компания, арбитражный управляющий и т. д.). В-третьих, для решения собрания характерен нестандартный вариант согласования волеизъявления его участников. Оно будет обязывать в том числе проголосовавших против его принятия в силу действия принципа большинства. Именно из-за последней особенности нельзя решение собрания назвать договором. Договор все-таки требует безоговорочного согласия всех его сторон со всеми его условиями (ч. 1 ст. 420 Гражданского кодекса РФ).

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к заключению, что многосторонние сделки делятся на две категории – договоры и решения собраний.

Несомненно, специфичность представленного взгляда на природу решения собрания заставляет задуматься об учении о сделках в российской цивилистической доктрине, поскольку с трудом укладывается в привычные для нас знания о них. Однако тот факт, что еще не все дискуссионные моменты, касающиеся решения собрания, проанализированы, говорит лишь в пользу необходимости дальнейшего детального и критичного научного исследования этого принципиально важного вопроса.

Список использованных источников

1. Ганижев, А. Я. Правовая природа и виды решения общего собрания хозяйственного общества / А. Я. Ганижев // Журн. рос. права. – 2012. – № 8. – С. 112–120.
2. Голубев, А. В. Решение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме как гражданско-правовой договор / А. В. Голубев // Законодательство и экономика. – 2012. – № 7. – С. 60–68.
3. Дегтярева, А. Поправки в ГК РФ: анализ изменений. Новеллы о решениях собраний / А. Дегтярева // Административное право. – 2014. – № 2. – С. 45–49.
4. Добровольский, В. И. Правовой статус решения собрания акционеров / В. И. Добровольский // Современное право. – 2009. – № 3. – С. 73–80.
5. Егоров, А. В. Закон и практика: от борьбы к единству / А. В. Егоров // эж-Юрист. – 2004. – № 3. – С. 15.
6. Иванишин, П. З. Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей / П. З. Иванишин // Гражданское право. – 2011. – № 2. – С. 8–13.
7. Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – С. 6–99.
8. Крашенинников, Е. А. Односторонние и многосторонние сделки / Е. А. Крашенинников, Ю. В. Байгушева // Вестн. ВАС РФ. – 2012. – № 7. – С. 46–50.
9. Ломакин, Д. В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства / Д. В. Ломакин. – М. : Статут, 2005. – 221 с.
10. Маковская, А. Оспаривание решений общего собрания акционеров / А. Маковская // Хозяйство и право. Приложение к ежемесячному юридическому журналу. – 2006. – № 9. – 48 с.
11. Мельникова, Т. В. К вопросу о правовой природе актов органов юридического лица / Т. В. Мельникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 6. – С. 46–48.
12. Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Иркутск, 2014.
13. Родионова, О. М. О правовой природе решений собраний и их недействительности в германском и российском гражданском праве / О. М. Родионова // Вестн. гражданского права. – 2012. – № 5. – С. 66–93.
14. Труханов, К. И. Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. – 2013. – № 10. – С. 126–128.
15. Хегай, Е. М. Правовой статус общего собрания акционеров по российскому законодательству: порядок организации работы, принятия и обжалования решений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. М. Хегай. – М., 2009. – 24 с.
16. Цепов, Г. В. Акционерные общества. Теория и практика / Г. В. Цепов. – М., 2010. – 199 с.

РАЗДЕЛ VI СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

ПРОФЕССОР Е. А. НЕФЕДЬЕВ О ЗАДАЧАХ И ЭЛЕМЕНТАХ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА XIX ВЕКА

Аболямова М., студентка 3 курса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Введение. Профессор Евгений Алексеевич Нефедьев (1851–1910) наставлял: прежде чем приступать к науке гражданского процесса, необходимо ознакомиться со взглядами на задачу этой науки, которые высказаны западноевропейскими авторами. На Западе наука гражданского процесса, разъяснял профессор, существует много столетий. Если бы русская наука отказалась от помощи западноевропейской науки процесса, то тем самым, как говорил профессор, она обрекла бы себя на бесполезное блуждание и надолго задержала бы свое правильное развитие. Русский гражданский процесс XIX в., изложенный в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г., есть результат заимствования правил западноевропейского законодательства (преимущественно французского) и результат исправления старых русских законов о судопроизводстве на основании начал (принципов), выработанных французским правом. Но во французской литературе нет систематических сочинений по гражданскому процессу, юристы лишь комментируют закон; наоборот, немецкая литература посвящена именно систематическому изучению процесса, и вопрос о задачах науки здесь основной [1, с. 3–4]. Е. А. Нефедьев говорит: достаточно ограничиться рассмотрением взглядов юристов на общегерманский процесс.

Немецкая историческая школа. Германский общий процесс рассматривают в двояком отношении: в области применения норм, которые лежат в его основе, и в отношении источников, из которых почерпнуты эти нормы. В первом случае общим процессом обозначается процесс, имевший силу в Германии как общее правило, если в каком-то государстве не был установлен иной порядок судопроизводства. Общему процессу противопоставляется партикулярный, применение которого ограничивается, например, Саксонией. В отношении источников общегерманский процесс есть тот, что базируется на предписаниях права римского, канонического права и имперских законов. Цель науки, полагали немецкие авторы, есть поддержание и облегчение применения общего германского процесса. Наука должна дать верное изображение процесса, изложить его догму. Но достигнуть цели по характеру источников права невозможно без исторического исследования: необходимо выяснить образовавшуюся исторически связь между правилами отдельных источников. Наука, говорят ученые, не может ограничиться лишь изложением права: наука должна исследовать его, выяснить смысл и значение [1, с. 4–8]. Историческая школа смотрит на право не как на собрание готовых правил, продукт произвола законодателя, а как на строгий порядок (организм), развивающийся из одного корня под влиянием практических потребностей. Этим базовым положением исторической школы объясняются взгляды на цель науки гражданского судопроизводства, высказанные немецкими процессуалистами. Они видят задачу в том, чтобы выяснить потребности и руководящие начала, под влиянием которых развивается процессуальное право, и таким образом не только исследовать значение институтов права в его настоящем положении, но и указать путь, которым должно идти его развитие.

Взгляды профессора К. И. Малышева. Первым систематическим сочинением по русскому гражданскому процессу был «Курс гражданского судопроизводства» Кронида Ивановича Малышева (1841–1907). К. И. Малышев признавал следующие четыре элемента науки: исторический, сравнительный, практический и критический. Значение судебной практики для развития права профессор К. И. Малышев определял так: **элементы судебных решений составляют настоящее практическое право в отличие от законов, которые просто написаны на бумаге** [1, с. 12–14]. В практике постепенно раскрываются отдельные понятия, прямо законом не определенные, устанавливаются частные положения, которые дополняют собой пробелы законодательства. Элементам историческому и сравнительному профессор К. И. Малышев отводил второстепенное место. История должна, с одной стороны, указывать почву, на которой развивалось судопроизводство и судопроизводство, и, с другой – исторические моменты появления правовых понятий должны служить более глубокому раскрытию процесса.

Благодаря сравнительному элементу детально выясняются общие начала процесса в интересах судебной практики. «На практику, – говорил он, – нельзя смотреть так узко, будто знание статей закона для нее обязательно, и ничего более. Она обладает творческой силой, она восполняет и развивает законодательство страны и не имеет никакого права изолироваться в этой деятельности». Критический элемент К. И. Малышев допускал с ограничением. Критика судебных решений допустима, но критика закона может быть только положительной. Под последней он понимал сравнение русских законов с законами иностранными с целью большего выяснения заключающихся в них понятий [1, с. 15]. Этого рода критика, добавлял К. И. Малышев, вытекает из понятия о законе как положительном источнике права. Критику другого рода – отрицательную, смотрящую на закон как на изменяющееся явление быта и требующую его изменения в случае несоответствия его последнему, – К. И. Малышев не допускает. Е. А. Нефедьев считал, что профессор К. И. Малышев задавался целью изложить теорию исключительно для практики и ради этой цели построить науку главным образом на законе и судебной практике, – он сузил ее задачу, лишил ее права на свободное исследование и уменьшил ее влияние на развитие права. Профессор Е. А. Нефедьев говорил, что К. И. Малышев, несмотря на свое желание лишить науку возможности содействовать развитию процесса, тем не менее помимо своего желания доставляет ей эту возможность. В самом деле К. И. Малышев допускает развитие права посредством судебной практики, за которой он признает творческую

силу. Он требует, вместе с тем, чтобы судебная практика в этой деятельности руководствовалась опытом практики других стран, а науку заставляет быть ее руководительницей [1, с. 15].

Взгляды профессора М. И. Малинина. Иного взгляда на задачи науки придерживался профессор Михаил Иванович Малинин (1845–1885). Человек стремится к удовлетворению своих потребностей. Отсюда спор между людьми о моем и твоём. Спор есть проявление борьбы за существование. Эта борьба не прекращается после установления государственного порядка и развития нравственных идей и законодательства. Но столкновения между людьми грозят нарушением свободы действий личности в сфере гражданских правовых отношений. Столкновения подрывают правопорядок в государстве. М. И. Малинин говорил: «Вопрос о столкновениях и спорах в гражданских правоотношениях роковым образом связан с вопросом о существовании государства» [1, с. 16]. Поэтому государство должно устранять столкновения. Для этого оно обязывает лиц в случае спора между собой о праве гражданском прибегнуть к нему, государству, за решением *и посредством судебных решений обращает спорное правоотношение в нормальное правоотношение.* Для этого необходим закон, и задачу науки гражданского процесса М. И. Малинин определял так: «Наука должна вскрыть этот основной, неизменный закон гражданского процесса, вскрыть его во всех процессуальных институтах и нормах...» [1, с. 18].

Список использованных источников

1. Нефедьев, Е. А. Задачи и элементы науки гражданского процесса : вступ. лекция, чит. 17 сент. 1882 г. в Казан. ун-те прив.-доц. Е. А. Нефедьевым. – 2-е изд. – Казань : Тип. ун-та, 1883. – 22 с.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Андрукович М., студентка 1 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»*

Избирательная система – это совокупность норм, правил и приемов, определяющих порядок организации и проведения выборов в правительственные учреждения или индивидуального руководящего представителя (например, президента страны), закрепленный в нормативных правовых актах, а также сложившейся практикой деятельности государственных и общественных организаций.

Избирательное право – это система правовых норм, регулирующих процесс организации и проведения выборов и референдумов. Избирательное право является институтом конституционного права, оно регулирует как процесс выборов депутатов парламента, депутатов местных советов депутатов, так и президента.

Избирательное право в узком смысле понимается как субъективное право гражданина избирать (активное избирательное право) и быть избранным (пассивное избирательное право).

Правовую основу избирательной системы Республики Беларусь, референдумов составляют Конституция Республики Беларусь, Избирательный кодекс Республики Беларусь, иные акты законодательства Республики Беларусь, постановления Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов.

Избирательный кодекс Республики Беларусь, принятый в 2000 г., объединил в себе правовые нормы, регулирующие четыре вида выборов, проведение референдумов и организацию отзыва депутатов и членов Совета Республики. Кодекс состоит из двух частей – Общей и Особенной, 10 разделов, 29 глав, 156 статей.

Организационная часть избирательной системы называется избирательным процессом. Избирательный процесс – это регламентированный законодательством порядок организации и проведения выборов.

Избирательный процесс состоит из ряда последовательных стадий, которые детально регламентированы в Избирательном кодексе Республики Беларусь. Основные стадии избирательного процесса следующие: назначение даты выборов; составление списков избирателей; образование избирательных округов, избирательных участков; формирование избирательных комиссий; выдвижение кандидатов (списков кандидатов) и их регистрация; предвыборная агитация; голосование; установление результатов выборов; опубликование результатов выборов в официальных изданиях.

Избирательный процесс базируется на принципах: законности; равенства прав участников процесса; осуществления избирательных производств уполномоченными органами; гласности; непрерывности осуществления избирательных мероприятий; документирования осуществления избирательных действий и определения результатов выборов.

Существуют следующие виды избирательных систем: мажоритарная (относительного большинства, абсолютного большинства, квалифицированного большинства), пропорциональная, смешанная и представительного меньшинства.

В Республике Беларусь применяется мажоритарная избирательная система. При мажоритарной системе победившим считается кандидат, получивший наибольшее количество голосов в данном избирательном округе. Принципы избирательного права в Республике Беларусь: всеобщее, равное, свободное, прямое избирательное право при тайном голосовании.

1. Всеобщее – каждый гражданин, достигший определенного установленного в законе возраста, имеет право

избирать и быть избранным в государственные органы независимо от пола, расы, национальности, вероисповедания, образования, социального происхождения и т. д.

2. Равное – все избиратели либо кандидаты находятся в равных условиях и участвуют в выборах на равных основаниях. Для избирателей этот принцип обеспечен тем, что каждый избиратель включен в единый список избирателей и голосует только 1 раз. Никто из избирателей не имеет преимуществ.

3. Свободное – каждый избиратель самостоятельно решает, участвовать ему в выборах или нет и за кого голосовать.

Прямое избирательное право – избиратель отдает свой голос за или против кандидата или решает непосредственно.

Косвенное избирательное право – кандидата избирают с помощью специальных коллегий или представительного органа.

4. Тайное голосование – никто не вправе осуществлять контроль за волеизъявлением человека. Это обеспечено нахождением на избирательных участках специальных кабин для голосования.

Конституция Республики Беларусь установила два условия наличия избирательного права – гражданство Республики Беларусь и возраст (не менее 18 лет).

Гражданство Республики Беларусь – это устойчивая правовая связь человека с Республикой Беларусь, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека.

Право избирать в нашей стране не зависит от таких обстоятельств, как происхождение, социальное и имущественное положение, национальность, пол, образование, отношение к религии.

В выборах не участвуют граждане, признанные судом недееспособными, а также лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы, и лица, в отношении которых избрана мера пресечения – содержание под стражей.

Граждане Республики Беларусь имеют право избираться: в депутаты местных Советов – с 18 лет; в депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь – с 21 года; в члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь – с 30 лет при условии проживания на территории своей области, города Минска не менее 5 лет.

Президентом Республики Беларусь может быть избран гражданин Республики Беларусь по рождению, не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Республике Беларусь не менее 10 лет непосредственно перед выборами.

В избирательном законодательстве Беларуси предусмотрено, что кандидатами в Президенты, депутаты, члены Совета Республики не могут быть выдвинуты граждане, не имеющие права в соответствии с законодательством Республики Беларусь занимать должности в государственном аппарате в связи с наличием судимости. Таким образом решен вопрос «о недопущении криминала во власть».

Выборы, референдумы организуют избирательные комиссии, комиссии по референдуму, которые образуются из представителей политических партий, других общественных объединений, трудовых коллективов, а также представителей граждан.

Сознательное и ответственное участие в выборах – это проявление гражданской зрелости человека, его гражданский долг.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ МЕР ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ИНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЗАКОННОСТИ

Бабук Е., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Преступность стала сегодня одной из самых серьезных проблем в мире. Она создает угрозу для развития и безопасности государств. Поэтому борьба с преступностью и иными правонарушениями является одной из самых важных задач государств.

Согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответственен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией» [1]. Как вытекает из указанного конституционного положения, гражданин вовлечен в устойчивую политико-правовую связь с государством, которая состоит из взаимных прав и обязанностей.

В укреплении законности в государстве, создании обстановки, исключающей различного рода правонарушения, большое значение имеет правовое воспитание граждан.

Органам прокуратуры с первых лет их существования (1922 г.) принадлежит ведущая роль в деле правового воспитания населения в духе уважения к законам и правилам общежития, непримиримости к любым нарушениям законности и установленного правопорядка [2, с. 219]. В настоящее время в условиях формирования правового государства сфера деятельности прокуроров и следователей в правовой пропаганде значительно возросла.

Задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и

законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов [3].

Прокуратура координирует правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью [3].

Пропаганда закона – одно из приоритетных направлений деятельности, так как незнание закона не освобождает от ответственности. Знание и понимание закона помогает гражданину не только избежать нарушения, но и понять, когда его права нарушены, к кому и каким образом нужно обратиться, как и какими мерами он вправе добиваться защиты своих прав, восстановления нарушенного интереса, возмещения вреда, ущерба.

Практика прокурорского надзора показывает, что некоторые лица допускают нарушение закона не умышленно, а вследствие своей юридической неосведомленности.

Пропаганду соблюдения законов можно рассматривать в двух смыслах:

1) в широком смысле слова: работа и деятельность всей системы прокуратуры Республики Беларусь оказывает влияние на объекты прокурорского надзора в отношении соблюдения ими законодательства;

2) в узком смысле: это конкретные действия органов прокуратуры и прокурорских работников, имеющие своей целью повысить правовую культуру, воспитать граждан в духе законности [4].

Прокуроры занимаются пропагандой законов в разных формах. Это выступления в печати и других средствах массовой информации, причем не только в виде статей, но и встреч с журналистами, проведение круглых столов, ответы на вопросы, информация о состоянии законности, о наиболее острых проблемах, возникающих в деле борьбы с правонарушениями и преступностью; выступления с лекциями и докладами перед населением, перед трудовыми коллективами; проведение занятий в различных формах обучения по правовым вопросам, а также при встречах с руководителями разных уровней, где прокурор разъясняет законодательство, в том числе на примере конкретных нарушений; внесение протестов и представлений, в которых также дается разъяснение законодательства; выступления прокурора в суде по уголовным и гражданским делам, которые рассматриваются по искам и заявлениям прокурора [2, с. 220].

Значительное место в правовой пропаганде занимают сообщения прокуроров и следователей на собраниях трудовых коллективов и общественных организаций о результатах проведения проверок, соблюдении законности на проверяемых предприятиях, в учреждениях и организациях.

Если установленные нарушения закона носят распространенный характер, то представление прокурора обсуждается на собрании трудового коллектива. Выступление прокурора в таких случаях является эффективной формой пропаганды права и закона, служащей важным средством предупреждения нарушений законности [2, с. 220].

Важной формой правовой пропаганды является информирование населения о совершенных преступлениях и причинах, им способствующих.

Недостаточная информация о совершенных правонарушениях порождает различного рода слухи и домыслы, сеет сомнение в возможности правоохранительных органов обеспечить безопасность граждан, создать обстановку законности, успешно раскрыть и расследовать преступления.

При соблюдении тайны следствия важно, чтобы население было своевременно проинформировано следователем или прокурором о совершенных убийствах, разбойных нападениях, хищениях, взяточничестве, нарушениях законов об охране труда и техники безопасности, при этом следует избегать стремления к сенсационности при подготовке информации о совершенных преступлениях [2, с. 220].

Зачастую средства массовой информации нагнетают общественное мнение против лица, подозреваемого в совершении преступления, хотя его вина не доказана и суд не признал его виновным в совершении преступления. В соответствии со ст. 26 Конституции Республики Беларусь «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [1]. И как следствие, это осложняет раскрытие и расследование преступлений и иногда влечет за собой постановление судом неправосудных приговоров. При всех условиях это влечет за собой нарушение конституционного принципа невиновности.

Важное значение для пропаганды права имеют выступления журналистов на юридические темы по радио и телевидению, но многие из них не знают юридических тонкостей законодательства и поэтому могут допустить ошибки в юридической оценке правонарушений, а иногда искажают их фактическую сторону [2, с. 221]. И, таким образом, все это отрицательно влияет на формирование общественного мнения, отношении населения к правоохранительным органам и их работникам.

Во избежание этого некоторые прокуроры устанавливают условия контакта с работниками средств массовой информации: систематически встречаются с журналистами на пресс-конференциях, за круглым столом, информируют их о деятельности прокуратуры и характере принимаемых решений. Как правило, ежегодно корреспонденты журналов и газет, радио, телевидения приглашаются на заседание коллегии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и прокуратур областей. Многие прокуроры используют и такую форму правовой работы, как участие корреспондента газеты, радио и телевидения по приглашению прокуроров в проведении различных кадровых проверок, участие их на служебных совещаниях по разбору результатов проверок и установлению выявленных нарушений законодательства и причин, их порождающих [2, с. 221]. Грамотный репортаж журналиста непосредственно с объекта проведения проверок, комментируемый прокурором, имеет неоценимое значение в деле правового воспитания граждан.

Прокуроры управлений и отделов по надзору за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия выступают по проблемам, связанным с борьбой с преступностью, раскрытием и расследованием пре-

ступлений, пресечением и предупреждением правонарушений. Прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов о несовершеннолетних, выступают в средствах массовой информации на соответствующие темы, а также осуществляют надзор в гражданском судопроизводстве, освещают темы соблюдения законодательства о семье и браке, праве граждан на жилище, о приватизации жилья, правовом оформлении различного рода следов, охране чести и достоинства граждан и т. д.

Прокуроры Генеральной прокуратуры, областных и приравненных к ним прокуратур, прокуроры городов и районов накопили огромный опыт работы по пропаганде законов. В настоящее время задача состоит в том, чтобы сохранить и передать этот накопленный опыт молодым специалистам, которые должны не только овладеть всеми формами правовой пропаганды, но и усовершенствовать их.

Отметим, что там, где активно ведется правовая пропаганда среди работников государственного аппарата, актива местных органов власти и управления, заметно сокращается число незаконных и необоснованных решений и иных нормативных актов, меньше допускается нарушений прав и законных интересов граждан.

Правовая пропаганда требует от исполнителя хорошего знания законов и ведомственных нормативных актов. Задача руководителей органов прокуратуры и отделов по систематизации и пропаганде права состоит в том, чтобы научить этих работников эффективно, со знанием дела выполнять эти далеко не простые обязанности.

Таким образом, основой нормальной жизни общества и его членов является законность, то есть безусловное и неукоснительное соблюдение правовых предписаний как важнейший составной элемент правового государства. Всеобщее соблюдение законов является проявлением зрелости общества, признаком его стабильности и, как следствие, благополучия и процветания.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 октября 2004 г. : в ред. решения респ. референдума от 17.11.2004 г. № 1. – Минск : Амалфея, 2004. – 48 с.
2. Кеник, А. А. Прокурорский надзор : учеб. пособие / А. А. Кеник. – Минск : Амалфея, 2008. – 576 с.
3. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.07.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
4. Роль прокуратуры в проведении пропаганды и правовом воспитании граждан [Электронный ресурс] // Студопедия. – 2014. – Режим доступа: <http://studopedia.ru/>. – Дата доступа: 12.12.2014.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕ

Белая Ю., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Дискуссия о процессуальном положении прокурора в суде проходит в юридической литературе давно. Первоосновой развернувшихся споров является противоречие между функциями надзора и поддержания обвинения, которые осуществляет прокуратура. Статья 25 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь говорит о том, что прокурор обязан на всех стадиях процесса своевременно принимать предусмотренные законом меры по устранению нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили. Здесь важно обратить внимание на три момента: 1) прокурор обязан принимать соответствующие меры во всех стадиях уголовного процесса, значит, и в стадии судебного разбирательства дела; 2) он должен реагировать на нарушения закона, от кого бы эти нарушения ни исходили, то есть включая и нарушения, допущенные судом; 3) вид и характер таких нарушений заранее не определены, следовательно, прокурор обязан реагировать на нарушения в любой их форме, будь то не соответствующее закону судебное решение (приговор, определение, постановление) или какое-либо отдельное процессуальное действие, совершенное в ходе судебного разбирательства.

Прокурор, не участвующий в судебном заседании и знакомящийся с уже вынесенным приговором, стоит перед необходимостью оценивать только итоговые выводы суда, конечные результаты его деятельности. Когда же прокурор поддерживает обвинение в суде, он не вправе выжидать, каким будет приговор, не вправе закрывать глаза на упущения в деятельности, участником которой он сам является. Прокурор продолжает оставаться стражем законности везде, в том числе и в судебном разбирательстве. Поэтому его обязанность состоит также в том, чтобы обеспечить законность действий суда, рассматривающего дело.

Нельзя впадать в крайность и ставить вопрос так: либо только суд следит за законностью, либо это относится к исключительной компетенции прокурора. Прокурор в суде – сторона, обвинитель, его задача – поддержание предъявленного обвинения и избличение перед судом виновного, «он должен убедить суд в правильности сформулированного им обвинительного вывода». Поддержание обвинения или отказ от обвинения – вот что составляет основное содержание деятельности прокурора в суде и определяет его процессуальное положение как участника судебного разбирательства. Выполняя обязанности государственного обвинителя и лишь в связи с этими обязанностями прокурор одновременно осуществляет надзор, то есть надзор прокурора за соблюдением законности в суде вытекает из осуществляемой им функции государственного обвинителя, а не наоборот. С точки зрения соотношения функций суда и прокуратуры, «с одной стороны, прокурор призван осуществлять надзор за соблюдением законности во время судопроизводства и реагировать указанными в законе средствами на всякие нарушения закона любыми участниками процесса, в том числе и судом, с другой стороны, суд имеет право контролировать за-

конность действий в судебном заседании и реагировать в установленном законом порядке на любое действие прокурора, которое он, суд, сочтет незаконным и нарушающим правила судопроизводства» [2, с. 243].

Таким образом, в самом судебном разбирательстве прокурор «никаких мер ни к участвующим в деле лицам, ни к суду применить не может» [1, с. 163]. А его возражения и протесты, высказанные во время судебного разбирательства, не обязательны для суда, рассматривающего дело. Они учитываются судом лишь в меру их обоснованности. Прокурор не вправе также давать указания суду о выполнении каких-либо действий. Между тем вышестоящие суды, судебные органы таким правом обладают. Они, не ограничиваясь констатацией самого факта нарушения закона, не только вправе, но и обязаны в пределах своих полномочий устранить обнаруженные ими или прокурором нарушения, исправить ошибку, допущенную органом расследования или судом. Они также наделены правом давать нижестоящим судам обязательные для них указания. Таким образом, в конечном итоге все вопросы решает суд.

Собственно, это и обуславливает процессуальное положение прокурора в суде, являясь выражением того, что «функция надзора отделена от функции правосудия, осуществляемой только судом и никем иным». Такое размежевание основных процессуальных функций между судом и прокурором создает все необходимые условия для действительно полного, объективного, всестороннего и справедливого исследования и разрешения дел, обеспечивает надежную правовую защиту интересов государства, общества и граждан.

В литературе существует мнение, что за прокуратурой необходимо оставить только надзорные функции, а для поддержания государственного обвинения создать специальный орган, на который не будет возложена функция надзора за законностью судебных постановлений. Сторонники данной позиции предлагают также наделить должностных лиц, которые поддерживают обвинение в суде, «властными полномочиями относительно обвинения, предъявляемого в стадии предварительного расследования, что способствовало бы формированию четкой личной позиции обвинителя по уголовному делу и его убежденности в правильности выводов следствия, что в свою очередь повысило бы эффективность поддержания обвинения».

Таким образом, следует обратить внимание на необходимость устранения несоответствия первой и второй частей ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь либо представления соответствующего разъяснения данных положений о прокурорском надзоре в уголовном процессе. Представляется, что прокурор осуществляет надзор и за законностью деятельности самого суда во всех стадиях уголовного процесса, а не только за соответствием закону судебных решений.

Для улучшения надзорных функций прокуратуры необходимо решить ряд задач. Первая связана с формированием у прокуроров высокой общей и правовой культуры, что включает в себя гуманистическое правопонимание, четкое уяснение правовых и нравственных начал своей деятельности, место и роль прокурора в уголовном процессе и т. д. Вторая задача заключается в обретении специальных профессиональных знаний и в первую очередь – в глубоком освоении закона и практики его применения, в умении использовать тактические приемы исследования доказательств, в понимании логических основ оценки доказательств и квалификации преступления, в овладении навыками ораторского искусства. Третья задача – формирование специальных психологических качеств. Сюда можно отнести творческое отношение к работе и осознание ее общественной значимости, способность противостоять внешнему давлению, умение слушать и вникать в доводы оппонента, корректно и грамотно вести полемику, аргументированно излагать свою точку зрения, способность переносить стрессовую ситуацию, снимать психологическое перенапряжение.

Для этих целей представляется целесообразным проведение областных и республиканских семинаров по проблемам поддержания государственного обвинения, конференций работников прокуратуры, адвокатуры и суда по вопросам уголовного и уголовно-процессуального права.

Список использованных источников

1. Строгович, М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – М., 1953.
2. Рахунов, Р. Д. Советский уголовный процесс / Р. Д. Рахунов. – М., 1964.

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Белявский А., студент 6 курса юридического факультета Российского государственного социального университета, филиал в г. Минске.

Бабищевич С.С., доцент кафедры гражданского права и процесса Российского государственного социального университета, филиал в г. Минске

Большинство современных исследователей включают в систему предмета гражданско-правового регулирования только две основные группы отношений: имущественные отношения; личные неимущественные отношения.

Классификация гражданских правоотношений на имущественные и неимущественные, по мнению А.А. Гончарова и А.В. Масловой, основана на том, что имущественные отношения имеют некоторое экономическое содержание и всегда связаны с нахождением имущества у того или иного лица (например, правоотношения собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления и других вещных прав), либо с передачей имущества одним лицом другому (например, по договорам купли-продажи, мены и т. д.) [3, с. 32].

В характеристике имущественных отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, не

смотря на общее сходство мнений у исследователей, существуют и определенные различия.

А.П. Сергеев и Ю.К. Толстой отмечают, что гражданское право регулирует далеко не все имущественные отношения, возникающие в обществе, а только определенную их часть, именуемую имущественно-стоимостными отношениями, к которым относятся в первую очередь товарно-денежные отношения [7, с. 5–6]. Признавая общепризнанную черту имущественных отношений – их стоимостный, товарно-денежный характер, необходимо учитывать, что в рассматриваемую группу входят и отношения, имеющие безвозмездный характер, например отношения, связанные с дарением (гл. 32 ГК), безвозмездным пользованием имуществом (гл. 36 ГК) [2, с. 130].

Традиционно белорусские правоведы [4, с. 6; 6, с. 6] выделяют три группы общественных отношений, составляющих предмет гражданского права: имущественные отношения; личные неимущественные отношения, связанные с имущественными; личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными.

Конструирование белорусскими исследователями такой системы предмета гражданско-правового регулирования обусловлено ст. 1 ГК Республики Беларусь, определяющей «отношения, регулируемые гражданским законодательством». Российский исследователь В.А. Белов полагает, что предметом гражданского права являются: имущественные отношения; связанные с имущественными отношениями личные неимущественные отношения; другие общественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников [1, с. 7].

А.Г. Калпин, А.И. Масляев в системе предмета гражданско-правового регулирования выделяют: имущественные отношения; личные неимущественные отношения; предпринимательские отношения [5, с. 20–21].

Говоря о предпринимательских отношениях, следует иметь в виду, что «участие частных лиц в экономических отношениях подчинено нормам гражданского (частного) права, которое, однако, предусматривает специальные (но гражданско-правовые по природе) нормы, рассчитанные на отношения исключительно с участием предпринимателей, например нормы об обязательствах с участием предпринимателя, в основном на стороне должника, о коммерческом предствительстве и т.д.» [2, с. 132].

О.Н. Садиков отмечает, что «предметом гражданского права согласно ст. 2 ГК являются две большие сферы общественных отношений: во-первых, имущественные отношения рынка и, во-вторых, неимущественные отношения, которые также обслуживают рынок, но прежде всего защищают личные интересы, права и свободы граждан» [8, с. 3]. Кроме этих двух видов отношений в системе предмета гражданско-правового регулирования О.Д. Садиков выделяет еще организационно-правовые отношения в гражданском праве и отношения международного частного права.

Вопрос о необходимости и целесообразности включения в состав предмета гражданского права такой группы общественных отношений, как организационные, обсуждался еще советскими учеными (С.Н. Братусь, О.А. Красавчиков), высказывающими противоположные точки зрения по анализируемой проблеме приблизительно в один временной период.

На наш взгляд, управленческие гражданско-правовые отношения, состоящие из отношений статутных и организационных, в советский период развития гражданско-правового регулирования были заменены управленческими отношениями, составляющими предмет административно-правового регулирования, т.е. общественными отношениями, основывающимися на государственных плановых актах». Два вида гражданско-правовых отношений (статутные и организационные) можно квалифицировать как гражданско-правовые управленческие отношения, входящие в предмет гражданско-правового регулирования.

Говоря об отношениях международного частного права применительно к ГК Российской Федерации, О.Д. Садиков указывает, что «согласно ч. 4 п. 1 ст. 2 ГК правила гражданского законодательства применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом, и эти вопросы являются в ГК предметом его заключительного Раздела VI «Международное частное право» (стст. 1186–1224)» [8, с. 3].

Данное положение, являющееся нововведением, закреплено соответственно в ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации, согласно которой иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в России правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором России. В соответствии с Постановлением Конституционного Суда России от 23 апреля 2004 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» «тем самым Конституция Российской Федерации в качестве общего принципа российского законодательства устанавливает «национальный режим» для иностранных лиц и лиц без гражданства, т.е. в отношении прав и обязанностей приравнивает их к российским гражданам; действие этого принципа подчеркнуто в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. по делу о проверке конституционности положения ч. 2 ст. 31 Закона СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР». В этой связи, на наш взгляд, отношения международного частного права нельзя признать в качестве отдельного вида правовых отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования.

В норму ч. 1 п. 1 ст. 1 ГК Российской Федерации Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» включено также указание на то, что гражданское законодательство регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения).

Выделение корпоративных отношений в предмете гражданского права осуществляется в результате теоретической и практической дифференциации этих отношений в рамках двух основных групп: имущественных и неимущественных отношений.

Представляется оправданным в предмет современного белорусского гражданского права включить:

1. отношения, лежащие в основе определения правосубъектности участников гражданского оборота (статутные (институциональные) отношения);
- 2) имущественные отношения (отношения статики и отношения динамики);
- 3) неимущественные отношения (как относящиеся, так и не относящиеся к личным);
- 4) личные отношения, имеющие в основе имущественный интерес [2, с. 136].

Список использованных источников

1. Белов, В.А. Гражданское право: учеб. пособие. Общая и Особенная часть / В.А. Белов. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.
2. Вабищевич, С.С. Система предмета современного гражданского права: на примере Российской Федерации и Республики Беларусь / С.С. Вабищевич // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6. – С. 128–136.
3. Гончаров, А.А. Гражданское право. Общая и Особенная часть : учеб. пособие / А.А. Гончаров, А.В. Маслова. – М. : Wolters Kluwer, 2010. – 512 с.
4. Батура, С.П. Гражданское и гражданско-процессуальное право : курс лекций / С.П. Батура. – Гомель : УО «БТЭУПК», 2008. – 228 с.
5. Гражданское право: учеб. пособие : в 2 ч. / М.В. Антокольская [и др.]; / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – Ч. 1. – 651 с.
6. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Годунов В.Н. [и др.]; под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2000. – 976 с.
7. Гражданское право: учеб. пособие: в 3 т. / Н.Д. Егоров [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – Т. 1. – 765 с.
8. Гражданское право России. Общая часть : Курс лекций / М.И. Брагинский [и др.]; отв. ред. О.Н. Садиков. – М. : Юристъ, 2001. – 776 с.

ПРОКУРАТУРА В РЕСПУБЛИКЕ ИТАЛИЯ

Бондарчук А., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Прокуратура в Италии является частью судебной системы республики, однако ее функции отличаются от функций судов. Необходимо отметить, что в Италии наблюдается четкое разделение полномочий судов и прокуратуры, несмотря на то что они относятся к одной ветви власти [1].

Прокуратура Республики состоит из лиц, принадлежащих к судебной ветви власти Италии, сотрудников судебной полиции и административного персонала (например, службы судебного секретаря). Организация деятельности отделов устанавливается на основании внутренних актов.

Необходимо также отметить, что каждая область Италии обладает собственной прокуратурой. Кроме того, в каждой прокуратуре есть отделы судебной полиции, которые регулируются Прокурором и имеют характер «объединенных сил». Их функция заключается в том, чтобы предложить судебным органам Италии непрерывную и непосредственную помощь на основе отношений взаимного сотрудничества [2].

В связи с принадлежностью прокуратуры к судебной ветви власти прокуроры обладают статусом членов судебного корпуса. Прокуроры назначаются на должность решением Верховного Совета Судей Республики.

Особенностью прокуратуры Италии является то, что отсутствует иерархия между рангами прокуроров. Каждый прокурор при осуществлении своих полномочий пользуется полной независимостью.

Полномочия прокуратур по уголовному преследованию в ведущих странах Европы весьма разнообразны и далеко не одинаковы. При всем многообразии содержания функции уголовного преследования в него неизменно входит, помимо прочего, возбуждение уголовного дела (инициация уголовного преследования), с которого, собственно, преследование и начинается [3].

В Итальянской Республике прокурор осуществляет надзор за соблюдением законов о правосудии, о правах государства, о юридических лицах, недееспособных; имеет право принимать такие охранительные меры, какие считает нужным.

Прокурор может требовать наказания за преступления и применение административных мер взыскания, исполнения приговоров, вступивших в законную силу, и других постановлений суда в случаях, установленных законом. Уложение о судостроительстве от 30 января 1941 г. № 12 регулирует полномочия (компетенцию) прокурора по уголовным, гражданским делам и по надзору за исполнением законов в местах лишения свободы [4].

Одной из функций прокурора в Италии является проведение предварительных следственных мероприятий. Необходимо отметить, что, когда прокурор завершает следствие, он передает дело судье предварительного слушания, который решает, достаточно ли доказательств для того, чтобы выдвинуть обвинение либо отказать от него. Таким образом, прокуроры самостоятельно осуществляют досудебные функции, но под контролем суда. В полномочия прокурора также входит возможность просить суд вынести подсудимому оправдательный вердикт.

Согласно ст. 104 Конституции Италии прокуратура защищена от любого влияния извне. Расследуя дело, прокуратура опирается на собственный штат офицеров и агентов судебной полиции. Срок предварительного следствия определен шестью месяцами.

В случае необходимости прокуратура имеет право делегировать собственные полномочия по расследованию особому, находящемуся в ее подчинении отделу, к которому приписаны офицеры и агенты, принадлежащие Казенной полиции, Армии карабинеров и Финансовой гвардии [1].

Генеральный прокурор обращается в Верховный Суд для того, чтобы вмешиваться во все слушания гражданс-

ких и уголовных дел. Этим он способствует, в интересах общества, обеспечению единообразного толкования закона (так называемая функция *nomofilattica*). Генеральный прокурор может обращаться в апелляционный суд или Верховный Суд для разрешения конфликтов компетенции, возникших между прокуратурами Республики, принадлежащих, соответственно, к одному и тому же району или к разным. Генеральный прокурор может также обращаться в апелляционный суд, чтобы проверить правильность и соразмерность уголовного преследования и соблюдения стандартов справедливого судебного разбирательства, а также своевременное осуществление полномочий прокуроров республики. Генеральный прокурор является членом судебного совета апелляционного суда, Верховного Суда, Генерального Совета судебной власти [5].

Непосредственное осуществление расследования является для большинства прокуратур рассматриваемой группы государств характерной, но вовсе не обязательной функцией при осуществлении уголовного преследования. Возбуждение уголовного дела прокуратурой не означает, что оно будет в дальнейшем ею же расследоваться. Даже в тех странах, где функции обвинения и расследования не разделены (как они разделены во Франции), прокуроры часто передают возбужденное уголовное дело для расследования другим органам. В Италии расследование уголовных дел проводится органами судебной полиции, преторами (впоследствии претор иногда рассматривает в качестве судьи расследованное им же дело), республиканскими прокурорами и, наконец, следственными судьями, состоящими при трибуналах и назначаемыми из числа членов трибуналов (ими проводится, как правило, так называемое формальное следствие по делам, подсудным суду присяжных).

В Италии прокуратура осуществляют достаточно жесткий контроль над органами предварительного следствия, особенно полицией, однако ее задача – не столько собственно охрана законности, сколько обеспечение других прерогатив прокуратуры, особенно процессуального руководства следствием. В предварительном следствии, которое ведет следственный судья, прокуратура пользуется правом ничем не ограниченного контроля. О любом следственном действии следственный судья обязан проинформировать прокуратуру, которой предоставлено право участия во всех допросах, экспертизах и т. д., если она сочтет это нужным в интересах расследования. Во всех развитых европейских странах санкционирование обысков, ареста имущества, прослушивания телефонов и применение иных мер процессуального принуждения отнесено к компетенции судьи. В Италии прокуроры вправе санкционировать прослушивание телефонных переговоров. Там же прокурор может распорядиться о задержании подозреваемого на срок до 48 часов [3].

В заключение необходимо отметить, что прокуратура Италии является органом, входящим в судебную систему республики. В связи с этим в обязанности прокуроров входит ведение предварительного расследования. Отличительной особенностью прокуратуры является отсутствие иерархической зависимости, что позволяет прокурорам осуществлять свои полномочия наиболее независимо.

Список использованных источников

1. Aziende per il settore "PROCURE DELLA REPUBBLICA" [Electronic resource] // Guida Monaci.it. – 2014. – Mode of access: http://www.guidamonaci.it/magistratura---giustizia---forze-dellordine/procure-della-repubblica_9_15_GMSI-00015210.html. – Date of access: 15.12.2014.
2. Procura della Repubblica [Electronic resource] // Wikipedia.org. – 2014. – Mode of access: http://it.wikipedia.org/wiki/Procura_della_Repubblica. – Date of access: 15.12.2014.
3. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании [Электронный ресурс] // Юриспруденция. – 2014. – Режим доступа: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=2399&id=22>. – Дата доступа: 16.12.2014.
4. Прокурорский надзор в зарубежных странах [Электронный ресурс] // Bygeo.ru. – 2014. – Режим доступа: <http://www.bygeo.ru/strany/italiya/1693-prokurorskiy-nadzor-v-zarubezhnyh-stranah.html>. – Дата доступа: 16.12.2014.
5. Procura generale della Repubblica [Electronic resource] // Wikipedia.org. – 2014. – Mode of access: http://it.wikipedia.org/wiki/Procura_generale_della_Repubblica. – Date of access: 15.12.2014.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХОЛДИНГОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бохан В., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В процессе своей деятельности субъекты хозяйствования стремятся к интеграции и объединению своих усилий для достижения общих целей, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. Объединения субъектов хозяйствования можно разделить на две группы:

- 1) имеющие статус юридического лица (государственные объединения, ассоциации (союзы), торгово-промышленные палаты);
- 2) не имеющие статуса юридического лица, но подлежащие регистрации (хозяйственные группы, холдинги).

Термин «холдинг» происходит от английского слова *hold*, что означает «владеть, владеть, содержать в себе, удерживать».

В Республике Беларусь создание первых холдингов регулировалось постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 апреля 1993 г. № 250 «О холдингах, создаваемых в процессе приватизации», действие которого распространялось на холдинги, созданные в процессе разгосударствления и приватизации республикан-

ской собственности. Под холдингом понималось юридическое лицо любой организационно-правовой формы, в состав имущества которого входят или в управлении которого находятся доли (акции) в имуществе иных юридических лиц, обеспечивающие ему право принятия или отклонения решений, принимаемых их высшими органами управления.

В настоящее время Указ Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь» (далее – Указ о холдингах) является основным нормативным правовым актом, регулирующим создание и деятельность холдингов в Республике Беларусь. Он определяет холдинг как объединение юридических лиц (участников холдинга). Принятие данного Указа стало новой отправной точкой в вопросах правового регулирования создания и деятельности холдинговых структур в Республике Беларусь. Необходимо отметить, что Указ «О холдингах» не распространяет свое действие на банки, небанковские кредитно-финансовые организации и страховые организации.

До сих пор остается неясным вопрос, как будет определяться организационно-правовая форма нерезидента и в связи с этим его возможность выступить участником холдинга, поскольку виды и правовая природа организационно-правовых форм юридических лиц в разных странах отличаются. Например, иностранная компания с организационно-правовой формой Limited Partnership переводится как коммандитное товарищество. Возникает вопрос: имеет ли право такого рода компания выступать участником холдинга, создаваемого на территории Республики Беларусь? Возможно, практика применения Указа № 660 пойдет по пути неприменения в отношении нерезидентов и ограничит участие в холдинге в зависимости от его организационно-правовой формы. В любом случае при отсутствии разъяснений данного пункта Указа № 660 возможны препятствия при регистрации холдинга на территории Республики Беларусь с участием нерезидента.

Процесс создания холдингов в Российской Федерации связан со структурной перестройкой экономики и широкомасштабной приватизацией государственных предприятий.

В законодательстве Российской Федерации легальное определение холдинга отсутствует. В этой связи многими исследователями поддерживается позиция, в рамках которой холдингами признаются основные общества (товарищества) и дочерние общества. Раскрывая понятие основного и дочерних обществ, российский законодатель в ст. 105 Гражданского кодекса Российской Федерации предлагает открытый перечень установления отношений «основное общество – дочернее общество»:

- а) преобладающая доля участия в уставном капитале хозяйственного общества;
- б) договор;
- в) возможность определять решения дочернего общества иным образом.

Исходя из названных оснований возникновения соответствующих отношений, холдинги классифицируются на имущественные, договорные холдинги и холдинги, основанные на организационном типе контроля, что отражает свою специфику деятельности наряду с другими странами.

Закон Украины от 15 марта 2006 г. № 3528-IV «О холдинговых компаниях в Украине» определяет холдинговую компанию как открытое акционерное общество, которое владеет, пользуется и распоряжается холдинговыми корпоративными пакетами акций (долей) двух или более корпоративных предприятий. При этом под корпоративным предприятием Закон Украины понимает хозяйственное общество, холдинговым корпоративным пакетом акций (долей) которого владеет, пользуется и распоряжается холдинговая компания.

Таким образом, можно сделать вывод, что Закон Украины «О холдинговых компаниях в Украине» среди участников холдинга выделяет исключительно хозяйственные общества, причем управляющей компанией может быть хозяйственное общество исключительно в форме открытого акционерного общества. Следовательно, в случае, если хозяйственное общество, иное по сравнению с открытым акционерным обществом, участвует в уставном капитале другого хозяйственного общества, то такие отношения по украинскому закону не будут подпадать под понятие «холдинг», а само такое общество не будет являться холдинговой компанией.

Кроме того, нельзя не отметить, что до сих пор остаются неразрешенными следующие проблемы:

- 1) возможное злоупотребление управляющей компанией своими контрольно-управленческими функциями, при этом дочерние компании лишаются необходимой оперативной хозяйственной самостоятельности;
- 2) ограничения участников холдинга в установлении целей, на реализацию которых можно направить средства, выделенные из централизованного фонда;
- 3) отсутствие достаточной правоприменительной практики деятельности холдингов;
- 4) отсутствие внутренней конкуренции между участниками холдинга, что может привести к сохранению нерентабельных производств и последующему понижению экономической эффективности холдинга в целом;
- 5) проблемы, связанные с налогообложением, возникновение «скрытых» доходов, сокрытие прибыли.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что такое объединение юридических лиц, как холдинг, – достаточно новое явление для бизнеса в данных странах. Эффективность таких объединений будет видна по истечении следующего (а возможно, и не только) десятилетия, но нельзя не отметить, что деятельность холдингов способствует развитию бизнеса, дает возможность оптимизировать налоговое планирование, повышает рентабельность и увеличивает прибыль, что благоприятно влияет на экономику страны и отвечает интересам государства при условии соблюдения норм антимонопольного законодательства.

ЗАЩИТА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Бурачевская А., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Е. Н. Гладкая*, ассистент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Постановление Пленума Верховного Суда от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» (далее – постановление Пленума ВС № 15) устанавливает, что под деловой репутацией юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) понимается оценка их хозяйственной (экономической) деятельности как участников хозяйственных (экономических) правоотношений как другими участниками имущественного оборота, так и гражданами, таковыми не являющимися. Деловая репутация относится к нематериальным благам и защищается в соответствии с п. 2 ст. 151 Гражданского кодекса (далее – ГК) в случаях и порядке, предусмотренных гражданским законодательством, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (перечислены в ст. 11 ГК) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Хозяйственный процессуальный кодекс (далее – ХПК), а именно ст. 47, указывает, что споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности относятся к специальной подсудности экономических судов.

В п. 6 постановления Пленума ВС № 15 устанавливается, что дела о защите деловой репутации подведомственны общим судам, если одной из сторон является гражданин, не являющийся ИП. Однако в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 26 апреля 2005 г. № 16 «О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации» (далее – постановление Пленума ВХС № 16) разъясняется, что споры о защите деловой репутации рассматриваются экономическими судами по правилам специальной подсудности, независимо от того, является ли ответчик коммерческой или некоммерческой организацией, либо организацией, не обладающей статусом юридического лица, либо гражданином, не являющимся ИП.

Защита деловой репутации возможна без предварительного соблюдения досудебного порядка обращения к лицу, распространившему порочащие сведения [3].

Для обращения за судебной защитой деловой репутации организации со статусом юридического лица необходимо наличие следующих условий: распространение сведений; порочащий характер сведений, то есть сведения, умаляющие деловую репутацию гражданина или организации со статусом юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных лиц с точки зрения соблюдения законов, норм морали, обычаев [4, с. 24]; несоответствие их действительности [4, с. 24].

Здесь же следует указать, что в постановлении Пленума ВХС № 16 все эти условия, указанные выше, являются обстоятельствами, которые имеют значение для дела и подлежат оценке суда.

Пункт 2 постановления Пленума ВС № 15 устанавливает, что рассмотрение судом в отношении ответчика уголовного или административного дела о клевете или оскорблении не является препятствием к возбуждению по иску потерпевшего гражданского дела о защите деловой репутации.

Порочащие сведения, распространенные в отношении юридического лица, могут затрагивать честь, достоинство и деловую репутацию руководителя юридического лица или его работников, если они будут касаться выполнения ими трудовых функций и (или) должностных полномочий и негативно влиять на осуществление деятельности организации [3].

Время доказывания по делам о защите деловой репутации имеет свои особенности: истец обязан доказать факт распространения сведений, порочащих его деловую репутацию, а также вправе представить доказательства их ложности и негативного влияния на осуществляемую им деятельность; ответчик обязан доказывать соответствие действительности распространенных об истце сведений [3].

Постановление Пленума ВС № 15 закрепляет положение о том, что иск вправе предъявить орган юридического лица. Пункт 10 вышеуказанного постановления конкретизирует данное положение: если распространение порочащих сведений затрагивает интересы структурного подразделения, то право на защиту осуществляет орган юридического лица, частью которого является данное подразделение.

В исковом заявлении необходимо изложить, какие сведения истец считает порочащими, в чем выражается их несоответствие действительности и какой порядок их опровержения предлагает истец [3]. По общему правилу сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию, должны опровергаться способом, наиболее близким к способу их распространения [1].

Если в исковом заявлении не указаны конкретные материально-правовые требования, предъявленные истцом, оно остается без движения [3].

В отличие от юридических лиц, индивидуальный предприниматель вправе кроме опровержения порочащих сведений требовать компенсацию морального вреда [2, п. 12].

Согласно теории фикции юридических лиц, предложенной Ф. Савиньи, юридическое лицо понимается как искусственно созданный посредством простой фикции субъект права. Такая фикция не имеет воли и сознания, создана только для юридических целей и осуществляет деятельность через свои органы. На основании данной теории можно сделать вывод, что юридическое лицо физические страдания испытывать не может, а значит, и права на компенсацию морального вреда не имеет [4, с. 30].

Поскольку истец требует по суду опровержения сведений, порочащих его деловую репутацию, то можно гово-

речь о том, что сущность защиты деловой репутации носит реабилитационный характер по отношению к деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что способы защиты деловой репутации субъектов хозяйствования отличаются. Так, индивидуальные предприниматели, в отличие от юридических лиц, вправе требовать моральной компенсации в делах о защите деловой репутации.

Основной формой защиты нарушенных прав субъектов хозяйствования является судебная. При подаче искового заявления в суд о защите деловой репутации в заявлении истец (юридическое лицо или ИП) обязан указать сведения, которые, по его мнению, носят порочащий характер и в чем таковые не соответствуют действительности, предлагаемый истцом порядок опровержения порочащих сведений и конкретные материально-правовые требования, в противном случае исковое заявление будет оставлено без движения.

Список использованных источников

1. О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 1999 г., № 15 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
2. О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 26 апр. 2005 г., № 16 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
3. Карпенков, В. В. Защита деловой репутации: основные положения [Электронный ресурс] / В. В. Карпенков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
4. Маньковский, И. А. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – Т. 3: Личные и вещные права. – 392 с.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бурдей А., Гулюк Т., студентки 3 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»
Научный руководитель: *Н. С. Минько*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Охрана окружающей среды представляет собой деятельность граждан, государственных органов, общественных объединений и иных юридических лиц по сохранению, восстановлению природной среды, рациональному использованию природных ресурсов и их приумножению, предотвращению загрязнения природной среды, ее уничтожения и деградации, а также по ликвидации негативных последствий хозяйственной деятельности.

В современных условиях общество, воздействуя на природу, постоянно воссоздает окружающую среду путем внедрения антропогенных объектов для обеспечения своих социальных потребностей [1, с. 16].

В Беларуси можно выделить три группы проблем окружающей среды и ее безопасности, требующих первоочередного разрешения: 1) связанные с водными объектами; 2) связанные с землями (почвами) и экосистемами; 3) связанные с загрязнением территорий в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

В Республике Беларусь имеются водные бассейны и подземные воды, являющиеся трансграничными, в связи с чем расширяется международное сотрудничество в сфере совместного управления водными ресурсами. Республика Беларусь участвует в двусторонних соглашениях по защите трансграничных вод во взаимодействии с такими странами, как Россия, Украина, Литва и Польша. Следует отметить, что при проведении мелиоративных работ не всегда соблюдаются экологические требования, что приводит к негативным последствиям в отношении биологического разнообразия и природных ресурсов территории и требует проведения восстановительных мероприятий.

Катастрофа на Чернобыльской АЭС сделала невозможным использование значительного количества земельных угодий. Проводимая государством политика направлена не только на улучшение состояния земель, но и в большей степени на регулирование порядка использования существующих экосистем, что порой ускоряет деградацию отдельных категорий земель.

Необходимо уделить внимание такой проблеме, как пестициды, объемы которых в Республике Беларусь присутствуют в экосистемах в больших количествах; они также оказывают вредное воздействие на окружающую среду, например выступают стойкими загрязнителями вод. Публично утверждается, что данная проблема очень актуальна и государственные органы ищут глобальные пути ее решения, но информация, доводимая до населения, остается неполной.

Важной проблемой в области окружающей среды являются промышленные зоны, которые расположены рядом с государственной границей Республики Беларусь. Люди боятся жить рядом с огромными индустриальными объектами, их окружает ощущение постоянной опасности, что приводит к миграции населения и сокращению экономической деятельности в таких районах. Ярким примером индустриального объекта, несущего потенциальную экологическую опасность для населения, является Игналинская АЭС. Она является ближайшей к белорусской границе и использует трансграничное озеро Дрысвяты в качестве водоема-охладителя. Близость атомной станции к национальному парку «Браславские озера» значительно влияет на туристический потенциал, на здоровье и экономическое благополучие проживающего рядом населения. Игналинский атомный реактор запланирован к выходу из эксплуатации при поддержке Европейской комиссии, однако в том же районе планируется строительство

хранилища среднеактивных отходов.

Экологическая безопасность как состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера – важное условие благополучия государства.

В Республике Беларусь различные аспекты экологической безопасности регулируются положениями внутригосударственного законодательства. В то же время для более эффективного обеспечения требований экологической безопасности необходимо как усиление международного сотрудничества в этой области, так и дальнейшее развитие, экологизация национального права.

В настоящее время поставлена задача заменить до 25 % импортируемого топлива собственными источниками (торфом, бурым углем и древесиной). При этом более широкое использование древесной биомассы улучшит «углеродный баланс» национальной энергетики; использование торфяников и других видов ископаемого топлива может оказаться менее выгодным с точки зрения воздействия на климат. Из-за быстрого роста лесозаготовок, добычи угля и торфа могут возникнуть значительные проблемы, связанные с региональным (выделение окислов серы и азота) и местным воздействием на окружающую среду (разрушение экосистем, местное загрязнение воздуха). Поэтому экосистему следует воспринимать и изучать только как открытую систему в сбалансированном взаимодействии общества и природы [2, с. 168].

Пути решения проблемы окружающей среды в первую очередь зависят от самого гражданина. Ведь именно он с помощью государства должен поддерживать чистоту и порядок, плодородие почв, чистить водоемы, правильно уничтожать отходы и многое другое. Нельзя игнорировать проблемы окружающей среды, сегодня нужно задуматься о том, что будет с природой через 10 лет и что увидит наше будущее поколение, сможет ли оно летом отдохнуть на озере без вреда для своего здоровья, будет ли существовать такое огромное количество ландшафтов. Это требует активных действий каждого субъекта экологических отношений.

Список использованных источников

1. Экологическое право : учебник / С. А. Балащенко [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 501 с.
2. Экологическое право : учебник для вузов / В. В. Гучков [и др.] ; под ред. В. В. Гучкова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. – 415 с.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Бурко М., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Вопрос о совершенствовании и систематизации некоторых институтов уголовного права, в частности института ответственности и преступления против собственности, является, наверное, одним из основополагающих в правовой теории. И, несмотря на убеждения многих о том, что теория всегда далека от практики либо недостаточно материалистична, чтобы ее реализовать, обсуждение данного вопроса убеждает в обратном.

При совершенствовании законодательства особенно важную роль играет научное обоснование каждой группы законодательных актов как составных элементов общегосударственной правовой системы.

Согласно ст. 44 Конституции Республики Беларусь «государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению. Собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами. Неприкосновенность собственности, право ее наследования охраняются законом. Собственность, приобретенная законным способом, защищается государством» [3].

Для претворения в жизнь данных положений уголовным законодательством Республики Беларусь устанавливается наказание за совершение хищений. С развитием общественных отношений и появлением новых форм собственности появляются и новые способы совершения хищений. Кроме того, отношения собственности являются одним из основополагающих начал, обеспечивающих нормальную работоспособность экономики в нашем государстве. В этом и есть актуальность темы настоящей работы, которая напрямую зависит от развития права собственности в Республике Беларусь.

Действующее законодательство Республики Беларусь, в частности в области профилактики и борьбы с хищениями, основывается на ряде нормативных правовых актов нашего государства, а именно: Конституции Республики Беларусь, Уголовном кодексе Республики Беларусь, Уголовно-процессуальном и иных кодексах Республики Беларусь, государственных программах по борьбе с преступностью, утверждаемых указами Президента Республики Беларусь, региональными программами по борьбе с преступностью, ежегодно утверждаемыми решениями областных, Минского городского исполнительных комитетов и другими актами законодательства, в том числе международных договорах Республики Беларусь.

Деятельность по профилактике хищений в нашем государстве основывается на ряде основополагающих принципов, таких как законность; гуманизм; демократизм; плановость и системность; защита и соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан; индивидуальный подход к гражданам, в отношении которых имеются основания для принятия мер общей и (или) индивидуальной профилактики; скоординированность действий и оператив-

ного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений, других государственных органов (организаций), иных организаций; государственная поддержка участия граждан и их объединений в деятельности по профилактике преступлений; ответственность должностных лиц субъектов профилактики преступлений, иных организаций за нарушение законодательства Республики Беларусь в области профилактики преступлений [2].

В настоящий момент в республике установлено, что к субъектами профилактики преступлений относятся: органы внутренних дел; органы прокуратуры; органы государственной безопасности; органы пограничной службы; таможенные органы; орган государственной охраны; Комитет государственного контроля Республики Беларусь; органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям; местные исполнительные и распорядительные органы; органы управления здравоохранением и государственные организации здравоохранения; органы управления образованием и государственные учреждения образования; органы по труду, занятости и социальной защите; органы опеки и попечительства; органы юстиции (Министерство юстиции Республики Беларусь и входящие в его систему подразделения (организации)) и иные органы и организации, а также государственные средства массовой информации (далее – средства массовой информации); советы общественных пунктов охраны порядка (далее – советы общественных пунктов); добровольные дружины; иные субъекты, определенные законодательными актами Республики Беларусь.

Законом устанавливается что «координация деятельности субъектов профилактики правонарушений, других государственных органов (организаций), иных организаций в области профилактики правонарушений осуществляется координационными совещаниями по борьбе с преступностью и коррупцией, действующими в порядке, определяемом Президентом Республики Беларусь» [1].

На современном этапе в нашем государстве предусмотрен широкий перечень профилактических мероприятий, которые направлены на предупреждение преступлений против собственности. «Так, в целях профилактики правонарушений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности:

органами внутренних дел, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, другими государственными органами (организациями), осуществляющими проверки (ревизии) финансово-хозяйственной деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, проводятся в установленном порядке проверки состояния в организациях работы по борьбе с хищениями;

органами Комитета государственного контроля Республики Беларусь, другими государственными органами (организациями), осуществляющими проверки (ревизии) финансово-хозяйственной деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, проводятся в установленном порядке проверки расходования бюджетных средств, а также мероприятия, направленные на предупреждение правонарушений в реальном секторе экономики и социальной сфере;

органами Комитета государственного контроля Республики Беларусь принимаются меры по совершенствованию методики проведения проверок (ревизий) финансово-хозяйственной деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей;

органами внутренних дел во взаимодействии с жилищно-эксплуатационными службами, средствами массовой информации осуществляется информирование организаций и граждан о необходимости оборудования помещений средствами охраны и безопасности, входных дверей в подъезды домов домофонами, кодовыми замками и средствами видеонаблюдения;

местными исполнительными и распорядительными органами принимаются меры по строительству охраняемых стоянок транспортных средств и созданию гаражно-строительных кооперативов, оборудованию и поддержанию в технически исправном состоянии систем электроосвещения в гаражных массивах, на стоянках транспортных средств, выделению при проектировании и строительстве в жилых комплексах мест под гаражи и стоянки для транспортных средств граждан из расчета одно транспортное средство на одну квартиру» [4].

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что на сегодняшний день в Республике Беларусь проводится обширный перечень мероприятий по профилактике и борьбе с преступлениями против собственности на самых разных уровнях государственной системы управления и в иных организациях. Эта мера носит исключительно позитивный характер и призвана обеспечить становление и закрепление нашего государства как правового, что является немаловажным в условиях современного развития Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Ахраменка, Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
2. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2000. – 288 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 48 с.
4. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 декабря 2010 г., № 672 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 69-5/14142.

КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

Бурнос А., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Актуальность данной темы состоит в том, что в мире подписан ряд международных договоров (например, Конвенция о заключении и признании действительности брака 1978 г.), которые регулируют брачно-семейные отношения. Но далеко не все страны принимают участие в этих соглашениях. Значимость также проявляется в том, что между Республикой Беларусь и Республикой Болгарией заключен двусторонний договор о правовой помощи по гражданским делам от 21 февраля 2007 г., но в нем отсутствуют нормы, подробно регулирующие международные брачно-семейные отношения, в частности заключение брака.

Согласно ст. 17 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) при заключении брака гражданам необходимо взаимное согласие, достижение ими брачного возраста и отсутствие препятствий к заключению брака. Исходя из ст. 18 КоБС брачный возраст устанавливается с 18 лет. Но при определенных условиях брачный возраст может быть снижен, но не более чем на три года.

Условия снижения брачного возраста в Республике Беларусь: рождение совместного ребенка; при наличии справки о постановке на учет по беременности; объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация).

Согласно ст. 6 Семейного кодекса Республики Болгарии (далее – СК) брак может заключить лицо, которому исполнилось восемнадцать лет.

По исключению, если важные причины налагают это, брак может заключить и лицо, которому исполнилось шестнадцать лет, с разрешением районного судьи по постоянному адресу лица.

Сравнивая ст. 17 КоБС и ст. 6 СК Республики Болгарии, мы наблюдаем сходства – это 18-летний возраст вступления в брак и различия – по законодательству Республики Беларусь в брак можно вступить с 15 лет, а по законодательству Республики Болгарии – с 16 лет.

В указанной ситуации будет применяться национальное законодательство Республики Беларусь. Так как исходя из ст. 229¹ КоБС брак гражданина республики с иностранным гражданином заключается в Республике Беларусь в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Также данную ситуацию можно регулировать с помощью привязки как закон места совершения акта, то есть закон места заключения брака. Это еще раз подчеркивает, что будет применяться белорусское законодательство, так как брак заключался на территории данного государства.

В соответствии с абз. 3 ст. 75 Кодекса международного частного права Республики Болгарии (далее – Кодекс Республики Болгарии), брак, заключенный за границей, признается в Республике Болгарии, если соблюдена форма.

Следовательно, абз. 1 ст. 75 Кодекса Республики Болгарии форма брака регламентируется правом государства, перед чьим органом он заключается.

Таким образом, коллизионные вопросы, вытекающие из брачно-семейных отношений, между Республикой Беларусь и Республикой Болгарией целесообразно разрешать с помощью Семейного кодекса Республики Болгарии, Кодекса международного частного права Республики Болгарии и Кодекса Республики Беларусь о браке и семье.

ПРОКУРАТУРА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Весельская К., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

На сегодняшний день исследования законодательств зарубежных стран в вопросах функционирования прокуратуры показывают, что в современном мире нет единой системы, которая определила бы организацию, функции, полномочия прокуратуры. Прокуратура в зарубежных странах строилась в течение длительного периода развития на основе учета исторических условий страны, характера государственного механизма и экономики. В зарубежных странах очень мало прокуратур, которые были бы сходны по организации, содержанию деятельности с прокуратурами Российской Федерации или Республики Беларусь.

Для того чтобы понять, как функционирует прокуратура за рубежом, необходимо определить, какое место занимает прокуратура в системе государственных органов того или иного государства. На сегодняшний день можно выделить следующую классификацию органов прокуратуры в соответствии с местом, занимаемым в системе государственных органов: прокуратура находится в составе министерства юстиции (Бельгия, Германия, Дания, Израиль, Нидерланды, Польша, Румыния, США, Франция и др.); прокуратура входит в состав судебной власти, включена в состав судейского корпуса (магистратуры) и находится при судах (Азербайджан, Болгария, Грузия, Испания, Италия, Индонезия, Колумбия, Латвия); прокуратура вообще отсутствует (Великобритания, Индия); прокуратура выделена в самостоятельную систему и подотчетна парламенту или президенту либо обоим этим органам государственной власти (Египет, КНР, КНДР, СНГ).

А теперь обратимся непосредственно к моделям прокуратуры, существующим в современном обществе сегодня. Например, прокуратура Дании подчинена министру юстиции, и основным направлением ее деятельности является поддержание государственного обвинения в суде. Особенности прокуратуры Дании: прокуроры назначаются министром юстиции; министерство юстиции финансирует подчиненные ему прокуратуры; в деятельность прокуратуры не входит надзор за властными и управленческими структурами. Структура прокуратуры Дании: в качестве государственного обвинителя выступает главный констебль (прокурор низшего уровня), окружной прокурор, директор департамента государственного обвинения.

Далее обратимся к Конституции Бразилии от 5 октября 1988 г. Статья 127 Конституции Бразилии содержит положение о прокуратуре, а именно: *«Прокуратура является постоянным институтом, осуществляющим юрисдикционную функцию государства; на ней лежит защита правового порядка, демократического режима и неприкосновенных социальных и личных интересов»*.

Что касается функций прокуратуры в Бразилии, то к ним относятся: только ей принадлежащее право возбуждения дел в уголовной области в соответствии с предписаниями закона; надзор за действительным соблюдением органами публичной власти и службами, с ней связанными, прав, гарантированных Конституцией Бразилии, и принятие необходимых мер для их обеспечения; проведение расследований в гражданской области, предъявление гражданских исков с целью охраны государственного или общественного достоинства, окружающей среды и других общих и коллективных интересов и др.

Обратимся к прокуратуре Германии, где она относится к исполнительной власти и фактически является обычным административным ведомством, находится в системе министерства юстиции. Прокуроры являются государственными чиновниками, главная их задача – осуществление уголовного преследования. Особенности прокуратуры Германии: следственные действия производятся прокуратурой; при проведении расследования прокуратура опирается на полицию; прокурор не может отозвать обвинительный акт, если суд принял дело к своему производству; возбуждает иски по гражданским делам о признании брака недействительным, о признании лица недееспособным, по установлению факта смерти лица, которое было объявлено без вести пропавшим. Кроме того, существуют 114 земельных судов, и при каждом из них есть своя прокуратура, есть генеральная прокуратура, которая подчиняется министерству юстиции земли.

А сейчас обратимся к прокуратуре стран с англосаксонской системой права – Великобритании и Соединенным Штатам Америки. В Великобритании отсутствует прокуратура в обычном для нас понимании. Функции прокуратуры и соответствующие полномочия осуществляет генерал-атторней (англ. Attorney). Последний возглавляет английскую адвокатуру, является юрисконсультом королевы и правительства, а также главным органом обвинения по делам государственного значения. В 1879 г. для поддержания обвинения по делам, затрагивающим интересы короны, была учреждена должность директора публичного преследования, назначаемого министром внутренних дел с согласия премьер-министра и генерал-атторней. При нем существует следственный аппарат, расследующий дела о коррупции должностных лиц, о других тяжких преступлениях, дела, возбужденные по требованию министра внутренних дел и генерал-атторней или по собственной инициативе директора публичного преследования. В 1986 г. в Великобритании создана Государственная обвинительная служба с королевскими обвинителями на местах.

Что касается прокуратуры в США, во главе ее стоит генеральный прокурор США (attorney general) – генеральный атторней. Он и выступает в первую очередь как юридический поверенный в делах правительства США и, соответственно, президента. У генерального прокурора и подчиненного ему аппарата три основные функции: представлять федеральное правительство в судах по искам, обращенным в федеральное правительство; представлять юридические заключения по вопросам правоприменения президенту и членам его кабинета; функция уголовного преследования. Для исполнения этой функции в подчинении генерального прокурора США находится огромный аппарат. В первую очередь министерство юстиции, которое возглавляет генеральный прокурор.

Стоит также отметить, что министерство юстиции в США мало похоже по функциям на российское или аналогичные европейские ведомства. Собственно, министерство юстиции в США – это штаб-квартира генеральной прокуратуры. Через министерство юстиции генеральный прокурор управляет федеральными прокурорами США в федеральных судебных округах. Деление на округа не совпадает с делением на штаты, страна разбита на 94 федеральных судебных округа. Возглавляет каждый округ должностное лицо, подчиненное генпрокурору и именуемое «прокурор США».

Автор считает, что интересными особенностями обладает прокуратура во Франции. Прокуратура во Франции входит в состав министерства юстиции. Генеральный прокурор является высшим должностным лицом при Кассационном суде, прокуроры республики называются прокурорами при трибуналах малой и большой инстанции. К особенностям данной прокуратуры относятся следующие: все прокуроры назначаются и отстраняются от должности Президентом Франции; прокурор не подлежит отводу в суде; предварительное следствие осуществляют следственные судьи – магистры судебного ранга; прокурор контролирует деятельность судебной полиции.

Изучив модели прокуратур в зарубежных странах, таких как Дания, Франция, Германия, Великобритания, Бразилия, США, автор пришел к выводу, что прокуратура может занимать различные места в структуре государства. Именно от этого будет зависеть совокупность функций и полномочий, которыми прокуратура будет располагать. Более того, в каждой модели прокуратуры существуют свои особенности. Так, например, прокуратура Дании не выполняет функцию надзора за властными и управленческими структурами, в то время как прокуратура Республики Беларусь, Российской Федерации, Федеративной Республики Бразилии выполняют данную функцию. Более того, в таких странах, как США, Германия, Франция, прокуратура осуществляет уголовное преследование, в других же государствах подобная функция лежит на специализированных органах.

Таким образом, нужно отметить, что в каждой стране есть свои особенности в организации процесса деятельности прокуратуры, что связано с историей формирования, политическими реалиями и экономическим положением определенного государства.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ВОД

Голодушко Н., студентка 3 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»
Научный руководитель: *Н. С. Минько*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Вода – один из наиболее ценных и незаменимых природных ресурсов.

В настоящее время изучение состояния водных ресурсов Земли в связи с непрерывным увеличением их потребления показало, что имеется угроза недостатка воды, а главная проблема состоит в том, что вода после ее использования загрязняется и не подвергается эффективной очистке.

В соответствии с Водным кодексом Республики Беларусь «воды – это вся вода, находящаяся в водных объектах и в недрах».

Воды выполняют незаменимые экологические функции в биосфере в качестве среды обитания растительного и животного мира и важнейшего элемента круговорота веществ. С реками, озерами, другими водными источниками традиционно связаны расселение людей и развитие всех видов общественного производства.

Использование водных объектов носит, как правило, многоцелевой характер, так как они обеспечивают питьевое и бытовое водоснабжение, удовлетворение рекреационных, эстетических и культурных потребностей населения. Наконец, воды служат средством и условием промышленного и сельскохозяйственного производства.

Правовое регулирование охраны вод осуществляется Водным кодексом Республики Беларусь, постановлениями Правительства Республики Беларусь, другими нормативными правовыми актами. Новый Водный кодекс Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З вступит в силу 21 мая 2015 г.

Должностные лица Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальных органов, осуществляющие государственный контроль в области охраны окружающей среды, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей несут ответственность в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь. Общественный контроль в области охраны окружающей среды осуществляется в целях реализации права каждого гражданина на благоприятную окружающую среду и предотвращения нарушения законодательства Республики Беларусь об охране окружающей среды. Общественный контроль в области охраны окружающей среды осуществляется общественными инспекторами охраны природы, общественными объединениями, осуществляющими свою деятельность в области охраны окружающей среды, а также гражданами в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Право водопользования представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих порядок и условия рационального использования вод. Субъектами права водопользования (водопользователями) выступают физические и юридические лица. От водопользователей необходимо отличать водопотребителей – лиц, получающих в установленном порядке воду для обеспечения своих нужд и не являющихся субъектами водных отношений.

Водопользование может быть общим и специальным; обособленным и совместным; первичным и вторичным.

Общее водопользование осуществляется юридическими лицами и гражданами Республики Беларусь, в том числе индивидуальными предпринимателями, как правило, без применения сооружений или технических устройств, влияющих на состояние вод, и не требует специального разрешения.

Специальное водопользование представляет собой забор воды из водных объектов и отведение сточных вод в окружающую среду с применением сооружений и технических устройств. Перечень видов специального водопользования утвержден Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Специальное водопользование осуществляется на основании разрешений, выдаваемых Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальными органами на основании ходатайств водопользователей.

Обособленным является водопользование одного юридического или физического лица на основании решения соответствующих исполнительных и распорядительных органов о предоставлении в обособленное водопользование водных объектов. Право обособленного водопользования удостоверяется Государственным актом на право обособленного водопользования. Порядок предоставления водных объектов (их частей) в обособленное водопользование определен Советом Министров Республики Беларусь. Права водопользователей могут быть ограничены или прекращены Президентом Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами при возникновении или угрозе возникновения эпидемий и эпизоотии, аварийных ситуаций и в иных случаях, определенных законодательством Республики Беларусь, в целях охраны здоровья населения, а также в иных государственных интересах или интересах других водопользователей.

Конкретные меры по охране вод в Республике Беларусь содержатся в постановлениях Совета Министров Республики Беларусь, а также в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Данной стратегией предусмотрено, что в сфере деятельности по охране водных ресурсов, качества воды и водных экосистем необходимы:

1) осуществление комплексного подхода к экологически безопасному управлению водными ресурсами (включено

чая планирование устойчивого, рационального водопользования, защиту и восстановление водных экосистем);

2) строительство и реконструкция очистных сооружений с целью глубокой очистки сточных вод в соответствии с прогрессивными технологиями, внедрение мало- и бессточных технологий;

3) осуществление межгосударственного сотрудничества по трансграничным водным объектам, включая разработку межгосударственных и национальных правовых документов по мониторингу загрязнения, реализация международных проектов, направленных на разработку Схем комплексного управления водными ресурсами бассейнов рек Днепр, Неман;

4) совершенствование стандартов в области качества поверхностных вод и приведение их в соответствие с международными требованиями;

5) развитие системы питьевого водоснабжения, строительство систем очистки и обезвреживания на питьевых водозаборах, обеспечение населения питьевой водой высокого качества (расширение централизованных систем городского и особенно сельского водоснабжения);

6) организация территорий водосборов с целью предотвращения негативного воздействия сельскохозяйственной деятельности на качество воды поверхностных и подземных источников, водоохранных зон и прибрежных полос рек, озер и водохранилищ, а также зон санитарной охраны источников и систем питьевого водоснабжения;

7) осуществление эффективного мониторинга и регулирования качества поверхностных и подземных вод с учетом сокращения объемов загрязнения от крупных точечных и неточечных (диффузионных) источников;

8) развитие рынка работ и услуг в сфере рационального использования и охраны вод.

Проблемы, которые существуют сейчас, – это деградация водных ресурсов, отходы производств, мусор (свалки).

Засорение вод представляет собой накопление в водных объектах посторонних предметов. Оно может наступать вследствие сброса в воды строительного мусора, твердых промышленных, бытовых отходов, затонувшей древесины и т. д. Истощение вод – это устойчивое уменьшение минимально допустимого стока поверхностных вод или сокращения запасов подземных вод. Уменьшение запасов воды может происходить по причине бесхозяйственного использования вод, уничтожения водоохранных лесов, нарушения правил забора воды для полива, использования прибрежных земель.

Юридические и физические лица, деятельность которых влияет на состояние вод, обязаны проводить согласованные с органами государственного управления по природным ресурсам и охране окружающей среды, органами государственного санитарного надзора и иными заинтересованными органами государственного управления мероприятия, обеспечивающие охрану вод от загрязнения, засорения и истощения, а также улучшение состояния и режима вод. Но в жизни зачастую происходит все наоборот. Владельцы средств водного транспорта, трубопроводов, плавучих и других сооружений на водных объектах, а также другие предприятия, организации и учреждения обязаны не допускать загрязнения и засорения вод вследствие потерь масел, древесины, химических и иных продуктов.

Водным законодательством в Республике Беларусь установлено, что для предотвращения загрязнения, засорения и истощения водных объектов, а также сохранения среды обитания животного и растительного мира на землях, прилегающих к руслам водотоков или акваториям водоемов, устанавливаются водоохранные зоны.

Вместе с тем воды могут оказывать и неблагоприятное воздействие на окружающую среду. В этой связи водопользователи обязаны проводить согласованные с органами Минприроды Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами, другими заинтересованными органами государственного управления мероприятия по предупреждению и ликвидации вредного воздействия вод в случаях наводнений, затоплений и подтоплений; разрушения берегов, защитных дамб и других сооружений; заболачивания и засоления почв и т. д.

Загрязненные и нормально очищенные сточные воды нуждаются в многократном разбавлении чистой водой.

Главная проблема человечества – сами люди, а именно их безрассудное, бездумное, расточительное отношение к тем ресурсам, благодаря которым они живут. Идеальную по качеству воду способна дарить только Природа. Берегая ее, мы сбережем свое здоровье и здоровье нации.

Список использованных источников

1. Водный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 июля 1998 г., № 191-3 : принят Палатой представителей 18 июня 1998 г. : одобр. Советом Респ. 29 июня 2008 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ФРАНЦИИ

Гринько О., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Нормы, которые регулируют право наследования в различных странах, существенно отличаются. В связи с этим в сфере наследственного права возникает множество коллизионных вопросов.

Первая и самая важная серия коллизионных вопросов связана с определением круга наследников и с установлением порядка призвания их к наследству.

Рассмотрим данные различия на примере Республики Беларусь и Франции. В Республике Беларусь отношения

в области наследования регламентируются разделом VI «Наследственное право» Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК). Во Франции отношения в области наследования регламентируются Французским Гражданским кодексом 1804 г. (далее – ФГК), в частности титулом I «О наследовании» и титулом II «О прижизненном дарении и завещании» и его книгой III «О способах приобретения права собственности».

Наследование имущества, согласно действующим нормам ГК Республики Беларусь и ФГК, осуществляется либо по закону, либо по завещанию. Наиважнейшим является наследование по завещанию, то есть в соответствии с волей умершего. Однако если наследодатель не выразил свою волю в форме завещания, то существует еще один установленный законом механизм – наследование по закону.

Принципы наследования по закону, заложенные в белорусском наследственном праве, во многом напоминают принципы соответствующего института французского наследственного права. Однако имеется существенная разница в определении круга наследников и их очередности в призвании к наследству.

Для законодательства Республики Беларусь и Франции характерно, что отношения по наследованию подчиняются закону места последнего места проживания наследодателя.

Во Франции классификация наследников осуществляется посредством разделения всех кровных родственников на определенные разряды (у нас – очереди) в зависимости от близости к наследодателю.

Согласно ст. 731 ФГК правом наследования первого разряда обладают дети и другие нисходящие родственники наследодателя (внуки, правнуки и т. д.). В соответствии со ст. 756 ФГК внебрачные дети также призываются к наследованию вместе с законными детьми, однако данное родство образует наследственные права лишь тогда, когда они признаны в законном порядке. Второй разряд представлен родителями наследодателя и их нисходящими родственниками (то есть братья, сестры, племянники наследодателя и т. д.). Третий разряд определяется восходящими родственниками (кроме родителей), то есть дед, бабушка, прадед, и прабабушка и т. д. Наличие такого родства является основанием для призвания к наследству также и приемных детей. И наконец, четвертый, последний разряд образуют так называемые боковые родственники вплоть до 6-й степени родства (двоюродные братья и сестры, тетки, дяди и пр.).

Права пережившего супруга на наследование во Франции менее значительны. Тогда наследственное имущество принадлежит на началах полной собственности пережившему супругу. Для этого, однако, необходимо три условия: не состоит в разводе; пережил умершего супруга; нет судебного решения об установлении раздельного жительства, о разлучении супругов.

Переживший супруг наследует наряду с кровными родственниками призываемого к наследованию разряда, устраняя от наследования братьев и сестер наследодателя и их нисходящих, а также наследников третьего и четвертого разрядов. При наличии наследников первого разряда согласно ст. 757 ФГК переживший супруг получает по своему выбору либо право пожизненного пользования (узуфрукт) на все наличное имущество наследодателя, либо право собственности на одну четверть наследства. В соответствии со ст. 757 ФГК при наследовании вместе с родителями наследодателя переживший супруг получает половину наследства, а вторая половина делится пополам между родителями наследодателя. Если кого-либо из родителей ко времени открытия наследства нет в живых, причитавшаяся ему одна четверть имущества переходит к пережившему супругу. При отсутствии детей наследодателя и их нисходящих, а также его родителей наследственное имущество полностью переходит к пережившему супругу.

Таким образом, можно сделать вывод, что согласно ст. 723 ФГК изначально наследство по закону делится между законными родственниками, если отсутствуют, то имущество переходит к внебрачным детям, затем к пережившему супругу, и если таковых нет – к государству.

В соответствии с ГК Республики Беларусь в основу классификации наследников по закону также положена система очередей, однако они образованы по иному, чем во Франции, принципу.

Первым отличием является то, что в Республике Беларусь очередь может содержать как восходящих, так и нисходящих родственников. Так, согласно ст. 1057–1060 ГК в числе наследников первой очереди – дети (нисходящие) и родители (восходящие) наследодателя, второй – братья и сестры наследодателя, третьей – дед и бабушка наследодателя (как со стороны отца, так и со стороны матери), четвертой – дяди и тети наследодателя.

Второе отличие заключается в том, что согласно п. 1 ст. 1057 ГК Республики Беларусь супруг (супруга) входит в число наследников по закону (относится к наследникам первой очереди). Также в соответствии с п. 1 ст. 1065 ГК Республики Беларусь переживший супруг имеет право на долю имущества, нажитого супругами в период брака.

Третье отличие состоит в том, что ст. 1061 ГК Республики Беларусь выделяет шесть степеней родства наследников по закону, а не четыре, как ФГК: третья (прадеды и прабабушки наследодателя), четвертая (двоюродные: внуки и внучки, деды и бабушки), пятая (двоюродные: племянники и племянницы; правнуки и правнучки, дяди и тети), шестая (двоюродные: праправнуки и праправнучки, троюродные: внуки и внучки, братья и сестры).

Также в соответствии с п. 2 ст. 1057 ГК в Республике Беларусь внуки наследодателя и их прямые потомки наследуют по праву представления. В законодательстве Франции существует и понятие «права представления», но согласно ст. 740 ГК не только для внуков и правнуков наследодателя, а и для племянников и иных нисходящих родственников братьев и сестер.

Согласно ст. 1063 ГК Республики Беларусь к числу наследников по закону относятся нетрудоспособные лица, которые были на иждивении умершего в течение года до его смерти.

Как и в Республике Беларусь, так и во Франции наличие хотя бы одного наследника предыдущей очереди устраняет от наследования всех лиц нижестоящей очереди. Например, при наличии нисходящих (например, детей), восходящие наследники (например, родители) ничего не получают.

В соответствии с законодательством Франции и Республики Беларусь лица, призванные к наследованию по за-

кону, наследуют имущество в равных долях. При отсутствии у умершего наследников как по закону, так и по завещанию наследство приобретает государство.

В ходе проведения исследования темы можно сделать некоторые выводы, что рассматриваемым странам необходимо развивать и совершенствовать свои институты наследственного права: Франции – расширить наследственные права пережившего супруга; Республике Беларусь – расширить круг субъектов, наследующих по праву представления.

Также, по нашему мнению, такое большое количество степеней родства как в Республике Беларусь, так и во Франции не совсем уместно, так как, например, наследники могут не догадываться о существовании таких наследодателей, как двоюродные дедушки и бабушки, в связи с тем что не поддерживают с ними никаких отношений.

ПРОБЛЕМАТИКА ОБЫЧАЕВ И ОБЫКНОВЕНИЙ КАК ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Гудиленко Н., студент 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

До настоящего времени в юридической литературе остается открытым вопрос о проблематике источников международного частного права. Это связано прежде всего с тем, что современные правовые системы, как правило, характеризуются динамизмом, происходят многочисленные интеграционные процессы и по итогу они влияют на национальные правовые системы.

Источник права в юридическом смысле представляет собой официальные формы выражения и закрепления правовых норм, действующих в данном государстве [1]. Исторически сложилось, что именно правовой обычай следует считать одним из первых источников права, который бы регулировал взаимоотношения как в обществе, так и в государстве. Под ним следует понимать правило поведения, сложившееся вследствие фактического его применения в течение длительного времени [2, с. 267].

Для того чтобы обычай был правовым, он должен иметь продолжительную и многократную практику применения, иметь устойчивый характер и др. В соответствии с п. 1 ст. 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Беларуси) международный обычай может использоваться как источник права, и он подлежит применению согласно законодательству Республики Беларусь, международным договорам и не должен противоречить им [3].

Необходимо отметить, что данная норма закрепляет возможность применения международного обычая, который устанавливает коллизионные нормы. В таком случае именно обычай определяет право, применяющееся к правоотношениям в гражданско-правовой сфере, осложненным иностранным элементом.

Основным является то, что в случае противоречия международного обычая национальному законодательству Республики Беларусь вопрос его применения как источника права отпадает.

Следует различать правовой обычай и обыкновения. Под обыкновениями следует понимать общую практику государств, за которыми не признается обязательный юридический характер [4, с. 94]. Они могут выступать в качестве источника права лишь тогда, когда они прописаны в качестве обязательного условия в договоре, либо же определенное государство признает их обязательными, а также в случае признания его несколькими государствами в качестве международного обычая.

Правовой обычай в международном частном праве принято называть международным торговым обычаем, поскольку зачастую белорусские суды применяют правовые обычаи при разрешении споров в сфере международной торговли.

В действующем законодательстве Республики Беларусь предусмотрены случаи применения международных обычаев тогда, когда стороны сами договорились или предусмотрели их в своем договоре. Например, в п. 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» установлено право судов применять обычаи международного делового оборота в том случае, когда участники сделки прямо об этом договорились [5].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в законодательстве Республики Беларусь не дается четкого определения понятию «обычай» и нет единого закона о международном частном праве. Нормы этого права содержатся в различных нормативных правовых актах. Необходимо учесть, что в Гражданском кодексе Республики Беларусь указывается, что международный обычай применяется. Несмотря на это, при разрешении споров судами он в первую очередь исходит из положений заключенного договора между сторонами и принимает во внимание сложившуюся судебную практику и существующие международные обычаи. Необходимо признать, что в действующих национальном и международном законодательствах не предусмотрены все нормы, связывающие те или иные правоотношения, и судам зачастую следует прибегать к уже сложившимся длительное время правилам поведения, то есть обычаям.

Список использованных источников

1. Бакиновская, О. А. К вопросу об источниках права, судебной практике, или Правовая природа актов Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] / О. А. Бакиновская, Ю. А. Амелючя // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
2. Нерсисянц, В. С. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Норма, 2004. – 832 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
4. Международное частное право : учебник / Л. П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2004. – 688 с.
5. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 31 окт. 2011 г., № 21 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЗА НЕУПЛАТУ НАЛОГОВ

Данилюк Е., студентка 1 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Налоги являются необходимым звеном экономических отношений в обществе с момента возникновения государства, развитие и изменение форм которого неизменно сопровождается преобразованием налоговой системы. В современном обществе налоги – основной источник доходов государства. Конституция Республики Беларусь гласит, что государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, а гражданин ответственен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией. Конституционная обязанность платить налоги имеет особый публично-правовой характер, что обусловлено публично-правовой природой государства и государственной власти. Налоги, пошлины и сборы являются необходимым условием существования любого государства, поэтому обязанность платить их распространяется на всех налогоплательщиков в качестве безусловного требования.

Налоги – это обязательные платежи юридических и физических лиц в бюджет, установленные и принудительно взимаемые государством в форме перераспределения части общественного продукта, используемого для удовлетворения общегосударственных потребностей.

В настоящее время государство уделяет огромное значение индивидуальной предпринимательской деятельности. В целях создания условий для дальнейшего развития предпринимательства в Республике Беларусь, обеспечения гарантий соблюдения прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, Правительством разработана программа государственной поддержки малого предпринимательства, целью которой является дальнейшее создание благоприятных условий для устойчивого развития малого предпринимательства на основе совершенствования форм и методов государственной поддержки данного сектора экономики.

Следует помнить, что предпринимательство – это самостоятельная, инициативная деятельность, направленная на получение прибыли или личного дохода и осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность. Поэтому каждый должен сделать выбор для себя сам: работать честно и платить налоги или постоянно бояться посещения проверяющих и платить штрафы.

Уголовная ответственность индивидуальных предпринимателей за неуплату налогов предусматривается ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь – уклонение от уплаты сумм налогов. Объективная сторона данного преступления выражается деянием – действием или бездействием в следующих видах:

а) сокрытие прибыли, доходов и иных объектов налогообложения. Подобное осуществляется путем утаивания информации об их наличии от налоговых органов;

б) занижение прибыли, доходов или иных объектов налогообложения. Осуществляется путем представления в налоговую инспекцию не соответствующей действительности информации в сторону ее занижения;

в) уклонение от подачи налоговых деклараций, облагаемых налогом.

Обязательным условием уголовной ответственности является ущерб в крупном размере (от 250 до 1000 базовых величин) или в особо крупном размере (от 1000 базовых величин).

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла.

За совершение данного преступления Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает следующие виды наказаний: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По общему правилу срок данного наказания не может превышать двух лет; арест на срок до шести месяцев. Он заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества; ограничении свободы на срок до трех лет – при ущербе в крупном размере, до пяти лет – при особо крупном размере. Данное наказание состоит в содержании осужденного в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора; лишение свободы на срок до трех лет – при ущербе в крупном размере, на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения – при особо крупном размере.

Интересно отметить, что по статистике более 90 % всех схем уклонения от уплаты налогов используется с участием лжепредпринимательских структур, которые чаще всего регистрируются в Минске, и отношения с ними имеют практически все субъекты предпринимательства.

В рамках решения данной проблемы планируется создать реестр неблагонадежных субъектов предпринимательской деятельности. В этот реестр Министерство по налогам и сборам, в частности, предлагает включить коммерческие организации и предпринимательские структуры, которые не осуществляют деятельность на протяжении 12 месяцев и осуществляют деятельность без лицензии.

Таким образом, мы видим, что наиболее распространенной мерой юридической ответственности индивидуальных предпринимателей за неуплату налогов является наложение штрафов. Следует также учитывать, что действующим законодательством для индивидуальных предпринимателей предусмотрена дополнительная ответственность за неуплату налогов.

В ходе проведенного исследования темы были сформулированы следующие теоретические выводы: учитывая, что в последнее время более 90 % всех схем уклонения от уплаты налогов используется с участием лжепредпринимательских структур, предлагаем скорректировать налогооблагаемую прибыль и расширить меры уголовной ответственности; главным условием в работе контролирующих органов по выявлению налоговых нарушений со стороны индивидуальных предпринимателей должно служить не привлечение их к ответственности за нарушение законодательства, а выявление различных схем ухода от налогообложения, легализация деятельности плательщиков и полнота уплаты ими налогов в бюджет.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ

Дегтярёв В., студент 3 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *П. И. Кучура*, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Начать хотелось бы с замечательных слов, которые гласят, что правосудие вершится не только тогда, когда выносится судебное постановление. Очень важно, чтобы оно было исполнено, в противном случае утрачивается смысл таких судебных постановлений. Потому данная работа должна вестись эффективно, оперативно, качественно.

Основная цель суда – это защита личных прав и свобод, а также защита социально-экономических и политически прав граждан, конституционного строя Республики Беларусь, государственных и общественных интересов, прав юридических лиц. В рамках правового государства судебная власть занимает достойное место. А также это тот орган государственной власти, который наиболее всего приближен к проблемам человека, единственный, наделенный функцией осуществления правосудия, гарантирующий право любого заинтересованного лица обращаться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права. В этой связи огромное значение имеет реальное исполнение судебных постановлений [1, с. 49].

Судебные исполнители в Республике Беларусь действуют в сжатых рамках, которые вытекают из прав и обязанностей судебных исполнителей Республики Беларусь. Права, которыми обладают наши судебные исполнители, не позволяют получать тот результат, который многие хотели бы видеть. Ведь судебная власть – это система, и если одна деталь дает сбой, страдает конечный продукт. Если сравнить деятельность коллег из РФ, то можно сделать вывод, что они шагнули далеко вперед, и нам есть что перенимать. В России она выведена в единую Федеральную службу судебных приставов. Это самостоятельная система, которая, впрочем, все равно подчиняется Министерству юстиции. Полномочия у Федеральной службы судебных приставов шире: это не только судебные исполнители, но и судебные приставы – с силовыми функциями, задачами по охране зданий судов, поддержания порядка в них. Белорусские судебные исполнители с недавних пор тоже стали подчиняться не суду, а Министерству юстиции Республики Беларусь, что предполагает, что, возможно, в обозримом будущем и белорусские судебные исполнители будут иметь такие же полномочия, как их коллеги в РФ.

Возникает оправданный вопрос: а в чем разница и почему стало удобнее подчиняться Министерству юстиции?

Несмотря на то что назначались на должность и освобождались от нее судебные исполнители начальником отдела юстиции, свои непосредственные обязанности они исполняли под контролем судей районного суда, подчинялись им. Судьи обязаны были также регулярно проверять деятельность судебных исполнителей. Таким образом, нарушался принцип разделения властей, судьи исполняли не свойственные им обязанности. Для преодоления данных недостатков с российской стороны были приняты федеральные законы «О судебных приставах» и «Об исполнительном производстве».

Проблема судебных исполнителей была выбрана неспроста. Ведь неисполнение указанных актов ведет к формированию у лица, нарушившего закон чувства безнаказанности, правового нигилизма, а также вызывает недоверие к государству у потерпевшего, которое не может защитить его права и восстановить справедливость. Из практики деятельности в рамках исполнительного производства, практического опыта можно сказать одно: наша система судебных исполнителей работает на оценку «удовлетворительно». Одна из причин такой работы – ограниченные возможности судебных исполнителей; нехватка квалифицированных специалистов; незащищенность судебных исполнителей [1, с. 51].

Так как по статистике судебными исполнителями работают в приоритете женщины, то вопрос о незащищенности стоит очень остро. В соответствии с гражданско-процессуальным законодательством судебный исполнитель

является представителем власти и его требования обязательны для всех граждан, в том числе должностных лиц, а также юридических лиц на всей территории Республики Беларусь. Судебный исполнитель принимает меры по обеспечению исполнения и совершает действия, предусмотренные ст. 482, 485 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. Однако декларируемые в законе права судебного исполнителя не всегда могут быть реализованы в полном объеме на практике реально и оперативно, как требуют интересы исполнения [2].

Судебный исполнитель налагает арест на имущество или денежные суммы, принадлежащие должнику и находящиеся у него или других лиц, изымает имущество должника. На практике возникают ситуации, когда должник или другие лица оказывают сопротивление судебному исполнителю при осуществлении исполнительных действий. В таких случаях судебный исполнитель должен составить об этом акт и представить его Министерству юстиции для разрешения вопроса о привлечении к ответственности лиц, оказавших сопротивление. Однако это не решает проблем исполнения, поэтому необходимо предусмотреть процедуру пресечения противоправных действий со стороны должника или других лиц, оказывающих сопротивление, для того чтобы судебный исполнитель мог своевременно и беспрепятственно совершать исполнительные действия [3]. При обращении взыскания на имущество должника нередки ситуации, когда должник фактически является собственником имущества, формально принадлежащего его родственникам или другим лицам, например на основании договора дарения, заключенного во время судебного разбирательства или в процессе исполнения судебного постановления. Аналогична ситуация в случае, когда должник приобрел автомобиль, но владеет, пользуется и распоряжается им на основании доверенности. При подобных ситуациях следует законодательно урегулировать полномочия судебного исполнителя для решения вопроса в судебном порядке о признании таких сделок недействительными или предоставить судебному исполнителю право при наличии достаточных оснований полагать, что правоустанавливающие сделки являются мнимыми или притворными, обращать взыскание на имущество, являющееся предметом подобных сделок. При обращении взыскания на транспортные средства часто возникают ситуации, когда установить местонахождение автотранспортного средства и наложить на него арест судебному исполнителю затруднительно. В таких случаях судебный исполнитель самостоятельно не может обратиться с письменным поручением к органам милиции о задержании, изъятии транспортных средств должников, а необходимо вынесение судьей определения. В большинстве дел, для того чтобы запретить должнику совершать какие-либо действия, судебному исполнителю обязательно наличие соответствующего определения [1, с. 54].

Возможно, в скором будущем и белорусские судебные исполнители будут наделены правами и обязанностями, с помощью которых они смогут беспрепятственно исполнять возложенные на них обязанности. Но на данный момент мы не до конца можем чувствовать себя защищенными со стороны государства. Но, в свою очередь, наше государство не стоит на месте, и вносятся изменения, которые расширяют полномочия судебных исполнителей, что делает их правовой статус авторитетнее.

Список использованных источников

1. Леошко, Н. В. Процессуальная самостоятельность в деятельности судебного исполнителя / Н. В. Леошко // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 5. – С. 49–54.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
3. О создании Службы судебных исполнителей хозяйственных судов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 окт. 1997 г., № 507 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 17.07.2006 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ СЕРВИТУТОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Дулуб А., студент 3 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: Н. С. Минько, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В Республике Беларусь право ограниченного пользования чужим земельным участком является одним из новых определений, которое впервые нашло отражение в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК). Согласно ст. 217 ГК право ограниченного пользования чужим земельным участком (земельный сервитут) относится к числу вещных прав.

Понятие земельного сервитута определено в ГК следующим образом. Собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях – и от собственника другого земельного участка (далее – соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута) [1, ст. 268].

В Кодексе Республики Беларусь о земле понятие сервитута определено в ст. 1 главы 1 «Общие положения», где земельный сервитут – право ограниченного пользования чужим земельным участком, устанавливаемое для обеспечения прохода, проезда, прокладки и эксплуатации газопроводов, нефтепроводов, воздушных и кабельных линий электропередачи, связи и других подобных сооружений, обеспечения водоснабжения и мелиорации, размещения геодезических пунктов, а также для иных целей, которые не могут быть обеспечены без предоставления такого права [2, ст. 1].

Владелец земельного участка, которому принадлежит законное право по владению, пользованию и распоряжению своим земельным участком, при установлении на его земельном участке сервитута не утрачивает свои права, в том числе право использовать все полезные свойства своего земельного участка [3–5].

Право ограниченного пользования чужим земельным участком (земельный сервитут) устанавливается, если не существует другой возможности для лица осуществлять свои интересы, не прибегая к пользованию чужим земельным участком, при этом перечень целей, для которых устанавливается сервитут, законодательством определен примерно и поэтому может быть расширен.

Сервитут может предоставить только собственник земельного участка. Право сервитута может устанавливаться как на государственных, так и на частных землях, используемых непосредственно собственником или предоставленных другим лицам. Сервитут может быть установлен по добровольному соглашению между лицом, которое требует установления земельного сервитута, и собственником соседнего участка. Он подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество. В случае, когда лица не могут достичь соглашения об установлении или условиях сервитута, спор разрешается в судебном порядке по иску лица, в котором требуется установление сервитута.

Собственник участка, в отношении которого установлен земельный сервитут, вправе, если иное не предусмотрено в законодательстве, требовать установления платы за пользование земельным участком у лица, в интересах которого установлен земельный сервитут. За собственником земельного участка закреплено право на установление графика пользования его имуществом. Лица, между которыми установлено добровольное соглашение, вправе сами определять режим пользования земельным участком, а в отношении которых принудительно был установлен земельный сервитут режим пользования устанавливает суд.

Может устанавливаться как срочный, так и бессрочный сервитут. Срочный сервитут может устанавливаться, когда будут точно известны необходимые сроки пользования земельным участком, бессрочный тогда, когда эти сроки установить невозможно.

В теории любое лицо, у которого возникла надобность использовать чужой земельный участок, вправе обратиться для предоставления ему такого права, и его требования должны быть удовлетворены. На практике для быстрого разрешения данного вопроса лицо вправе само обратиться непосредственно к собственнику для заключения соглашения о земельном сервитуте, но в связи с этим возникает ряд проблем. Так, лицо, нуждающееся в сервитуте, может не располагать информацией о собственнике, поскольку собственник может не появляться на данном земельном участке, сдавать этот участок другим лицам по договору аренды. Однако заключать данный договор имеет право только собственник. Также существует проблема в том, что собственник земельного участка может проживать за пределами территории Республики Беларусь, что затруднит установление земельного сервитута либо сделает осуществление этого права невозможным.

Каждый собственник пытается всеми возможными способами защитить свои права на земельный участок, осуществляя самозащиту, то есть установить забор, возводить разнообразные сооружения, что также затрудняет или делает невозможным осуществление земельного сервитута. При невозможности достижения договоренности в добровольном порядке лицами по поводу установления сервитута государство предлагает разрешить данный вопрос в судебном порядке. В этом случае также возникает ряд проблем. Для разрешения дела в суде нужно уплатить государственную пошлину, которую не каждый гражданин может себе позволить в связи с материальным положением, в связи с чем его право на земельный сервитут не может быть осуществлено.

При передаче дела в суд на слушание должно быть приглашено лицо, заинтересованное в получении земельного сервитута, и собственник земельного участка. Лицо, заинтересованное в земельном сервитуте, будет выполнять процессуальные предписания надлежащим образом, что порой нельзя сказать о собственнике, который может не явиться в суд или находится за пределами Республики Беларусь. Кроме того, земельный участок может быть выставлен на аукцион, и собственник будет известен только после проведения аукциона.

В связи с указанными затруднениями на практике право на установление сервитута может быть не осуществлено либо осуществлено по истечении значительного периода времени так, что отпадает надобность в использовании соответствующего участка. Поэтому для получения земельного сервитута лицу, которое в нем нуждается, приходится тратить много времени, сил и средств, включая уплату государственной пошлины, для положительного вынесения решения в его пользу.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 31.12.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
2. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-3 : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. Витушко, В. А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. – Минск : Белорусская наука, 2007. – Ч. 1. – 565 с.
4. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
5. Гражданское право : учебник / под общ. ред. С. С. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 528 с.

ПОМОЩЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Дулуб А., студент 3 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»
Научный руководитель: *П. И. Кучура*, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Исходя из международной практики, можно выделить значимость малого предпринимательства как для развития экономики, так и для пополнения государственного бюджета. В некоторых государствах ежегодное пополнение государственного бюджета за счет средств малого предпринимательства может составлять половину государственного бюджета. В связи с этим заявленная тема особо актуальна на данный момент для любого государства. В Республике Беларусь этой проблеме уделяется большое внимание, это видно из того, что практически каждый год в стране принимаются государственные программы, направленные на поддержку малого предпринимательства, где отмечается важность развития предпринимательства для страны и содержатся положения об упрощении процесса регулирования данной среды [1].

Возникает вопрос: помогает ли на самом деле государство малому бизнесу и какие цели оно преследует? Так как государство проявляет прямой интерес к развитию малого бизнеса, поскольку в связи с развитием малого бизнеса будет увеличиваться численность рабочих мест, это, как следствие, снизит безработицу в стране и предоставит гражданам возможность самостоятельно заниматься предпринимательской деятельностью.

Государство со своей стороны создает все благоприятные условия для развития малого бизнеса. Для того чтобы начать заниматься бизнесом, надо разрешить множество проблем, которые могут быть не учтены в бизнес-плане. К таким проблемам могут относиться: поиск соответствующего помещения, оснащение его разнообразными техническими средствами, подключение телефона и интернета. Помимо бытовых проблем встает вопрос об обеспечении правовой и налоговой информацией, о получении лицензий, разрешений и сертификатов. Со всеми этими проблемами можно справиться и в одиночку, но каких усилий и затрат это будет стоить – самому осуществлять всю деятельность и использовать свой капитал, проводить встречи в разных местах, тем самым отрывая себя от работы и использовать несовременное оборудование. Все эти проблемы могут остановить граждан, решивших создать свое дело в Беларуси. Для того чтобы этого не происходило, государство предусматривает льготные условия для таких граждан, например: предоставление в аренду уже оборудованного для работы помещения на льготных условиях, бесплатная консультация специалистов по юридическим вопросам и налоговому законодательству. Для развития малого предпринимательства в Республике Беларусь существует программа, по которой можно получить не только льготный кредит, но и микрокредит. Без соответствующей подготовки инвестиционного проекта получить имущество в лизинг [2], получить субсидии для возмещения процентов за пользование банковскими кредитами.

Для привлечения иностранных инвесторов в сферу среднего и малого бизнеса городских поселений и в сельскую местность предусмотрено большое количество привилегий, которые закреплены в Декрете Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности». Данным Декретом предусмотрено, что коммерческие организации Республики Беларусь, индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Республике Беларусь с местом нахождения (жительства) на территории средних, малых городских поселений, сельской местности и осуществляющие на территории средних, малых городских поселений, сельской местности деятельность по производству товаров (выполнению работ, оказанию услуг), в течение семи календарных лет со дня их государственной регистрации: вправе не исчислять и не уплачивать налог на прибыль (коммерческие организации) и подоходный налог с физических лиц (индивидуальные предприниматели) соответственно в отношении прибыли и доходов, полученных от реализации товаров (работ, услуг) собственного производства.

Иностранные инвесторы освобождаются:

от уплаты государственной пошлины за выдачу специального разрешения (лицензии) на осуществление юридическими и физическими лицами отдельных видов деятельности (в том числе связанной со специфическими товарами (работами, услугами)), внесение в такое специальное разрешение (лицензию) изменений и (или) дополнений, продление срока его действия;

обязательной продажи иностранной валюты, поступившей по сделкам с юридическими лицами-нерезидентами и физическими лицами-нерезидентами от реализации товаров (работ, услуг) собственного производства, в том числе от сдачи имущества в аренду.

В целом по стране восемь основных проблем предпринимателей выглядят следующим образом: большое количество налогов, нестабильное законодательство, частые изменения в налоговой отчетности, высокие ставки налогов, большое количество законодательных актов, многочисленные проверки контролирующих органов, регулирование цен государством, сложность в получении лицензий [3, с. 421]. Тогда встает вопрос, как разрешить такое большое количество задач в кратчайший срок, ведь для осуществления всех задач понадобится огромное количество времени, придется затрачивать много средств на разрешения этих задач. Решением этих задач может стать опыт зарубежных стран, которые на данный момент добились определенных успехов в развитии малого бизнеса, путем длительного и кропотливого развития, также на основании опыта зарубежных стран можно предотвратить ряд пагубных воздействий которые происходили в зарубежной практике. Некоторые пути разрешения: создание государственной властью такой системы включения граждан в индивидуальную предпринимательскую деятельность, которая предоставляла бы доступные для этого условия [4, с. 24].

Государство могло бы, например, взять на себя часть расходов тех граждан, которые приняли решение начать

свой малый бизнес, начать проведение благоприятной для малого бизнеса налоговой политики и внесение изменений в законодательство, упрощающих систему налогообложения и снижающие налоговую нагрузку на малых предпринимателей. Создание системы сотрудничества крупных и малых предприятий. Речь идет о распределении заказов, предоставлении технологий, создании специальных правительственных структур, занимающихся поддержкой и защитой малых предприятий. Упрощение порядка сертификации и удешевление ее процедуры и иные меры [5, с. 37].

Список использованных источников

1. О поддержке малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 1 июля 2010 г., № 148-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 12.07.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
2. О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 марта 2006 г., № 182: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 28.07.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
3. Предпринимательство: учебник для студентов вузов / под ред. В. Я. Горфинкеля, Г. Б. Поляка. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 687 с.
4. Ковалев, М. Условия для развития малого предпринимательства в Беларуси / М. Ковалев, Е. Ракова // Инновации. – 2011. – № 1 (2). – С. 23–25.
5. Кунин, В. А. Анализ зарубежного опыта поддержки малого предпринимательства / В. А. Кунин, Е. А. Александрова // Рос. предпринимательство. – 2011. – № 1 (2). – С. 36–43.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АБОРТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Евдокимова К., студентка 1 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чердниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Проблема абортов – одна из самых актуальных проблем человечества сегодня. Аборт становится глобальной угрозой для всего населения и для нашей страны в частности. Сегодня, по оценкам специалистов, ежегодно в мире совершается 60 млн абортов. К слову, во время Второй мировой войны в мире погибло около 55 млн человек. Сначала, как кажется, стоит обратиться к самому понятию аборта и к его истории. Абортом называется любое искусственное прерывание беременности. Что касается истории, то первое упоминание об аборте встречается в Древнем Китае более 4600 лет назад. Также есть свидетельства, что древние жители Австралии разрывали плодную оболочку, чтобы вызвать выкидыш. А женщины Восточной Африки вызывали аборт с помощью специальных деревянных палочек. Некоторые врачи древности подходили к вопросу взвешенно и допускали аборт только в тех случаях, когда роды грозили опасностью матери или ребенку. Особенно аборты были распространены в эллинистическую эпоху и во времена Римской империи. В тот период использовали для прерывания беременности препараты спорыньи, которые не всегда провоцировали выкидыш, но вызывали выраженные побочные эффекты. Смертельные исходы при абортах не были редкостью. Отношение к аборту всегда было противоречивым. Женщины или врач, проводивший аборт, могли преследоваться по закону. В 200 г. н. э. аборты наказывались изгнанием и каторжными работами в рудниках. В то же время Платон не считал аборт непозволительным средством, а Аристотель даже рекомендовал его для ограничения слишком большой рождаемости. В римском праве наказывалось производство искусственного аборта. Но это касалось только супругов. Если же аборт делали незамужние женщины, на это не обращали никакого внимания. В России до начала XVIII в. искусственное прерывание беременности каралось смертной казнью. Таким образом, практика абортов, а также наказаний за них существует с незапамятных времен.

В настоящее время в каждой стране законодательство по-разному регулирует эту проблему. Вот что говорится о защите жизни ребенка в международном законодательстве.

1. Декларация прав ребенка (обязательна для Республики Беларусь как документ ООН).

Пreamбула: *...ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения.*

Принцип 4: *Ребенок должен пользоваться благами социального обеспечения. Ему должно принадлежать право на здоровый рост и развитие; с этой целью специальные уход и охрана должны быть обеспечены как ему, так и его матери, включая надлежащий дородовой и послеродовой уход.*

2. Всеобщая декларация прав человека (обязательна для Республики Беларусь как документ ООН).

Статья 3: *Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.*

3. Конвенция о правах ребенка (ратифицирована постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 28 июля 1990 г. Вступила в силу для Республики Беларусь 31 октября 1990 г.).

Статья 1: *Для целей настоящей Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста...*

Статья 6: *Государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь.*

Законодательство Республики Беларусь предусматривает следующее.

1. Конституция Республики Беларусь.

Статья 2: *Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью обще-*

ства и государства.

Статья 24: *Каждый имеет право на жизнь.*

Статья 45: *Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья.*

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье.

Статья 181. Приоритет прав детей: *Государство гарантирует защиту прав ребенка как до, так и после рождения.*

Статья 184. Право детей на жизнь, достойные условия жизни и охрану здоровья: *Дети имеют право на жизнь в мирных, безопасных и достойных условиях.*

Однако согласно ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» *искусственное прерывание беременности с согласия женщины может быть проведено при сроке беременности до 12 недель, также «при наличии медицинских показаний и согласия женщины искусственное прерывание беременности проводится независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения», «при наличии социальных показаний и желания женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения».*

Таким образом, можно сделать вывод, что действующая редакция Закона «О здравоохранении» абсолютно не соответствует не только международным нормам, но и другим нормам национального права, противоречит ряду правовых документов.

Очень часто, обсуждая тему аборт, возникает вопрос о том, с какого момента начинается жизнь человека. В 1993 г. был опубликован официальный документ, в котором заведующий кафедрой эмбриологии биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор биологических наук В. А. Голиченков и профессор кафедры эмбриологии, доктор биологических наук Д. В. Попов отмечают, что «с точки зрения современной биологии (генетики и эмбриологии) жизнь человека как биологического индивидуума начинается с момента слияния мужской и женской половых клеток и образования единого ядра, содержащего неповторимый генетический материал. На всем протяжении внутриутробного развития новый генетический организм не может считаться частью тела матери. Его нельзя уподобить органу или части органа материнского организма. Поэтому очевидно, что аборт на любом сроке беременности является намеренным прекращением жизни человека как биологического индивидуума».

Учеными доказано, что на 18–21 день после зачатия у ребенка начинает биться сердце, начинает циркулировать его собственная кровь, чаще всего другой группы, не такой, как у матери. В шесть недель формируются глаза и веки ребенка, нос, рот, язык, можно наблюдать активность мозга, формируются внутренние органы. В первые двенадцать недель все жизненно важные системы сформированы и начинают функционировать: кровообращение, нервная и пищеварительная системы. Наука подтверждает статус внутриутробного ребенка как человека, то есть к двенадцатой неделе (допустимый срок для аборта согласно белорусскому законодательству) это уже живой, пусть и маленький, человек, который чувствует боль так же, как и взрослые люди. После всего вышесказанного можно говорить о том, что аборт – это намеренное лишение человека жизни, то есть убийство. И, принимая во внимание ст. 27 Закона «О здравоохранении», можно говорить о том, что данное убийство узаконено в Республике Беларусь. Также, несмотря на светский характер нашего государства, нельзя не принимать во внимание и отношение различных религий к аборт. С момента своего возникновения христианство отождествляет аборт с убийством человека. В христианских странах вплоть до XX в. убийство нерожденных детей было запрещено законом. Официальные документы римско-католической церкви запрещают аборт даже по охранительным мотивам. В протестантских церквях осуждается аборт как средство контроля за рождаемостью, но допускается в исключительных ситуациях, например при беременности после изнасилования. В «Исламском кодексе медицинской этики» современные тенденции разрешения абортов осуждаются. Согласно буддизму, аборт есть разновидность убийства, независимо от стадии развития ребенка. Отсюда видно и негативное отношение к аборту со стороны религий.

В заключение хотелось бы сказать, что каждая человеческая жизнь – это неразрывное целое, начинающееся в момент зачатия и проходящее различные этапы до смерти. В науке этим этапам даются различные наименования, такие как «зигота», «эмбрион», «плод», «младенец», «ребенок», «подросток» и «взрослый». Но это не противоречит тому факту, что в любой момент своего развития каждый индивидуум является живым представителем человеческого рода и его убийство невозможно ни при каких обстоятельствах.

ПРОЦЕСС КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОФЕССОРА Н. Н. РОЗИНА

Ефимов И., студент 3 курса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министрства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Роль органа, призванного для урегулирования правовых споров, играет суд, что закреплено самим государством, и неважно, в какой именно отрасли права возникли конфликты [1, с. 25]. Деятельность, выполняемая судом, всегда и неизменно одинакова по своим задачам и характеру, вне зависимости от разнообразия рассматриваемых дел и различия их окончательных результатов, и направлена на осуществление правовых норм, установление, осуществление и охрану действующего права. Единство судебной деятельности соответствует ее природе, ибо имеет важное значение для государства, общества и личности, подобно важному значению правового порядка, стоящего на страже всех публичных и частных прав. Именно этим вызвано явление *правового легализма* – то

есть судебная деятельность педантично регулируется особыми правовыми нормами, придающими ей строго юридический характер. Благодаря этому факту демонстрируется верховенство государства. Тщательная судебная нормировка показывает, что вся судебная деятельность приобретает характер и форму юридического отношения [1, с. 27]. Н. Н. Розин указал, что это отношение обладает тремя особенностями: 1) материально-правовые отношения, доходя до суда, превращаются, «переплавляются» в отношения нового типа – процессуально-правовые, обезличенные и единообразные по своему юридическому характеру, утрачивая былые материальные особенности; это называется *процессуальным мономорфизмом*; 2) процессуально-правовое отношение является *трехсторонним*, где первые две стороны – это стороны обвинения и защиты (истца и ответчика. – И. Е.), а третья – суд, выносящий вердикт на основании приведенных этими сторонами доказательств и доводов; 3) юридическое отношение проходит сквозь различные, но связанные друг с другом стадии, от начала до конца, от подачи иска до решения суда, т. е. *процесс* есть *судопроизводство* [1, с. 27–29].

Судоустройство, согласно Н. Н. Розину, нельзя относить к уголовному или гражданскому праву ввиду того, что оно имеет одинаковое значение для обоих процессов и учение о нем есть учение о системе судебного права, что относит его к области публичного права. Таким образом, ошибочны утверждения о том, что уголовный и гражданский процесс берут начала из уголовного и гражданского права и являются их подотраслями. Принципиальные отличия между гражданским и уголовным процессами тоже несерьезны. Эти отличия лишь указывают разницу между преступлениями и простыми правонарушениями, а также разницу в ответственности правонарушителя [1, с. 30]. Далее Н. Н. Розин формулирует выводы относительно судебной деятельности: она едина не только в логическом характере, но и по своей юридической природе; элементы процессуально-правового отношения не находятся в подчинении изначальных материально-правовых отношений и не изменяются в случае изменения первых; институты судоустройства являются особыми институтами публичного права, а не права уголовного или гражданского; следовательно, теория судебного права есть самостоятельная юридическая дисциплина со своим специальным объектом исследования, задачами и особенностями, возникающими при исследовании правового явления. Н. Н. Розин сразу отмечает, что наука судебного права не является окончательной конструкцией и она не вполне может ответить на все сомнения судебной практики и решить проблемы правовой и процессуальной политики. В то же время автор сразу делает акцент на том, что именно достоинства конструктивных особенностей данной научной теории обратили на нее внимание научного общества и им обязана своим развитием современная процессуально-юридическая дисциплина. Возвращаясь к недостаткам, автор относит к ним невозможность теории всегда ответить нуждам практики и политики судебного права, разрешать сомнения процессуально-политического характера [1, с. 33].

Затем Н. Н. Розин говорит, что важным для законодательной политики и процессуальной науки является вопрос о следственном или обвинительном строе процесса. Состязательный строй прослеживается от Древнего Рима, древнерусского и древнегерманского права до Средневековья, где обвинительный строй пытались заменить инквизиционным или следственным ввиду ненадежности органов обвинения. Государство постепенно вводит новые начала, такие как соединение обвинения и защиты с судебной функцией, дает судье статус единого органа, в задачи которого входит преследование преступления и вынесение приговора. Н. Н. Розин не забывает о появившихся благодаря инквизиционному началу формализме, тайне судебного производства и ограничении судебного производства доказательствами. Но пригодный лишь для грубого насаждения идей господствующего строя и неспособный тонко руководствоваться истинным правом, инквизиционный характер изжил себя [1, с. 33–35]. Ища замену инквизиционному процессу, в качестве нового образца начали использовать состязательную модель. Состязательность повлекла за собой разграничение прав и обязанностей сторон, устность, гласность, организацию народного участия в отправлении правосудия. Единственным недостатком состязательной системы являлся консервативный настрой, который не позволял данной системе развиваться в ускоренном темпе, поэтому континентальная система судебного процесса стала компромиссной [1, с. 36]. Россия принимает состязательную систему в 1864 г.; консерватизм не обошел ее стороной, отчего система русского судебного процесса обрела свои собственные особенности. Вследствие этого вопрос о типе следственного процесса в России, применения в жизни следственных или обвинительных принципов до сих пор до конца не разъяснен. Н. Н. Розин не может ответить на этот вопрос с помощью теории процесса как юридического отношения, ввиду того что процесс обладает как следственными, так и обвинительными чертами [1, с. 37].

Поставив проблему, Н. Н. Розин тут же спешит решить ее, отграничивая конструктивную сторону теории от методологической, обращая внимание на то, что форма исследования проблемы может носить как догматический, так и политический характер. В первом случае догматика права стремится к систематизации и группировке, руководствуясь историей и философией права, но только в рамках юридических явлений и используя только их, а во втором политика права руководствуется другими методами и оперирует в более широком кругу явлений, подвергая юридические институты оценке с точки зрения их целесообразности и соответствия национально-этическим представлениям и социальным потребностям человеческих групп [1, с. 39]. Н. Н. Розин четко говорит, что теория процесса как юридического отношения не предрешает того, какой путь и методы должна избрать наука судебного права, вообще эта теория не может определять методы научного исследования, но она наталкивает исследователей на догматическое изучение институтов судебного права, ибо юридическое отношение есть регулируемое положительным правом отношение [1, с. 40]. Автор говорит о заслугах догматики права, догматика дает картину внутренней жизни судебного права и его институтов, но замечает, что юрист не должен ограничиваться только догматикой, его ждут вопросы, сомнения и проблемы реальной действительности. Н. Н. Розин утверждает, что не нужно бояться, а наоборот, необходимо пользоваться методами других юридических дисциплин, особенно родственных, а сама пра-

вовая наука должна выявлять связи с той правовой и социальной средой, откуда взяла свое начало [1, с. 41]. На первый план как в области практической судебной деятельности, так и в политической области выдвигается основная задача правосудия и дополнительные в виде ограждения и защиты правовых гарантий [1, с. 42].

Список использованных источников

1. Розин, Н. Н. Процесс как юридическая наука (из лекций по судебному праву) / Н. Н. Розин // Журн. М-ва Юстиции. – 1910. – № 8 (окт.). – С. 24–45.

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ И КРИМИНОЛОГИИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Жизневская А., студентка 1 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Криминалистика и криминология играют важную роль в юриспруденции. Они взаимосвязаны между собой. Среди научных дисциплин, составляющих основу профессиональной подготовки следователей, прокуроров, судей, оперативных работников, адвокатов, важное место занимают криминалистика и криминология. Эти науки изучают преступность, разрабатывают необходимые средства, приемы и методы.

Для начала выявим роль криминалистики в юриспруденции. **Криминалистика** – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и исполнения доказательств и основанных на познаниях этих закономерностей специальных средств и методах раскрытия и расследования преступлений. Криминалистика – юридическая наука. Решаемые ею задачи относятся к правовым процессам (расследование, судебное разбирательство, судебная экспертиза), а разрабатываемые рекомендации основаны на законе либо применяются в соответствии с его требованиями.

Объектом ее исследования является функциональная сторона преступности, совокупность действий и отношений, образующих механизм преступления. Данный механизм – сложная динамическая система, включающая преступника, его оценку своих действий и их последствий; предмет посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; его обстановку и др. Он формируется и функционирует, подчиняясь определенным закономерностям. Соответственно, в криминалистике можно выделить два вида объекта или двуединый объект познания – преступную деятельность и криминалистическую деятельность по ее расследованию и преступлению.

Следует отметить, что общая задача криминалистики конкретизируется применительно к основным целевым направлениям уголовно-процессуальной деятельности – раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Криминалистика относится к специальным юридическим наукам, не сориентированным на какую-либо определенную отрасль права или группу норм из различных отраслей права. По интенсивности связей она примыкает к наукам уголовно-правового цикла, изучающим преступность и меры борьбы с ней.

Криминалистика тесно связана наукой уголовного права. На основе юридических признаков составов преступлений разрабатываются методики их расследования: чтобы знать, как расследовать преступление, нужно понимать, в чем оно заключается, какими признаками характеризуется, каковы элементы его состава.

Криминалистика связана и с такими юридическими науками, как уголовно-исполнительное и административное право. Положения уголовно-исполнительного права используются ею при разработке методик раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях. Что же касается административного права, то ряд норм при формулировании составов тех или иных преступлений отсылается к его нормам, например к правилам дорожного движения, противопожарной безопасности.

Связь криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности обоюдна. Первая при разработке проблем тактики и методики расследования преступлений учитывает оперативно-розыскные возможности, а оперативно-розыскная деятельность – положения и рекомендации криминалистики.

Общенаучные методы, применяемые в криминалистике, – это система правил, рекомендаций, примеров по изучению конкретных объектов, явлений, факторов. Наиболее часто в криминалистике используются следующие методы.

Наблюдение, то есть систематическое, преднамеренное и целенаправленное восприятие, преследующее цель изучения предмета, явления. В качестве его субъектов выступают: вещи, люди, животные, явления и события.

Описание – это фиксация выявленных признаков объекта. Сравнение – одновременное исследование и оценка двух или более объектов путем сопоставления их свойств и признаков. Измерение используется для установления количественных характеристик свойств объектов, пространственных и временных соотношений между ними. Эксперимент – это искусственное воспроизведение явления в заданных условиях с целью выяснить его природу и сущность, особенности процесса развития.

Из сказанного следует, что основным объектом криминалистического исследования является человеческая деятельность: с одной стороны, поведение преступника, с другой – деятельность криминалиста как объекта управления и оптимизации. Таким образом, криминалистика играет особо важную роль в юриспруденции, особенно в уголовном и административном праве.

Теперь выявим роль криминологии в юриспруденции. Криминология – социолого-правовая наука, которая изуча-

ет преступность, личность преступника, причины и условия преступности, пути и средства ее предупреждения.

Криминология – самостоятельная социально-правовая наука. В ее предмет входит, во-первых, преступность, ее сущность, закономерности и формы проявления. При этом понятием преступности охватывается совокупность преступлений, рассматриваемых в виде реальных факторов социальной действительности, а не юридических конструкций типа, например, состава преступления.

Во-вторых, криминология изучает происхождение, истоки преступности, ее причины, условия и другие детерминанты. При этом различные по своим источникам, содержанию, механизму действия детерминанты преступности изучаются применительно: а) ко всей совокупности преступлений; б) к их отдельным видам (группам, категориям); в) к индивидуальным актам преступного поведения.

В-третьих, в предмет криминологии входит личность преступника. Выделение личности преступника из всей массы людей осуществляется на основе двух основных критериев: юридического (лица, совершившие уголовно наказуемые деяния) и социального, или социально-психологического (лица, занимающие определенные социальные позиции, статусы, обладающие набором демографических, нравственно-психологических и иных качеств, включая антиобщественную направленность или ориентацию). Нацеленность криминологии на превентивные, упреждающие подходы к решению задач борьбы с преступностью обуславливает необходимость изучения этой наукой и тех лиц, которые еще не нарушили уголовного закона, но в силу антисоциальных взглядов и привычек, так или иначе проявившихся вовне, например в виде совершения соответствующих административных правонарушений, могут встать на преступный путь.

Наконец, в-четвертых, криминология изучает проблему предупреждения преступности – специфическую область социального регулирования, управления и контроля, имеющую многоуровневый характер и преследующую цель борьбы с преступностью прежде всего путем выявления и устранения ее причин, условий, иных детерминант.

Таким образом, криминология как самостоятельная система знаний состоит из четырех учений: о преступности; о ее причинах, условиях и иных детерминантах; о личности преступника; о предупреждении преступности.

Криминология преследует познавательные, объяснительные, прогностические и профилактические цели. Она не только расширяет наши представления о преступности и преступнике, но и объясняет причины этих социальных явлений, стремится предсказать движение преступности и изменения в составе участвующих в ней лиц, а также вырабатывает профилактические рекомендации. Тем самым наука соединяется с практикой.

Таким образом, криминология изучает преступность, виды преступности, индивидуальное преступное поведение, преступления; их причины, иные виды их взаимосвязей с различными явлениями и процессами; результативность принимавшихся мер по борьбе с преступностью. Криминология так же, как и криминалистика, играет важную роль в юриспруденции.

На данный момент сложно представить юриспруденцию без криминалистики и криминологии. Они являются основными юридическими науками в области уголовного и административного права.

ВСТРЕЧНЫЙ ИСК И ВОЗРАЖЕНИЕ ПРОТИВ ИСКА ПО ДОГОВОРУ ПОСТАВКИ

Жмуркевич К., студентка 5 курса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Встречный иск о признании договора поставки незаключенным. Акционерное общество вчинило иск покупателю об оплате товара по договору поставки и взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами. Покупатель защищался встречным иском о признании договора поставки незаключенным. Суд постановил, что нет оснований для удовлетворения встречного иска, поскольку все условия, существенные для договора поставки, сторонами были оговорены при заключении договора. Условия договора поставки товара считаются согласованными, подчеркнул суд, если договор позволяет определить наименование и количество товара. Срок поставки товара, указал суд, законом не отнесен к существенным условиям договора, и в случае, если стороны не оговорили период поставки товара, применяются правила ст. 314 ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 314 ГК РФ, если обязательство предусматривает или позволяет определить день его исполнения или период времени, в течение которого оно должно быть исполнено, обязательство подлежит исполнению в этот день или, соответственно, в любой момент в пределах такого периода. Между тем спорный договор поставки четко отражает достигнутые договоренности о наименовании и количестве товара, о цене, а также о сроке поставки. Условие о сроке поставки соответствует требованиям п. 1 ст. 314 ГК РФ, поскольку срок поставки (в апреле 2011 г.) определен периодом времени, в течение которого должно быть исполнено обязательство.

Таким образом, из постановления Федерального арбитражного суда Центрального округа от 27 августа 2012 г. № Ф10-1937/12 по делу № А14-9080/2011 следует, что встречный иск, предъявленный покупателем, не увенчался успехом. Из текста договора и иных доказательств по делу нельзя были прийти к выводу, что спорный договор не заключен и имеет место так называемая *бездоговорная поставка*, то есть поставка по устному договору, на которую не распространяются условия договора-документа.

Возражения против иска из договора поставки по основанию незаключенности договора. Поставщик направил предпринимателю (покупателю) проект договора поставки с условием получения товара на складе поставщика. Проект договора содержал указание на наименование товара, его количество и положение о штрафе за просрочку оплаты. Покупатель подписал проект договора и направил его поставщику, но в сопроводительном

письме указал на необходимость дополнительного согласования цены. Поставщик подготовил товар к передаче на своем складе, произведя его маркировку, и уведомил покупателя о готовности товара к передаче, также сообщив об отклонении предложения по дополнительному согласованию цены. Затем поставщик обратился с иском о взыскании цены и штрафа. Покупатель против иска возражал, ссылаясь на незаключенность договора ввиду несогласования цены. Суд в иске отказал, поскольку заявление одной из сторон о необходимости согласования какого-либо условия означает, что это условие является существенным, то есть таким, отсутствие соглашения по которому означает, что договор не является заключенным. Следовательно, в рассматриваемом случае договор, будучи подписанным, не был заключен. Подписав договор, покупатель заявил о необходимости согласования дополнительного условия. Это условие не было согласовано.

Этот пример из Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными (информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 165), поражает своей надуманностью, искусственностью, оно нерационально поведением поставщика, приготовившего товар к передаче предпринимателю без согласия последнего. С другой стороны, пример жизненно необходим. Суды могут полагать заключенным договор купли-продажи энергии, даже если покупатель заявил об особых условиях и они не были приняты поставщиком, при условии, что покупатель осуществляет отбор электроэнергии их присоединенной сети. Поэтому образец правоприменения, предложенный Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ, имел бы большую ценность, если бы в нем было сказано, что покупатель подписал договор с протоколом разногласий. В протоколе указал, что необходимо достичь соглашения о размерах и порядке уплаты штрафов. После чего отобрал и принял товар на складе продавца.

Для целей настоящей работы имеет значение, однако, то обстоятельство, что Президиум ВАС РФ полагал возможным обосновывать возражения против удовлетворения иска ссылками на то, что договор не заключен.

Заключение. И встречный иск, и возражения против иска сводятся к одному и тому же, а именно к отрицанию существования права истца требовать взыскания по договору. Однако в одном случае ответчик требует отказать в иске поставщику, а в другом случае ответчик требует отказать в иске поставщику и указать в резолютивной части решения на отсутствие договора между ними. Мы видим, что одно и то же требование ответчика заявлено в одном случае в виде встречного иска, в другом – в виде возражения. В связи с этим Лидия Ивановна Анисимова риторически спрашивала: «Можно ли сказать, что для ответчика, заявляющего требование о признании его собственного права или о признании несуществующим спорного права истца, совершенно безразлична та форма, в которую будет облечено его заявление?» И затем отвечала: «Сказать так было бы неверно. Дело в том, что ответ по встречному иску суд обязан дать в резолютивной части решения, а не в мотивировочной, как это имеет место при заявлении им возражения. Это различие носит отнюдь не формальный характер» [1, с. 144].

Гипотеза. В рассмотренных случаях кажется, что суд принимал во внимание не само средство защиты ответчика против иска, а обоснованность исков и возражений истца и ответчика по каждому делу. Отсюда следует гипотеза, которую мы можем предложить для обсуждения: возражения против иска, излагаемые в отзыве на иск, и встречный иск, излагаемый в исковом заявлении, должны иметь свое основание. Встречный иск в отличие от возражения против иска имеет предмет. Возражение против иска отличается от него тем, что не имеет предмета. Помимо обычных возражений законодательство знает возражения квалифицированные. Это возражения особого рода. Данные возражения имеют имплицитно предмет, в отличие от возражений обычных. Таковыми возражениями являются заявления ответчика о зачете встречного требования. Квалифицированные возражения предусмотрены п. 5 ст. 24 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (ред. 21 июля 2011 г.). Чем отличаются возражения против иска с требованием о зачете от встречного иска (требования), направленного к зачету иска первоначального? Этот вопрос должен исследоваться отдельно. Действующие Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ не предусматривают такой формы возражений против иска, как возражения с требованием о зачете. Но допустимо обсуждать вопрос о включении такой формы, как возражения с требованием о зачете, в состав средств защиты ответчика против иска, предусмотрев данное средство в проекте будущего Кодекса гражданского судопроизводства.

Примечание. По общему правилу, возражение против иска в случае успеха приводит к отказу в иске, но не к постановлению решения против ответчика. Встречный иск, будучи удовлетворенным, не только приводит к отказу в иске полностью или в части, но может привести и к решению, которое обращается против истца. Помимо возражений с требованием о зачете наука знает так называемые *смешанные иски* [2, с. 110], эффективные возражения против которых приводят к обращению решения не только против ответчика, но и против истца.

Список использованных источников

1. Анисимова, Л. И. Встречный иск и возражения против иска / Л. И. Анисимова // Изв. вузов. Правоведение. – 1961. – № 1. – С. 143–147.
2. Анненков, К. Н. Иск и возражение как средство осуществления и защиты гражданских прав / К. Н. Анненков // Журн. гражданского и уголовного права. – 1893. – Кн. 6. – С. 28–90.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Жук А., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Одним из приоритетных направлений деятельности каждого государства является защита несовершеннолетних и молодежи. Это в первую очередь обусловлено тем, что несовершеннолетние являются физически и умственно незрелыми и поэтому нуждаются в особой правовой защите со стороны государства. Так только после 60-х гг. XIX в. законодательная деятельность государства в области регулирования правонарушений смягчилась по отношению к несовершеннолетним. Именно тогда было установлено, что подростки должны содержаться отдельно от взрослых, а сам факт совершения преступления несовершеннолетним стал смягчающим вину обстоятельством.

Первым международным инструментом, закрепившим некоторые из прав несовершеннолетних, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г., нормы которой на настоящий момент являются обычаем в международном праве. За Всеобщей декларацией последовал Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 10) и Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г. Республика Беларусь подписала или ратифицировала все вышеперечисленные документы.

Несмотря на то что Республика Беларусь успешно инкорпорировала нормы этих документов в национальное законодательство (положения Конституции, Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» 1993 г., Закон Республики Беларусь «Об образовании» 1991 г., нормы гражданского, семейного, трудового права), это не исключило ряда проблем, связанных с соблюдением установленных норм.

В целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Республике Беларусь создан и функционирует ряд органов: органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, суды, прокуратура и иные уполномоченные на это организации (ст. 3 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка»). Прокуратура в настоящее время занимает чрезвычайно важное положение в системе этих органов, она независима по своему статусу и вневедомственна, на нее возложено осуществление постоянного надзорного контроля за соблюдением законодательства Республики Беларусь о несовершеннолетних (Закон Республики Беларусь «О прокуратуре» 1993 г., Закон Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» 2003 г., Приказ Генерального прокурора Республики Беларусь № 3 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи» 2006 г.).

Как упоминалось выше, существует ряд проблем, связанных с соблюдением текущего законодательства о несовершеннолетних. Так, практика показывает, что права подростков наиболее часто нарушаются в трудовых и имущественных отношениях. Проблемы могут возникать при приеме на работу или же при установлении порядка и режима рабочего времени. Имеют место случаи нарушения процессуального порядка при расследовании дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Следует также отметить, что прокурорская надзорная деятельность встречается с рядом трудностей, когда речь идет об оставшихся без родителей детях. Были выявлены многочисленные нарушения бытовых условий содержания детей, несоблюдения лимита численности, плохое питание и санитарное обслуживание, неудовлетворительная организация досуга детей, низкие требования к педагогическим кадрам.

В этой связи важно отметить, что основные функции прокураторы направлены на устранение недостатков правовой системы государства посредством контроля за соблюдением прав и интересов несовершеннолетних со стороны государственных органов, родителей и лиц, осуществляющих воспитание, а также контроля за соблюдением прав и интересов несовершеннолетних при расследовании и судебном рассмотрении дел о совершенных ими преступлениях. На прокуратору также возложена обязанность по выявлению причин и условий нарушения прав несовершеннолетних.

Успешной организации работы прокуратуры способствует ряд элементов, таких как планирование, информационно-аналитическая работа, координация деятельности правоохранительных органов, проверка исполнения законов, подготовка документов прокурорского реагирования, взаимодействие со средствами массовой информации, а также правовое просвещение.

Для выполнения прокурорами возложенных на них полномочий законодательство предоставляет им средства для обнаружения и устранения нарушений. Это общенадзорные, гражданско-правовые, уголовно-правовые, уголовно-исправительные и иные средства. Таким образом, в случае административного правонарушения прокурор вправе возбудить административное преследование, в случае уголовного – уголовное дело. Прокурору предоставлено право самостоятельно обращаться в суд для защиты интересов несовершеннолетнего, например в ситуации лишения родительских прав, отмены усыновления, возврата ребенка родителям, восстановления права на жилье и т. д. В соответствии со ст. 27 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре» прокурор вправе использовать протесты, письменные указания, представления, предписания, протоколы, предписания и официальные предупреждения для защиты прав и интересов несовершеннолетних лиц.

В научной литературе выделяют несколько основных направлений деятельности прокуратуры, каждое из которых обладает определенной спецификой и обособленными методами регулирования. Таким образом, прокуратура в своей деятельности осуществляет надзор за законностью задержания и привлечения к ответственности несовершеннолетних, за исполнением законов при применении к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, за законностью деятельности специализированных учреждений, обеспечивающих исправление

несовершеннолетних, за исполнением законов в воспитательно-трудовых колониях для несовершеннолетних, за исполнением законов об образовании и о труде.

Полномочия прокурора включают как его права, так и его обязанности. Нынешняя ситуация в Республике Беларусь требует от прокуратуры принятия мер прокурорского реагирования и повышения эффективности, что должно привести к устранению существующих на этапе развития нарушений. Одной из причин сложившейся негативной ситуации является то, что случаи рассмотрения представлений без участия представителей прокуратуры продолжают существовать. И в случае отклонения заявленных требований прокурорами никаких дальнейших мер не применяется, нередко случаи отказа в возбуждении уголовных дел по материалам.

Важно отметить, что на уровень криминализации общества оказывают немаловажное влияние такие факторы, как социально-экономическая обстановка, падение в обществе основ морали и нравственности, неисполнение норм законодательства, а также халатность и невыполнение должным образом обязанностей, возложенных на государственные власти и управление.

В заключение мы можем сказать, что в основе нормального функционирования каждого отдельного государства лежит его забота о незащищенных слоях населения, в том числе несовершеннолетних, так как они являются будущими деятелями. Поэтому увеличение уровня правосознания, образования и материальной обеспеченности по средствам защиты прав, свобод и интересов несовершеннолетних должно быть первостепенной целью любой государственной власти.

ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ ОТСЫЛКИ ПРИ ПРОТИВОРЕЧИИ НОРМ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА КОЛЛИЗИОННЫМ УСЛОВИЯМ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА

Золотарь И., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В соответствии со ст. 1133 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имеет последнее место жительства, если наследодателем не избрано в завещании право страны, гражданином которой он является.

Норма, регулирующая коллизионные вопросы, связанные с наследованием, также содержится и в международном договоре между Республикой Беларусь и Польшей «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам». Согласно ст. 42 данного договора правовые отношения в области наследования движимого имущества регулируются законодательством той Договаривающейся Стороны, гражданином которой являлся наследодатель на момент своей смерти.

В данной ситуации перед правоприменителем может встать проблема выбора нормы, которой следует воспользоваться при разрешении коллизионного вопроса. Его разрешение зависит прежде всего от того, нормы международного или национального права имеют высшую юридическую силу. Из содержания ст. 6 ГК следует, что нормы международных договоров имеют приоритет над нормами национального права. Этот вопрос неоднозначно рассматривается в правовой теории.

В данной ситуации можно поддержать позицию И. В. Салеева: «...Трудно согласиться с тем, что правотворческие и правоприменительные органы при принятии решений обязаны руководствоваться нормами международных договоров, и при выявлении расхождений между вступившим в силу международным договором и иными правовыми актами суд (общий и хозяйственный) при рассмотрении конкретного дела должен принять решение в соответствии с международным договором. Таким образом, в республике фактически существует две иерархии нормативных актов: одна предназначена для Конституционного Суда (предусматривает приоритет ратифицированных международных договоров над законами, декретами, указами), другая – для всех остальных органов и должностных лиц государства (в соответствии с ней приоритет международных договоров отсутствует)» [1].

В соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» к компетенции Конституционного Суда отнесено в том числе устранение в нормативных правовых актах пробелов, исключение в них коллизий и правовой неопределенности. В данном случае коллизию между ГК Беларуси и условиями международного договора между Республикой Беларусь и Польшей необходимо устранить, поскольку это может привести к неопределенности при разрешении проблемы об обратной отсылке. До решения этого вопроса Конституционным Судом целесообразно в данной ситуации, возникшей по поводу определения права страны, руководствоваться нормами международного договора между Республикой Беларусь и Польшей «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам».

Список использованных источников

1. Салеев, И. К. Соотношение международных договоров и внутреннего законодательства Республики Беларусь / И. К. Салеев // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 3. – С. 3–7.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кейзер М., студентка 1 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Проблема смертной казни волнует не одно поколение. Она затрагивает как правовые, так и нравственные, религиозные, этические и другие аспекты. Проблема смертной казни сложна и неоднозначна. Нельзя решать ее, не взвесив все за и против, не руководствуясь реалиями жизни. Смертная казнь как вид наказания за действительно тяжкие преступления – важная составная часть уголовного законодательства. По ее наличию или отсутствию в перечне наказаний иногда с различной степенью обоснованности судят о демократичности государства.

Известно, что формы, методы и средства борьбы с преступностью в разных социально-политических системах различны; отличаются и взгляды на них даже в рамках одной системы. Отношение к смертной казни как к мере наказания – важный показатель уровня социального и культурного развития общества. Чем он ниже, тем грубее и примитивнее формы «воспитания» его членов наказанием, тем пренебрежительнее отношение к человеку и его жизни. Поэтому значение института смертной казни выходит далеко за рамки права.

Общественное мнение в Республике Беларусь поддерживает смертную казнь как меру социальной защиты, а законодатель обязан считаться с ним. В Уголовном кодексе Республики Беларусь она занимает особое место. Она является исключительной и временной мерой наказания и поэтому не включена в общий перечень наказаний.

Смертная казнь – одно из древнейших наказаний. А сущность любого наказания – кара. Кара – это комплекс установленных законом правоограничений, конкретно выражающихся при применении того или иного вида наказания. Таким образом, кара – это лишение человека его прав или интересов, уменьшение их объема либо введение особого порядка их осуществления, установление обязанностей, которые предусмотрены наказанием и на других граждан обычно не распространяются. В смертной казни кара проявляется в максимальной степени. У осужденного к исключительной мере наказания отнимается жизнь, естественно, и все другие права и интересы. Но это происходит только после приведения приговора в исполнение, а до этого за ним сохраняются многие права.

Все исследователи данного вида наказания отмечают, что смертная казнь приносит страдания. Осужденный к смертной казни ощущает страдания в момент вынесения приговора, в ожидании результатов рассмотрения поданных им жалоб и заявлений ходатайств о помиловании. В этой ситуации у большинства осужденных появляется страх смерти, который нередко сочетается с состоянием безысходности, иногда с осознанием своей вины, угрызениями совести и т. п. Но страдания преступника уже не нужны обществу, так как оно не ставит своей задачей исправить его, в чем-то убедить, что-то доказать. Общество вычеркивает его из своего состава, он перестает существовать. Говоря о страданиях, которые вызывает осуждение к смертной казни, следует иметь в виду также страдания родных и близких приговоренного. Если страдания последнего прекращаются в момент приведения приговора в исполнение, то близкие особенно остро начинают ощущать потерю именно в это время. Вышеизложенное позволяет сформулировать следующий тезис: смертная казнь является самым суровым наказанием. Это предопределяется тем, что осужденный лишается самого ценного блага человека – жизни.

Тезисы, выдвигаемые против смертной казни.

1. Это нарушение общих прав человека. Статья 24 Конституции Республики Беларусь гласит: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств». Генеральная Ассамблея ООН ратует за то, чтобы страны, в которых существует закон о смертной казни, его либо отменили, либо последовательно сокращали виды преступлений, караемых смертной казнью.

2. «Международная амнистия» заявляет, что смертная казнь – нарушение основных прав человека. Сам факт того, что государство может оправдать столь жестокое наказание, как смерть, противоречит концепции прав человека.

3. Всемирная Декларация прав человека в ст. 3 провозглашает: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность», но в ст. 1 того же документа говорится, что «все люди рождаются свободными и равными в своих правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Если же государство на настоящий момент не может иным способом обеспечить безопасность граждан, считают сторонники смертной казни, то вполне правомерна такая мера наказания, как смертная казнь.

4. Ожидание исполнения смертной казни – психологическая пытка осужденного

5. Смертная казнь не исключает судебную ошибку, которую невозможно будет исправить. По исследованию, проведенному в США в 1990 г., в период с 1900 по 1985 г. в данной стране имелось 349 случаев, когда человек был неправильно приговорен за преступление, за совершение которого предусмотрена в качестве меры наказания смертная казнь. Из них 23 были казнены. В 32 случаях преступление вообще не имело места, предполагаемая жертва оказывалась живой. В связи с необратимостью смертной казни как меры наказания рождается дискуссия по поводу срока между вступлением приговора в законную силу и его исполнением. В различных странах он колеблется от нескольких дней до нескольких лет. В странах с малым сроком исходят из соображений гуманистических: чем меньше срок, тем меньше у приговоренного мучений в ожидании исполнения приговора суда. Зато в столь непродолжительный срок очень редко могут обнаружиться факты, которые могут указать на то, что в данном случае имеет место судебная ошибка.

6. Институт смертной казни не отвечает сегодняшним юридическим понятиям. Но в настоящее время в Республике Беларусь в период нестабильности общества, экономики, травмированной морали вопрос об отмене смертной казни вряд ли может быть решен положительно.

7. Процесс вынесения исполнения приговора к смертной казни приносит страдания должностным лицам, причастным к выполнению данных функций.

По данному пункту противоположное мнение состоит в следующем. Во-первых, смертная казнь назначается на законных основаниях и только в том случае, когда вынесение какого-либо другого приговора представляется невозможным с точки зрения справедливости, так как гуманизм не должен пониматься как всепрощение. Во-вторых, если судья не будет уверен в необходимости применения в данном случае смертной казни, он не будет приговаривать к ней подсудимого, а заменит ее на лишение свободы, так как у него во всех случаях есть альтернатива при назначении наказания. В-третьих, при нашем уровне технического развития вполне возможно полностью автоматизировать процесс исполнения смертной казни, а следовательно, исключить мучения у исполнителя, который должен был приводить смертную казнь в исполнение.

Сторонники смертной казни утверждают следующее.

Исполнение смертного приговора исключает возможность повторного совершения преступления. Но противники смертной казни отмечают, что, хотя казненный уже действительно не совершит преступления в будущем, невозможно с полной уверенностью утверждать, что если бы к данному преступнику применили бы другую меру наказания, то он обязательно совершил бы преступление. Наблюдения зарубежных криминологов показывают, что рецидив преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь, довольно-таки низок. Например, убийцы даже реже всех других преступников становятся рецидивистами. Из 400 приговоренных к пожизненному заключению штата Мичиган, приговоренных за убийство и условно-досрочно освобожденных в период с 1938 г., ни один не провинился в совершении нового преступления до 1976 г. Но это, конечно, не правило, а скорее исключение, но если бы эти 400 человек были казнены, то с точки зрения предотвращения рецидива это было бы совсем бесполезное мероприятие.

Это вынужденная мера социальной защиты. То есть наше общество пока не достигло уровня подлинного гуманизма высокой цивилизованности, и поэтому пока от смертной казни отказываться рано.

Как вид уголовного наказания смертная казнь поддерживается общественным мнением. Это видно из результатов референдума – большинство населения проголосовало за сохранение смертной казни в Уголовном кодексе Республики Беларусь. Но противники смертной казни следующим образом толкуют этот факт. Они говорят, что сформированный многовековой практикой обычай казнить преступников повлиял на воззрения политиков, законодателей, правоприменителей и общества в целом, что наше общество воспитано на идеологии, допускающей, оправдывающей, обосновывающей право власти и законодателя казнить. Это право закреплено в Уголовном кодексе. И борцы за отмену смертной казни предполагают, что в обществе бытует заблуждение, что без жестоких наказаний с преступностью не справиться, и поэтому опросы общественного мнения по поводу сохранения или отмены смертной казни в Уголовном кодексе подтверждают, что большинство людей выступают за ее сохранение.

Исключительная мера наказания как институт права наиболее полно отражает идею искупления вины, то есть принципа ретрибуции. Но противники смертной казни говорят, что именно в этом моменте смертная казнь напоминает месть.

Некоторые сторонники смертной казни говорят, что «дешевле» казнить, чем содержать длительный срок осужденного в местах лишения свободы. Но некоторые исследования, проведенные в США и Канаде, показывают, что приведение смертного приговора в исполнение в этих странах обходится дороже, чем пожизненное заключение. Изучение этого вопроса в штате Нью-Йорк в 1982 г. показало, что суд по делу, по которому может быть вынесен смертный приговор, и первая стадия обжалования обходятся в среднем в 1,8 млн долл. США, что вдвое дороже, чем содержание лишенного свободы на срок сорок пять лет.

Смертная казнь – вовсе не лучшее из наказаний. Лишение человека жизни даже и по закону – неидеальное средство разрешения конфликтов, возникающих в обществе. Но и преступление, особенно причиняющее государству и гражданам тяжкий ущерб, – тоже зло. И с учетом состояния современного общества в целом мы высказываемся за сохранение смертной казни, но в ограниченных пределах.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ

Кисель С., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чердниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Трудовое право и трудовые отношения между людьми являются неотъемлемой и очень важной частью жизни людей, трудоспособного населения любой страны. Некоторые трудящиеся ошибочно полагают, что все функционирует само по себе, на самом деле это не так, так как данная отрасль права довольно объемная и в ней все тесно взаимосвязано. Трудовой кодекс является одним из основных источников права, регулирующих данные правоотношения, и в нем важна каждая статья, каждая глава и тем более каждый раздел. Так, в соответствии с главой 39 Трудового кодекса Республики Беларусь «надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде» является основной гарантией защиты прав субъектов данных правоотношений. Существует ряд проблем в области охраны трудовых прав граждан: случаи незаконных увольнений; неоплачиваемой сверхурочной работы; непредставление ежегодного оплачиваемого отпуска; незаконное наложение дисциплинарного взыскания, штрафа и др. Исходя из этого стоит отметить, что важнейшим фактором обеспечения законности в сфере трудовых отношений является надзор и кон-

троль за соблюдением законодательства о труде, осуществляемый системой надлежащих органов [5, с. 623].

В ст. 41 Конституции Республики Беларусь сказано, что гражданам гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда. Государство создает условия для полной занятости населения. Принудительный труд запрещается, кроме работы или службы, определяемой приговором суда или в соответствии с законом о чрезвычайном и военном положении [1].

Согласно ст. 462 Трудового кодекса Республики Беларусь систему государственного надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде составляют специально уполномоченные государственные органы, действующие в соответствии с законодательством [2].

В процессе осуществления надзорно-контрольной деятельности специально уполномоченные на это органы выявляют и предупреждают различные нарушения трудового законодательства со стороны как нанимателя, так и уполномоченных им лиц, а также восстанавливают трудовые права работников, которые были нарушены, и привлекают к ответственности виновных лиц [5, с. 623]. Надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства осуществляется в двух формах: в форме надзора, и в форме контроля.

Контроль является частью управленческой деятельности. Его сущность заключается в том, чтобы проверять уровень соответствия деятельности подконтрольных объектов предписаниям нормативных актов, а также корректировать и применять санкции, давать оценку не только с точки зрения законности, но и с точки зрения максимальной эффективности и уместности.

Надзор – одна из форм деятельности государственных органов по обеспечению законности. Различают надзор судебный, конституционный, прокурорский надзор, различные виды административного надзора. Особым видом является авторский надзор [6]. Полномочия органов при осуществлении надзора сводятся к требованиям устранить нарушения закона. На практике разграничение надзорно-контрольных органов невозможно и нецелесообразно, поскольку они сочетают в своей деятельности как надзорные, так и контрольные полномочия (ст. 462 ТК) [2].

Систему органов, осуществляющих надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде, образуют специально уполномоченные органы. Их единственное назначение заключается в обеспечении соблюдения законодательства о труде. К таким можно отнести следующие.

1. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь.
2. Департаменты по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и атомной энергетике Республики Беларусь.
3. Департамент по энергоэффективности Республики Беларусь.
4. Органы санитарно-эпидемиологической службы системы Министерства здравоохранения Республики Беларусь.
5. Органы государственного пожарного надзора Министерства внутренних дел Республики Беларусь.
6. Государственная экспертиза условий труда Республики Беларусь.
7. Органы, осуществляющие общий надзор за исполнением законов органами власти и управления, организациями, должностными лицами и гражданами.

Каждый из перечисленных семи органов осуществляет свою деятельность в своей конкретной сфере и в четко ограниченных пределах, что позволяет им действовать наиболее эффективно и не позволяет дублировать друг друга.

Важную роль в защите трудовых прав работников играют органы прокуратуры. Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры осуществляют общий надзор за исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов министерствами и другими подведомственными Совету Министров органами, местными представительными и исполнительными органами, предприятиями, учреждениями и организациями, общественными объединениями, должностными лицами и гражданами [5, с. 634]. Порядок организации и деятельности прокуратуры, ее полномочия по осуществлению надзора за соблюдением законодательства, в том числе и в сфере трудовых отношений, определены Законом «О прокуратуре Республики Беларусь» [4].

Задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов – об этом нам говорит ст. 4 Закона о прокуратуре Республики Беларусь [2].

Предметом надзора за исполнением законодательства является точное и единообразное исполнение законов, декретов, указов и иных нормативных правовых актов республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь, местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и другими организациями, должностными лицами и иными гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями [ст. 26.4].

В 2013 г. прокурорами проведено более 800 проверок исполнения законодательства о труде и об охране труда, по результатам которых внесено почти 3,5 тысячи актов прокурорского надзора.

Особое внимание уделяется обеспечению нанимателями безопасных условий труда. Этому будет способствовать и проводимая в настоящее время в республике модернизация производства в разных отраслях экономики.

В 2012–2013 гг. в органы прокуратуры поступило 43 обращения профсоюзов по различным вопросам. Все они рассмотрены в строгом соответствии с требованиями законодательства.

Прокуроры принимают активное участие в различных конференциях, семинарах по вопросам соблюдения за-

конодательства в социально-трудовой сфере, а также недопустимости нарушения прав работников от антипрофсоюзной дискриминации [3].

При осуществлении надзора прокуратура не вмешивается в оперативно-производственную деятельность предприятий, учреждений, организаций. Проверки исполнения законов проводятся на основании сообщений и других имеющихся данных о нарушениях законности, требующих непосредственного прокурорского реагирования. Кроме того, прокуратура проводит плановые надзорные проверки.

В процессе проверки прокурор вправе требовать от руководителей и других должностных лиц предоставления издаваемых ими приказов, инструкций, решений и других актов, необходимых документов и материалов, выделения специалистов для выяснения возникших вопросов; вызывать должностных лиц и требовать от них объяснений по поводу нарушений закона, а также совершения других действий.

При установлении нарушений закона прокурор вносит представления и предписания с требованием об их устранении, а также об устранении причин нарушений и способствующих им условий, официально предупреждает должностных лиц, граждан о недопустимости нарушений ими требований закона; в установленном порядке решает вопрос о привлечении нарушителей закона к уголовной или административной ответственности, возбуждает дисциплинарные производства.

Также неправильно было бы не отметить широкий спектр полномочий прокурора. В пределах своей компетенции прокурор имеет право по предъявлению своего удостоверения посещать любые помещения как государственных органов, так и иных организаций и индивидуальных предпринимателей. Прокурор может осуществлять проверки, проводить экспертизы и многое другое.

Прокуратура может в установленном порядке приносить протесты на акты нанимателя, нарушающие трудовые права граждан, вносить представления с требованиями об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, выносить предписания об устранении нарушений закона. Вопрос о привлечении нарушителей закона к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности решается в установленном порядке.

Надзор и контроль за любым законодательством важен. Он призван функционировать во благо всего государства, выявлять нарушения законодательства, регулировать вопросы, связанные с трудовыми отношениями нанимателей и работников.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 48 с.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 18 мая 2013 г. – Минск : Амалфея, 2012. – 288 с.
3. Прокуратура Республики Беларусь. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokuratura.gov.by>. – Дата доступа: 16.05.2013.
4. О прокуратуре Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 2/1952.
5. Трудовое право : учебник / В. Н. Артемова [и др.] ; под общ. ред. В. И. Семенкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2002. – 672 с.
6. Энциклопедии и словари // Юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com>. – Дата доступа: 16.05.2013.

ТЕМА СВОБОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ФРОММА

Ковальский С., студент 2 курса факультета МЭО и М Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Н. Н. Мельник*, кандидат социологических наук, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В книге «Бегство от свободы» Эрих Фромм раскрывает вопрос свободы для человека в период с его появления и до сегодняшних дней, а также почему он стремится избавиться от нее. В начале произведения автор акцентирует наше внимание на том, что именно свобода является определяющим аспектом человеческого существования. Он обращает внимание, что понятие свободы склонно к изменению в зависимости от самоосознания и самоопределения человека как независимого и отдельного субъекта. По его словам, не что иное, как свобода даровала человеку независимость, однако в то же время изолировала его, придав чувство бессилия и тревоги. Изоляция же, в свою очередь, так же, как и сопутствующая ей индивидуализация, имеет лишь несколько конечных трансформаций развития человека: либо он бежит без оглядки от свободы и ищет лишь подчинения, либо он занимается реализацией своего внутреннего потенциала. Это можно проследить на примере того, как рушится средневековая социальная система и в то же время зарождается капитализм. В этот период свобода одарила индивида новейшим чувством, таким как независимость, однако и наполнила его одиночеством, сомнением и тревогой, вынуждая подчиниться новой иррациональной деятельности. В последующем судьба человека состоит лишь в поддержании и увеличении роста экономической системы, а именно умножении капитала. Человек, в свою очередь, превратился в крохотную деталь самой гигантской экономической машины. Также, упоминая об идее произведения, нельзя не сказать об основных механизмах «бегства». Фромм описывает три механизма психологической защиты от негативной свободы: авторитарный, деструктивный и конформистский, которые, в свою очередь, определяются в сле-

дующем. Первый – в мазохистской страсти к подчинению себя другим или наоборот, второй предполагает абсолютный отказ от своей индивидуальности и неумолимое стремление стать как все, третий же, в свою очередь, выражается в проявлении насилия и жестокости.

Что касается взглядов самого автора произведения, они всецело принадлежат к таким направлениям философии, как неотрейдизм и экзистенциализм отчасти. Э. Фромм подверг критике некоторые идеи З. Фрейда, сосредоточив свое внимание не на биологических детерминантах невротических заболеваний, а на таких, как культурные и социологические, раскрыв их особенности в своей книге. Самый яркий пример – это то, что Фромм делает такой вывод о двух способах реализации внутренней свободы, а именно «способ быть» и «способ иметь». К тем людям, которые живут для того, чтобы «иметь», он отнес ориентированность на внешнюю среду, определив самое главное для них в демонстрации своего значения, а также превознесения себя на фоне других. На самом деле абсолютно незначимо то, каким образом они хотят придать себе эту важность. Самое основное для них – показать всем, что чтобы это ни было, а именно: вера, знание чего-либо или власть, в любом случае это их абсолютная собственность. Отсюда же вытекает появление агрессивности и неуверенности, подкрепленное страхом, что кто-то лишит их собственности. Все это, безусловно, предполагает лишь одно – неврозы. Касательно следующего принципа, а именно «способа быть», можно сказать следующее: он характеризуется внутренней свободой и твердой уверенностью в себе. Людям, которые следуют данному способу реализации, безразлично мнение других, ввиду того что главное для них заключается не в демонстрации обладания чем-либо, будь это любовь, религия или знание. Чувство определения себя знающим что-либо или верующим человеком реализует компонент индивидуальности. В данных выводах можно заметить основополагающую неофрейдизма, а именно то, что не биологические детерминанты, а как раз таки культурные и социологические приводят человека к невротизации либо к реализации позитивной свободы.

По нашему мнению следует полностью согласиться с выводами автора, только не следует считать свободу тяжким бременем, от которого нужно избавиться при первой возможности. Наше мнение характеризуется тем, что мы склоняемся к позитивной свободе, а именно свободе, через которую человек чувствует себя частью мира и одновременно отделен от него. Следует согласиться с Эрихом Фроммом, полагая, что люди вполне могут быть независимыми и уникальными, сохраняя единство с другими людьми и обществом. По мнению автора, «все дело в том, что достижение позитивной свободы требует от людей спонтанной активности в жизни» [1]. Для нас, например, этими действиями служат разнообразные творческие активности, такие, например, как рисование, написание стихотворений и участие в разнообразных проектах. Лишь со временем начинаешь понимать, что это именно та ниша, в которой можно самовыражаться и чувствовать себя комфортно, отвлекаясь от всего. Также можно напомнить, что подобная спонтанная активность берет начало «у детей, которые обычно действуют в соответствии со своей внутренней природой, а не согласно социальным нормам и запретам» [1].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что данное произведение открыло автору глаза на многие аспекты свободы, о которых я даже и не думал. Также позволило понять мне природу своей свободы и абсолютно точно убедиться в ней. Сложно представить весь путь трансформации этого понятия, описанный Эрихом Фроммом, начиная с древних времен и до наших дней. Но еще сложнее предугадать, какие изменения нас ждут через сотню, тысячу и десятки тысяч лет и как они, в свою очередь, повлияют на определение свободы человека...

Список использованных источников

1. Фромм, Э. Бегство от свободы [Электронный ресурс] / Э. Фромм. – 2010. – Режим доступа: http://royallib.com/read/fromm_erih/begstvo_ot_svobod.html#0. – Дата доступа: 01.10.2014.

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Колокуцкий А., студент 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Е. Н. Гладкая*, ассистент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Под государством в международном праве понимается страна со всеми присущими ей признаками суверенного государства [4, с. 123]. К основным признакам государства как субъекта международного права следует отнести такие, как государственный суверенитет, территорию государства, а также население и публичную власть.

Государственный суверенитет – это присущее государству верховенство на своей территории и его независимость в сфере международных отношений [4, с. 124]. Суверенитет является главной отличительной особенностью государства как субъекта международного права, именно на основании суверенитета формируются основные права государства. Только государство в международном праве обладает универсальной правосубъектностью. В связи с этим правосубъектность других субъектов международного права проявляется во взаимоотношениях с государством [4, с. 124].

Территория государства – одно из существенных условий существования государства, в силу своей значимости данное условие обуславливает формирование норм и принципов международного права, гарантирующих целостность территории.

Тесно между собой связаны и такие признаки государства, как население и публичная власть. Население как основной признак государства характеризуется тем, что формирует как непосредственно, так и опосредованно го-

сударственные органы, то есть структурные элементы государственной власти, а также влияет на их деятельность. Публичная власть в международном праве является носителем организованной суверенной власти [4, с. 125]. При этом представители публичной власти в международном праве лишь выражают волю государства. Государства в международных отношениях выступают как суверенные образования, над которыми нет какой бы то ни было власти, способной предписывать им юридически обязательные правила поведения [4, с. 125].

Государство является необходимым субъектом социально-политической сферы и традиционно основным субъектом международного права, однако, учитывая современные мировые тенденции, связанные в первую очередь с процессами глобализации и ростом роли транснациональных корпораций в мировой экономике, все чаще подвергается сомнению ведущая роль государства в международном праве. Но данное мнение ошибочно.

Государство – главная политическая организация современного общества [2, с. 119]. Как отмечалось ранее, главная отличительная особенность государства – это наличие суверенитета. Именно в силу суверенитета, выражающегося в независимости во внешних делах и верховенстве власти на всей территории государства, его морском и воздушном пространстве [1, с. 32], государство приобретает значение основного и первоначального субъекта международного права. На основе суверенитета государства формируются нормы международного права, а также осуществляется их исполнение. Только государство как субъект международного права может гарантировать должное исполнение норм всеми субъектами международного права. Однако многими юристами-международниками ставится под сомнение тот факт, что государство является субъектом международного права. Однако, как отмечал профессор И. И. Лукашук, «отрицание международной правосубъектности государства равносильно отрицанию самого международного права» [3, с. 33].

Весьма распространено мнение и о снижении роли государства как субъекта международного права. Данное мнение аргументируется все большим распространением международных связей административно-территориальных единиц государств, различных организаций, политических партий, а также транснациональных корпораций и ростом внимания к праву прав человека [3, с. 33].

С подобным мнением также нельзя согласиться. Роль государства в связи с вышеперечисленными основаниями только возрастает. Административно-территориальная единица как составная часть государства так или иначе выражает волю государства. Государство осуществляет свою суверенную власть на данной территории и регламентирует международные связи данной административно-территориальной единицы.

Трудно согласиться и с мнением, что увеличение роли права человека существенно снижает роль государства в международном праве. Государства не просто формируют данную отрасль, они гарантируют точное исполнение принятых норм, в том числе конкретизируют принятые нормы в своем национальном законодательстве.

Государство контролирует деятельность и иных участников международных связей [3, с. 33]. Более того, государство в своей деятельности еще и способствует данным субъектам в осуществлении их международных связей.

Снижение роли государства, по мнению ряда специалистов, связано и с увеличением роли транснациональных корпораций в ходе глобализации, что приведет к отказу от государства в принципе, так как транснациональные корпорации способны эффективнее обеспечивать мировой порядок [3, с. 35]. Данное мнение является ошибочным, безусловно, в ходе глобализации и связанного с ней усложнения международных правоотношений перед государством встают новые вызовы, как внутригосударственные, так и затрагивающие все мировое сообщество, однако для противодействия негативным тенденциям и дальнейшего развития государство несет двойную ответственность, то есть государство отвечает как за внутреннее состояние дел в государстве, так и за состояние дел в международном сообществе. В связи с этим профессор Лукашук отмечал: «Ни одно образование не в состоянии заменить государство в этом качестве. Это принципиальное положение нашло свое отражение во многих документах ООН» [3, с. 36].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что государство – это первичный и основной субъект международного права. Именно государство формирует нормы международного права и только государство как субъект международного права может обеспечить их исполнение.

Государство не теряет свою основополагающую роль в международном праве, роль государства на современном этапе лишь возрастает. Государство не только берет на себя ответственность за положение дел в государстве, государство ответственно и за положение дел в мировом сообществе, что является еще одним подтверждением основополагающей роли государства как субъекта международного права.

Список использованных источников

1. Каламкарян, Р. А. Международное право в вопросах и ответах : учеб. пособие / Р. А. Каламкарян, Ю. И. Мигачев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2009. – 336 с.
2. Каламкарян, Р. А. Международное право : учебник / Р. А. Каламкарян, Ю. И. Мигачев. – М. : Изд-во Эксмо, 2004. – 688 с.
3. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть : учебник / И. И. Лукашук. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
4. Международное публичное право : учебник / Л. П. Ануфриева [и др.] ; под ред. К. А. Бекяшева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005. – 784 с.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Крылович А., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Согласно официальной статистике МВД Республики Беларусь количество зарегистрированных преступлений в период с января по сентябрь 2014 г., совершенных несовершеннолетними и при их участии, составляет 1942. Из них: убийство и покушение на убийство – 8, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения – 12, насильственные действия сексуального характера – 3, кража – 1039, грабеж – 91, разбой – 15, мошенничество – 33, хулиганство – 189, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров – 331.

По уголовным делам, расследование по которым окончено, в январе – сентябре 2014 г. выявлено 37,9 тыс. лиц, совершивших преступления [1].

Прокурор, участвуя в судебном разбирательстве, наряду с установлением обстоятельств совершенного преступления выясняет такие обстоятельства, как возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения), условия жизни и воспитания, степень интеллектуального, волевого и психического развития, наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников.

При исследовании личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого обязательное установление точного возраста несовершеннолетнего должно подтверждаться следующими документами: свидетельством о рождении или же паспортом.

Выяснение таких обстоятельств, как условия жизни несовершеннолетнего, а также его воспитание, включает в себя выяснение жилищных и материальных условий семьи, образ жизни несовершеннолетнего, его родителей и иных лиц, проживающих совместно, условия учебы или работы и особенно проведение свободного времени.

Что касается интеллектуального, волевого и психического развития, важно выяснить уровень его общего развития. Под уровнем общего развития можно понимать способность ориентироваться в конкретной обстановке, разумно давать оценку своему поведению и руководствоваться своими действиями. Данная оценка может помочь установлению данных, которые характеризуют поведение несовершеннолетнего в семье, со сверстниками, с преподавателями.

Наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников. Для этого необходимо выяснить, имелись ли взрослые подстрекатели. При наличии таких обстоятельств важно определить действительную роль несовершеннолетнего в совершенном преступлении [2, с. 486].

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день [3].

При допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого обязательно присутствие педагога, психолога и защитника, а также при необходимости законного представителя несовершеннолетнего лица.

С согласия прокурора вышеперечисленные лица вправе задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому, а по окончании опроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей.

Также при рассмотрении дела в судебном заседании решается вопрос об удалении несовершеннолетнего из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, которые могут оказать на него отрицательное воздействие [3].

При применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого следователь должен учитывать ряд факторов, которые могут повлиять как на ее изменение, так и на неприменение.

В соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь пожизненное заключение и смертная казнь не могут быть назначены лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет. Окончательное наказание в виде лишения свободы по совокупности приговоров несовершеннолетнему не может быть назначено на срок более пятнадцати лет [4]. При определенных условиях прокурор может поставить перед судом вопрос об отсрочке исполнения наказания приговоров.

Если приговор в отношении несовершеннолетнего является незаконным или необоснованным, прокурор приносит кассационный протест на предмет его отмены или изменения. Осуществляя надзор в стадии кассационного производства, прокурор обязан принять обязательное участие в рассмотрении дела судом кассационной инстанции. Прокурор проверяет дело в полном объеме, а не только в отношении осужденных, приговор которых обжалован или опротестован.

Если же по делу будут установлены существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства, прокурор дает заключение об отмене приговора [2, с. 487].

Важно помнить, что несовершеннолетний обладает большими гарантиями защиты своих прав, чем совершеннолетний.

Список использованных источников

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Статистика. – 2010–2014. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=8141>. – Дата доступа: 21.12.2014.
2. Прокурорский надзор : учеб. пособие / А. А. Кеник. – Минск : Амалфея, 2008. – 576 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. по состоянию на 28 авг. 2013 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 432 с.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. по состоянию на 1 февр. 2012 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. – 304 с.

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МОНОПОЛИИ АДВОКАТОВ, ИЛИ МОЖЕТ ЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ БЫТЬ СУДЕБНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ?

Ларченкова М., студентка 3 курса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

В настоящее время профессиональное сообщество возвращается к обсуждению реформы системы оказания юридических услуг. В первую очередь речь идет о введении так называемой адвокатской монополии. Есть идея, согласно которой необходимо предусмотреть в законе привилегию адвокатов на представительство физических и юридических лиц в судах. Вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Юрий Пилипенко утверждает, что закрепление такого права не лишит возможности граждан представлять свои интересы самостоятельно, а организации – пользоваться услугами штатных юридических консультантов. Правовым основанием этой идеи является Протокол от 16 декабря 2011 г. о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации.

С формальной точки зрения Протокол должен применяться в судах, поскольку ратифицирован Федеральным законом от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ, официально опубликован в Собрании законодательства РФ, размещен на официальном интернет-портале правовой информации.

Важно, что положения протокола, касающиеся обязанностей Российской Федерации в отношении допуска лиц к оказанию юридических услуг на российской территории, признаны постановлением Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П, соответствующими Конституции РФ. Из постановления следует, что устанавливаемые Протоколом ограничения не распространяются на право лиц, имеющих ученую степень по юридической специальности, представлять в Конституционном Суде, поскольку «в правовой системе, основанной на верховенстве Конституции Российской Федерации, правила международного договора, если они противоречат ее положениям, не могут находить своего применения». Согласно постановлению Протокол не налагает на Россию обязанности запретить лицам, обладающим ученой степенью по юридической специальности, но не имеющим статуса адвоката, представлять в Конституционном Суде.

Отсюда вывод, что Протокол обязывает Россию запретить гражданам, не имеющим статуса адвоката, представлять во всех иных судах судебной системы Российской Федерации. (Третейские суды и коммерческие арбитражи в российскую судебную систему не входят.) В постановлении постулируется: «Право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, не означает возможность допуска любого гражданина к участию в судопроизводстве в качестве представителя». Таким образом, появляется возможность добиваться издания федерального закона, запрещающего представительство в суде всем гражданам, кроме адвокатов.

Согласно п. 4 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 2 июля 2013 г.) представителями организаций в судах, а также представителями органов государственной власти и местного самоуправления в гражданском и административном судопроизводстве, судопроизводстве по делам из административных правонарушений могут быть только адвокаты, штатные работники организаций, государственных и муниципальных органов.

Сегодня это правило «спит», не применяется судами, но к нему собираются вернуться, опираясь на Протокол о присоединении к Марракешскому соглашению.

Закон об адвокатуре запрещает адвокатам вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности (п. 1 ст. 2). Это означает, что преподаватель вуза не может стать адвокатом до тех пор, пока сохраняет статус преподавателя, а вот адвокат может стать преподавателем (совместителем, почасовиком и т. д.). Главное, что работа в качестве преподавателя не должна являться основной профессиональной деятельностью адвоката, преподавателем адвокат может работать в свободное от представительства и защиты время. Чтобы быть и преподавателем, и адвокатом, преподаватель должен сначала прекратить трудовые отношения с учебным заведением, затем приобрести статус адвоката, а затем вновь трудоустроиться, но по совместительству. Конечно же, сегодня адвокатские палаты и управление юстиции не интерпретируют закон так жестко, но в свое время иногда органы юстиции предъявляли претензии адвокатам, которые по своему основному месту работы занимали должности заведующих кафедрами.

Сейчас адвокаты обещают преподавателям вузов и другим юристам, которые имеют стаж работы более пяти лет, возможность приобрести статус адвоката в упрощенном порядке, сдав экзамен на знание Закона об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката. Упрощенный порядок будет действовать в течение переходного периода. Когда за адвокатами будет признано исключительное полномочие на судебное представительство, всех юристов, состоящих в трудовых отношениях, включая преподавателей, поставят перед выбором: либо адвокатура, либо работа по трудовому договору. Другими словами, у адвоката есть право работать преподавателем, а у преподавателя нет права быть адвокатом. Чтобы стать адвокатом, преподаватель должен утратить постоянное место работы, перестать быть преподавателем. Затем, будучи адвокатом, он может в свободное время

заниматься преподаванием.

Возможно, введение адвокатской монополии приведет к тому, что российские суды станут работать более эффективно. У многих граждан, нуждающихся в судебной защите, отсутствуют денежные средства на оплату услуг адвоката. Родственники, знакомые, соседи, будучи юристами, помогают им безвозмездно, из сострадания или чтобы не утратить квалификацию, не потерять навык выступления в суде. Теперь таким гражданам в суд дорогу закроют. Следовательно, они не отвлекут судебных работников от более важных задач по разбору гражданских дел состоятельных граждан, которые приходят с адвокатами.

Адвокаты утверждают, что часто оказывают социально незащищенным и нуждающимся юридическую помощь безвозмездно, чем успешнее адвокат, тем больше он ведет бесплатных дел. Но в уголовных процессах «бесплатную» работу адвоката оплачивает государство, а по гражданским делам адвоката интересуют только те из нуждающихся граждан, которые способны делать паблисити (*publicity*) для адвоката. В провинции таких людей мало, эти люди, как правило, не знают нужды. Поэтому в сердца адвокатов милосердие вряд ли стучит.

Существуют правовые системы, в которых гражданин не может обратиться в суд, если предварительно он не заключил договор о юридической помощи с адвокатом. Статья 78 Гражданского процессуального кодекса Германии устанавливает, что стороны обязаны выступать в судах через уполномоченных представителей, которыми выступают адвокаты. Поэтому говорят: «Адвокат господствует в немецком гражданском процессе». Германский закон называет адвоката органом правосудия [1, с. 87], то есть органом определенного суда, к которому приписан каждый адвокат. В процессе адвокат господствует, поскольку процесс де-юре не может начаться без санкции адвоката.

Развивающимся странам необходимо учитывать опыт развитых стран, например Германии, но не забывать при этом, что «развитые» страны, в том числе и Германия, не обладают суверенитетом. Суверенны только США.

Не надо подражать странам, которые потеряли свободу, и странам, которые ограничивают суверенитет других стран или лишили их вовсе суверенитета. Сначала привыкают им подражать, затем подчиняются их юрисдикции, после остаются без материальных ресурсов.

Список использованных источников

1. Давтян, А. Г. Гражданское процессуальное право Германии / А. Г. Давтян. – М. : Городец-издат, 2000. – 320 с.

ПРОБЛЕМАТИКА УСТАНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лючек О., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Иностранное право применяется на основе национального права и в соответствии с нормами международного права.

На территории Республики Беларусь иностранное право могут применять суды общей юрисдикции, экономические суды, другие государственные органы (например, органы нотариата, ЗАГС и т. д.).

При установлении содержания норм иностранного права необходимо решить три вопроса: 1) кто должен устанавливать содержание иностранного права; 2) как установить его содержание; 3) каковы юридические последствия, если содержание иностранного права не будет установлено.

Согласно ст. 1095 Гражданского кодекса Республики Беларусь при применении норм иностранного права суд или иной государственный орган устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве.

Существует несколько способов установления содержания норм иностранного права. К ним относятся: обращение за содействием и разъяснением к Министерству юстиции Республики Беларусь и иным компетентным органам Республики Беларусь, в том числе органам, которые находятся за пределами территории Республики Беларусь; привлечение экспертов. В законодательстве Республики Беларусь имеется положение, согласно которому лица, участвующие в деле, вправе предоставлять документы, которые подтверждают содержание норм иностранного права, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений. Также эти лица вправе иным способом содействовать суду в установлении содержания норм иностранного права.

У судов различных государств существуют альтернативы: относиться к иностранному праву как праву или как к факту. Если суд подходит к иностранному праву как к факту, то суд лишь оценивает доказательства, а доказывание фактов лежит целиком на стороне (сторонах). Согласно этому подходу средства доказывания определены национальным процессуальным законом. Иная ситуация складывается, если иностранное право квалифицируется судом как право. Стороны (или сторона, которая ссылается на него) хотя и заинтересованы в установлении надлежащего содержания иностранного права, и делают все возможное для сбора и представления доказательств по поводу толкования и установления содержания иностранного права, тем не менее находятся во власти действий, которые предпринимает суд.

Однако как необходимо поступить суду, если мнения экспертов по поводу содержания какой-либо нормы иностранного права расходятся? Согласно Кишиневской конвенции 2002 г. о правовой помощи и правовых отноше-

ниях по гражданским, семейным и уголовным делам центральные учреждения юстиции стран СНГ по их просьбе предоставляют друг другу сведения о действующем или действовавшем на их территориях законодательстве и о практике его применения. К примеру, положения о предоставлении информации о законодательстве и о его применении содержит Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (г. Минск). Аналогичные нормы содержатся в договорах о правовой помощи с другими странами. Республика Беларусь заключила договоры о правовой помощи со многими государствами. На территории Республики Беларусь действуют Договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 февраля 1994 г.; Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 11 июля 1993 г.; Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 30 июля 1995 г. и др.

Необходимо отметить, что Республика Беларусь является участником международных договоров об установлении содержания иностранного права. Например, Европейская конвенция об информации о зарубежном праве и Дополнительный протокол к данной Конвенции вступили в силу для Республики Беларусь 2 октября 1997 г.

Также на территории Беларуси действуют двусторонние межведомственные соглашения о сотрудничестве. Такие соглашения заключены между Министерством юстиции Республики Беларусь и центральными учреждениями юстиции, а также иными органами и учреждениями зарубежных государств. Их заключено около двадцати и с такими странами, как Украина, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Республика Сербия, Республика Молдова и др. Действуют также соглашения, заключенные несколькими органами Республики Беларусь. Например, Соглашение между Министерством юстиции Республики Беларусь, Верховным Судом Республики Беларусь, Высшим Хозяйственным Судом Республики Беларусь и Министерством юстиции Республики Польша о непосредственном сношении судов в области оказания правовой помощи от 13 февраля 2009 г. Необходимо также отметить, что действуют меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве. Меморандумы заключены с такими странами, как Республика Индонезия, Народная Республика Бангладеш, Арабская Республика Египет, Сирийская Арабская Республика и др. Таких меморандумов заключено семь.

Но если у Республики Беларусь договор о правовой помощи с данной страной не заключен? При установлении и применении содержания норм иностранного права может применяться такой способ, как помощь дипломатических и консульских представительств за рубежом.

Однако если дело рассматривается в суде и договор о правовой помощи с определенным государством не подписан, то наиболее приемлемый способ – это обратиться за помощью в дипломатические и консульские учреждения Республики Беларусь, которые расположены в определенной стране.

Если установить содержание норм иностранного права, несмотря на все принятые меры, в разумные сроки не представляется возможным, суд в соответствии со ст. 1095 Гражданского кодекса Республики Беларусь применяет нормы белорусского права.

Список использованных источников

1. Ануфриева, Л. П. Международное частное право : учебник : в 3 т. / Л. П. Ануфриева. – М. : Изд-во БЕК, 2002. – Т. 1: Общая часть. – 288 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 31.12.2014 г. : текст Кодекса по состоянию на 28 января 2013 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 656 с.
3. Тихиня, В. Г. Международное частное право : учебник / В. Г. Тихиня, Н. И. Рудович ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 367 с.

РОЗНИЧНАЯ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Макалович К., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»
Научный руководитель: *Е. Н. Гладкая*, ассистент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Розничная торговля – вид торговли товарами, предназначенными для личного, семейного, домашнего потребления и иного подобного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью. Правила осуществления розничной торговли отдельными видами товаров и общественного питания утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 июля 2014 г. № 703 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров и осуществления общественного питания и Положения о порядке разработки и утверждения ассортиментного перечня товаров, ассортиментного перечня продукции общественного питания» [1].

Розничная торговля расширяет свое присутствие в Интернете. В Беларуси в торговле занято около 60 тыс. субъектов малого бизнеса. Из них 25–30 % осуществляют свою деятельность в интернет-пространстве.

Немаловажно отметить прогрессирующую розничную интернет-торговлю. По мнению С. Журавлевой, в последнее время электронная торговля через интернет-магазины приобрела популярность в Республике Беларусь. При осуществлении продажи товаров через Интернет производят самые обычные торговые операции, однако есть все же свои особенности [2].

Популярность торговли товарами через интернет-магазины в настоящее время неуклонно растет. Данный вид

торговли выгоден как продавцам, так и покупателям. Продавцы за счет экономии на торговых площадях имеют возможность предложить покупателям более выгодные цены по сравнению с обычными магазинами, а покупатель для осуществления покупки не нужно даже выходить из дома [5].

Толчком к развитию интернет-торговли стало принятие Закона от 28 июля 2003 г. № 231-З «О торговле» (далее – Закон о торговле). Согласно ст. 13 Закона о торговле электронная торговля – оптовая, розничная торговля, характеризующаяся заказом, покупкой, продажей товаров с использованием информационных систем и сетей. При осуществлении электронной торговли договор купли-продажи следует заключить путем оформления электронного документа в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 357-З «Об электронном документе» [3].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 сентября 2006 г. № 1161 «О некоторых вопросах осуществления розничной торговли по образцам с использованием сети Интернет» регламентируется механизм розничной торговли по образцам с использованием сети Интернет и устанавливается, что под интернет-магазином понимается сайт субъекта торговли (юридического лица и индивидуального предпринимателя), содержащий соответствующую требованиям законодательства информацию (сведения) о субъекте торговли и товарах, размещенный на сервере на территории Республики Беларусь, доменное имя которого зарегистрировано в установленном порядке в доменном адресном пространстве национального сегмента сети Интернет [6].

При этом регистрация доменного имени сайта подтверждается документом, выдаваемым в установленном порядке Государственным центром безопасности информации при Президенте Республики Беларусь.

Установлено, что с 1 июля 2010 г. юридические лица и индивидуальные предприниматели осуществляют розничную торговлю через интернет-магазины, зарегистрированные в Торговом реестре Республики Беларусь в порядке, предусмотренном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 649 «О регистрации интернет-магазинов в Торговом реестре Республики Беларусь, механизме контроля за их функционированием и внесении дополнений и изменений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь». Оказание услуг по распространению открытых ключей юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям для представления документов о регистрации интернет-магазинов осуществляет РУП «Информационно-издательский центр по налогам и сборам» [4].

Для целей реализации интернет-торговли применяются следующие термины: покупатель – физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее или использующее товары исключительно для личных, бытовых, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности; продавец – организация, ее филиал, представительство, иное структурное подразделение, расположенное вне места нахождения организации, индивидуальный предприниматель, реализующие товары покупателю по договору розничной купли-продажи; интернет-магазин – сайт, содержащий информацию о товарах, продавец, позволяющий осуществить выбор, заказ и приобретение товара [5].

Продавец на сайте интернет-магазина должен довести до сведения потребителя на белорусском или русском языке следующую информацию: наименование своей организации, юридический адрес, учетный номер плательщика (для индивидуального предпринимателя – фамилию, имя, отчество, адрес, сведения о государственной регистрации и наименовании органа, осуществившего государственную регистрацию); время работы магазина; наименование товаров; наименование, место нахождения изготовителя и импортера; установленные гарантийные сроки на товар, дата изготовления и срок службы (срок годности или срок хранения товара); цена товара; наличие товара в продаже; срок доставки товара, цена и условия оплаты доставки товара.

Для развития интернет-торговли на сегодняшний день существуют все необходимые составляющие: высококачественный Интернет по всей стране; низкие цены на трафик; растущая грамотность населения благодаря социальным сетям и присущей всем популярности Интернета; присущая белорусам хозяйственность в ведении коммерческих вопросов, особенно в кризисное и посткризисное время. А так как цены в интернет-магазинах всегда значительно ниже, чем на реальных торговых точках (за счет экономии на складе, грузчиках, аренде магазинов, з/п продавцов), то и продукция их пользуется большим спросом; компактность республики: в течение суток товар может быть доставлен в любую точку страны; мобильный интернет.

В целях учета указанной тенденции для развития экономических отношений купли-продажи в форме электронной торговли в Республике Беларусь на уровне органов исполнительной власти целесообразно разработать и принять программный документ о развитии электронной торговли. Принятие такого документа будет способствовать как развитию электронной торговли, так и устранению ведомственной разобщенности министерствами и ведомствами, в компетенции которых находятся вопросы развития используемых при осуществлении электронной торговли информационно-телекоммуникационных сетей.

Для интернет-торговли все только начинается. Необходимо регулировать рынок и повышать культуру интернет-торговли. И в первую очередь все зависит от самих интернет-магазинов: чем больше будет добросовестных участников, которые будут делать все от а до я, чтобы создать комфортные условия для клиентов, тем лучше будет развиваться рынок, тем выше будет доверие потребителей.

Список использованных источников

1. Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров и осуществления общественного питания и Положения о порядке разработки и утверждения ассортиментного перечня товаров, ассортиментного перечня продукции общественного питания [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 июля 2014 г., № 703// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.11.2014.

2. Журавлева, С. Осуществляя торговлю через интернет-магазины, не забывайте правильно оформить документы / С. Журавлева // Главный бухгалтер. – 2011. – № 23 – С. 17–21.
3. О торговле [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 июля 2003 г., № 231-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
4. О регистрации интернет-магазинов в Торговом реестре Республики Беларусь, механизме контроля за их функционированием и внесении дополнений и изменений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 апр. 2010 г., № 649 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.11.2014.
5. Махота, Е. Н. Розничная торговля по образцам через интернет-магазины / Е. Н. Махота // Бухгалтерский учет. – 2009. – № 38 (39).
6. О некоторых вопросах осуществления розничной торговли по образцам с использованием сети Интернет [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 8 сент. 2006 г., № 1161// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖИВОТНОГО МИРА

Мальчевская А., студентка 3 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Н. С. Минько*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

С развитием рыночной экономики, а также появлением и распространением различных видов хозяйственной и иной деятельности возросло число нарушений законодательства об охране и использовании животного мира. Кроме этого, немаловажное значение в данном случае имеет широко распространенная и укрепившаяся в сознании многих людей приверженность к ошибочной концепции приоритета экономических интересов над экологическими интересами и, как следствие, безразличное отношение к состоянию природы, состоянию животного мира и нанесенному ему ущербу. Данные обстоятельства стали причиной кризисного состояния окружающей среды и животного мира в частности.

В соответствии со 1 ст. Закона Республики Беларусь «О животном мире» животный мир – это охраняемый компонент природной среды, возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных, постоянно обитающих на территории Республики Беларусь или временно ее населяющих, в том числе диких животных в неволе [1].

Обеспечение законности в области охраны и использования животного мира осуществляется государством посредством реализации правовых мер охраны животного мира. К таким мерам относятся: установление ограничений и запретов на пользование объектами животного мира; установление правил по охране и использованию животного мира; нормирование в сфере охраны и использования животного мира; проведение субъектами хозяйственной деятельности мероприятий, направленных на обеспечение, предупреждение и компенсацию возможного вреда, нанесенного объектам животного мира и их среде обитания; создание особо охраняемых природных территорий в целях сохранения биологического разнообразия животного мира; государственный контроль и учет, мониторинг состояния животного мира, ведение государственного кадастра и другие меры. Среди правовых мер по охране животного мира можно выделить: закрепление перечня нарушений законодательства об охране и использовании животного мира и установление мер ответственности в административном, уголовном, гражданском праве.

Основываясь на том, что качественное и количественное состояние животного мира с течением времени ухудшается, можно сделать вывод о необходимости комплексного подхода к решению данной проблемы. Для повышения уровня экологической культуры населения нужно проведение широкомасштабных государственных программ, направленных на экологическое просвещение населения и опровержение распространенного мнения о малозначительности вреда, причиняемого экологическими преступлениями. Для снижения количества экологических правонарушений и преступлений и более эффективного устранения нанесенного вреда и его последствий необходимо ужесточение мер гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании животного мира. Кроме того, в целях более эффективного и единообразного применения мер ответственности необходима конкретизация и дополнение некоторых положений закрепленных в законодательстве о животном мире. Например, установление отдельных мер ответственности за промысловую незаконную охоту, осуществляемую браконьерами для получения дохода, учет при квалификации экологического преступления предварительного сговора группы лиц (при его наличии) как отягчающего обстоятельства.

Установление и неотвратимость применения эффективных мер ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании животного мира, а также охрана и контроль за рациональным использованием объектов животного мира являются не только заботой о сохранности видового разнообразия животного мира для будущих поколений, для культурной, оздоровительной, а также научно-исследовательской деятельности, но и необходимы для стабилизации экологической ситуации в стране и мире, для предотвращения дальнейшего ухудшения состояния окружающей среды и животного мира, для недопущения дальнейшей деградации природных экосистем.

Ухудшение состояния животного мира, как и другие экологические проблемы, является глобальной проблемой, касающейся всего человечества в целом и каждого человека в отдельности. Регулирование ряда вопросов в данной области происходит не только на республиканском, местном, но и на международном уровнях, однако регулирование динамично развивающихся отношений, возникающих в сфере охраны и использования животного мира, нуждается в дополнении и дальнейшем совершенствовании.

1. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.01.2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА В РАМКАХ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Михайловская М., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Е. Н. Гладкая*, ассистент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Эволюция развития договора франчайзинга насчитывает более чем 150-летнюю историю. Вместе с тем период наибольшего подъема франчайзингового бизнеса приходится на 1960–1980-е гг., лидером развития которого выступают США. В это же время крупнейшие американские компании начали массово экспортировать франчайзинг, что привело к распространению рассматриваемого комплекса отношений на территории новых государств [2].

Законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан (далее – страны ЕЭП) содержат правовое регулирование договора франчайзинга.

Необходимо обратить внимание на то, что в странах ЕЭП имеется терминологическое отличие в наименовании данного договора. Так, в Республике Беларусь и Республике Казахстан договор франчайзинга именуется договором комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), а в Российской Федерации рассматриваемый нами вид договора именуется договором коммерческой концессии.

Далее сравним три определения договора франчайзинга и установим общие и отличительные признаки.

Согласно ст. 910 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на определенный в договоре франчайзинга срок либо без указания срока лицензионный комплекс, включающий право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных договором франчайзинга, а также нераскрытой информации в предпринимательской деятельности пользователя [3].

В гражданском законодательстве Республики Казахстан в ст. 896 закреплено следующее понятие договора комплексной предпринимательской лицензии: одна сторона (комплексный лицензиар) обязуется предоставить другой стороне (комплексному лицензиату) за вознаграждение комплекс исключительных прав (лицензионный комплекс), включающий, в частности, право использования фирменного наименования лицензиара и охраняемой коммерческой информации, а также других объектов исключительных прав (товарного знака, знака обслуживания, патента и т. п.), предусмотренных договором, для использования в предпринимательской деятельности лицензиата [5].

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) договор коммерческой концессии, это договор, во исполнение которого одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секреты производства (ноу-хау) [6, ст. 1027].

Проведя анализ закрепленных в законодательстве стран ЕЭП определений договора франчайзинга, можно выделить общие признаки данного договора: передача по договору комплекса исключительных прав; возмездность договора; использование комплекса прав получателем (пользователем/комплексным лицензиаром) в своей предпринимательской деятельности.

Таким образом, предметом договора франчайзинга выступает лицензионный комплекс. При этом обязательные элементы лицензионного комплекса, регламентируемые национальными законодательствами стран ЕЭП, не совпадают, а именно: законодательство Республики Беларусь закрепляет такие обязательные элементы комплекса, как: фирменное наименование правообладателя и нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау); законодательство Республики Казахстан закрепляет обязательные элементы лицензионного комплекса, такие как: право использования фирменного наименования лицензиара и охраняемой коммерческой информации [4]; законодательство Российской Федерации закрепляет обязательные элементы лицензионного комплекса, такие как: право на товарный знак, знак обслуживания, в том числе на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау) [6, п. 1 ст. 1027].

Ранее в ГК РФ фирменное наименование являлось обязательным элементом лицензионного комплекса. Однако в связи с изменениями в законодательстве фирменное наименование в настоящий момент не подлежит отчуждению либо передаче по каким-либо основаниям.

В законодательстве Российской Федерации закреплено понятие коммерческого обозначения как средства индивидуализации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Однако на практике индивидуальный предприниматель не может заключить договор франчайзинга в качестве правообладателя, так как право на использование фирменного наименования – обязательный элемент лицензионного комплекса, а исходя из законодательства нашей страны и Республики Казахстан такое понятие, как фирмен-

ное наименование, может относиться только к юридическим лицам (ст. 1013, 1015 ГК Республики Беларусь, ст. 1020, 1022 ГК Казахстана). Следовательно, индивидуальные предприниматели фактически исключены из оборота франчайзинговых отношений, хотя прямого запрета законодателем не установлено.

В отличие от фирменного наименования, коммерческое обозначение может использоваться не только юридическими лицами, но и индивидуальными предпринимателями.

Проанализировав эту ситуацию, можно сделать вывод, что по отношению к законодательствам Республики Беларусь и Казахстана законодательство Российской Федерации является более прогрессивным. Считаем, что целесообразным будет внести данное понятие и в законодательство нашей страны по аналогии.

Стороны. В ст. 1027 ГК Российской Федерации и 910 ГК Республики Беларусь прямо указано, что сторонами договора франчайзинга могут быть только юридические лица – коммерческие организации или индивидуальные предприниматели.

В свою очередь, ГК Республики Казахстан к субъектам франчайзинговых отношений относит физических и юридических лиц [4, ст. 12].

Коммерческая информация. Обязательным элементом лицензионного комплекса в Республике Беларусь является нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау).

В Республике Казахстан составной частью лицензионного комплекса является разновидность нераскрытой информации, которая представлена охраняемой коммерческой информацией.

Согласно ст. 1017 Гражданского кодекса Республики Казахстан лицо, правомерно обладающее технической, организационной или коммерческой информацией, в том числе секретами производства (ноу-хау), неизвестной третьим лицам (нераскрытая информация), имеет право на защиту этой информации от незаконного использования. В Российской Федерации обязательным элементом лицензионного комплекса являются секреты производства (ноу-хау). В соответствии со ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации секреты производства (ноу-хау) – это сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны.

Учитывая содержание определения ноу-хау, закрепленного в Гражданском кодексе Российской Федерации, следует сделать вывод: понятия «ноу-хау» в Российской Федерации шире понятий «нераскрытая информация» в Республике Беларусь и «охраняемая коммерческая информация» в Республике Казахстан.

Форма. В странах ЕЭП договор франчайзинга заключается в письменной форме.

Что касается регистрации договора франчайзинга, то ГК Республики Беларусь и ГК Российской Федерации прямо указывают на необходимость его государственной регистрации. В первом случае – в патентном органе (Белгоспатент), во втором – в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент).

ГК Республики Казахстан не указывает на необходимость государственной регистрации договора франчайзинга. С учетом того, что договор франчайзинга в Республике Казахстан рассматривается как разновидность лицензионного договора, а последний должен в обязательном порядке пройти государственную регистрацию, следует сделать вывод, что регистрация договора франчайзинга обязательна.

Отметим существенные условия договора франчайзинга по законодательству Беларуси, России и Казахстана: лицензионный комплекс; объем передаваемых прав; условие о вознаграждении.

Объем передаваемых прав. В законодательствах стран ЕЭП указано, что договор франчайзинга предусматривает использование комплекса исключительных прав в определенном объеме с установлением минимального и (или) максимального объема использования.

При этом возникает вопрос: как определить объем использования передаваемых прав в договоре? Возможно, здесь имеет место правило «никто не может передать прав больше, чем имеет сам», то есть пользователь не может иметь больше прав, чем правообладатель; либо путем указания на использование лицензионного комплекса любыми способами, но только для развития конкретных объектов (например, торговых объектов или объектов общественного питания) [1].

Вознаграждение. Страны ЕЭП не исключают возмездного характера договора. Вознаграждение может выплачиваться в форме фиксированных разовых (паушальный платеж) или периодических платежей (роялти), отчислений от выручки, наценок на оптовую цену товаров, передаваемых лицензиаром для перепродажи, или в иной форме, предусмотренной договором [1].

Срок. В договоре франчайзинга может быть предусмотрен срок использования лицензионного комплекса либо договор может быть заключен без указания такого срока.

Защита переданной охраняемой информации после прекращения действия договора. Российское законодательство обеспечивает такую защиту путем распространения правил о лицензионном договоре на договор франчайзинга. В соответствии со ст. 1469 ГК Российской Федерации при предоставлении права использования секрета производства лицу, распорядившееся своим правом, обязано сохранять конфиденциальность секрета производства в течение всего срока действия лицензионного договора. Лица, получившие соответствующие права по лицензионному договору, обязаны сохранять конфиденциальность секрета производства до прекращения действия исключительного права на секрет производства.

Белорусское и казахское законодательства не содержат аналогичной нормы. И вопрос о применении правил о

лицензионном договоре к договору франчайзинга остается открытым.

На наш взгляд, договор франчайзинга является самостоятельным видом договора. И применять правила, действующие для лицензионного договора, к договору франчайзинга недопустимо. Аналогия закона в данном случае также не применима.

Изучив законодательство стран ЕЭП, полагаем, что наряду с выявленными сходствами в правовом регулировании договора франчайзинга в странах ЕЭП можно выделить и ряд различий, а именно: терминологическое отличие в наименовании договора; отличия в перечне обязательных элементов лицензионного комплекса, в субъективном составе сторон договора, а также порядке осуществления защиты переданной охраняемой информации после прекращения действия договора.

По нашему мнению, в связи с выстраиванием тесных отношений в области экономики между Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Республики Казахстан является целесообразным приведение к единой системе порядка регулирования договора франчайзинга в этих странах.

Список использованных источников

1. Алейников, Д. Договор франчайзинга как метод развития бизнеса [Электронный ресурс] / Д. Алейников. – Режим доступа: <http://www.zis.by/articles/0003692/>. – Дата доступа: 05.11.2014.
2. Гритченко, Ю. О. Сравнительная характеристика законодательств о франчайзинге зарубежных стран / Ю. О. Гритченко // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук : сб. науч. тр. / редкол. : А. В. Лаврухин (гл. ред.) [и др.]. – Вильнюс : Европ. гуманитар. ун-т, 2007. – Вып. 1. – С. 102 – 109.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 31.12.2014 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011. – 649 с.
4. О комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинге) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 24 июня 2002 г., № 330-II : с изм и доп. // Законодательство стран СНГ. – 2014. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3136. – Дата доступа: 22.11.2014.
5. Гражданский кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 27 дек. 1994 г., № 269-XII : с изм. и доп. по состоянию на 07.11.2014 г. // Параграф. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30103567&sublink=1000000. – Дата доступа: 20.11.2014.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая – четвертая : принят Гос. Думой 23 апр. 1994 г. : с изм. и доп. по состоянию на 12.03.2014 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 22. – Ст. 2457.

МЕСТО ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Николаева И., студент 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Прокурорский надзор является специфической деятельностью органов прокуратуры, осуществляемой от имени государства и состоящей в проверке точности исполнения законов, действующих на его территории. **Прокурорский надзор** – это самостоятельный, специфический вид государственной деятельности. Следует отметить, что эту деятельность не могут осуществлять никакие другие государственные, общественные, самостоятельные или иные органы, учреждения, организации, должностные и физические лица [1].

Самостоятельность прокурорского надзора можно определить из содержания этой деятельности, которая состоит в проверке точности соблюдения Конституции Республики Беларусь и исполнения требований законов, ответственности иных правовых актов закону и устранении выявленных нарушений [1].

Рассматривая сущность прокурорского надзора, следует иметь в виду, что под термином **«прокурорский надзор»** следует понимать: а) специфический вид государственной деятельности; б) самостоятельную отрасль юридической науки; в) учебную дисциплину [1].

В нашей работе мы рассмотрим взаимосвязь прокурорского надзора как дисциплины с другими отраслями права.

Каждая из учебных дисциплин отводит определенное место значению и роли прокурорского надзора в той или иной отрасли права, таких как общая теория государства и права, уголовное и уголовно-процессуальное право, гражданское и гражданское процессуальное право, конституционное, административное и семейное право и др.

Общая теория государства и права прокурорский надзор исследует в качестве самостоятельного вида государственной деятельности. Данная дисциплина, основываясь на структурно-функциональном анализе, рассматривает и исследует прокурорский надзор как независимый орган правоохраны в механизме государства. Определяя прокурорский надзор как одну из важнейших форм и функций государства и государственной деятельности, курс общей теории государства и права раскрывает принцип законности, тем самым показывая роль прокурора в укреплении, поддержании режима данного принципа и правопорядка в государстве, а также воспитании граждан в духе уважения и исполнения законов, в том числе повышении правовой культуры в обществе.

Прокурорский надзор тесно взаимосвязан с такой дисциплиной, как криминология. На основании положений криминологии, которая изучает закономерности преступности и преступного поведения как социального явления, в прокурорском надзоре, исследующем закономерности организации и деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов в процессе оперативно-розыскной деятельности, расследования преступлений, за законностью и обоснованностью выносимых судами приговоров и иных решений по уголовным делам, разработа-

тываются необходимые теоретические положения и практические рекомендации. Эти данные необходимы при проведении прокурорских проверок, а также для подготовки и внесения актов прокурорского реагирования на нарушения законодательства. Учет рекомендаций, которые дает криминология, необходим при выполнении прокурорскими работниками возложенных на них функций организации деятельности по борьбе с преступностью, участия в правотворческой деятельности, а также при выполнении иных функций и задач.

Как известно, криминалистика изучает закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, а также закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей средств и методов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [2]. Знание этих закономерностей является необходимым условием успешной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве. Эффективность надзорной деятельности во многом зависит от ее надлежащего информационно-аналитического и методического обеспечения. В значительной мере такое обеспечение достигается путем использования разработанных криминалистикой положений криминалистической техники, криминалистической тактики и методики расследования, поскольку и прокурорский надзор, и криминалистика имеют общую конечную цель – выявление и устранение правонарушений, наиболее общественно опасной формой которых является преступление.

Тесная взаимосвязь дисциплины «Прокурорский надзор» с дисциплиной «Судоустройство». Эти дисциплины объединяет предмет изучения: правовые нормы, регулирующие деятельность прокуратуры при предварительном расследовании уголовных дел и их рассмотрении и разрешении в суде, при рассмотрении и разрешении гражданских и хозяйственных дел, при осуществлении прокурорского надзора. «Конституционное право» изучает место прокуратуры в системе органов государства и ее взаимоотношения с ними.

Наиболее тесно с курсом «Прокурорский надзор» связаны дисциплины уголовного, гражданского и хозяйственного процессов, в сфере деятельности которых прокурорский надзор занимает весьма значительное место. Это проявляется в полномочиях прокурора при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях, производстве предварительного следствия и дознания, а также при рассмотрении уголовных, гражданских и хозяйственных дел, дел об административных правонарушениях в судах.

Также курс «Прокурорский надзор» связан и с такой дисциплиной, как «Трудовое право», рассматривающее вопросы прокурорского надзора в области трудовых правоотношений, а также роль прокурора как гаранта защиты трудовых прав и законных интересов граждан.

В настоящее время успешно развиваются такие новые самостоятельные отрасли права, как коммерческое, налоговое, таможенное, банковское, предпринимательское, торговое, земельное и экологическое право. В этих курсах также рассматриваются процессуальные полномочия прокурора, его цели и задачи в названных правоотношениях.

Таким образом, мы пришли к выводу, что дисциплина «Прокурорский надзор» дает цельное представление об организации и деятельности органов прокуратуры по осуществлению надзора за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов, иных нормативных правовых актов. Как видим, дисциплина «Прокурорский надзор» хоть и занимает самостоятельное место в системе науки права, но в то же время тесно взаимодействует с другими правовыми дисциплинами.

Прокурорский надзор является одним из важнейших методов охраны законности. Процесс построения правового государства в республике во многом зависит от успешного проведения прокурорского надзора, поскольку законность является его главным атрибутом. Данной отраслью государственной деятельности в нашей стране занимается единая централизованная система органов – прокуратура, деятельность которой регулируется Конституцией и Законом Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь».

Список использованных источников

1. Кеник, А. А. Прокурорский надзор : учеб. пособие / А. А. Кеник. – Минск : Амалфея, 2008. – 576 с.
2. Криминалистика : учеб-метод. пособие : в 2 ч. [Электронный ресурс] / С. Н. Стороженко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – Ч. 1: Теоретические основы криминалистики. Криминалистическая техника.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНЫХ СПОСОБОВ СОКРЫТИЯ БАНКРОТСТВА

Николаева И., студент 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) дано определение термина «сокрытие банкротства». Статья 239 определяет его следующим образом: «Сокрытие банкротства – сокрытие предпринимателем или должностным лицом субъекта хозяйствования, являющимся несостоятельными должниками, своей экономической несостоятельности путем представления сведений, не соответствующих действительности, подделки документов, искажения бухгалтерской отчетности или иным образом» [1].

Из вышеизложенного определения можно установить следующее: должник является несостоятельным; этот факт скрывается должником; список способов сокрытия не является исчерпывающим.

Таким образом, вопрос об уголовной ответственности за сокрытие банкротства, совершенное «иным» образом, остается открытым.

Порядок определения признаков сокрытия банкротства определен в гл. 5 в п. 23–26 Правил по определению наличия признаков ложного и преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или срыва возмещения убытков кредитору и подготовки заключения по данным вопросам, утвержденных постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 20 июня 2008 г., №129 (далее – Правила по определению наличия признаков) [2].

В Правилах по определению наличия признаков понятие «сокрытие банкротства» не конкретизируются. Исходя из этого, определить признаки, не установив само понятие, является не совсем логичным, так как теряется критерий сущности.

Также не раскрывается понятие «сокрытие банкротства» и в Законе Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). В то же время в ст. 36 и 77 названного Закона указывается на обязанность временного управляющего в защитном периоде и управляющего в конкурсном производстве определять наличие признаков ложного банкротства, преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или срыва возмещения убытков кредитору [3].

Изучение способов совершения преступных действий на основе анализа состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК, представляет теоретическое и практическое значение для построения характеристики сокрытия экономической несостоятельности (банкротства).

Способ совершения преступления играет важнейшую роль в механизме преступления. «Способ совершения преступления» представляет собой форму проявления вонне общественно опасного деяния (действия или бездействия) и раскрывается через систему актов осознанного и волевого поведения, которые могут быть представлены как **положительными признаками** (совершение определенных активных действий – приемов), так и **отрицательными признаками** (несовершение определенных активных действий, которые лицо должно было и могло совершить с учетом конкретных обстоятельств происшедшего) [4].

В данном случае ставится вопрос о возможности более широкого толкования диспозиции ст. 239 УК.

Анализ перечисленных в диспозиции ст. 239 УК способов совершения сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) позволяет утверждать, что одним из основных средств совершения преступления будет выступать подложный документ, являющийся носителем, отражающий не соответствующую действительности информацию о финансовом состоянии субъекта предпринимательской деятельности об обстоятельствах, имеющих значение для определения признаков устойчивой либо приобретающей устойчивый характер неплатежеспособности [5, с. 90].

Предоставление сведений, не соответствующих действительности, заключается в предъявлении в суд, контролирующим правоохранительным органам или кредиторам документов, которые содержат неверную информацию о платежеспособности должника из числа тех, которые необходимы для анализа его финансового состояния, принятия решений по делу о банкротстве или имеющих значение для кредиторов [5, с. 91].

Подлог документов выражается во внесении в документ-оригинал изменений и дополнений либо в полном изготовлении подложного документа с таким же содержанием. Предметом искажения и подделки в ходе совершения сокрытия экономической несостоятельности являются документы, которые выступают в качестве источников информации для определения наличия (отсутствия) признаков банкротства [5, с. 92].

Исходя из вышеизложенного можно прийти к выводу, что приведенные в ст. 239 УК способы подпадают под положительные признаки, то есть совершаются активные действия, которые подпадают под признаки правонарушения. И здесь возникает вопрос: обязательно ли, чтобы способы сокрытия банкротства выступали только как активные противоправные действия?

Отрицательными признаками (бездействием) могут выступать: открытое игнорирование платежных обязательств перед государством, что выражается в непредставлении бухгалтерской отчетности (декларации) в налоговые органы; систематические необоснованные задержки по уплате сумм налогов и иных платежей; систематическое ненадлежащее выполнение субъектом хозяйствования договорных обязательств; систематические необоснованные задержки в выплате заработной платы работникам юридического лица или индивидуального предпринимателя; противоречия данных первичных и учетных документов, нарушения порядка ведения бухгалтерского учета, приводящие к формальному увеличению стоимости активов, дебиторской задолженности.

Должником могут быть совершены действия, которые могут быть непротивоправными, в связи с этим правомерен вопрос: имеет ли значение способ сокрытия банкротства для наличия состава преступления?

Следует выяснить, какие из способов могут подпадать под признаки преступления.

Признак состава преступления – это конкретное юридически значимое свойство деяния, являющееся минимально необходимым для признания его преступным [6, с. 75]. Если в деянии отсутствует хотя бы один необходимый признак состава преступления, отсутствует и состав преступления как единое целое [7, с. 164].

В ходе процедур экономической несостоятельности, хозяйственных спорах, а также в ходе предварительной проверки и расследования различных преступлений в сфере экономической деятельности выявляются действия, которые могут являться признаками, подтверждающими возможное сокрытие имеющейся устойчивой неплатежеспособности или неплатежеспособности, приобретающей устойчивый характер, и требуют дополнительной проверки оперативными подразделениями органов финансовых расследований [5, с. 94].

Подводя итог, следует отметить, что сокрытие экономической несостоятельности (банкротства) может сопровождаться различной совокупностью и содержанием описанных признаков. Также необходимо обратить внимание на то, что приведенный нами выше перечень иных способов сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) не является исчерпывающим для каждого конкретного случая. Это связано прежде всего с тем, что данное преступление нередко связано с другими преступлениями, которые предусмотрены УК. Учитывая обстоятельства совершения преступления, преследующие определенные цели, а также степень их противодействия, характе-

ристика данного преступления в УК в целях более широкого понимания может и должна расширяться иными объективными элементами.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст кодекса по состоянию на 1 февр. 2012 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. – 304 с.
2. Об утверждении инструкции по определению наличия (отсутствия) признаков ложного и преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или срыва возмещения убытков кредитором и подготовки заключения по данным вопросам : постановление Министерства экономики Респ. Беларусь, 20 июня 2008 г., №129 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 171. – 8/19082 (утр. силу).
3. Об экономической несостоятельности (банкротстве) : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 11.01.2014. – 2/2102.
4. Смитюшенко, С. Н. Уголовно-процессуальная форма обнаружения признаков преступления : дис...канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. Н. Смитюшенко. – М., 2010. – 231 с.
5. Лукашов, А. И. О некоторых аспектах уголовной политики в сфере противодействия экономическим преступлениям в Беларуси / А. И. Лукашов // БНПИ. Юридический мир. – 2008. – № 4. – С. 90–92.
6. Трайнин, А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву / А. Н. Трайнин. – М., 1951. – С. 75.
7. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М., 2002. – Т. 1: Учение о преступлении. – С. 164.

ОСОБЕННОСТИ АРЕНДНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Пригодина В., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»
Научный руководитель: Е. Н. Гладкая, ассистент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Развитие предпринимательства невозможно представить без использования договора аренды, который позволяет удовлетворить потребности предпринимателей в земельных участках и иных природных объектах, в предприятиях, зданиях, сооружениях, оборудовании, транспортных средствах и иных вещах. Посредством этого договора субъект хозяйствования может приобрести во временное владение и пользование или во временное пользование дорогостоящее имущество, когда отсутствуют достаточные средства на его покупку или когда нет необходимости эксплуатировать имущество постоянно, а только в определенные периоды времени. Кроме того, вовлекая в гражданский оборот имущество, договор аренды способствует более эффективному использованию его (имущества) собственником [1].

Определение договора аренды изложено в ст. 577 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), согласно которой *«по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование»*.

Предметом договора могут выступать только непотребляемые движимые, недвижимые вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования либо способны восстанавливать свои свойства при ремонте и т. д. Имущество должно быть индивидуально-определенным для передачи его в аренду [2, с. 193].

В гражданском законодательстве можно выделить такие договоры аренды, где одна сторона либо обе стороны могут быть только субъектами предпринимательской деятельности.

Примером может служить *договор проката*, где согласно норме п. 1 ст. 597 ГК арендодателем по договору проката может быть исключительно субъект, осуществляющий сдачу имущества в аренду в качестве постоянной предпринимательской деятельности.

Также *договор финансовой аренды (лизинг)* предназначен для использования исключительно в предпринимательской деятельности, следовательно, для сторон данный договор является предпринимательским договором. Поэтому в качестве лизингодателя и лизингополучателя могут выступать правосубъектные физические лица, зарегистрированные как индивидуальные предприниматели (далее – ИП) и коммерческие организации.

В соответствии со ст. 627 ГК по *договору аренды предприятия* в целом как имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, арендодатель обязуется предоставить арендатору за плату во временное владение и пользование земельные участки, капитальные строения (здания, сооружения), оборудование и другие входящие в состав предприятия основные средства, передать в порядке, на условиях и в пределах, определяемых договором, запасы сырья, топлива, материалов и иные оборотные средства, права пользования землей, водой и другими природными ресурсами, капитальными строениями (зданиями, сооружениями) и оборудованием, иные имущественные права, связанные с предприятием, права на обозначения, индивидуализирующие юридическое лицо, его товары (работы, услуги), и другие исключительные права, а также уступить ему право требования и перевести на него долги, относящиеся к предприятию.

Исходя из положений ст. 627 ГК можно сделать вывод, что имущественный комплекс, передаваемый в аренду, предназначен для осуществления предпринимательской деятельности, поэтому сторонами должны выступать субъекты предпринимательской деятельности, хотя законодательство конкретно не определяет круг субъектов данного договора.

Стоит обратить внимание на тот факт, что до 20 мая 2014 г. в соответствии с п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 18 июня 2005 г. № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности» ИП были вправе привлекать не более трех физических лиц, являющихся близкими родственниками или членами

их семьи, по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, в том числе заключаемым с юридическими лицами. В связи с этим было затруднено участие ИП в договоре аренды предприятия, хотя в законодательстве нет прямого запрета на участие данного субъекта в анализируемом договоре. Сложность заключалась в практическом применении, так как даже небольшой имущественный комплекс требует участия в его обслуживании более трех человек [3, с. 298]. Указ Президента Республики Беларусь от 16 мая 2014 № 222 «О регулировании предпринимательской деятельности и реализации товаров индивидуальными предпринимателями и иными физическими лицами» (далее – Указ) усовершенствовал участие ИП в договоре аренды предприятия. Согласно данному Указу индивидуальным предпринимателям предоставляется право привлекать к предпринимательской деятельности не более трех наемных лиц, независимо от родственных связей. При этом Указом исключена норма, ограничивающая заключение гражданско-правовых договоров с юридическими лицами.

Сторонами иных видов договора аренды могут являться любые физические и юридические лица. Это относится к договорам аренды транспортных средств и аренды зданий и сооружений. Если данные договоры заключаются между субъектами предпринимательской деятельности или с их участием, то они квалифицируются как договоры в сфере предпринимательской деятельности [1].

Указанные выше особенности позволяют сделать вывод об особом субъектном составе сторон договора аренды в области предпринимательской деятельности, что и является отличительной особенностью анализируемого нами договора.

Еще одним отличием служит цель договора аренды. Договор аренды будет считаться предпринимательским тогда, когда он совершается в предпринимательских (коммерческих) целях либо одной из сторон договора выступает субъект предпринимательской деятельности.

Стоит обратить внимание также на *договор субаренды*. В соответствии со ст. 586 ГК арендатор вправе с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование, а также отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный фонд хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив, если иное не установлено законодательством. В указанных случаях, за исключением перенаяма, ответственным по договору перед арендодателем остается арендатор.

Без согласия арендодателя арендатор не имеет права передавать данное имущество в субаренду, поэтому условия о субаренде необходимо отразить в договоре, заключаемом между сторонами.

Пункт 2 ст. 592 ГК относительно возобновления договора аренды на тех же условиях на неопределенный срок применяется к договору субаренды с учетом ч. 2 п. 2 ст. 586 ГК, согласно которому срок договора субаренды не может превышать срок договора аренды. Например, в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 19 декабря 2008 г. № 24 «О некоторых вопросах аренды капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест» договоры аренды, субаренды капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест заключаются на срок не менее трех лет. Заключение таких договоров на срок менее трех лет допускается только с согласия арендаторов.

Рассмотрим также вопрос об определении цены в договоре аренды.

Цена договора аренды в соответствии со ст. 585 ГК состоит из суммы арендной платы, уплачиваемой арендатором арендодателю согласно условиям договора. Размер арендной платы, условия и сроки, а также порядок определяются по соглашению сторон, однако условия о цене, порядок, вид оплаты и др. в договоре аренды в соответствии с вышеуказанной ст. 585 ГК могут и не отражаться. В таком случае применяются правила договора аренды аналогичного имущества при сравнимых обстоятельствах.

Арендная плата устанавливается на все арендуемое имущество в целом или отдельно по каждой из его составных частей в виде твердой суммы денежных платежей; доли продукции; плодов и иных доходов, полученных арендатором от использования арендуемого имущества; определенного вида и объема услуг арендатора, которые он будет оказывать арендодателю на период действия договора аренды; передачи арендатором арендодателю определенной вещи в собственность или встречную аренду; производимых по договору затрат арендатора, направленных на улучшение арендуемого имущества; комбинации указанных видов и форм арендной платы [2, с. 200].

Арендная плата за нежилые производственные помещения, торговые места на рынках и некоторое государственное имущество в Беларуси регулируется государством, а именно Указом Президента Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 150 «О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом», где размер арендной платы за торговые места устанавливается их арендодателями исходя из арендуемой площади торгового места, а также ставки арендной платы за один квадратный метр арендуемой площади.

Для некоторых видов договора аренды цена является его существенным условием, а ее отсутствие может стать основным признаком для признания данного договора незаключенным.

Примером может служить договор проката. При заключении договора проката цена является его существенным условием в соответствии с п. 11 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2004 г. № 1590 «Об утверждении Правил бытового обслуживания потребителей», где «заказ оформляется исполнителем в письменной форме путем составления одного документа, который должен содержать цену оказываемой бытовой услуги».

Что касается передачи в аренду долевой собственности, то в п. 10 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 15 января 2002 г. № 1 «О некоторых вопросах рассмотрения дел, возникающих из арендных правоотношений» указано, что «доля в общей собственности без выдела ее в натуре из об-

щей собственности не может быть передана в аренду». Заключение, изменение, расторжение договора аренды имущества, находящегося в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех его участников. В случае недостижения соглашения всеми участниками долевой собственности по сдаче в аренду имущества, находящегося в долевой собственности, такой договор аренды является ничтожным в силу ст. 169 ГК.

Подводя итог, можно выделить следующие особенности договора аренды: имущество, передаваемое по договору аренды, переходит арендатору во временное пользование и владение или во временное пользование; в гражданском законодательстве можно выделить такие договоры аренды, где одна сторона либо обе стороны могут быть только субъектами предпринимательской деятельности (договор проката, договор финансовой аренды и др.); для некоторых видов договора аренды цена является его существенным условием, а ее отсутствие является основанием для признания данного договора незаключенным; заключение, изменение, расторжение договора аренды имущества, находящегося в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех его участников.

Список использованных источников

1. Добранов, В. Н. Аренда в предпринимательской деятельности (текст по состоянию на 10 апреля 2012 г.) [Электронный ресурс] / В. Н. Добранов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
2. Витушко, В. А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. – Ч. 2: Особенная часть : в 2 кн. Кн. 1. – 536 с.
3. Маньковский, И. А. Курс гражданского права. Особенная часть : в 3 т. / И. А. Маньковский. – Минск : Молодежное, 2008. – Т. 1. – 512 с.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

Семеняго А., студентка 3 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Н. С. Минько*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В Республике Беларусь государственными органами осуществляется регулирование и управление в области охраны и использования как окружающей среды в целом, так и ее отдельных компонентов, к которым относят земли, недра, воды, растительный мир, животный мир, озоновый слой, особо охраняемые природные территории.

Растительный мир выступает самостоятельным компонентом окружающей природной среды. В Законе Республики Беларусь «О растительном мире» [1] закрепляется понятие растений. Это сосудистые и мохообразные растения, водоросли, лишайники и грибы, а весь растительный мир охватывает совокупность произрастающих дикорастущих растений, образованных ими популяций, растительных сообществ и иных насаждений. К растениям можно отнести все наземные растения, например деревья, кустарники, травы, ягодные растения, также и подводные растения. Кроме того, отдельно ведется перечень растений, которые занесены в Красную книгу Республики Беларусь. Это растения, которые являются редкими для нашей местности, а также особо охраняемые растения, находящиеся на грани исчезновения, с установлением особых мер по их охране.

Государственное регулирование и управление в области охраны и использования природных ресурсов и объектов природы проводится уполномоченными государственными органами: Президентом Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Министерством лесного хозяйства Республики Беларусь, Министерством жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь, Государственной инспекцией охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, иными республиканскими органами государственного управления в соответствии с законодательством Республики Беларусь, местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами.

Каждый государственный орган проводит соответствующие меры по регулированию охраны и использования животного мира согласно установленной компетенции. В целом они придерживаются основных направлений государственной экологической политики, которая разработана Президентом Республики Беларусь и другими государственными органами.

Выделяются следующие направления, согласно которым проводится госрегулирование в области охраны и использования растительного мира: 1) определение и реализация положений единой государственной политики в области охраны окружающей среды; 2) разработка нормативных правовых актов в области регулирования охраны и использования растительного мира; 3) ведение международной деятельности в данной области; 4) ведение государственного контроля в области охраны и использования растительного мира; 5) проведение мониторинга; 6) ведение государственного кадастра; 7) ведение учета количественных, качественных и других характеристик объектов растительного мира, объема, характера и режима их использования, а также осуществление систематического контроля за изменениями количественных, качественных и других характеристик объектов растительного мира и обеспечения государственных органов, юридических лиц и граждан информацией об объектах растительного мира.

Право пользования объектами растительного мира охватывает права и обязанности природопользователей, а также ответственность за нарушения в данной области. К правам и обязанностям природопользователей можно отнести: 1) осуществление целевого, рационального пользования и соблюдение соответствующих обязанностей по использованию объектов растительного мира; 2) получение всей необходимой информации об объектах растительного мира; 3) получение компенсации в связи с их изъятием в государственных и общественных целях; 4) соблюде-

ние законодательства; 5) если необходимо, привлечение различных служб и граждан для ликвидации и предотвращения пожаров или иных бедствий; 6) контроль работы юридических лиц и граждан в порядке пользования объектами растительного мира, недопущения вредного воздействия; 7) требование возмещения убытков, полученных вследствие незаконного изъятия объектов растительного мира; 8) в судебном порядке решение возникающих споров.

В области охраны и использования растительного мира существует ряд проблем. Граждане, отдыхая в лесах или на пляжах, оставляют мусор, становятся виновниками пожаров. На данный момент такие зоны отдыха от леса и от других охраняемых территорий отделяют каналами, но это не всегда является действенной мерой. Происходят возгорания торфяников с образованием смога, загрязнением атмосферного воздуха, выпадением вредных осадков, что плохо влияет на растительность.

Кроме того, по вине людей и вследствие пожаров происходит исчезновение растений, которые занесены в Красную книгу Республики Беларусь. Систематические нарушения экологического законодательства людьми приводят к вредным загрязнениям, экологическим катастрофам, а также к бесследному исчезновению редких и ценных растений. Многие организации не соблюдают мероприятий по утилизации отходов и их переработке. Различные выбросы, сбросы отходов попадают в воду, вывозятся на пригородные участки, вследствие чего растут несанкционированные свалки. Отходы, попавшие в воду, приводят к загрязнению вод, гибели водных растений. Вывезенный мусор оставляют не в местах, отведенных для этого, а в различных местах, где его не смогут найти компетентные органы. Эти отходы разлагаются, проникая в землю. Кроме того, одной из главных ценностей Беларуси является растительный мир лесов как источник свежего воздуха, жизненно необходимого для людей. При этом на данный момент производится огромная вырубка леса для постройки МКАД, третьей кольцевой дороги. Огромное количество растений, деревьев погибает.

Итак, можно сказать, что государственные органы уделяют значительное внимание государственному регулированию охраны и использования объектов растительного мира, но невозможно предотвратить все нарушения. Граждане также стараются следить за своими действиями, не нарушать правил безопасности и правил, установленных экологическим законодательством. Но находятся субъекты, которые отступают от установленных экологических норм, что приводит к гибели и уничтожению значительного количества растений.

Список использованных источников

1. О растительном мире [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 205-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.01.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ СРЕДСТВ, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: УСЛОВИЯ ЕЕ НАСТУПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Сирисько С., студент 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Ввод преступных доходов в легальный оборот способствует укреплению теневого сектора экономики, влечет за собой расширение материальной базы преступной и иной незаконной деятельности в экономике, является питательной средой экономической и организованной преступности. Вследствие этого нарушается одно из основных условий нормального функционирования экономики – осуществление хозяйственной деятельности в рамках, определенных законом, искажаются социальные функции такой деятельности, получают развитие теневой сектор и процессы криминализации экономики. Общественная опасность легализации незаконных доходов обусловлена прежде всего разрушительным воздействием на экономику.

Рассматривая национальное законодательство о противодействии отмыванию преступных доходов, можно условно разделить его на две части. Они отличаются друг от друга выполняемыми функциями и предметами правового регулирования. Основную роль, безусловно, играет уголовное законодательство, которое: устанавливает основания и принципы уголовной ответственности за отмывание преступных доходов; определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния, связанные с легализацией незаконно полученных денежных средств или иного имущества, признаются преступлениями; предусматривает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за отмывание преступных доходов.

Нормы второй части названного законодательства в силу их разноотраслевого характера обычно рассредоточены по различным актам, к которым относятся как национальные законы, так и международные договоры и соглашения. Эти нормы устанавливают систему национальных органов и организаций, противодействующих отмыванию преступных доходов, порядок их взаимодействия, разграничение компетенции и объем полномочий; закрепляют обязанность финансовых и иных организаций по сообщению в компетентные национальные органы о подозрительных финансовых операциях, совершаемых их клиентами и контрагентами, перечень или признаки подозрительных финансовых операций, объем сообщаемой информации, порядок ее хранения и распоряжения ею; регулируют порядок и формы взаимодействия и сотрудничества национальных органов и организаций с международными и иностранными организациями в области совершенствования международного обмена информацией, розыска, ареста и конфискации денежных средств и имущества, добытых преступным путем. Одним из таких актов (и самым основным) является Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-3 «О мерах по предот-

вращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон). Указанным Законом предусмотрены положения, подлежащие внесению как в Уголовный кодекс, так и в Кодекс об административных правонарушениях.

Если функция первой части норм (уголовного законодательства) – это борьба с отмыванием денег, то функция второй – создание условий для того, чтобы эта борьба была эффективной. Обе части норм законодательства о противодействии легализации преступных доходов связаны таким образом, что успешная реализация норм первой части невозможна без существования второй, а нормы второй части могут быть сформулированы и введены в действие только на основании четкого установления смысла и содержания норм первой группы.

Статьей 4 Закона предусмотрены меры, которые могут приниматься для предотвращения, пресечения, предупреждения легализации доходов добытых преступным путем, финансирования террористической деятельности и распространения оружия массового поражения. К таким мерам относят: внутренний контроль; особый контроль; приостановление перемещения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза в Республике Беларусь с учетом требований, предусмотренных законодательством Таможенного союза; запрет на информирование участников финансовой операции о принимаемых мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения, если иное не предусмотрено настоящим Законом; иные меры в соответствии с законодательными актами [1].

Статьей 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрена уголовная ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами, ценными бумагами или иным имуществом, приобретенными заведомо преступным путем, использование указанных материальных ценностей для осуществления предпринимательской или иной хозяйственной деятельности с целью утаивания или искажения природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных материальных ценностей или соотносимых с ними прав [2]. Целью указанной статьи УК являются охрана экономической системы государства от поступления в оборот больших объемов неконтролируемых денежных средств и иного имущества, а также предупреждение незаконных деяний, направленных на извлечение прибыли путем осуществления легальной и нелегальной предпринимательской деятельности с возможностью ее использования без подозрений со стороны правоохранительных органов и без раскрытия подлинного источника. Введение такой ответственности означает признание общественно опасными для функционирования легальных финансовых и экономических отношений денежных средств, другого имущества, полученных заведомо незаконным путем.

Диспозиция ст. 235 УК подразумевает наступление ответственности лица, совершившего хищение либо иное корыстное преступление либо вступившего в противозаконную сделку, придавая преступным доходам вид правомерного владения, пользования или распоряжения с последующим использованием их в финансовых операциях или иных сделках либо для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Другими словами, лицо, совершившее преступление, деньги или имущество, полученные таким образом, легализует, то есть придает им статус законности. Следовательно, субъектом преступления, предусмотренного ст. 235 УК, может быть лицо, приобретшее материальные ценности в результате нарушения законодательства, а затем принявшее меры по их легализации.

В то же время, анализируя объективную сторону состава преступлений, предусмотренных ст. 235 УК, следует указать, что определение легализации доходов, добытых преступным путем, данное в УК, корреспондирует с понятием, представленным в 1 ст. Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г., № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения»: легализация доходов, полученных незаконным путем, определяется как придание правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению доходами, полученными незаконным путем, с целью утаивания или искажения их происхождения, местонахождения, размещения, движения либо их действительной принадлежности, в том числе соотносимых с этими доходами прав. Но по УК деяние наказуемо, если произведена финансовая операция с такими средствами с установленной целью.

И здесь важным становится определение понятия «финансовая операция». Закон и УК рассматривают ее как разновидность сделок. С таким определением нельзя согласиться, поскольку существуют такие виды операций, при которых не происходит изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей в отношении денежных средств, выступающих в качестве предмета такой операции. Нередко правильное определение понятия «финансовая операция» может являться решающим при квалификации действий по ст. 235 УК. Исходя из банковского и финансового законодательства, более предпочтительным является следующее определение финансовых операций – операции с денежными средствами (ценными бумагами), независимо от формы и способа их совершения, связанные с поступлением, движением, хранением, выдачей и обменом денежных средств (ценных бумаг), а также сделки с ними.

Можно выделить еще один вопрос, связанный со сделками с подобными средствами. Состав рассматриваемого преступления является формальным, то есть оно признается оконченным с момента выполнения деяний, образующих легализацию. И следовательно, несмотря на то, произведена вся совокупность сделок или даже одна, моментом окончания преступления является момент совершения хотя бы единичной сделки. К тому же по моменту совершения сделки делятся на консенсуальные и реальные [3].

Трудность борьбы с такими преступлениями определяется в основном двумя причинами – высокой латентностью и сложностью доказывания. Латентность обусловлена тем, что характер преступной деятельности, послужившей основой для формирования преступных доходов, как правило, не порождает «потерпевших» (коррупция,

торговля наркотиками, оружием и т. п.). Сложность доказывания определяется тем, что эти преступления являются «вторичными»: прежде надо доказать факт преступления, в результате которого приобретены отмываемые деньги и имущество [3].

Имеются такие способы уклонения от налогообложения, которые являются основой для совершения преступлений, предусмотренных ст. 235 УК, совершаемые путем манипуляции с издержками с использованием поддельных документов (включение оплаты по фиктивным договорам за работы и услуги, которые в действительности не выполнялись подрядчиком, в затратную часть; завышение затрат на производство; составление подложных документов по списанию материалов на производство; использование фиктивных закупочных документов; включение подставных лиц в платежные ведомости на получение заработной платы и т. д.), также связанные с сокрытием выручки или дохода (заключение договоренности о предоставлении кредита, когда кредитор не требует возврата кредита, а предприятие, взявшее кредит, самоликвидируется; документально не оформленный отпуск товарно-материальных ценностей; неоприходование наличной выручки за продукцию, реализованную через доверенных лиц; занижение объема реализованной продукции; занижение количества или завышение цены приобретаемого товара при составлении акта закупки у частных лиц; завышение в накладных цен на приобретаемые товарно-материальные ценности и т. д.) [3].

Таким образом, создана четкая нормативная база для недопущения совершения рассматриваемых преступлений. И даже имея подобную базу и специальные органы, отслеживающие возможное совершение таких операций, существуют изощренные, завуалированные способы, значительно усложняющие процесс выявления и доказывания подобных чрезвычайно опасных по своим последствиям преступлений.

Список использованных источников

1. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июня 2014 г., № 165-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 24.10.2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
3. Денисевич, А. В. Борьба с теневой экономикой – основные направления совершенствования законодательства [Электронный ресурс] / А. В. Денисевич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Скоринко Д., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Е. Н. Гладкая*, ассистент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В настоящее время благодаря активному развитию гражданского законодательства все чаще субъекты, в том числе в предпринимательской сфере, нацелены на поиск наиболее цивилизованных и оптимальных способов урегулирования возникающих в процессе их деятельности споров, стараясь попытаться разрешить имеющиеся противоречия до обращения в суд. На этой стадии важным рычагом разрешения данных споров является заключение мирового соглашения. Не исключением, на первый взгляд, являются и дела, связанные с банкротством субъектов хозяйствования. Однако разобравшись в нормах, регулирующих вопросы заключения мирового соглашения по делам о банкротстве, можно выявить ряд положений, противоречащих друг другу, вследствие чего данная процедура не является эффективной. Прежде чем рассмотреть данные вопросы, необходимо определить сущность мирового соглашения.

Под мировым соглашением в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) понимается процедура экономической несостоятельности (банкротства) в виде соглашения между должником, конкурсными кредиторами, а также третьими лицами об уплате долгов, в котором предусматриваются освобождение должника от долгов, или уменьшение сумм долгов, или рассрочка (отсрочка) их уплаты, а также срок уплаты долгов и тому подобное, применяемого на любой стадии конкурсного производства в целях прекращения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) и утверждаемого экономическим судом, рассматривающим дело об экономической несостоятельности (банкротстве) (далее – мировое соглашение) (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», далее – Закон о банкротстве) [1].

Надо отметить, что процедуру мирового соглашения необходимо заключить лишь с надлежащими должниками, не допускается заключение мирового соглашения с должником, имеющим признаки ложной экономической несостоятельности (банкротства), а также преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства) и препятствования возмещению убытков кредиторам [2, с. 87].

В первую очередь в Законе о банкротстве хотелось бы конкретизировать сущность процедуры мирового соглашения, тем самым разделить ее на стадии (по аналогии со стадиями гражданского и хозяйственного процесса, которые отражены в Гражданском процессуальном и Хозяйственном процессуальном кодексах Республики Беларусь): 1) инициирование заключения мирового соглашения и выработка его условий; 2) принятие решения собра-

нием кредиторов об одобрении его условий и его подписание сторонами; 3) утверждение мирового соглашения экономическим судом; 4) исполнение условий мирового соглашения.

Значение выделения указанных стадий заключается в конкретизации мирового соглашения как процедуры, выработке механизмов оптимальных правил поведения субъектов, а также в последовательности действий субъектов.

Далее, анализируя положения Закона о банкротстве, неясным остается вопрос: необходимо ли участие всех кредиторов в заключении мирового соглашения? Ведь логично предположить, что те кредиторы, по мнению которых должник является безнадёжным, будут голосовать против заключения мирового соглашения. Исходя из этого необходимо обратиться к норме ч. 3 ст. 152 Закона о банкротстве. Она содержит положение о том, что решение о заключении мирового соглашения считается принятым, если за него проголосовали все кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника.

Вместе с тем указанная норма противоречит ст. 57 Закона о банкротстве, где говорится о том, что это решение на собрании кредиторов принимается большинством голосов, то есть данная норма допускает не абсолютное количество голосов кредиторов, что является более оправданным [1]. Исходя из этого положения, можно сделать вывод, что указанная ранее норма ст. 152 Закона о банкротстве, регламентирующая, что решение принимается, если все кредиторы проголосуют «за», противоречит данной норме, которая допускает не абсолютное количество голосов кредиторов.

В связи с этим необходимым представляется:

1) законодательное урегулирование вопроса, касающегося необходимости участия конкретных кредиторов при принятии решения о заключении мирового соглашения, и на основе этого:

2) наиболее четкое и единообразное закрепление в Законе о банкротстве вопроса, касающегося количества голосов кредиторов при принятии решения о заключении мирового соглашения. Причем наиболее эффективным решением указанной коллизийной нормы будет регламентация положения, в котором будет определен конкретный порог голосов кредиторов, при котором решение о заключении мирового соглашения может быть принятым. К примеру, это может быть реализовано при 70 % голосов «за». Таким образом, данная новелла в законодательстве позволит сделать процедуру заключения мирового соглашения наиболее объективной и справедливой.

Также Закон о банкротстве не содержит точно определенных сроков исполнения мирового соглашения. А когда не содержится конкретных рамок исполнения различного рода процедур, соглашений, возникает самоуправство и лоббирование интересами одной стороны интересами другой [3, с. 48]. В связи с этим предлагается законодательно урегулировать норму о сроках исполнения мирового соглашения, причем с указаниями для каждой стороны санкций за неисполнение либо несвоевременное исполнение сроков соглашения.

В данном случае не представляется возможным выделить единый срок, поскольку он должен зависеть от объема обязательств перед кредиторами, поэтому в Законе о банкротстве необходимо закрепить положение о сроках исполнения мирового соглашения, исходя из порога долговых обязательств должника (к примеру, при общем размере долга перед всеми кредиторами, равном 100 000 базовых величин, срок исполнения условно может составлять 6 месяцев). Данные нововведения существенно урегулируют надлежащее исполнение мирового соглашения всеми сторонами.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. В первую очередь, несмотря на имеющиеся пробелы в законодательстве, регламентирующем порядок заключения мирового соглашения по делам о банкротстве, данная процедура в целом носит положительный характер и имеет своей целью восстановление должника как субъекта хозяйствования, помогая избежать крайней меры – ликвидации. Во-вторых, проблемными остаются вопросы, касающиеся законодательного регламентирования стадий мирового соглашения, количества участников при принятии решения о заключении мирового соглашения со стороны кредиторов, а также сроков исполнения мирового соглашения. Конкретные предложения в целом сводятся как к уточнению вопросов, затрагивающих указанные проблемы, так и к введению новых норм. Учитывая мировую практику и указанные предложения, возможно совершенствование такой важнейшей процедуры, позволяющей предотвратить ликвидацию субъекта хозяйственной деятельности, как мировое соглашение.

Список использованных источников

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 104-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
2. Исик, Л. Н. Банкротство и финансовое оздоровление : учеб. пособие / Л. Н. Исик. – М. : Дело и Сервис, 2013. – 272 с.
3. Черемсин, П. В. Мировое соглашение в банкротстве / П. В. Черемсин // Юрисконсульт. – 2010. – № 6. – С. 47–50.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Солодкая Е., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Государственная политика Республики Беларусь строится с учетом признания детства важным этапом жизни человека и основывается на принципе, закрепленном международными и внутренними нормативными правовыми актами, согласно которому во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание должно уделяться

наилучшему обеспечению интересов ребенка [1].

Правам несовершеннолетних посвящены ст. 25 и 26 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) [2], ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) [3]. 20 ноября 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о правах ребенка. Ратифицировав данную Конвенцию 28 января 1990 г., Республика Беларусь приняла обязательства по приведению своего законодательства о правовом положении несовершеннолетних в соответствие с нормами международного права [1].

Основные положения о правах несовершеннолетних закреплены в Конституции Республики Беларусь, а также в Законе Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка».

В соответствии со ст. 32 Конституции Республики Беларусь родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении. Ребенок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию [4].

Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» определяет права и обязанности ребенка. При этом дополнительными гарантиями пользуются дети с определенными особенностями развития, а также оказавшиеся в неблагоприятных ситуациях. Действие закона распространяется на лиц моложе 18 лет [5].

Согласно ст. 68 и 75 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье родители обязаны воспитывать детей, осуществлять уход и надзор за ними, обеспечивать защиту их прав и законных интересов, а также обязаны осуществлять попечительство над ними и их имуществом [6].

Родители обязаны заботиться о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе.

Создание благоприятных условий для безопасной жизнедеятельности детей, оздоровление социальной среды, позволяющей удовлетворять разнообразные потребности ребенка без угрозы для его благополучия, являются важнейшей задачей государства. Большое значение при реализации такой задачи имеет профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, проводимая в Республике Беларусь всеми заинтересованными органами на системной основе.

В настоящее время, когда решение социальных проблем по воспитанию молодежи стало первоочередной задачей общества и государства, неизмеримо возросли возможности правового воздействия на совершенствование воспитания и образования подрастающего поколения, его гражданское, трудовое и общественное становление. Важная роль в выполнении этих задач принадлежит органам прокуратуры.

Задачи органов прокуратуры состоят в том, чтобы, осуществляя надзор за точным и единообразным исполнением законов, наиболее полно обеспечить гарантии прав и законных интересов несовершеннолетних.

Особое внимание прокуратурой уделяется надзору за исполнением законодательства, направленного на обеспечение безопасности несовершеннолетних, защиту их права на жизнь, здоровье, законодательства о воспитании детей в семьях и защите их прав, максимально используя правовые средства для укрепления семьи и повышения ответственности родителей за воспитание детей.

Со стороны прокуратуры налажен контроль за исполнением Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» [7].

Декрет имеет два основных направления: защита прав и законных интересов детей, проживающих в неблагополучных семьях; взыскание средств на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении [7].

На органы прокуратуры возлагается надзор за исполнением Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [8].

Статьей 26 указанного Закона предусмотрены основания и порядок подготовки материалов о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные и лечебно-воспитательные учреждения [8].

Осуществляя надзор за исполнением законов при применении к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, прокурор следит за тем, чтобы соблюдался порядок направления в суд заявлений о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные и лечебно-воспитательные учреждения, предусмотренный ст. 27 рассматриваемого Закона [8].

Надзор за точным и единообразным исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должностными лицами и гражданами осуществляют Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры в пределах их компетенции.

Генеральным прокурором Республики Беларусь с учетом возможностей этого направления прокурорской деятельности 17 марта 2006 г. издан приказ № 3 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи». Это вызвано, во-первых, обстановкой, которая сложилась с исполнением законодательства, когда все еще превалирует правовой нигилизм, что особенно отрицательно сказывается на защите интересов несовершеннолетних. Во-вторых, социально-экономической обстановкой, которая сказывается на всех сферах жизни общества, прежде всего отрицательно отражается на положении семей, которые зачастую не могут обеспечить нормальное воспитание и создание необходимых условий для роста и развития детей. Все это приводит к росту беспризорности и безнадзорности детей, упущениям в системе школьного образования, в результате чего допускаются существенные нарушения законов и интересов подрастающего поколения. В-третьих, такое положение приводит к падению в обществе основ морали и нравственности, а это сказывается на отношении к детям и на серьезных нарушениях их прав и интересов, что, в свою очередь, ведет наряду с ростом общей преступности к значительному росту преступности несовершеннолетних, причем нередко к совершению ими вме-

сте со взрослыми, при их подстрекательстве, тяжких и опасных преступлений [9].

Важная роль в предупреждении нарушений закона и в борьбе с безнадзорностью несовершеннолетних принадлежит комиссиям по делам несовершеннолетних.

Прокурор проверяет законность наложения штрафов на родителей подростков, совершивших правонарушения. На незаконные и необоснованные решения комиссии прокурор приносит протест на предмет их отмены или изменения. Протест доставляется или в комиссию по делам несовершеннолетних, или в органы местного самоуправления. В случае отклонения протеста прокурор переносит решение этого вопроса вышестоящему прокурору.

Прокуроры должны иметь в виду, что их задачей является не столько опротестование незаконных решений комиссии, сколько предупреждение принятия незаконных и необоснованных решений. Поэтому прокурор должен активно участвовать в работе комиссии и способствовать принятию законных и обоснованных решений.

Несмотря на снижение абсолютных показателей преступности несовершеннолетних, все более острыми становятся проблемы, связанные с алкоголизацией и наркотизацией молодежной среды. При этом наблюдается устойчивая тенденция к омоложению потребителей спиртного и наркотиков.

Помимо деятельности, проводимой соответствующими государственными органами, важная роль в профилактике и преодолении вышеупомянутых проблем отводится родителям и их законным представителям, осуществляющим воспитание детей.

Под воспитанием следует понимать целенаправленное формирование личности в целях подготовки ее к участию в общественной и культурной жизни в соответствии с социокультурными нормативами [10].

По мнению специалистов, главной причиной криминального поведения несовершеннолетних является наличие негативных факторов в семейной сфере. Сотрудниками милиции, педагогами, работниками социальных служб постоянно выявляются тысячи подростков, находящихся в неблагоприятных для проживания и воспитания условиях.

Поэтому законодатель уделяет большое внимание вопросам ответственности родителей за воспитание детей, что находит нормативное закрепление в целом ряде нормативных правовых актов.

Надлежащий надзор со стороны работников прокуратуры, тесное взаимодействие со всеми заинтересованными органами, родителями приведет к значительным результатам по снижению преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних.

Список использованных источников

1. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Конвенция Организации Объединенных Наций : заключена в г. Нью-Йорке 20.11.1989 г. : в ред. от 21.12.1995 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
2. Всеобщая декларация прав человека (Париж, 10 декабря 1948 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] : Нью-Йорк, 19 дек. 1966 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 48 с.
5. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, от 19 ноября 1993 г., № 2570-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
6. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 2/53.
7. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 23.02.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
9. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи : Приказ Генерального прокурора Республики Беларусь, 17 марта 2006 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.
10. Василевич, Д. Г. Ответственность родителей за невыполнение обязанностей по воспитанию детей (ст. 9.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2014.

СВОБОДА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ФРОММА

Стерлигов В., студент 2 курса факультета МЭО и М Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Н. Н. Мельник*, кандидат социологических наук, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Свобода. Что же означает данное слово? Определений существует довольно большое количество, и все они разнятся по сферам. В Средние века все было закреплено и структурировано: человек не имел шансов переместиться не только социально (классы), но чаще всего и географически, не было возможности продавать товар по цене, которую захочешь сам, выбрать место, где продавать, как одеваться и т. д. Он не был свободен в современном смысле. Однако он и не был одинок, не было никаких сомнений, кто он в этой социальной системе и какой смысл во всем этом. С приходом капитализма свободы стало больше. Тот же ремесленник, крестьянин теперь индивидуумы, которые сами должны решать свою судьбу. Однако у них пропала былая уверенность, появилось чувство ничтожности, потерялся смысл. Мир открылся, но теперь он их пугает.

Психология нацизма. Почему такая страшная идеология смогла завоевать такое большое количество людей? И как удалось одному человеку заставить людей подчиниться, с такой легкостью отказавшись от свободы, за которую боролись их предки? Вообще период времени и обстановка были весьма благоприятны для Гитлера. Помоему, секрет успеха был в следующих факторах:

1. Превосходные ораторские навыки (жестикуляция, эмоции, темп голоса и т. д.).
2. Правильно «подобранная» аудитория, акцентирование внимания на «нужных» классах общества.
3. На тот период времени немцы все еще были раздавлены, унижены и угнетены после Первой мировой войны. Они устали от наложенных на них обязательств, им приходилось больше работать, поэтому, на наш взгляд, на их чувствах было намного проще сыграть.
4. Сами по себе немцы очень избирательны в выборе правительства, для них это очень важно, и они со всей серьезностью склоняются именно к той фракции, которая для них ближе всего.

Но почему же народ отказался от свободы и подчинился? Потому что индивид в современном мире чувствует себя одиноким и ничтожным, а когда появляется возможность объединиться, да еще и с такой мощной и перспективной партией, появляется уверенность, безопасность и некая защищенность от этого сурового мира.

Либерализм и демократия. Многие отождествляют именно эти принципы в экономической и политической свободе. Но так ли это? А может свобода – это не всегда хорошо? На наш взгляд, в экономических идеях либерализма главный принцип все-таки не совсем это. Еще в XX в. вдруг обнаружили, что такая система выгоднее всего именно для предпринимателей, что основное богатство сосредоточено именно у них, а ведь это не лидирующий по своему количеству класс. Свобода в экономике прежде всего направлена на то, чтобы дать им свободу, меньше налогов, больше способов преумножать свой капитал. Конечно же, позже из-за сильной угрозы изменения строя низшими слоями общества в течении либерализма были добавлены поправки по типу увеличения роли государства, налоги, социальное обеспечение. Но суть осталась та же, просто добавилась некая своеобразная маскировка. Что касается демократии, то она, конечно же, дает свободу слова, ценность личности, прав человека и т. д. Но это в идеале. Также существует проблема реализации личности. Может возникнуть гениальная идея у одного человека, но она будет непонятна большинству. Еще одна из важных проблем заключается в том, что большинство людей все же слишком пассивны, чтобы использовать эту свободу, и для них она скорее дает больше негатива, вроде изоляции и неуверенности, нежели позитива.

В заключении можно отметить, что человек должен быть в безопасности, ведь безопасность относится к одним из важнейших потребностей человека, а если человек полностью свободен, он не будет в безопасности. Необходимо принадлежность к чему-либо, дабы не чувствовать одиночество, а ощущать то самое нужное единство, свою уверенность и полезность для этого мира.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тарских В., студентка 4 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности призваны обеспечивать реализацию экономической политики государства. Однако многие из них не срабатывают или применяются лишь частично. И одна из причин существования данной проблемы – несовершенство и размытость формулировок ряда положений уголовного закона. Уголовное законодательство в отношении экономических преступлений имеет обширную базу, что, с одной стороны, является, несомненно, важным фактором и дает возможность охватывать практически все виды правонарушений в данной сфере. Но, с другой – такая обширность ведет к «размытости» и неправильной трактовке этих норм, поскольку в ряду случаев, чтобы дать точную квалификацию какому-либо правонарушению, надо обратиться к нескольким составам, содержащим признаки одного и того же преступления. Недостаточная правовая урегулированность экономических отношений, а также отсутствие достаточного опыта применения уголовно-правовых норм об ответственности за экономические преступления способствуют правонарушениям и являются своеобразной возможностью обойти наказание за совершенные деяния в экономической сфере.

Экономическая безопасность в государстве во многом зависит от выработанной и реализуемой в конкретных действиях политики борьбы с преступностью в целом. Важно обеспечивать экономико-социальную и криминологическую обоснованность такой политики, проводить ее в рамках закона.

Общепринятого уголовно-правового и криминологического понятия «экономическая преступность» в настоящее время не выработано, несмотря на его широкое использование в научном обороте. Экономические преступления являются частью корыстной преступности, непосредственно связанной с экономическими отношениями в стране и в мире. Существенной особенностью уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере экономической деятельности является их неразрывная связь с экономической политикой государства на том или ином этапе его существования. Поскольку эти отношения не очень устойчивы, из-за постоянного изменения в экономической политике государства менялся и уголовный закон, и, следуя из этого, нельзя сформировать общее понятие экономических преступлений, которое охватывало бы всю экономическую сферу. На наш взгляд, совершенствование

правового регулирования ответственности за экономические преступления – одна из крупных проблем уголовного права, имеющая важное социально-экономическое и политическое значение.

Нормы об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности носят гарантирующий характер, так как обеспечивают наряду с другими нормативными правовыми актами реализацию экономической безопасности государства. Они являются гарантом реализации конституционных прав граждан.

Наиболее значимым в борьбе с экономическими преступлениями направлением является борьба с коррупцией. Проблема противодействия коррупции в силу ее разрушительного и деградирующего воздействия на систему власти, социальные и экономические процессы остается одним из главных направлений государственной политики. Коррупция считается важной общественно-политической проблемой, снижающей темпы экономического роста. Преступления, совершаемые должностными лицами, и особенно с коррупционной направленностью, причиняют существенный вред авторитету государственной власти, препятствует нормальному функционированию органов государственной власти и управления, а также аппарата управления иных органов и организаций, независимо от форм собственности, подрывают доверие граждан к властным структурам.

Законодательство о борьбе с коррупцией основывается на Конституции Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией» и иных актах законодательства Республики Беларусь, а также международных договорах Республики Беларусь. Важным шагом на пути совершенствования борьбы с преступностью и коррупцией для всех государственных органов является принятие в Республике Беларусь Государственной программы по борьбе с преступностью и коррупцией. Борьба с коррупцией как важнейшая государственная задача требует особого и постоянного внимания со стороны государства. К ней должны быть привлечены все основные сегменты гражданского общества. Только совместными усилиями можно добиться положительных результатов.

Что касается борьбы с экономическими преступлениями, то государством проводится ряд действий, таких как: обеспечение политической и экономической стабильности в обществе; формирование правовой базы, необходимой для эффективной борьбы с экономическими преступлениями; совершенствование системы государственных органов, ведущих борьбу с экономическими преступлениями; усиление контроля со стороны государственных органов за деятельностью предприятий, на которых совершается основная масса экономических преступлений, в том числе и за деятельностью их должностных и материально ответственных лиц; усиление профилактической, предупредительной деятельности органами внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями.

Таким образом, уголовный закон содержит более 40 составов преступлений, многие из которых встречаются на практике крайне редко. Поэтому немаловажным является тот факт, что должно выполняться требование уголовного закона о том, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Именно поэтому совершенствование уголовного законодательства должно проводиться в динамике с экономической политикой государства, которая в последнее время характеризуется высокими темпами роста, что значительно улучшит экономическую безопасность государства.

Список использованных источников

1. Волженкин, Б. В. Экономические преступления / Б. В. Волженкин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 1999. – 296 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

ЛИЗИНГ КАК ФОРМА ЗАМЕЩЕНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Федечко Ф., студент юридического факультета Ульяновского государственного университета

Научный руководитель: *А. Ю. Москвичев*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета

Для России лизинговая деятельность является относительно новой. Используя механизмы финансовой аренды, государство может восстановить связи между предприятиями, решить проблемы сбыта продукции в основных отраслях производства. Интенсивное развитие и поддержка государством малого предпринимательства также предполагают наличие как самой лизинговой деятельности, так и адекватного законодательства, регулирующего эти отношения [1, с. 82].

На сегодняшний день мы сталкиваемся с определенными пробелами в гражданском законодательстве, в частности в регулировании отдельных видов гражданско-правовых договоров и отношений, вытекающих из их реализации, поэтому нельзя оставить без внимания и такой довольно распространенный договор, как финансовая аренда (лизинг). В настоящее время существует достаточно серьезная проблема правового регулирования лизинговых отношений, а именно подмена лизингом договора купли-продажи.

Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, использование договора лизинга позволяет предприятию значительно снизить налоговые платежи.

Когда лизинговое имущество учитывается на балансе лизингодателя, затраты на его приобретение формируют для него первоначальную стоимость лизингового имущества и списываются в состав расходов для целей налогообложения посредством амортизации в течение нормативного срока полезного использования лизингового имущества с учетом коэффициента ускорения (ст. 257–259 НК РФ). Если лизинговое имущество учитывается на ба-

лансе лизингополучателя, оно не является для лизингодателя амортизируемым имуществом, так как амортизацию начисляет лизингополучатель. Затраты на приобретение лизингового имущества списываются в состав расходов для целей налогообложения в течение срока договора лизинга пропорционально лизинговым платежам (пп. 10 п. 1 ст. 264, п. 8.1 ст. 272 НК РФ).

Кроме того, когда лизинговое имущество отражается на балансе лизингополучателя, у него появляется два вида расходов: амортизация лизингового имущества, начисляемая с учетом коэффициента ускорения, и лизинговые платежи, учитываемые для целей налогообложения, за вычетом начисленной амортизации (пп. 10 п. 1 ст. 264 НК РФ).

Предоставление имущества в лизинг признается объектом налогообложения по НДС. Суммы НДС, предъявленные лизингодателю поставщиками или уплаченные им при ввозе лизингового имущества, подлежат вычету. В результате образуется задолженность бюджета перед лизингодателем, которую необходимо возратить или зачесть в счет начисления НДС с текущих и будущих лизинговых платежей (ст. 173, 176 НК РФ).

Налог на имущество со стоимости лизингового имущества уплачивается той стороной договора лизинга, на балансе которой оно находится [2, с. 43].

Таким образом, заключая договор лизинга вместо договора купли-продажи, при условии учета имущества на балансе лизингодателя, организация экономит на налоговых платежах. А кроме того, через институт амортизации быстрее восстанавливает затраты, связанные с приобретением предмета лизинга.

Лизинговые платежи полностью уменьшают налогооблагаемую базу по налогу на прибыль без каких-либо ограничений. С лизинговых операций платится и возмещается НДС. При этом задолженность по лизинговому договору не отражается в пассиве баланса в составе заемных средств и не ухудшает его показатели.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о существовании достаточно серьезной проблемы правового регулирования лизинговых отношений, а именно подмены лизингом договора купли-продажи.

Представляется, что решение данной проблемы может быть проведено только:

1) в принятии соответствующих поправок в налоговое законодательство нашей страны, позволяющих устранить так называемые лазейки, дающие возможность при замещении договора купли-продажи договором лизинга уменьшить или же избежать налоговых платежей в пользу государства;

2) в наделении фискальных органов специальными полномочиями. Например, предоставить налоговым органам право обращаться в суд с требованием о признании сделок недействительными и взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам имущества;

3) путем внесения поправок и дополнений в гражданский кодекс РФ, а именно: придать договору лизинга не консенсуальный, а реальный характер, это усилит ответственность лизингодателя за не переданный в срок предмет лизинга. Кроме того, учитывая тот факт, что именно внешняя схожесть между договором финансовой аренды и договором купли-продажи в кредит (особенно если предмет лизинга является собственностью лизингодателя) позволяет предпринимателям и юридическим лицам подменять один договор другим, полагаем вполне разумным введение ограничений на осуществление полномочий лизингодателя – им должен быть либо банк или иная кредитная организация, либо специализированное учреждение – лизинговая компания. Также необходимо разработать специальные нормы, регулирующие правила создания такой компании, ее лицензирование и ответственность;

4) в приведении ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» в соответствие с гражданским кодексом в части закрепления понятия лизинга, а также внесение изменений в ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» путем включения дополнительных статей, регулирующих отдельные виды лизинга, так как в российском законодательстве по существу рассматриваются только два вида договора лизинга: операционный и финансовый, а остальные игнорируются. Таким образом, является немаловажным включение специальных статей, регулирующих правоотношения по таким формам лизинга, как лизинг-помощь, в продажах и возвратный лизинг, либо полностью запрещающих их использование. Эта мера не только позволит снять двусмысленность нашего законодательства, которое в актах налоговых органов запрещает их использование, а в прочих просто игнорируется, но также и избавит субъекты малого предпринимательства от высоких судебных издержек, постоянно возникающих во время проведения проверок с налоговой инспекцией.

В заключение хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, только в совокупности применение всех вышеуказанных нами мер способно дать положительный результат в вопросе пресечения замещения лизингом договора купли-продажи.

Список использованных источников

1. Канцер, Ю. А. Лизинг: проблемы правового регулирования / Ю. А. Канцер // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 1.
2. Сарибекян, В. Л. Правовое регулирование и основы налогообложения / В. Л. Сарибекян // Налоговое планирование. – 2007. – № 3.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Федорчук В., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Важнейшим моментом в защите прав и законных интересов детей, получившим закрепление в законодательстве большинства государств и нашедшим свое отражение в международных конвенциях и международных

договорах, является регулирование института усыновления. В соответствии с п. 1 ст. 2 Гагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29 мая 1993 г. международное усыновление имеет место, если ребенок, постоянно проживающий в одном Договаривающемся государстве (Государстве происхождения), был перемещен, перевозится или должен быть перевезен в другое Договаривающееся государство (Принимающее государство), либо после его усыновления в Государстве происхождения супругами или лицом, постоянно проживающим в Принимающем государстве, либо в целях такого усыновления в Принимающем государстве и в Государстве происхождения.

Главным проблемным вопросом для данного института признается выяснение факта, по каким законам определяются права и обязанности членов семьи. В большинстве государств при решении вопросов усыновления в качестве основной коллизионной привязки преимущественно применяется личный закон усыновителя или усыновляемого. Если говорить о Беларуси, то все вопросы усыновления на территории республики решаются на основе белорусского законодательства, независимо от гражданства усыновителя и усыновляемого. Усыновление на территории Республики Беларусь иностранными гражданами или лицами без гражданства, состоящими в браке с белорусскими гражданами, детей, являющихся белорусскими гражданами, производится в порядке, предусмотренном Кодексом Республики Беларусь о браке и семье для белорусских граждан, если иное не будет предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Если гражданин Республики Беларусь желает усыновить ребенка – гражданина другой страны, ему необходимо получить согласие законного представителя ребенка (его родителей, опекунов, попечителей) и разрешение компетентного органа страны, гражданином которой является ребенок, а также, если это требуется в соответствии с национальным законодательством государства, согласие ребенка на усыновление.

Если же ребенка – гражданина Республики Беларусь, постоянно проживающего в другом государстве, изъявляет желание усыновить иностранный гражданин, для этого требуется получение предварительного разрешения на усыновление республиканского органа государственного управления в порядке, определяемом Правительством Республики Беларусь.

Усыновление на территории Республики Беларусь иностранными гражданами или лицами без гражданства, постоянно проживающими на территории иностранного государства, а также гражданами Республики Беларусь, постоянно проживающими на территории иностранного государства, ребенка, являющегося гражданином Республики Беларусь, производится в соответствии с главой 13 Кодекса о браке и семье с соблюдением порядка усыновления, установленного Правительством Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 393-1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь усыновление производится судом по заявлению желающих усыновить ребенка по месту жительства или нахождения ребенка или по месту жительства усыновителя. В соответствии со ст. 121 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье международное усыновление на территории Республики Беларусь производится по заявлению лиц (лица), желающих усыновить ребенка, областными судами по месту жительства (нахождения) усыновляемого ребенка, а в городе Минске — Минским городским судом.

Следует отметить, что до настоящего времени в КоБС не был обозначен вопрос, касающийся добавления коллизионных норм, которые позволяли бы определять применимое право к правам и обязанностям членов семьи при международном усыновлении. Следовательно, для дальнейшего регулирования данного института было бы рационально внести его в семейное законодательство Республики Беларусь.

Международное усыновление – один из сложнейших институтов в международном частном праве, иностранное усыновление популярно в настоящее время и постепенно набирает свои обороты в Республике Беларусь, что заставляет нас находить новые подходы и способы для его осуществления.

МОДЕЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ (ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ ПРАВА)

Чегоряева П., студентка 3 курса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Первым, кто в России заговорил о разработке, внедрении, развитии историко-сравнительного метода познания права, был Максим Максимович Ковалевский. Профессор М. М. Ковалевский сказал о том, что необходимо различать обычное сравнение, которое именуется сопоставлением, и историко-сравнительный метод. Он считал невозможным объединение данных понятий. Под простым сравнением (сопоставлением), как полагал профессор М. М. Ковалевский, понимается сравнение законодательств двух стран и дальнейшее выделение их различий и сходств. На основании простого сравнения невозможно делать выводы, которые называют научными заключениями. Напротив, историко-сравнительный метод позволяет делать научные заключения. Достоинство сравнительно-исторического метода, согласно профессору М. М. Ковалевскому, заключается в том, что при использовании данного метода «выделившиеся в особую группу сходные у разных народов на сходных ступенях развития обычаи и учреждения давали тем самым материал для построения истории прогрессивного развития форм общности и их нынешнего выражения права» [1, с. 19]. Для решения задач с помощью историко-сравнительного метода рекомендуется осуществлять изучение особенностей, присущих определенному государству: исторических

памятников, обычаев, обрядов, былин, сказок, культуры в целом и т. д. Но при этом не стоит забывать, говорил профессор М. М. Ковалевский, что мы не можем охарактеризовать данный метод как открытие чего-то нового, скорее всего, это в большей степени обобщение, изучение, объяснение уже найденного и существующего.

Историко-сравнительный метод наряду с другими методами познания права целесообразно использовать при решении задачи предстоящей кодификации российского законодательства об исполнительном производстве. Прежде чем приступать к работам по кодификации, необходимо определиться с моделью исполнительного производства, проанализировать их развитие в отделенных государствах. Сравним модель исполнительного производства в Республике Беларусь и модель, которой руководствовался российский законодатель в 1997 и 2007 г., когда утверждал законы об исполнительном производстве.

Россия и Беларусь были единым целым, входившим в состав Советского государства, в котором была принята процессуальная (судебная) модель исполнительного производства. Подтверждение мы можем найти в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1964 г., где положения об исполнительном производстве занимали пятый раздел. Из Кодекса 1964 г. следует, что судебный исполнитель состоит при суде, принудительное исполнение судебных решений регулируется именно нормами Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РСФСР. Этот тезис подтверждает нормативный правовой акт Министерства юстиции СССР от 15 ноября 1985 г. № 22, который называется Инструкцией об исполнительном производстве. Согласно п. 235 Инструкции «на действия судебного исполнителя по исполнению решения могла быть подана жалоба в суд, при котором состоял судебный исполнитель». Руководство деятельностью судебного исполнителя осуществляли суды. Именно суды исполняли свои решения и акты иных юрисдикционных органов. Укажем на п. 35 Инструкции, в котором говорится, что судебный исполнитель не вправе самостоятельно приостанавливать или прекращать исполнение, возвращать исполнительные документы взыскателю и осуществлять иные действия без определения на то суда или судьи. Другими словами, суды отвечали за действия судебных исполнителей.

Все это указывает на то, что советская модель исполнительного производства есть процессуальная (судебная) модель. Полагаем, что суды могли заниматься исполнением собственных решений, поскольку нагрузки на судебные учреждения были не столь большими, как в настоящее время. И самое главное, в Советском государстве не была взята на вооружение теория разделения властей. Между тем принуждение к исполнению есть компетенция не судебной, а исполнительной власти. Если суд совершит ошибку при исполнении, то ошибка будет поставлена в упрек органом правосудия. Не признать ошибки нельзя, нельзя умолчать об ошибке, поскольку это подорвет авторитет судебной власти. Но и признанная ошибка судебную власть дискредитирует, ведь суд знает право и не должен ошибаться при правоприменении. Отсюда следует, что целесообразно поручить исполнение судебных актов специальному органу исполнительной власти и контролировать дисциплину должностных лиц данного органа и соблюдение законности данными должностными лицами на основании жалоб лиц, участвующих в исполнительном производстве в судебных процедурах.

На сегодняшний день в Беларуси сохранилась советская судебная (процессуальная) модель исполнительного производства. Согласно Инструкции по исполнительному производству от 20 декабря 2004 г. № 40, утвержденной Министерством юстиции Республики Беларусь, исполнительные действия совершаются судебными исполнителями, состоящими при соответствующих судах. Если органы исполнительной власти нуждаются в принудительном исполнении собственных решений, они могут создавать собственные аппараты принуждения, а судебные исполнители ориентированы на исполнение актов судебной власти.

Создание различными органами собственных аппаратов принуждения оказывает благоприятное воздействие на систему в целом. Это значительно облегчает работу судебных исполнителей. Из белорусских законов следует, что рассмотрение жалоб на судебных исполнителей производится в специальном (особом) порядке. «Органом, обеспечивающим исполнение судебных решений, является суд, и в этот же суд приносится жалоба на должностное лицо, непосредственно под руководством суда применяющего меры государственного принуждения к должнику» [2, с. 25]. В России избрана административная модель исполнительного производства. Во-первых, административное право регулирует общественные отношения, которые возникают в сфере организации, регулирования, осуществления исполнительной власти. Федеральная служба судебных приставов является федеральным органом исполнительной власти, относится к органам государственной власти и управления, а судебный пристав-исполнитель – должностное лицо исполнительного органа власти. Во-вторых, «ключевой фигурой административной процедуры наряду с взыскателем и должником является специальное должностное лицо – судебный пристав-исполнитель» [2, с. 23]. Отношения между приставом-исполнителем и стороной исполнительного производства (должником, взыскателем) носят явный административный характер. В-третьих, отношения, возникающие в процессе исполнительного производства (пристав-исполнитель – должник, судебный пристав-исполнитель – старший судебный пристав) носят подчинительный характер, характер властеотношений. В-четвертых, жалобы на действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя рассматриваются в общем порядке по правилам административного судопроизводства, в котором рассматриваются жалобы на действия должностных лиц, не обладающих процессуальными полномочиями.

В Союзном государстве России и Беларуси могут функционировать разные модели исполнительного производства, не следует навязывать белорусскому законодателю российскую модель, не следует и России возвращаться к советской процессуальной модели организации принудительного исполнения. Единое Союзное (Евразийское) государство может объединять страны с разными правовыми системами, главное, чтобы решения белорусских судов беспрепятственно признавались и приводились в исполнение на территории России, а решения российских судов признавались и приводились в исполнение на территории Беларуси.

1. Ковалевский, М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права / М. М. Ковалевский. – М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1880. – 72 с.
2. Семенова, С. И. Процессуальная модель принудительного исполнения по белорусскому законодательству / С. И. Семенова, В. Г. Нестолый // Исполнительное право. – 2013. – № 2. – С. 22–26.

К ВОПРОСУ О НЕЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ЧАСТНОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА

Чопиц А., студентка 1 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *О. В. Чередниченко*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В данном исследовании мы рассмотрим проблему незаключения договора найма жилого помещения частного жилищного фонда.

Актуальность данной темы заключается в том, что с 1 марта 2013 г. в силу вступил новый Жилищный кодекс Республики Беларусь. Введение в действие усовершенствованного нормативного правового акта должно было изменить ситуацию, когда жилье снимается нелегально, однако этого не произошло.

Для того чтобы выяснить причину, рассмотрим плюсы и минусы заключения договора как для наймодателя, так и для нанимателя. Для начала отметим, что согласно п. 1 ст. 52 нового Жилищного кодекса договор найма жилого помещения заключается в письменной форме и подлежит государственной регистрации. Несоблюдение данных требований является основанием для признания договора ничтожным.

Рассмотрим плюсы для нанимателя.

Заранее известен срок, в течение которого можно будет жить в снимаемом жилом помещении.

Заранее установлен размер платы за пользование жилым помещением и срок ее внесения, что позволит избежать постоянного ее повышения наймодателем. Указанные условия признаны законодателем существенными условиями договора найма жилого помещения. Кроме этих условий в таком договоре должен быть указан срок внесения платы за жилищно-коммунальные услуги, если в соответствии с договором ее внесение обозначено в качестве обязанности нанимателя.

Можно в любое время, не спрашивая, хочет того наймодатель или нет, расторгнуть договор найма. Причем если в соответствии с Жилищным кодексом 1999 г. наниматель обязан был предупредить наймодателя о намерении расторгнуть договор за три месяца до его расторжения, то новый Жилищный кодекс не устанавливает для нанимателя такой обязанности. Для расторжения договора необходимыми условиями являются два условия: наличие согласия на это проживающих совместно с нанимателем совершеннолетних членов его семьи и предварительное исполнение нанимателем своих обязанностей по договору.

Плюсы для наймодателя.

Можно не бояться возможных сообщений в налоговую инспекцию о факте сдачи жилья внаем и ответственности в связи с незаконным получением доходов.

Официально скрепленные взаимоотношения значительно увеличивают вероятность сохранности имущества, находящегося в квартире, и, безусловно, самой квартиры.

Минусы для нанимателя.

Скорее всего, налог за сдачу жилья придется уплачивать именно нанимателю, так как наймодатель, как правило, определяет цену на сдаваемое жилье и рассчитывает получить наиболее высокую оплату за сдачу жилого помещения, то есть наймодатель по возможности стремится получить как можно больше и, следовательно, зачастую включает в арендную плату и сумму налога.

Минусы для наймодателя.

Учитывая сложившуюся ситуацию на рынке жилья, все плюсы нанимателя могут оказаться минусами для наймодателя, в числе которых невозможность увеличения арендной платы. Сдаваемая квартира в связи с высоким спросом не будет долго простаивать, если наниматель решит расторгнуть договор, а вот из-за постоянного роста цен на жилье невозможность поднять «арендную плату» может доставить нравственные страдания наймодателю.

Высокие налоги могут усложнить сдачу квартиры, так как придется увеличить стоимость арендной платы либо же из более низкой цены выплачивать еще и налог.

Получается, что наниматель и наймодатель имеют прямо противоположные взгляды на процедуру заключения договора.

На сегодняшний день в Республике Беларусь сложилась такая ситуация, что, когда государство повышает налоги на дополнительные доходы, наймодатель все равно не спешит заключать договор, а лишь повышает арендную плату.

На наш взгляд, проблема незаключения договора наймодателя с нанимателем связана с незначительным количеством плюсов для наймодателя, большим минусом, который заключается в уплате налогов, и низким контролем над тем, кто проживает в квартирах со стороны государства.

Следует заметить, что в новом Жилищном кодексе не наблюдается коренных изменений, которые бы позволи-

ли решить рассматриваемую проблему.

Считаем наиболее разумным не увеличивать налоги за найм жилья, а наоборот, делать их ниже, благодаря этому исчезнут сразу две причины незаключения договора: увеличится количество плюсов и уменьшатся минусы заключения договора для наймодателя.

Также следует усилить контроль над тем, кто проживает в той или иной квартире. Возможно поручить такую проверку работникам ЖЭСа, которые были бы обязаны сообщать о малейших правонарушениях в налоговую инспекцию. Еще в начале XX в. А. В. Мольковым отмечалось: «Для того чтобы права жильцов не нарушались ни домохозяевами, кто бы они ни были (государство, муниципалитет, кооператив или частное лицо) и сдатчиками квартир, чтобы не было квартирной спекуляции и т. п., необходимо еще установление должности квартирных инспекторов. Квартирные инспектора должны входить в рассмотрение всех взаимоотношений между квартиронанимателями и домовладельцами, кто бы они ни были (частные лица, общественные учреждения или государство). Они должны следить за справедливым распределением жилищ и за тем, чтобы права одних людей не нарушались другими» [1].

Список использованных источников

1. Мольков, А. В. Жилище и жилищный вопрос / А. Е. Мольков. – М., 1919. – 78 с.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС И СУДОПРОИЗВОДСТВО (ДИАЛОГ С ПРОФЕССОРОМ В. М. ГОРДОНОМ)

Шагун Н., студентка 3 курса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Введение. В литературе отсутствует единая позиция относительно того, какое понятие охватывается термином «гражданский процесс». Известно авторитетное суждение, согласно которому гражданским процессом следует называть отрасль правоведения, являющуюся системой научных знаний о доктрине, концепциях, источниках, законах, процедуре и обрядах гражданского судопроизводства. Поскольку термин «гражданский процесс» вызывает множество научных споров, целесообразно дать гражданским процессуальным кодексам название, идентичное тому, какое имел Устав гражданского судопроизводства 1864 г. [2, с. 134]. Действительно, действующий ГПК РФ 2002 г. знает процедуры, которые трудно именовать гражданскими. К числу таковых относится, например, производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (ст. 261.5–261.8 ГПК РФ). Названным процедурам нельзя предъявлять требований, которые мы предъявляем к процессуальным процедурам. Стандарты данных процедур не являются стандартами гражданского процесса. Судебный представитель совершает ошибку, когда смотрит на публичные производства, форма которых зафиксирована в процессуальном гражданском кодексе, сквозь теоретические познавательные конструкции, предлагаемые наукой гражданского процесса. Не всякое производство, процедура которого установлена ГПК РФ, является процессуальным производством. Публичные производства в общих и специализированных (арбитражных, военных) судах было бы правильнее сосредоточить в отдельном Кодексе административного судопроизводства. В связи с изложенным будет правильным обратиться к суждениям профессора Владимира Михайловича Гордона (1871–1926) о гражданском процессе.

Профессор В. М. Гордон. В начале XX в. В. М. Гордон читает вступительную лекцию «Понятие процесса в науке гражданского судопроизводства» для профессоров и студентов Демидовского юридического лицея. В лекции профессор делает акцент на том, что понятие «процесс» и «производство» не являются тождественными. «Процесс развивается по мере совершения действий процессуального производства. С другой стороны, действиями процессуального производства именуется только те из действий, совершаемых судом и во время суда, в порядке которых развивается процесс» [1, с. 18].

Во-первых, процесс – это ряд действий. Этот ряд не представляет собой какое-то одно действие или несколько, которые, например, необходимы для возбуждения гражданского дела. Процесс – это совокупность действий, которые последовательно осуществляются одно за другим. На какой бы стадии ни был процесс, когда она закончится и начнется другая стадия, это все еще будет один процесс. Процесс как ряд действий отличает такая особенность, как единство, цельность. «Только как единое, цельное явление, процесс может возникать, развиваться, прекращаться» [1, с. 4]. Одно из процессуальных действий не может совершаться вне зависимости от других, необходимых для существования процесса. Например, судебное разбирательство не может быть назначено без подачи искового заявления истцом и без принятия дела к рассмотрению судом.

Ремарка. Строго говоря, предъявление иска в суд само по себе не может рассматриваться как процессуальное действие, поскольку до возбуждения производства по делу никакого процесса не существует. Предъявление иска – повод к совершению судом процессуального действия.

Профессор В. М. Гордон. Во-вторых, процесс – это ряд правоотношений. Правоотношение – это общественные отношения, урегулированные нормами закона. Соответственно, процессуальное отношение имеет определенные элементы в своем составе, то есть субъекты, объект и права, и обязанности субъектов. Что касается процесса как ряда правоотношений, то субъектами в данном случае будут являться истец, ответчик и суд, указывает

В. М. Гордон. Для профессора процессуальные отношения есть трехсторонние правоотношения. «По основной идее суда, как способа беспристрастного разграничения необходимо, кроме двух спорящих сторон, участие и третьего лица, судьи» [1, с. 8]. Судья от лица государства защищает нарушенные права граждан, является субъектом, который непосредственно разрешает спор, является неподкупным, объективным в отношении спора, который он должен разрешить.

Объектом в процессуальном правоотношении является единый предмет спора. То есть на протяжении всего процесса, смены одного действия другим предмет не меняется. «Это единство предмета дает возможность представить всю массу правоотношений как одно цельное правоотношение» [1, с. 5].

Ремарка. Другими словами, в процессе обязательно присутствует какой-то спор сторон в отношении определенного предмета. Таким образом, гражданским процессом является тяжёлое отношение сторон, то есть такое отношение, которое возникает по факту нарушенных прав и интересов, вследствие чего у пострадавшего лица появляется право обратиться в суд за защитой. Элементом любого правоотношения являются возникающие права и обязанности сторон, которые, соответственно, установлены законом, а именно процессуальным кодексом. Например, согласно ч.1 ст. 157 ГПК РФ суд обязан непосредственно исследовать доказательства по делу, то есть заслушать объяснения сторон, показания свидетелей, заключения экспертов и т. д.

Профессор В. М. Гордон. По мнению В.М. Гордона, в процессуальном правоотношении обязанной стороной является только суд, а истец и ответчик являются управомоченными сторонами. «Личная явка на суд не составляет, например, обязанности сторон. Равным образом юридически не обязан тяжущийся вступать в ответ на заявления своего противника» [1, с. 12].

Ремарка. С данной точкой зрения вполне можно согласиться, но если сторона не явилась в судебное разбирательство, то уже никаким образом не сможет опровергнуть позицию другой стороны, и решение будет вынесено точно не в его пользу. Однако закон говорит о наличии обязанностей у лиц, участвующих в деле, в ст. 35 ГПК. Статья 56 ГПК обязывает каждую из сторон доказать обстоятельства, на которые она ссылается. Таким образом, современная наука права точку зрения профессора может подвергнуть сомнению.

Возражения. Суд, рассматривая и разрешая гражданское дело, не обладает правоспособностью. Суд обладает не правами и обязанностями, а процессуальными полномочиями, реализовать которые он может после возбуждения производства по делу. Стороны не несут обязанностей по отношению к суду, но если они не пользуются возможностями, которые им предоставляют суд и законы, то для них наступают неблагоприятные последствия. Ведь суд не может налагать штрафов за неисполнение стороной процессуальных обязанностей. Свидетель, эксперт, специалист, переводчик при неявке в судебное заседание могут быть подвергнуты штрафу (ч. 2 ст. 168 ГПК), а стороны штрафам не подвергаются.

Вывод. Итак, В. М. Гордон считает гражданским процессом лишь гражданское судопроизводство, в котором рассматривается и разрешается спор о праве гражданском. Добавим, что наряду с процессуальным (исковым) гражданским судопроизводством существуют и иные непроцессуальные производства, особые и частные. К числу особых относится, например, производство об установлении факта принятия наследства, к числу частных – производство о возбуждении гражданского дела.

Список использованных источников

1. Гордон, В. М. Понятие процесса в науке гражданского судопроизводства: вступительная лекция. – Ярославль : Тип. Губерн. правления, 1901. – 19 с.
2. Лапин, Б. Н. О проблемах реформирования гражданского судопроизводства в странах Содружества Независимых Государств / Б. Н. Лапин, Н. А. Чечина // Известия вузов. Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 131–145.

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ АВТОНОМИИ ВОЛИ В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шахрай (Ласюк) О., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает применение автономии воли сторон, которая допускает использование права той страны, которую выберут стороны сами. Однако это положение касается лишь договорных обязательств: заключения договора и его применения в части прав и обязанностей.

Законодательством Республики Беларусь прямо не урегулированы положения об использовании в брачно-семейных отношениях, в частности при заключении брачного договора, автономии воли сторон. Однако на практике в настоящее время появилась тенденция к применению данной формулы прикрепления в брачно-семейных отношениях.

Законодательство ряда стран (ч. 2 ст. 161 Семейного кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 146 СК Республики Армения, ч. 2 ст. 200 СК Туркменистана, ч. 2 ст. 168 СК Кыргызской Республики, ч. 2 ст. 172 СК Республики Таджикистан) позволяет применить автономию воли в случае, когда супруги не имеют общего гражданства или общего места жительства. Помимо этого, ст. 59 Закона Украины «О Международном частном праве» говорит, что

стороны брачного договора могут избрать личный закон одного из супругов или право государства, в котором один из них имеет обычное место пребывания.

Нормы Кодекса Республики Беларусь о браке и семье содержат в основном односторонние коллизионные привязки, что, по нашему мнению, требует корректировки: их надлежит как минимум заменить двусторонними формулами прикрепления, что будет способствовать развитию института автономии воли сторон в брачно-семейных отношениях, касающихся брачного договора.

ВЗГЛЯДЫ ПРОФЕССОРА А. Х. ГОЛЬМСТЕНА НА ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА К МАТЕРИАЛЬНОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

Шеметова Ю., студентка 3 курса Иркутского юридического института, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск

Согласно профессору Вадиму Анатольевичу Белову, право на судебную защиту нарушенного или оспариваемого права, право на изменение основания или предмета исковых требований, право на предъявление встречного иска, на заключение мирового соглашения есть частные имущественные права, процесс реализации которых должен считаться сферой гражданско-правового регулирования [1, с. 63–64]. Этот вопрос является одним из сложнейших. Известно, что во Франции научными вопросами общей теории доказательств и судебного доказывания занимаются цивилисты, а специалисты в области процессуального права сосредоточены на прикладных технологических вопросах использования доказательств в судебном процессе, то есть на администрации доказательств [3, с. 19]. В связи с этим обратимся к сочинению профессора Адольфа Христиановича Гольмстена (1848–1920) о соотношении гражданского процесса и материального гражданского права [2, с. 232–242]. Ниже предлагаем вниманию аудитории взгляды профессора А. Х. Гольмстена в их кратком изложении.

Под гражданским судопроизводством принято понимать судебное осуществление норм материального гражданского права, подвергшихся нарушению. Под судебным осуществлением прав подразумевается совокупность действий, которыми создается фактическое состояние соответствующего нарушенного права. То есть это процесс, который состоит из многократных, длящихся, сведенных к единству действий суда, нарушителя, обладателя права. Непосредственное создание при помощи суда фактического состояния, соответствующего содержанию права, не представляется без предъявления иска, без предъявления и оценки доказательств, без опровержения возражений, без постановления решения. Единство этих процессуальных действий заключается в том, что ни одним из них по отдельности право не осуществляется. Осуществление права возможно только при совокупности всех вместе взятых действий. Гражданское судопроизводство, представляющее собой неразрывный ряд действий суда и сторон, имеет своим предметом судебное осуществление нарушенных гражданских прав. Наука гражданского судопроизводства оперирует вопросом осуществления нарушенных гражданских прав. Из этого следует сделать вывод, что данные науки тесно взаимосвязаны. Изначально они представляли собой одно целое, и лишь с течением времени гражданский процесс выделился в самостоятельную науку. Во времена римских юристов не было даже мысли о существовании отдельно науки о правах и отдельно науки об их осуществлении. Это объясняется тем, что в те времена существовала неразрывная связь между правом и процессом, между *jus* и *actio*. Право само по себе не имело значения, оно не могло быть осуществлено судом лишь в силу того, что оно право. При осуществлении важно было знать не то, какое *jus* будет за тобой, а то можно ли будет воспользоваться *actio* и какой именно. Возможность судебного осуществления зависела во многом от соблюдения строгих формальных требований. Когда римское право получило развитие в Западной Европе, где подверглось научной разработке, оно продолжало развиваться все в том же направлении. В XII–XIII вв. предпринимались попытки выделения науки гражданского судопроизводства из рамок гражданского права. И лишь в XIV в. благодаря трудам итальянских ученых гражданский процесс получил статус самостоятельной науки. Несмотря на то что в настоящее время это две самостоятельные науки, между ними существует неразрывная внутренняя связь. Она обусловлена логической связью предметов обеих наук. Предметом гражданского права является право как таковое, предметом гражданского процесса является судебное осуществление права. Взаимодействие наук определяется через взаимодействие предметов. Они оказывают логическое влияние друг на друга. Право влияет на его судебное осуществление, судебное осуществление на право. По мнению профессора А. Х. Гольмстена, при рассмотрении логического влияния судебного осуществления на право следует выделить влияние возможности судебного осуществления и влияние самого осуществления. В свою очередь, возможность судебного осуществления может быть абстрактной и конкретной. Под абстрактной возможностью понимается способность права подлежать принудительному осуществлению, данная возможность изначально заложена в праве. Абстрактная возможность может обратиться в конкретную при наступлении определенного условия. Этим условием является нарушение права. Под конкретной возможностью, в свою очередь, понимается способность права немедленно начать свое судебное осуществление. Логическое влияние абстрактной возможности заключается в том, что право наделяется потенциальной силой вызвать при содействии суда фактическое состояние, соответствующее его содержанию. Благодаря логическому влиянию конкретной возможности право приобретает личное направление к определенному противнику, нарушившему данное право. Что касается логического влияния самого судебного осуществления на право, то оно заключается в том, что право, постепенно приближаясь к последнему акту осуществления, все больше укрепляет свою позицию относительно данного противника. Данное влияние имеет смысл в том случае, если ход осуществ-

ления является успешным. Что же именно может повлиять на укрепление права? Во-первых, в момент предъявления иска право уже становится на более прочную основу. Во-вторых, должны быть предоставлены средства доказывания и средства обессиливания возражений против этого права. В-третьих, окончательное укрепление позиции права происходит благодаря постановлению судебного решения, а именно тому, что в силу решения управомоченное лицо может немедленно вызвать фактическое состояние, соответствующее содержанию этого права. Рассмотрев логическое влияние осуществления права на право, можно сделать вывод, что гражданское право во многом раскрывается благодаря содержанию тех актов, которыми занимается гражданское судопроизводство. При помощи судебного осуществления право приводится в действие, определяется порядок, процедура и форма реализации права. Ранее уже говорилось, что гражданское право и гражданское судопроизводство находятся в логическом взаимодействии, поэтому следует также рассмотреть вопрос о логическом влиянии права на судебное осуществление. На судебное осуществление влияют свойства и качество права. Основным свойством гражданского права А. Х. Гольмстен называет произвольность. Произвольность предполагает, что гражданские права могут быть приобретены и отчуждены по воле их обладателя. Это свойство оказывает довольно решительное влияние на судебное осуществление. Во-первых, предъявление иска зависит лишь только от воли управомоченного лица, никто не может его принудить к осуществлению данного действия. Далее произвольность права отражается и на доказывании, истец сам может выбрать из имеющихся доказательств те, которыми будет оперировать при осуществлении права. На возражениях произвольность также оказывает свое влияние, предъявление возражения и его пределы находятся во власти лица, обладающего правом возражения. Влияние же произвольности на заключительный акт судебного осуществления заключается в том, что непосредственное исполнение судебного решения находится во власти истца, то есть акт суда можно назвать явлением условным, так как никто не может принудить истца требовать исполнения решения.

Список использованных источников

1. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 521 с.
2. Гольмстен, А. Х. Об отношении гражданского судопроизводства к гражданскому праву / А. Х. Гольмстен // Гольмстен, А. Х. Юридические исследования и статьи / А. Х. Гольмстен. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. – Т. 1. – С. 232–242.
3. Медведев, И. Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции / И. Г. Медведев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 407 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Янкина Н., студентка 5 курса юридического факультета Международного университета «МИТСО»;
Научный руководитель: *А. И. Мартынюк*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) говорится, что одной из семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-сирот является опека и попечительство.

В соответствии со ст. 142 КоБС опека и попечительство устанавливаются для воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также для защиты личных неимущественных и имущественных прав и законных интересов этих детей. И, соответственно, для того чтобы опекун, попечитель ребенка мог реализовать свои полномочия за пределами государства, по законодательству которого установлены опека, попечительство, нужно чтобы этот факт признавался за границей.

Международные опека и попечительство над несовершеннолетними согласно ст. 235 КоБС происходят в соответствии с общими требованиями главы 14 КоБС, также с учетом положений глав 4 и 5 Положения о порядке международного усыновления (удочерения) и установления международных опеки, попечительства над детьми, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 января 2007 г. № 122 «О некоторых вопросах усыновления (удочерения), установления опеки, попечительства над детьми» (далее – Положение № 122).

В соответствии со ст. 234 КоБС опека, попечительство над несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь, которые проживают не в Республике Беларусь, устанавливаются в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Опека, попечительство, установленные над несовершеннолетними иностранными гражданами, лицами без гражданства вне пределов Республики Беларусь с соблюдением законодательства соответствующих государств, признаются действительными в Республике Беларусь (ч. 4 ст. 234 КоБС).

В соответствии с нормами международных соглашений Республики Беларусь, когда устанавливаются опека и попечительство, применяется закон гражданства лица, над которым устанавливаются опека, попечительство. Сюда можно отнести: ст. 33 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам СНГ 1993 г., ст. 36 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам СНГ 2002 г., а также статьи двусторонних договоров: ст. 33 Договора с Латвийской Республикой, ст. 35 Договора с Литовской Республикой, ст. 33 Договора с Венгерской Народной Республикой, ст. 33 Договора с Социалистической Республикой Вьетнам, ст. 31 Договора с Чехословацкой Социалистической Республикой, ст. 27 Договора с Республикой Куба, ст. 33 Договора с Республикой Польша [1].

Органы опеки и попечительства обязаны проводить обследования условий жизни своих подопечных, которые проживают за границей, не реже двух раз в год. Но реализация этих функций органами опеки и попечительства

является затруднительной при проживании подопечного за пределами государства.

Важное место занимает вопрос, касающийся наличия оснований для отстранения опекуна, попечителя и привлечения его к ответственности по законодательству Республики Беларусь. Чтобы такого не возникало, нужно назначать опекуном или попечителем несовершеннолетнему гражданину Республики Беларусь лицо, которое постоянно проживает за пределами государства. В виде исключения могут быть те случаи, когда кандидаты в опекуны, попечители ребенка являются его близкими родственниками.

Кроме того, в законодательстве Республики Беларусь возникают трудности при выезде подопечного – несовершеннолетнего гражданина Республики Беларусь на постоянное проживание по месту жительства опекуна, попечителя за границу. Так, в соответствии со ст. 15 Закона Республики Беларусь от 20 сентября 2009 г. № 49-З «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» несовершеннолетние, проживающие в Республике Беларусь и имеющие статус детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, могут выезжать за пределы Республики Беларусь: на учебу на срок более 30 календарных дней с разрешения местного исполнительного и распорядительного органа; для оздоровления, лечения или консультации; на определенный срок по другим основаниям с разрешения управления (отдела) образования местного исполнительного и распорядительного органа.

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы.

1. В международных договорах Республики Беларусь о правовой помощи и правовых отношениях с другими государствами существуют специальные учреждения договаривающихся государств, которые занимаются опекой и попечительством.

2. При назначении опекуном, попечителем несовершеннолетнему гражданину Республики Беларусь лица, который постоянно проживает за пределами страны, государство обязано обеспечивать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Установление опеки или попечительства лицами, которые постоянно проживают за пределами Республики Беларусь, над несовершеннолетними должно осуществляться по общему правилу, если только имеется международный договор с государством страны проживания самого кандидата в опекуны или попечители. Исключением может быть случай, когда кандидаты в опекуны, попечители ребенка являются близкими родственниками этого ребенка. Данное требование очень актуально тем, что существует ряд проблем, которые связаны с контролем за условиями жизни, проживанием, а также воспитанием ребенка, над которым установлены опека, попечительство, если этот ребенок проживает за пределами Республики Беларусь.

3. Также необходимо внести дополнения в законодательство Республики Беларусь, которые регулируют порядок выезда из страны граждан Республики Беларусь, с целью разрешения выезда несовершеннолетнего гражданина Республики Беларусь на постоянное проживание по месту жительства его опекуна (попечителя), который является его близким родственником.

Список использованных источников

1. Короткевич, М. Нормы международных договоров Республики Беларусь об опеке и попечительстве над несовершеннолетними [Электронный ресурс] / М. Короткевич // Международные отношения: история, теория, практика. – 2012. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28420/1/korotkevich_IR_2012.pdf. – Дата доступа: 10.12.2014.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА	3
Абдурахманова Тахмина Джамолиддиновна (<i>Российско-Таджикский (славянский) университет, г. Душанбе</i>) ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ФРАНЧАЙЗИНГА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ.....	3
Вабищевич Светлана Степановна (<i>филиал Российского государственного социального университета в г. Минске</i>) ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОС- ТЕЙ.....	4
Витушко Владимир Александрович (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	6
Гладкая Екатерина Николаевна (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ЗАЩИТА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАК- ТИКИ	14
Исмоилова Зайнура Исрофиловна (<i>Российско-Таджикский (славянский) университет, г. Душанбе</i>) К ВОПРОСУ О ВАЛЮТЕ ПЛАТЕЖА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ..	17
Квяткович Антонина Алексеевна (<i>БИП – Институт правоведения</i>); Минько Наталья Сергеевна (<i>Междуна- родный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ПАРТНЕРСТВО ТАМОЖНИ И БИЗНЕСА: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ.....	19
Конаневич Юрий Григорьевич (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТ: НЕСООТВЕТСТВИЕ ТЕОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И ПРАВОПРИМЕНИ- ТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ	24
Кучура Петр Игоревич (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ..	28
Лисецкий Сергей Константинович (<i>Самарский государственный университет, г. Самара</i>) НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	30
Маньковский Игорь Александрович (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) КОНЦЕПЦИИ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕ- МЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	32
Минько Наталья Сергеевна (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ВЫПОЛНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА.....	35
Можаева Валентина Андреевна, Нестолий Вячеслав Геннадьевич (<i>Иркутский юридический институт, фили- ал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>) ПРОБЛЕМА «ОТМЕНЫ» СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ МИРОВЫМ СОГЛАШЕНИЕМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СУ- ДЕБНОГО АКТА	41
Насиров Хуршед Толибович (<i>Российско-Таджикский (славянский) университет, г. Душанбе</i>) ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СУБСИДИАРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДА- ТЕЛЬСТВУ ТАДЖИКИСТАНА	47
Нусратуллов Бахтовар (<i>Российско-Таджикский (славянский) университет, г. Душанбе</i>) ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРИНЦИПА НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	49
Тагаева Санавбар Назиркуловна (<i>Российско-Таджикский (славянский) университет, г. Душанбе</i>) ПРИНЦИП НАИБОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ПРАВА В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.....	50
РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	53
Кивель Владимир Николаевич (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	53
РАЗДЕЛ III. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА	56
Корнеев Сергей Владимирович (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЙ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ РАБОТУ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, ИСПОЛНЯЮ- ЩЕГО НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЛИ АРЕСТНОГО ДОМА.....	56
Чердниченко Оксана Васильевна (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) УВЕЛИЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТА- ДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	64
РАЗДЕЛ IV. ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ	69
Мельник Наталья Николаевна (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>) ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ	69

РАЗДЕЛ V. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО	73
Костина Елена Николаевна (<i>Международный университет «МИТСО», г. Гомель</i>)	
СОГЛАШЕНИЕ О ДЕТЯХ КАК ИНСТИТУТ СЕМЕЙНОГО ПРАВА.....	73
Антипина Татьяна Николаевна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ФОРМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ	74
Бондаренко Анна Сергеевна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «МЕДИАТИВНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ».....	75
Букина Ольга Владимировна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ	78
Волошина Вера Петровна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СПОРА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАЦИИ.....	79
Жижко Лев Сергеевич (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
К ВОПРОСУ О МЕСТЕ МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА.....	81
Игумнова Вера Евгеньевна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ОКАЗЫВАЮЩЕЙ МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ.....	82
Ипатов Александр Александрович (<i>Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск</i>)	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОПЕРАТОРА МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ	83
Кацкель Евгений Владимирович (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	85
Корниенко Елена Николаевна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ В ПРИЕМНЫХ СЕМЬЯХ.....	86
Лобанова Мария Сергеевна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ: КРИТИКА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПОСРЕДНИКА (ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ)».....	87
Луковникова Елена Георгиевна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К МЕДИАТОРУ	89
Минов Олег Павлович (<i>Международный университет «МИТСО», г. Гомель</i>)	
ВЕНЧУРНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В МАЛОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ	90
Парфёнова Ирина Станиславовна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ С ПОЗИЦИИ МЕДИАЦИИ.....	92
Подзина Альбина Леонидовна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПРЕДПОСЫЛКИ МЕДИАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ДЕТЯХ	94
Родионова Светлана Ивановна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАЯВКИ НА УЧАСТИЕ В ЛЕСНОМ АУКЦИОНЕ	95
Сенчукова Ирина Александровна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
СООТНОШЕНИЕ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ И МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ.....	97
Сокольникова Юлия Сергеевна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ РАЗНОГЛАСИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ АКЦИОНЕРНОГО СОГЛАШЕНИЯ.....	98
Федоляк Екатерина Игоревна (<i>Международный университет «МИТСО», г. Гомель</i>)	
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	99

Темерева Юлиана Владимировна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ И ПРИНЯТИИ ЗАКОНОПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ).....	101
Хвостенко Анастасия Николаевна (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
АНАЛИЗ СТАТИСТИКИ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН ПРЕКРАЩЕНИЯ БРАКА И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ	102
Чиров Алексей Сергеевич (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ РЕШЕНИЯ СОБРАНИЯ	104
РАЗДЕЛ VI. СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	106
Абсолямова М. (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ПРОФЕССОР Е. А. НЕФЕДЬЕВ О ЗАДАЧАХ И ЭЛЕМЕНТАХ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА XIX ВЕКА.....	106
Андрукович М. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	107
Бабук Е. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ МЕР ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ИНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЗАКОННОСТИ.....	108
Белая Ю. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕ.....	110
Белявский А., Вабищевич С.С. (<i>филиал Российского государственного социального университета в г. Минске</i>)	
СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	111
Бондарчук А. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРОКУРАТУРА В РЕСПУБЛИКЕ ИТАЛИЯ.....	113
Бохан В. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХОЛДИНГОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	114
Бурачевская А. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ЗАЩИТА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ.....	116
Бурдей А., Гулюк Т. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	117
Бурко М. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	118
Бурнос А. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ	120
Весельская К. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРОКУРАТУРА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.....	120
Голодушко Н. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ВОД.....	122
Гринько О. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ФРАНЦИИ	123
Гудиленко Н. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРОБЛЕМАТИКА ОБЫЧАЕВ И ОБЫКНОВЕНИЙ КАК ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА	125
Данилюк Е. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЗА НЕУПЛАТУ НАЛОГОВ.....	126
Дегтярёв В. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ.....	127
Дулуб А. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ СЕРВИТУТОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	128
Дулуб А. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПОМОЩЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	130

Евдокимова К. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АБОРТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	131
Ефимов И. (Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск) ПРОЦЕСС КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОФЕССОРА Н. Н. РОЗИНА.....	132
Жизневская А. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ И КРИМИНОЛОГИИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ.....	134
Жмуркевич К. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ВСТРЕЧНЫЙ ИСК И ВОЗРАЖЕНИЕ ПРОТИВ ИСКА ПО ДОГОВОРУ ПОСТАВКИ.....	135
Жук А. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	137
Золотарь И. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ ОТСЫЛКИ ПРИ ПРОТИВОРЕЧИИ НОРМ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА КОЛЛИЗИОННЫМ УСЛОВИЯМ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА.....	138
Кейзер М. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	139
Кисель С. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ.....	140
Ковальский С. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ТЕМА СВОБОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ФРОММА.....	142
Колокуцкий А. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	143
Крылович А. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) РОЛЬ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	145
Ларченкова М. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МОНОПОЛИИ АДВОКАТОВ, ИЛИ МОЖЕТ ЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ БЫТЬ СУДЕБНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ?.....	146
Лючек О. студентка ПРОБЛЕМАТИКА УСТАНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	147
Макатович К. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) РОЗНИЧНАЯ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	148
Мальчевская А. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖИВОТНОГО МИРА.....	150
Михайловская М. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА В РАМКАХ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	151
Николаеня И. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) МЕСТО ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН.....	153
Николаеня И. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНЫХ СПОСОБОВ СОКРЫТИЯ БАНКРОТСТВА.....	154
Пригодина В. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ОСОБЕННОСТИ АРЕНДНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	156
Семеняго А. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА.....	158
Сирисько С. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ СРЕДСТВ, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: УСЛОВИЯ ЕЕ НАСТУПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ.....	159
Скоринко Д. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ).....	161
Солодкая Е. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	162
Стерлигов В. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) СВОБОДА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ФРОММА.....	164
Тарских В. (Международный университет «МИТСО», г. Минск) К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	165
Федечко Ф. (Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск) ЛИЗИНГ КАК ФОРМА ЗАМЕЩЕНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ.....	166

Федорчук В. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	167
Чегоряева П. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
МОДЕЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ (ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ ПРАВА)	168
Чопчиц А. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
К ВОПРОСУ О НЕЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ЧАСТНОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА	170
Шагун Н. (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС И СУДОПРОИЗВОДСТВО (Диалог с профессором В. М. Гордоном)...	171
Шахрай (Ласюк) О. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ АВТОНОМИИ ВОЛИ В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	172
Шеметова Ю. (<i>Иркутский юридический институт, филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск</i>)	
ВЗГЛЯДЫ ПРОФЕССОРА А. Х. ГОЛЬМСТЕНА НА ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА К МАТЕРИАЛЬНОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ	173
Янкина Н. (<i>Международный университет «МИТСО», г. Минск</i>)	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	174